

Pax
Britannica

**Т. Л. ЛАБУТИНА
Д. В. ИЛЬИН**

**АНГЛИЙСКОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ**
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

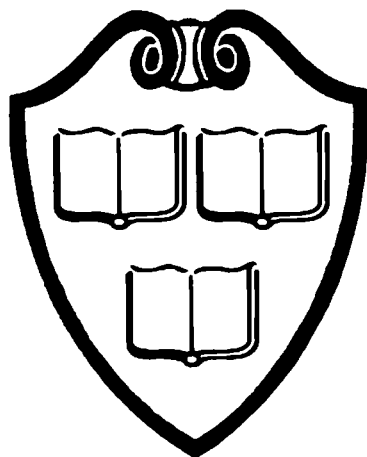
**Т. Л. Лабутина
Д. В. Ильин**

**АНГЛИЙСКОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ:
общественно-политическая
и педагогическая мысль**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2012

Рар Britannica

Редколлегия серии «Рар Britannica»:

*М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева,
Т. Л. Лабутина, М. В. Муха, Л. П. Репина,
Л. П. Сергеева, С. Е. Федоров, А. А. Чамеев*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Tatyana Labutina
Dmitry Ilyin

THE ENGLISH
ENLIGHTENMENT:
Social, Political
and Pedagogical Thought

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2012

УДК 94(410)"17"
ББК 63.3(4Вел)5
Л 128

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С. Е. Федоров*
доктор исторических наук *А. И. Минаев*

Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.

Л128 Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. — СПб.: Алетейя, 2012. —304 с. — (Рах Britannica).

ISBN 978-5-91419-659-9

Книга посвящена изучению общественно-политических и дидактических взглядов видных деятелей английского Просвещения XVIII века: Дж. Локка, Д. Юма, Д. Дефо, Дж. Свифта, Р. Стиля, Дж. Аддисона, лорда Болингброка, маркиза Галифакса, У. Годвина, Б. Мандевилля, Дж. Пристли, Э. Берка, А. Юнга, А. Фергюсона, Ф. Честерфилда и др. Разработанные ими теории «общественного договора», «разделения и равновесия ветвей власти», «сопротивления тирании», политической оппозиции и двухпартийной системы правления, гражданских свобод слова и совести легли в основу концепций современной модели либеральной демократии и правового государства. На основе оригинальных источников, многие из которых введены в оборот в отечественной науке впервые, освещаются события, в которых участвовали просветители, представлены их исторические портреты, показывается, как деятели Просвещения боролись с негативными явлениями (коррупция высокопоставленных чиновников и парламентариев, их некомпетентность и злоупотребление служебным положением, несовершенство избирательной системы и др.), а также, какие реформы для этой цели они предлагали. Особое внимание уделяется взглядам просветителей на образование подрастающего поколения.

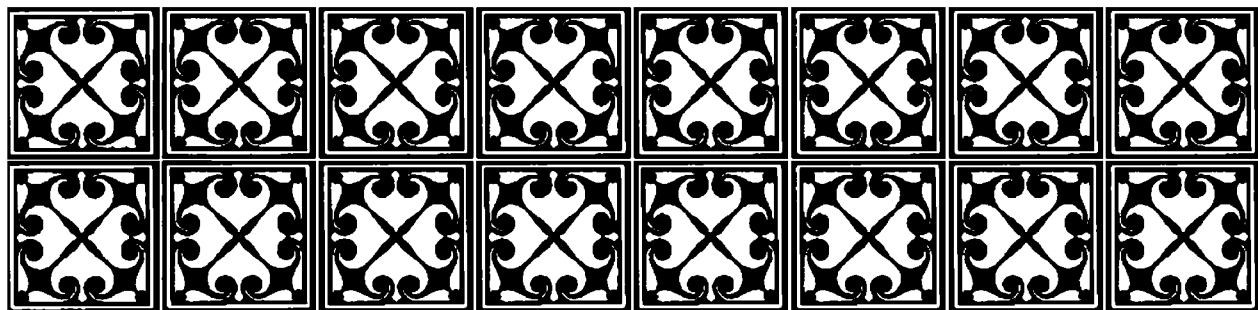
Для историков, филологов, культурологов, педагогов, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся историей Великобритании в эпоху Просвещения.

УДК 94(410)"17"
ББК 63.3(4Вел)5

ISBN 978-5-91419-659-9

© Т. Л. Лабутина, Д. В. Ильин, 2012
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

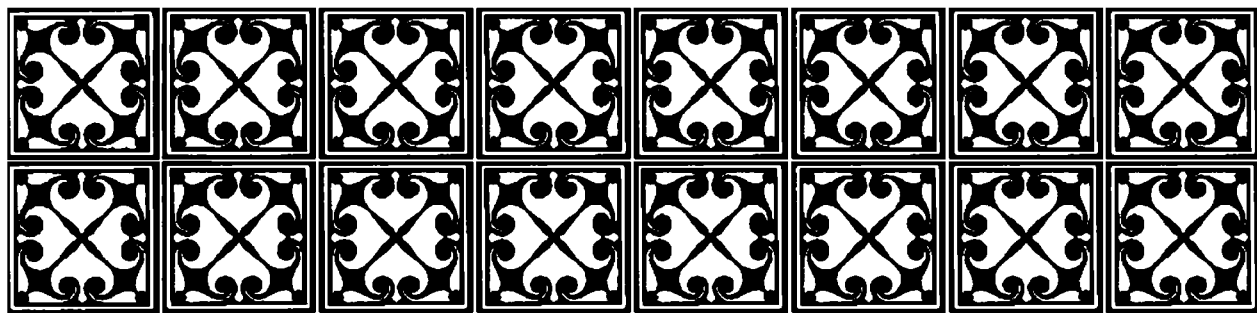
От авторов

Идейное движение в переходную от феодализма к капитализму эпоху, связанное, прежде всего, с борьбой буржуазии против феодализма, вошло в историю XVIII века под названием «Просвещение». Впервые просветительские идеи зародились в Англии в последние десятилетия XVII века. Опираясь на идейное наследие мыслителей Ренессанса и деятелей Английской буржуазной революции середины XVII в., ранние просветители выработали идеологическую платформу, включавшую в себя ряд теорий («общественный договор», «разделение и равновесие ветвей власти», сопротивление тирании, политическая оппозиция и двухпартийная система правления, защита гражданских и личностных свобод и др.). Дело ранних просветителей было продолжено и обогащено трудами их последователей во второй половине XVIII века. Выработанные теории и концепции английских просветителей вскоре были перенесены на европейский и американский континенты, сделались универсальными для стран, где готовились или совершались буржуазные революции. Просветительские идеи, по сути, оформились в идеологию буржуазии, а затем легли в основу либеральной модели демократии. Как известно, подобная форма правления существует и поныне не только в Великобритании, но и в ряде других государств (США, Франция, Италия, Германия и др.). В этой связи творческое наследие просветителей представляет бесспорный научный интерес для современников. Многие теории и концепции, выдвинутые просветителями, привлекают внимание также наших сограждан. Естественнo-правовая теория, демократические свободы, осуждение деспотических форм правления — все эти концепции не потеряли своей актуальности для российского государства, в котором предпринимаются попытки создания гражданского общества и правового государства. Особый интерес представляют теории создания двухпартийной системы и партийно-парламентской оппозиции, а также меры, направленные на борьбу с коррупцией, поднятые деятелями английского Просвещения в их многочисленных трудах.

Необходимость обращения к изучению общественно-политической мысли Англии XVIII века обусловлена не только актуальностью проблемы, но и ее недостаточной изученностью в зарубежной и отечественной историографии. Несмотря на солидный объем исследовательской литературы по истории Просвещения, комплексный труд, посвященный идейно-политическим и дидактическим взглядам английских просветителей, отсутствует. Чаще всего ученые обращаются к творчеству отдельных деятелей эпохи: философов (Дж. Локк, Дж. Толанд, граф Шефтсбери, Д. Юм), литераторов (Д. Дефо, Дж. Свифт, У. Годвин, Дж. Пристли, Б. Мандевиль), журналистов (Р. Стиль, Дж. Аддисон, А. Юнг), ученых (И. Ньютон), государственных деятелей (маркиз Галифакс, У. Темпл, Э. Берк, Ф. Честерфилд). Обобщающих работ по-прежнему нет. С подобной проблемой столкнемся также, обратившись к отечественной историографии. Занимаясь на протяжении ряда лет исследованием общественно-политической мысли английского Просвещения, как в период его формирования (Т. Л. Лабутина), так и в последующие периоды (Д. В. Ильин), авторы решили объединить свои усилия и представить на суд читателей обобщающий труд по указанной проблеме.

Свою книгу авторы посвящают друзьям и коллегам-историкам из университетов Владимира, Волгограда, Вологды, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Нижневартовска, Петрозаводска, Рязани, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ярославля, в которых в виде докладов на конференциях, а также спецкурсов для студентов апробировались основные положения нашей совместной монографии.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, восемнадцатый век вошел в историю мировой цивилизации под названием Века Просвещения. Хронологически заключенный между буржуазными революциями в Англии (1688–1689 гг.) и Франции (1789–1794 гг.) данный период был ознаменован «становлением, расцветом и кризисом того комплекса идей, общественных настроений, форм исторического поведения и культурных предпочтений, которые вошли в память человечества под именем просветительских»¹. Идеологическая платформа Просвещения как идейного движения в переходную от феодализма к капитализму эпоху включала в себя теории «естественного права», «общественного договора», «разделения и равновесия» контролирующих друг друга властей, «сопротивления тирании», а также защиты частной собственности, гражданских и личностных свобод. Особую ценность в идеологии Просвещения представляли гуманистические идеи. Просветители превозносили веру в человека, в непобедимую силу его разума, настаивали на необходимости распространения знаний, образованности и культуры среди людей, стремились к формированию у них высоких моральных качеств, добиваясь уважения к личности человека. Неудивительно, что подобные идеи и теории оказались притягательными для многих представителей нового, прогрессивного класса буржуазии в ряде стран. Зародившись на Британских островах, эти идеи очень скоро стали известны и востребованы не только на европейском континенте — во Франции, Германии, Италии, России, но и в Америке. Просвещение в XVIII веке приобрело статус международной культуры.

Время возникновения просветительских идей в Англии приходится на последние десятилетия XVII века. В отличие от аналогичных движений в странах Западной Европы английское Просвещение не предшествовало буржуазной революции, а напротив, являлось ее плодом и результатом. Революционные изменения в экономике, политике,

---

¹ История Европы. М., 1994. Т. 4. С. 298.

идеологии, свершившиеся под влиянием и в результате Английской буржуазной революции середины 40-х годов XVII в., оказались необратимыми. В стране продолжался бурный рост развития капитализма. Значительный прогресс в области научных знаний, освоение которых требовало развитие материального производства, торговли и мореплавания, во многом предвещал появление просветительских идей в Англии. Научно-технический прогресс, достигнутый в немалой степени благодаря открытиям ученых Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона, Б. Спинозы, способствовал освобождению науки от духовного влияния религии и, в свою очередь, оказывал воздействие на процесс формирования просветительской идеологии. Существенные изменения претерпели и философские воззрения, начавшие формироваться в соответствии с наукой того времени. Именно сближение науки с философией и послужило, по признанию Ф. Энгельса, толчком для возникновения просветительских идей в Англии¹.

Значительное влияние на оформление просветительского движения в стране оказали достигнутые изменения в ее политическом устройстве. Результаты почти полувековой борьбы парламента с королем за власть, начавшейся в период революции середины XVII в., были закреплены законодательством Славной революции 1688–1689 гг. В результате этих событий в стране установилась та форма государственного правления — конституционная монархия, которая и поныне благополучно существует в Великобритании. Однако и после Славной революции в Англии не утихала политическая борьба. Теперь она развернулась между двумя партиями — тори и вигами. По своей сути эта борьба сводилась к политическому и экономическому соперничеству между носителями двух видов буржуазной собственности — земельной и денежной, за преобладающее влияние при дворе, в парламенте и правительстве и тем самым привилегированное положение каждой из них. Партия вигов защищала интересы «денежных людей» — представителей промышленного и торгово-финансового капитала, тори отстаивали интересы землевладельцев. И потому те просветители, которые по своему социальному происхождению или социально-имущественному положению принадлежали к классу землевладельцев, выступали в защиту партии тори, а те, кто являлся выразителем интересов «денежных людей», примкнули к партии вигов.

Наиболее ожесточенная борьба между партиями по различным вопросам внутренней и внешней политики правительства разыгралась в период правления последних представителей династии Стюартов — Вильгельма III Оранского (1689–1702 гг.) и королевы Анны (1702–1714 гг.). В эту борьбу, как в водоворот, вовлекались не только

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 608.

политики, члены парламента, государственные деятели, но и писатели, журналисты, памфлетисты, ученые. Взгляды многих из них на политику, экономику, мораль, образование и т. д. не являлись плодом их литературных вымыслов или досужих кабинетных рассуждений, но вытекали из практической политики тех классов буржуазного общества, представителями которых все они являлись.

Важное место в воззрениях ранних просветителей занимали их морально-этические взгляды, уходившие своими корнями в эпоху Возрождения. Этот факт признавали нередко и сами просветители, сделавшиеся преемниками гуманистических идеалов Ренессанса, унаследовавшие от деятелей той эпохи и преклонение перед античностью, и исторический оптимизм, и свободомыслие. И те, и другие производили переоценку прежних ценностей, ставили под сомнение отжившие феодально-церковные догмы, традиции, авторитеты. Однако просветительская критика феодализма была острее и глубже, нежели у их предшественников, поскольку затрагивала структуру общества и государства в целом. Осуждение внутренней и внешней политики буржуазного правительства, колониальных завоеваний и захватнических войн, деспотизма в правлении и коррупции в обществе, с одной стороны, и призывы к борьбе с любой формой тирании, к достижению гражданских свобод слова, печати и совести, с другой — все это становилось целями борьбы первых просветителей. Их не оставляли равнодушными и общечеловеческие, гуманистические, вечные для всех времен и народов категории добра, справедливости, счастья, мира. Они призывали к борьбе за достижение гармонии в обществе посредством распространения знаний, просвещения, культуры среди своих сограждан. И никакие преследования властей не могли отвратить наших героев от борьбы за эти благородные идеалы Просвещения, которые они словом и пером отстаивали на протяжении всей своей жизни.

В какой мере избранная тема исследования нашла свое освещение в зарубежной и отечественной литературе?

Поскольку авторы в своих работах подробно анализировали изучение темы в зарубежной и отечественной историографии¹, остановимся лишь на основных моментах. Знакомство с многочисленными трудами ученых, обращавшихся к жизни и творчеству просветителей Англии, убеждает, что предметом их исследований чаще всего становились биографии, либо литературное творчество деятелей просветитель-

¹ См.: *Лабутина Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994. С. 7–19; *Ильин Д. В.* Общественно-политическая мысль английского Просвещения второй половины XVIII века. Канд. дис. М., 2010 г. С. 10–33.

ского движения. Пожалуй, можно указать немного работ историков, которые предприняли попытки осветить взгляды отдельных просветителей на политику, экономику, религию и т. д. Речь идет о монографии британского ученого Л. Стивена «История английской мысли в восемнадцатом веке», сборнике статей американских ученых «Социальные и политические идеи некоторых английских мыслителей Августинского века», работе французского исследователя Ж. Беранже «Литераторы и политика в Англии от революции 1688 года до смерти Георга I» и некоторых других¹. Отличительной особенностью данных исследований является также то, что они посвящены анализу творчества не одного, а нескольких представителей английского Просвещения, что позволяет сделать необходимые сравнения их взглядов.

Отечественные историки, внесшие весомый вклад в изучение европейского, прежде всего французского и русского просветительского движения, английское Просвещение долгое время оставляли за пределами своего внимания. Лишь в 70–80-е годы XX столетия стали появляться работы, которые в значительной мере подготовили почву для более детального знакомства с историей политической мысли Просвещения. Среди них: кандидатские диссертации В. Е. Сатышева, А. И. Петиновой, статьи М. А. Барга, Е. А. Добровой, монографии Е. Б. Рубинштейн и С. Б. Семенова². Отличительной особенностью указанных работ является то, что в них взгляды просветителей рассматриваются в тесной связи с той политической борьбой, в которой они принимали активное участие. Важное значение для изучения проблемы имеют коллективные труды под редакцией профессора МГУ Н. М. Мещеряковой «Просветительское движение в Англии» и «Общественно-политическая мысль европейского Просвещения». В них наряду со статьями А. И. Петиновой, К. В. Кованова, Е. Б. Ру-

---

¹ *Stephen L.* History of English Thought in the Eighteenth Century, Vol. 1–2. L., 1902; *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age*. New York, 1950; *Beranger J.* Les Hommes de Lettres et la Politique en Angleterre de la Revolution de 1688 a la Mort de George 1. Bordeaux, 1968.; *The Enlightenment in National Context*. Cambridge, 1981.

² *Сатышев В. Е.* Политические взгляды Джона Локка. Канд. дис. М., 1967; *Петинова А. И.* Общественная мысль раннего английского Просвещения: Шефтсбери. Канд. дис. М., 1989; *Барг М. А.* Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // *Болингброк*. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978; *Доброва Е. А.* Теория разделения властей в Англии эпохи Просвещения // *Вопросы истории*. М., 1981, № 4; *Рубинштейн Е. Б.* Общественно-политические взгляды лорда Болингброка. Кустанай, 1995; *Семенов С. Б.* Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1993; он же. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

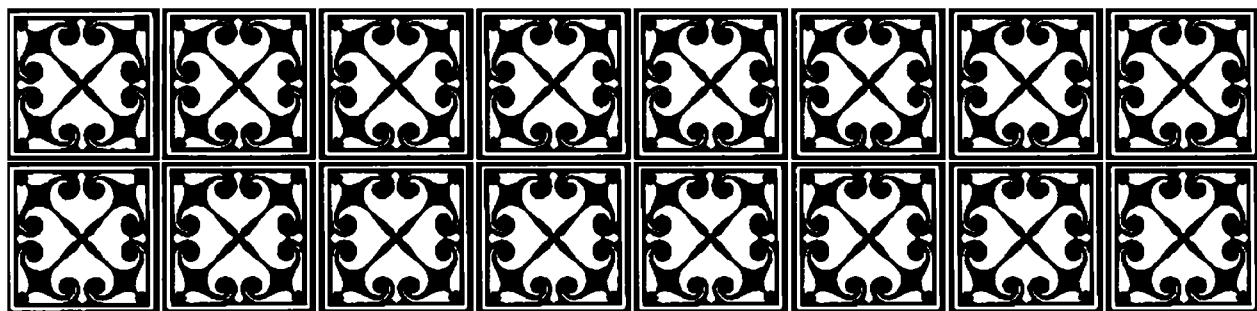
бинштейн, Л. Г. Мясниковой, Е. А. Макаровой, посвященных творчеству отдельных просветителей (Шефтсбери, Дж. Толанд, Б. Мандевиль, Болингброк, Г. Филдинг, А. Юнг, Дж Пристли, У. Годвин), помещены статьи Мещеряковой, в которых предпринимаются попытки выявить общие и особенные черты просветительского движения на английской почве¹.

Таким образом, можно констатировать, что в современной отечественной и зарубежной историографии по-прежнему особое внимание уделяется изучению произведений отдельных просветителей. Обобщающего труда по проблеме общественно-политической и педагогической мысли Англии в эпоху Просвещения еще не было, а потому возможности изучения идеологии английской буржуазии в XVIII веке далеко не исчерпаны. Какие идеи просветителей становились основополагающими в борьбе «денежных» и «земельных» интересов, как идейные течения в просветительском движении влияли на характер этой борьбы, каким образом идеалы просветителей, воплощавшие квинтэссенцию их морально-этических воззрений, реализовывались в жизни, какие изменения претерпели взгляды просветителей во второй половине века — эти и многие другие вопросы интересовали нас при изучении общественно-политической и педагогической мысли английского Просвещения.

Источниками для предпринятого исследования послужили преимущественно труды известных просветителей Дж. Локка, Д. Дефо, Дж Свифта, Болингброка, Галифакса, Дж. Сомерса, Дж. Аддисона, Р. Стиля, У. Темпля, Б. Мандевилья, Д. Юма, Дж. Пристли, А. Фергюсона, Э. Берка, У. Годвина, Ф. Честерфилда, А. Юнга. Отметим, что ряд используемых в работе материалов вводится в научный оборот в отечественной науке впервые.

---

¹ Просветительское движение в Англии. Под ред. Н. М. Мещеряковой. М., 1991; Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002.

ЧАСТЬ I

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

ГЛАВА 1

Англия в эпоху раннего Просвещения

Англия на рубеже XVII–XVIII веков представляла собой, на взгляд британских ученых, процветающую державу. Как утверждал Дж. Тревелльян, век королевы Анны явился «прелюдией к долгому периоду довольства»¹. Экономика страны была на подъеме. Хотя Англия и продолжала оставаться по преимуществу аграрной (четыре пятых всех ее жителей проживало на доходы от земли), однако рост торговли и расширение промышленного производства оказывали решающее влияние на развитие всей экономики. По замечанию историка М. Джордж, начало XVIII века было «процветающим временем»². Закон 1685 г. о поощрительных правительственных премиях за экспорт зерна в значительной мере стимулировал его производство. Дешевое зерно в большей степени облегчало существование беднейших слоев населения, для которых хлеб оставался основным источником питания. Вероятно, поэтому Джордж назвала это время «золотым веком сельского работника»³.

Провинция, конечно же, разительно контрастировала по сравнению с городом. Дороги хотя и улучшались, но еще были плохи и зимой кое-где становились практически непроходимыми для экипажей и повозок. И все же деревня, бывшая некогда замкнутым натуральным

---

¹ Тревелльян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. С. 312.

² George M. D. England in Transition. Life and Work in the Eighteenth Century. Baltimore, 1962. P. 17.

³ Ibidem.

хозяйством, претерпела разительные перемены. Сельское население прочно связало свою судьбу с поставками провизии в города. Уровень жизни сельского населения заметно возрос, что отразилось на социальном облике деревни и условиях жизни ее обитателей. «Убожество средневековой деревни уже давно уступило место благородной простоте и комфорту сельского среднего класса, — отмечал Тревельян. — В царствование Анны фермеры всюду расширяли свои дома или строили новые: каменные, кирпичные или полудеревянные, в зависимости от местных традиций и местных материалов»¹.

Важную роль в экономике страны начала играть промышленность. Наряду с традиционными ее отраслями (угольная, металлообрабатывающая, текстильная) появились новые (хлопчатобумажное и полотняное производство). Лидирующее место по-прежнему занимали шерстяные мануфактуры, которые приносили в бюджет страны пятую часть национального дохода². Ведущей статьёй дохода являлось сукноделие. Стремление сохранить открытыми мировые рынки для английского сукна послужило одной из причин вступления Англии в войну за Испанское наследство (1702–1713). Шерстяные и полотняные мануфактуры были широко распространены по стране. Хотя в промышленном производстве по-прежнему доминировала «домашняя система» («domestic system»), одновременно создавались крупные предприятия. В ряде городов возникали фабрики по производству шелка, трикотажа, полотна. Промышленность Англии все больше приобретала капиталистический характер.

Правление последних Стюартов (Вильгельма Оранского и королевы Анны) ознаменовалось также небывалым расцветом торговли. Особенно успешной была заморская торговля. Английские купцы занимали лидирующее место в мировой торговле. Один лондонский порт ежегодно приносил доход в бюджет страны в пять млн. фунтов стерлингов³. Большое значение для экономики страны имело основание в 1694 г. государственного банка, который во многом позволил субсидировать военные расходы правительства.

Особую роль в торговле, промышленности и банковском деле играл в ту пору главный город Англии. Из 5,5 млн. жителей 674 тыс. проживало в Лондоне⁴. Столица с ее улицами, заполненными шумными толпами людей, ярко освещенными витринами магазинов, нарядными экипажами разительно контрастировала с провинцией. Она приводила

¹ Тревельян Дж. Указ. соч. С. 320.

² Walker J. British Economic and Social History. 1700–1977. Ester, Plymouth, 1979. P. 16.

³ Adams D. P. Tudors and Stuarts. 1485–1714. L., 1962. P. 264.

⁴ George M. Op. cit. P. 30.

в изумление всех, кто наезжал сюда за покупками или ради развлечений. Помимо всего прочего, Лондон являлся также центром литературной, интеллектуальной жизни, моды, закона и управления. «Умы лондонцев развивались не только благодаря развитию национальной и мировой торговли, — подчеркивал Тревельян, — но и благодаря ежедневному соприкосновению с юристами и политиками Вестминстера и со знатью и светскими людьми Сент-Джеймского дворца». В то же время Лондон представлял собой город контрастов. Низшие слои населения: докеры, грузчики, чернорабочие, обслуживающие нужды порта и большого рынка, жили в страшной скученности, в антисанитарных условиях, «без всякого полицейского и врачебного надзора и вне пределов досягаемости филантропии, просвещения и религии»¹. Неудивительно, что смертность среди этих людей была ужасающей.

Быстрый рост капиталистических отношений в стране, явившийся прямым следствием Английской революции середины XVII века, создал благоприятную почву для усиления нового класса — торгово-финансовой буржуазии. Однако воспользоваться плодами этой революции буржуазия смогла, лишь добившись соответствующего политического устройства, которое было достигнуто в результате Славной революции 1688–1689 гг.

В ту пору царствующий с 1685 г. король Яков II Стюарт своей прокатолической и деспотической политикой вызвал недовольство и возмущение со стороны буржуазии и нового дворянства. Он значительно увеличил численность армии, стал назначать на высшие должности католиков, вмешивался в ход избирательных компаний с тем, чтобы обеспечить лояльный к себе парламент. Особенно возмущала англичан откровенная приверженность Якова к католической религии, ненавистной для большинства англиканцев. «Меры, предпринимаемые королем Яковом II для изменения религии страны, возбуждали новое рвение в умах людей; они крепче держались за то, что... боялись потерять», — свидетельствовал известный экономист и памфлетист XVII века Ч. Дэвнент. — «Придворные готовы были скорее отказаться от своих должностей, чем причинить какой-нибудь ущерб англиканской церкви. Распущенность, имевшая место во флоте и армии, не поколебала наших моряков и солдат в их принципах. Они все держались стойко. Духовенство проявило готовность умереть вместе со своей паствой, .. церкви были везде переполнены, а перспектива гонения, хотя бы и весьма отдаленная, порождала благочестие»². Когда же в июне 1688 г. у короля родился наследник

¹ Тревельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 360–361.

² Цит. по: Тревельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 352–353.

принц Уэльский, и всем стало ясно, что правление католиков в династии Стюартов будет продолжено, представители соперничавших партий тори и вигов объединились в своем стремлении предотвратить угрозу тиранического режима в стране. Тут же зятю Якова II — штат-гальтеру Голландской республики Вильгельму III Оранскому было направлено послание, в котором содержалось приглашение прибыть в Англию с войском и вместе с супругой Марией (старшей дочерью Якова II) занять королевский престол. Вильгельм охотно принял предложение, в короткий срок собрал двенадцатитысячную армию, с которой в начале ноября высадился в юго-западной гавани Торби. Отсюда он начал свой поход на Лондон.

Хотя Яков II располагал значительными военными силами, но в сражение с Вильгельмом не вступал, понимая, что победы ему не одержать: настроение собственной армии и народных низов, недовольных королевской политикой, были ему хорошо известны. В результате Вильгельм Оранский на своем пути к столице почти не встретил никакого сопротивления. А вскоре на его сторону перешли министры, члены королевской семьи, в том числе его свояченица, младшая дочь Якова принцесса Анна, а также сам главнокомандующий королевской армией — сэр Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо (предок знаменитого премьер-министра Великобритании XX века У. Черчилля. — *Т. Л.*). Покинутый почти всеми своими приверженцами Яков решил бежать. Под покровом ночи на небольшом суденышке он пересек Ла-Манш и, достигнув берегов Франции, прибыл под покровительство своего кузена — французского короля Людовика XIV. Вильгельм Оранский в это время уже вступал в Лондон.

Так в Англии совершилась Славная революция, столь возвеличенная британскими историками за свой бескровный, «мирный» характер, в противоположность «кровавому мятежу» 40-х годов XVII века¹. Причину ее «бескровного» характера британская исследовательница Г. Фокскрофт объясняла теми настроениями, которые царили в ту пору в обществе. На ее взгляд, большинство англичан не испытывало «энтузиазма» по отношению к принцу Оранскому, которого не знали, но еще меньше симпатий у них вызывал бежавший из страны король. Поэтому на происходившие в стране события народ взирал «с молчаливым равнодушием»².

Новым королем Англии стал Вильгельм Оранский (1650–1702). С юных лет он любил принимать участие в беседах с политиками и

¹ Подробнее о новейшей историографии Славной революции см.: Ивонина Л. И. Дипломатия и революция (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск, 1998.

² *Foxcroft H. C. The Life and Letters of Sir George Savile, Bart., First Marquis of Halifax. Vol. 2. L., 1898. P. 9–10.*

государственными чиновниками, поражая при этом своими зрелыми суждениями многоопытных вельмож. В двадцать один год он стал штатгальтером (правителем) Голландской республики, и очень скоро по всей Европе разнеслась о нем слава как о талантливом политике и отважном полководце. Вильгельм мало интересовался литературой и искусством, однако неплохо владел несколькими языками, увлекался геометрией и военным делом. Не отличаясь хорошим здоровьем, страдавшая от приступов астмы, Вильгельм избегал общества придворных и потому прослыл среди англичан холодным, замкнутым и нелюбимым. Он не любил пиры и балы, предпочитая им уединение на охоте. Став почти в сорок лет королем Англии, он так никогда и не смог привыкнуть к английской жизни, усвоить манеры английского двора и научиться чистому английскому произношению. Ни один англичанин так и не удостоился искреннего расположения короля. Все его друзья и фавориты были голландцами, которых Вильгельм щедро одаривал чинами, деньгами, поместьями. «Чужеземное» происхождение Вильгельма постоянно вызывало к нему недоверие со стороны англичан. «Редкий из английских королей был так непопулярен, — отмечал историк Г. Вызинский, — встречал такую постоянную оппозицию в парламенте и возбуждал к себе такое недоверие в народе, как Вильгельм Оранский»¹.

Сторонник протестантизма, лояльно относившийся к диссидентам (вероотступникам от господствующей англиканской церкви), Вильгельм с первых дней своего правления вызвал недовольство высокоцерковников, приверженцев англиканского вероисповедания. Архиепископ Кентерберийский отказался короновать нового короля и его супругу Марию, посчитав это «беззаконным делом». Когда же собрался парламент, то многие представители англиканского духовенства покинули палату лордов. Пятеро из семи епископов и более четырехсот священников англиканской церкви отказались принести присягу верности новому королю (их стали называть «неприсягнувшими»), за что лишились своих приходов.

Многие представители партии тори остались в душе верны изгнанному из страны королю Якову Стюарту, считая Вильгельма «похитителем престола». Часть из них составила партию «легитимистов» или «якобитов» (сторонников короля Якова II). Они мечтали о реставрации на троне «законных Стюартов». Собираясь в тавернах, якобиты в знак своей неприязни к Вильгельму Оранскому раздавливали апельсин (Orange — апельсин) — эмблему «узурпатора». Однако якобиты составляли немногочисленную партию, большинство же тори признали Вильгельма «своим» королем и были готовы сотрудничать

---

¹ Вызинский Г. Англия в XVIII столетии. СПб., 1860. С. 15.

в его правительстве. Что касается вигов, то они полагали, что новый король должен целиком положиться на них, поскольку они сделали для воцарения Вильгельма на троне немало. Сам же король, по-видимому, не желал становиться ни «королем-вигом», ни «королем-тори» и потому первое министерство сформировал из представителей от обеих партий.

Первый парламент Вильгельма и Марии (1689–1690 гг.), названный «Конвенционным», принял ряд законов, в значительной мере ограничивавших прерогативу короля. В соответствии с принятым Биллем о правах (1689 г.), любые попытки короля приостанавливать прохождение законопроекта в парламенте объявлялись противоправным действием. Противоречащим закону считалось также взимание без согласия парламента денежных поборов в пользу короны и содержание «под ружьем» войска в мирное время. Билль о правах затрагивал также вопрос о престолонаследии, запрещая католику занимать трон. Особо оговаривались права парламента (свободы слова и прений, свободные и частые выборы, право обращаться с петициями к королю и т. д.)¹. Расценивая финансы как действенное средство оказания давления на короля, парламент одним из первых принял закон «о гражданском листе». В нем оговаривалось, что гражданский лист, регулирующий содержание королевского двора и государственное управление, отныне утверждается ежегодно, а не пожизненно, как в былые времена. Подобным нововведением парламент обеспечивал регулярность своего созыва. Важным для парламента стал также принятый в 1689 г. «Акт о мятеже», который не только объявлял содержание постоянной армии в мирное время противозаконным, но и предусматривал смертную казнь для зачинщиков мятежа или бунта в армии. С помощью подобного закона парламент надеялся сохранить контроль над вооруженными силами королевства.

Заметим, что принятые законы не устанавливали парламентского правления: монарх оставался свободным в выборе и смещении министров, судей, сохранял за собой право созыва и роспуска парламента. Внешняя политика также оставалась в ведении короля. Неопределенность разграничения власти монарха и парламента создавала реальную почву для дальнейшей политической борьбы в стране. Однако как бы то ни было, законодательство Славной революции заложило основу оформления в Англии конституционной монархии.

Второй парламент Вильгельма и Марии (1690–1695 гг.) продолжил наступление на королевские прерогативы, одновременно проявляя рьяную заботу о сохранении и расширении собственных привилегий.

¹ Подробнее см.: *Айзенштат М. П.* Британия нового времени. Политическая история. Учебное пособие. М., 2007. С. 38–39.

В 1694 г. был принят Трехгодичный акт, утверждавший обязательный созыв парламента не реже одного раза в три года. Были предприняты также попытки добиться установления контроля над внешней политикой правительства. В 1689–1697 гг. Англия оказалась вовлеченной в войну Аугсбургской лиги, в состав которой входили также Нидерланды и Габсбургская империя. Действия союзников были направлены против усиления могущества Франции. Расходы на военные затраты обошлись англичанам в «неслыханную» по тем временам сумму: 18 млн. фунтов стерлингов. Однако каких-либо решающих последствий для Англии эта война не имели, если не считать проникновения британского флота в Средиземное море¹. На военных поставках наживались финансисты и подрядчики, в чьих интересах виги поддерживали эту войну. Землевладельцы же через земельный налог только оплачивали дорогостоящую войну, не получая от ее ведения никакой прибыли. Естественно, тори как представители земельных интересов, выступали с осуждением военных действий и требовали от короля немедленных их прекращения. В министерстве усилились разногласия. Тогда король в 1693–1694 гг. произвел в правительстве перестановки, удалив из него почти всех тори. Виги одержали победу и на новых выборах, оказавшись в большинстве в палате общин нового парламента (1695–1698 гг.), одобрявшего внешнюю политику короля. Лишь только осенью 1697 г. в Рисвике был подписан мир, завершивший войну Аугсбургской лиги. В соответствии с договором французский король признал Вильгельма Оранского законным королем Англии, отказавшись от покровительства Якову II.

Известие о мире было встречено в Англии с ликованием. Толпы народа высыпали на улицы Лондона встречать короля-победителя. Три дня в городе продолжались празднества, фейерверки, скачки, балы. Народ славил Вильгельма. Но уже через три месяца в стране вновь усилилось недовольство его политикой. Истощенная войной экономика страны представляла собой жалкое зрелище. Торговля пришла в упадок, денежный кредит был подорван, размеры налогов утроились, государственный долг исчислялся 16 млн. фунтов. В народе царило мрачное настроение. Сложившейся обстановкой воспользовалась партия тори, выступившая с резкой критикой правящего кабинета. Действия партии принесли успех, и на очередных выборах тори одержали победу в парламенте (1698–1699 гг.). В сформированном кабинете министров тори заняли лидирующее место.

В ту пору в государстве происходил процесс становления двухпартийной системы правления. Важнейшим атрибутом государственного

¹ Подробнее о войне Аугсбургской лиги см.: Ивонина Л. И. Указ. соч. С. 190–220.

устройства в царствование последних Стюартов (1689–1714 гг.) становятся политические партии тори и виги, а главным содержанием политической жизни — партийная борьба. По утверждению ученого Т. Харриса, современники порой затруднялись в определении сущности партий, поскольку основным принципом для обеих являлась их лояльность к правящему режиму¹. Обе партии претерпели кардинальные изменения после Славной революции. Так виги стали олицетворением партии Двора и королевской исполнительной власти, а тори, в особенности к концу правления королевы Анны, сделались партией Отечества. Историк Дж. Ричардс отмечал, что уже в годы правления короля Вильгельма Оранского наметилось зарождение «нового торизма». Тори не только смирились с революционным устройством и законодательством, но и приучились поддерживать и то, и другое. Более того, они позаимствовали из арсенала своих политических противников лозунги, которые те использовали, когда находились в оппозиции к Карлу II и его брату Якову Стюартам. Теперь уже не виги, а тори добивались исключения из парламента пенсионеров (получателей пенсий от короля) и тех, кто покупал себе должность или место в парламенте. Они выступали против постоянной армии в мирное время и осуждали чрезмерную активность правительства в континентальных делах. На взгляд историка, именно тори во многом были ответственны за то, что согласились принять Закон о передаче английской короны в 1714 г. немецкой династии Ганноверов².

Долгое время в зарубежной историографии дискутировался вопрос о том, существовала или нет в правление последних Стюартов двухпартийная система. Новейшие исследования поставили точку в данном споре, дав утвердительный ответ³. И действительно, именно в этот исторический период происходило становление двухпартийной системы, при которой роль политической оппозиции приобретала особую значимость. «Постоянная критика министерства со стороны организованной оппозиции уже признавалась как постоянная и желанная черта политики, — подчеркивал исследователь Р. Смит, — и эта оппозиция расценивалась как альтернативное министерство, а не как нелояльная фракция»⁴.

Современные ученые признают, что обе партии уже имели собственные организации для координации деятельности своих едино-

¹ *Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society. 1660–1715. L., 1993. P. 148.*

² *Richards J. O. Party Propaganda under Queen Anne. The General Elections of 1702–1713. Athens, 1972. P. 25–26.*

³ *Harris T. Op. cit. P. 169; Richards J. O. Op. cit. P. 3–5.*

⁴ *Smith R. A. Eighteenth-Century Constitution 1688–1815. Documents and Commentary. Cambridge, 1960. P. VII.*

мышленников и сплочения их рядов. Особенно наглядно это было видно на примере деятельности так называемой «вигской Хунты». Хунта состояла из умеренных вигов, объединившихся в 1693–1694 гг. с целью поддержания приготовлений короля Вильгельма к войне с Аугсбургской лигой. В ее ряды входили видные государственные деятели: Джон Сомерс, Эдвард Рассел, Томас Уортон, Чарльз Монтэгу и Чарльз Спенсор. Почти ежедневно члены Хунты собирались в парламенте, приглашая на свои встречи видных деятелей из партии вигов, а также периодически проводили массовые мероприятия членов партии в Розовой Таверне. В перерывах между сессиями лидеры вигов обычно собирались в более тесном кругу, в своих загородных виллах или на скачках в Ньюмаркете. Встречи политиков с литераторами, поддерживавшими вигов, как правило, проводились в клубе «Кит-Кэт», который основал в 1700 г. купец Яков Тонсон. В то же время излюбленным местом партии тори сделалась таверна «Прибрежный фонтан», в которой нередко собиралось до двухсот человек. Обе партии использовали систему рассылки циркулярных писем и подписных листов для активизации деятельности рядовых членов, а также активно вмешивались в ход избирательных компаний на местах, в графствах или городских поселениях-бургах.

Борьба партий особенно активизировалась во время избирательных кампаний. Избирательная система в Англии оставалась и после Славной революции в прежнем виде. Выборщики от графств избирались по средневековой системе: их участие обуславливалось 40 шиллингами годового дохода, что для XVIII века было небольшой суммой. В результате численность электората колебалась от 800 человек в Рутленде до 20 тыс. в Йоркшире. В Лондоне насчитывалось 7 тыс. избирателей, а в Вестминстере — 12 тыс., в то же время в одном из «гнилых местечек» — Олд Сэраме избирателей не было вовсе¹. Т. Харрис и Дж. Ричардс уверяли, что правом голоса пользовался каждый четвертый англичанин. Всего в Англии насчитывалось 40 избирательных округов². Система выборов в бургах отличалась, по мнению Смита, «хаотичностью». Избирательный ценз колебался от размеров профессорского жалованья в университетских городах до рыночной стоимости собственности кандидата, от 8,5 фунта в 1689 г. до 900 фунтов — в 1727 г.³ Неудивительно, почему в парламенте все больше укреплялась прослойка из представителей высших слоев общества. По замечанию историка У. Спика, члены палаты общин, как прави-

¹ Ibid. P. 39–40.

² Harris T. Op. cit. P. 177; Richards J. O. Op. cit. P. 13.

³ Plumb J. H. The Growth in Political Stability of England. 1675–1725. L., 1967. P. 85–96.

ло, избирались из «узкого социального круга», составлявшего всего полпроцента населения страны. И такое представительство имущие классы считали «закономерным порядком вещей»¹.

Спорные вопросы разрешали видные джентльмены или пэры графства. Они же оказывали прямое давление на избирателей. Большинство мелких землевладельцев голосовали, как правило, по указке своего земельного магната. Памфлетист У. Редклифф в 1720 г. свидетельствовал: «Население подобно ветру: сегодня голосует за одного, завтра за другого, в зависимости от выпитого ликера, запугиваний или влияния могущественного соседа»². Неудивительно, что подобная избирательная система с использованием подкупа и коррупции сделалась объектом острой критики со стороны многих просветителей Англии.

В 1698 г., когда к власти пришли тори, в парламенте разгорелись жаркие споры вокруг билля о численности армии. Опытный политик и дипломат Вильгельм полагал, что мир с Францией недолговечен и что скоро предстоит с ней новая война. Поэтому он потребовал от парламента вотировать денежное содержание для двадцатипяти тысячной армии. Требование короля вызвало в палате общин бурю негодования. Особенно неистовствовали тори: ведь это им, зажиточным фригольдерам и мелким сквайрам, среднему и мелкопоместному дворянству, приходилось оплачивать содержание армии и нести бремя разорительных войн. Тори потребовали от короля сокращения численности армии в мирное время до 7 тыс. и вывода за пределы Англии любимой королем «Голубой гвардии», состоявшей из голландцев.

Не менее жаркие дебаты в парламенте вызвало также обсуждение вопроса о конфискованных после подавления в 1690 г. ирландского восстания у опальных ирландцев земель, розданных королем фаворитам голландского происхождения. Палата общин потребовала от короля немедленного возвращения незаконно розданных земель. Вильгельм был вне себя от гнева, но с решением парламента смирился. Надо признать, что в спорах с парламентом король проявлял довольно гибкую политику уступок и лавирования. Напоминания о событиях гражданской войны и опасения их повторения заставляли монарха быть более сговорчивым с парламентом в спорах по самым различным вопросам.

Выборы в новый парламент Вильгельма (февраль — июль 1701 г.) вновь обеспечили победу тори. Палата общин заполнилась сельскими джентльменами и деревенскими сквайрами, которые, на взгляд Г. Вы-

¹ *Speck W. A. Tory and Whig. The Struggle in the Constituencies. 1701–1715. L., 1970. P. 3.*

² Цит. по: *Smith R. A. Op. cit. P. 55.*

зинского, «немного понимали толку в континентальной политике Вильгельма и всегда смотрели на нее с подозрением». «Их главным занятием, — продолжал ученый, — была оленья охота и пирушки, на которых текло потоками октябрьское пиво. Все звания их в политике ограничивались тем, чему научились они от своих деревенских пасторов. Их религия состояла в том, чтобы от души ненавидеть диссентеров, а свобода существовала для них тогда, когда правительство не требовало никаких чрезвычайных податей»¹. Этим парламентариям и пришлось заняться обсуждением вопроса о престолонаследии, который обострился в 1701 году.

Поскольку у Вильгельма и Марии не было детей, то после их смерти корона должна была перейти к сестре Марии — принцессе Анне Стюарт. Бывшая замужем за принцем датским Анна имела семнадцать детей, из которых все, кроме принца Глостерского, умерли в раннем возрасте. В начале 1701 г. скончался последний наследник. Открывшаяся возможность перехода короны в случае смерти Анны к прямым наследникам Стюартов (католикам Якову II и его сыну Якову III) серьезно обеспокоила парламент. Спешно было принято решение об утверждении закона о престолонаследии, который в совокупности с рядом других законов вошел в историю под названием «Акта об устройении». Закон объявлял: корона после королевы Анны переходит к внучке Якова I Стюарта, супруге курфюрста Ганноверского принцессе Софье, а в случае ее смерти — к ее сыну Георгу. Особо закон оговаривал, что престол не может быть унаследован католиком и тот, кто вступит на престол, должен присоединиться к англиканской церкви. Акт об устройении запрещал также иностранцам занимать должности в государственном управлении, в Тайном Совете, парламенте, в армии. Лицам, получавшим жалованье или пенсии от короля, возбранялось избираться в парламент. Ряд статей закона в значительной степени ограничивал королевские prerogatives: король не мог вести войну, смещать судей с занимаемых должностей и даже просто покидать страну без согласия на то парламента. Таким образом, Акт об устройении завершил постереволюционное конституционное устройство Англии, окончательно закрепив в нем верховенство парламента.

Однако принятый закон не внес ожидаемой «гармонии» во взаимоотношения короля и парламента. Тори пожелали «призвать к ответу» за все беды страны предыдущий, вигский кабинет министров во главе с лордом Джоном Сомерсом. Ему и трем графам (Галифаксу, Орфорду, Портланду) были предъявлены обвинения в должностных злоупотреблениях. Однако эти обвинения не поддержала палата лордов, где в то время преобладали виги. Высшая палата парламента

¹ Вызинский Г. Указ. соч. С. 53.

сочла обвиняемых лордов невиновными. Виги принялись оказывать давление на общественное мнение, агитируя народ выступить против тори. Появилось множество памфлетов, в которых поведение торийской палаты осуждалось самым резким образом. Тори начали терять былую популярность.

В это время во Франции умирает Яков II, и Людовик XIV признает законным королем Англии и Ирландии его сына — Якова III Стюарта. Подобный, далеко недружественный акт французского монарха вызвал у англичан возмущение. Нация требовала отомстить за нанесенную обиду. В стране оживились военные настроения. Вильгельм спешно заключил договор с государствами (Пруссией, Данией и Швецией), которые вместе с Англией образовали антифранцузскую коалицию. Затем он распустил торийский парламент, препятствующий его военным приготовлениям, и созвал новый, в котором в большинстве оказались виги. Собравшаяся в январе 1702 г. палата общин единогласно вотировала денежные суммы на приготовления к новой войне, а также объявила Якова III незаконным претендентом на трон и потребовала от всех должностных и духовных лиц принесения клятвы верности Вильгельму и отречения от Стюартов. Военные приготовления уже шли полным ходом, когда с королем приключилось несчастье. Во время охоты Вильгельм упал с лошади, и это падение губительно отразилось на его и без того слабом здоровье. Спустя месяц после рокового случая, в марте 1702 г. в возрасте пятидесяти одного года Вильгельм Оранский скончался. Однако смерть короля не остановила военных приготовлений.

Война за Испанское наследство (1702–1712 гг.) охватила в Европе все территориальное пространство от Вислы до Атлантического океана, став на протяжении десяти лет самой кровопролитной войной на континенте¹. Война была вызвана борьбой ряда государств против гегемонии в Европе Франции. После смерти бездетного короля Испании Карла II испанский трон должен был перейти либо к австрийским Габсбургам, либо к французской династии Бурбонов, представители которых находились в близком родстве с испанским монархом. Опасаясь, что в случае чрезмерного усиления французского короля будет нарушено существующее в Европе «равновесие сил», Англия осенью 1701 г. в Гааге образовала Великий союз, куда помимо нее вошли Габсбургская империя и Голландия, и в мае 1702 г. объявила войну Франции и Испании. Главнокомандующим войсками союзников стал герцог Мальборо, стяжавший широкую славу благодаря блестящим победам, одержанным на военном поприще, не только в своей стра-

¹ Подробнее о событиях войны см.: *Ивонина Л. И.* Война за Испанское наследство. М. 2009.

не, но и далеко за ее пределами. Объединенным войскам союзников удалось одержать ряд крупных побед над противником. Длительная кровопролитная и дорогостоящая война за Испанское наследство завершилась подписанием весной 1713 г. в Утрехте мирного договора, согласно которому Англия получила Гибралтар, укрепленный пункт на острове Минорка, земли вокруг Гудзонова залива, острова Ньюфаундленд и Акадию. Условия договора закрепляли за Англией также монопольное право доставки негров-рабов в испанские колонии в Америке, что вскоре сделалось источником баснословных барышей для английской буржуазии.

В 1702 г. на престол вступила королева Анна Стюарт (1665–1714). После знаменитого полководца и талантливого политика на троне оказалась женщина со слабым характером и недалеким умом. Упрямство, скрытность, притворство, своеобразие уживались в ней с умением подчиняться воле окружавших ее придворных. Время от времени какая-либо придворная дама становилась ее фавориткой, которая превращалась в весьма влиятельное лицо при дворе. «Нелюбезная, капризная и придирчивая в обращении с людьми, ей равнодушными», Анна делалась «необыкновенно мягка и покорна в отношениях со своими фаворитками». Кроме того, писал Г. Вызинский, «одно чувство было в ней особенно сильно и живо — преданность к высокой церкви и ее догматам... Достоянная дочь Стюартов, Анна, по примеру их, веровала непреклонно в сверхъестественное начало монархии, считала монархию божественным учреждением и видела в королевской прерогативе что-то священное, неотъемлемое, неограниченное, высшее...»¹.

Анна не любила своего предшественника — Вильгельма Оранского, называя его «настоящим нидерландским медведем», не одобряла его политику лавирования между партиями. К вигам и диссентерам она испытывала ненависть, усматривая в первых республиканцев, а в последних — «безбожных еретиков» и атеистов. Веротерпимость представлялась ей чуть ли не смертным грехом. Все симпатии королевы были на стороне тори, которых она считала сильной опорой монархии и государственной церкви. Со своей стороны, тори видели в новой королеве дочь законного монарха Якова II и воинствующую сторонницу англиканства. Вступление на престол королевы Анны они встретили с радостью и надеждой.

Выборы в парламент принесли победу партии тори, сформировавших свой кабинет. Его возглавил герцог Мальборо. Сын королевского придворного, разоренного гражданской войной, будущий герцог с ранних лет вращался при дворе, являясь пажом герцога Йорка, буду-

¹ Вызинский Г. Указ соч. С. 66.

щего короля Якова II. Во время Славной революции он дезертировал из армии короля, перейдя на сторону Вильгельма Оранского. Новый король пожаловал сэру Черчиллю герцогство, однако доверия к нему не питал. С приходом к власти королевы Анны карьера Мальборо достигла своего апогея в немалой степени благодаря дружбе его супруги Сары Черчилль с королевой. Отличавшаяся безукоризненной красотой герцогиня Мальборо обладала чрезвычайно энергичным и резким характером, твердой волей и незаурядным умом. В юности Сара и принцесса Анна вместе воспитывались и были очень дружны. Постепенно Анна попала под влияние своей приятельницы¹. Славная революция открыла семейству Мальборо поистине безграничную перспективу обогащения: на расположение принцессы Анны оба супруга смотрели как на источник дохода. И действительно, Анна, от природы скупая, сделавшись королевой, продолжала тратить на свои наряды и экипажи деньги с чрезмерной бережливостью, но фаворитке своей не отказывала ни в чем. Герцог был назначен главнокомандующим сухопутными войсками в войне на континенте. Этот пост открывал неразборчивому в средствах герцогу широкую возможность для личного обогащения за счет государственной казны, что в значительной степени облегчалось избранием на пост министра финансов его родственника и приятеля лорда Годольфина.

Первый парламент королевы Анны (1703–1705 гг.) предпринял попытку провести билль «против случайной конфирмации». Закон о веротерпимости, принятый Вильгельмом Оранским и представлявший диссентерам гражданские права и свободу вероисповедания, но по-прежнему лишавший их всякого участия в политической жизни страны, не устраивал ревностных англиканцев, занявших большинство мест в палате общин. Крайние тори внесли на рассмотрение палаты билль «против случайной конфирмации», который подвергал бы крупным денежным штрафам и высылке в колонии тех диссентеров, которые в целях получения должностей причащались по обрядам англиканской церкви, а затем вновь продолжали посещать диссентерские богослужения. Лица, конфирмировавшиеся «по случаю», изгонялись с государственных должностей, из муниципальных корпораций, лишались избирательных прав. Хотя данный законопроект был направлен против диссентеров, однако он наносил серьезный удар по политическим противникам тори — вигам. Ведь виги в городах опирались на купечество, финансистов, зажиточных ремесленников,

¹ Подробнее о Саре Черчилль см.: *Иерусалимская Е. В.* Фаворитизм в эпоху становления конституционной монархии в Англии. Герцогиня Мальборо и виги (1702–1710) // *Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность.* М., 2002. С. 173–190.

многие из которых сами являлись диссентерами. Хотя в палате общин законопроект был одобрен, однако неожиданно он встретил сильную оппозицию в высшей палате. Лорды-виги Сомерс, Галифакс, епископ Бернет и другие потребовали данный законопроект отклонить. Дважды торийское большинство нижней палаты пыталось провести билль, но оба раза законопроект вновь отвергался лордами. Одновременно виги развернули широкую агитацию против своих противников и проталкиваемого ими законопроекта за пределами парламента. Они заклеили торийский парламент как преследователя диссентеров. Со всех сторон страны в парламент начали поступать петиции с требованием отмены билля. Повсюду устраивались митинги и демонстрации протеста. Тори не устояли под нажимом общественного мнения и отказались от законопроекта.

Поражение тори в парламенте, а также победы, одержанные англичанами на полях сражений в войне за Испанское наследство, обеспечили на очередных парламентских выборах победу партии вигов. В новом парламенте (1706–1710 гг.) виги оказались в большинстве, получив право формирования кабинета министров. Пост главнокомандующего занял герцог Мальборо, а министром финансов стал лорд Годольфин, который вместе со своим приятелем перешел на сторону вигов из партии тори. В состав кабинета вошли также тори Генри Сент-Джон, в будущем известный просветитель лорд Болингброк, и Роберт Харли.

За время своей работы парламент принял ряд законов, с помощью которых виги смогли укрепить свое влияние в государственном управлении. Именно этому парламенту суждено было принять в 1707 г. знаменитую Унию с Шотландией, которая завершила создание Соединенного королевства Великобритания. Надо сказать, что процесс объединения королевства шел непросто. Еще Вильгельму Оранскому пришлось вплотную заняться этой проблемой. В 1690 г. в битве у реки Бойни, в Ирландии, он разбил армию мятежников под предводительством сторонников Якова II — «якобитов». Потери ирландцев были велики. Спустя год при Лямирике после упорного сопротивления сдались последние остатки ирландских войск под командованием генерала Сарсфилда. Капитулировавшей Ирландии Вильгельм пообещал веротерпимость для католиков, однако очень скоро о своем обещании «позабыл»: католики лишились всех гражданских и религиозных прав. Покорение Ирландии сопровождалось конфискацией земель, которые король раздавал своим голландским фаворитам. Ирландия все больше превращалась в колонию, существующую ради извлечения прибылей английской буржуазии.

В Шотландии приход к власти Вильгельма Оранского не встретил особого противодействия. В 1689 г. это королевство вместе с Англией

входило в состав Аугсбургской лиги, и когда началась война за Испанское наследство, англичане вновь стали смотреть на Шотландию как на потенциального союзника. Отношения между двумя королевствами требовалось узаконить. На смертном одре Вильгельм произнес слова об Унии с Шотландией. Начатые в 1702 г. переговоры с Шотландией приостановились из-за сопротивления последней. Шотландия в то время была бедной, со слаборазвитой экономикой страной. Ее жители хорошо понимали, что из союза с Англией они вряд ли сумеют извлечь какие-либо преимущества. Скорее, наоборот, от унии следовало ожидать один ущерб, поскольку шотландцы лишались собственного короля и парламента, а также ряда коммерческих преимуществ во внешней торговле. Однако под давлением Англии переговоры в 1706 г. вновь возобновились и спустя два месяца привели к заключению соглашения. 1 мая 1707 г. договор вступил в силу. В результате этой Унии Шотландия лишилась собственного парламента, получив взамен право посылать 16 пэров и 45 коммонеров в парламент Великобритании. Отныне в Шотландии вводилась та же налоговая система, которая существовала в Англии. Сохранялась веротерпимость. Все положения Унии отвечали прежде всего интересам крупной торгово-промышленной буржуазии, как Англии, так и Шотландии. Народные же низы Шотландии горячо протестовали против Унии, но оказались совершенно бессильными перед лицом объединившейся буржуазии двух королевств.

Затянувшаяся война за Испанское наследство вызывала все большее недовольство в стране. Повсюду раздавались нарекания в адрес вигских министров, продолжавших войну без особой необходимости для Англии. Мальборо обвиняли в том, что он нарочно затягивает войну ради личной выгоды. Тори распространяли всевозможные слухи о его необыкновенной жадности и его сделках с поставщиками армии. Непопулярность партии вигов день ото дня становилась очевидней. В результате победу на выборах одержали тори.

Новый парламент собрался в 1710 г. Главными фигурами в министерстве стали тори лорд-казначей Роберт Харли, получивший титул графа Оксфорда, а также государственный секретарь Сент-Джон, с 1712 г. ставший виконтом Болингброком. Одним из первых принятых парламентом законов стал «Акт об имущественном цензе», в соответствии с которым членом палаты общин мог стать лишь тот, кто владел земельной собственностью, приносящей не менее 600 ф. стерл. годового дохода, или собственностью в городе, с доходом в 300 ф. Акт об имущественном цензе оставлял без изменений 40-шиллинговый ценз для избирателей, но значительно повышал его для кандидатов в депутаты. Тем самым доступ в парламент для лиц со средним достатком был полностью перекрыт. В результате лишь 5% населения страны

получило право избираться в парламент¹. Как видно, английский парламент все больше превращался в олигархическое учреждение.

Спустя год тори все-таки сумели провести в обеих палатах Закон «против случайной конфирмации», с помощью которого добились заметного ослабления позиции в городах своих политических противников — вигов. Это позволило им вновь одержать победу на выборах и занять большинство мест в последнем, пятом парламенте королевы Анны (1713–1714 гг.). Партия тори продолжала проведение репрессивной политики против диссентеров. Так, в 1714 г. лорд Болингброк внес на рассмотрение палаты общин Закон «о схизме» (расколе), лишавший всех нонконформистов права преподавания в школах и фактически устанавливавший церковную монополию в образовании. С помощью этого закона тори надеялись лишить вигов возможности оказывать свое влияние на подрастающее поколение англичан.

В это время в торийском кабинете обострилось соперничество между графом Оксфордом и лордом Болингброком. Поскольку положение Болингброка заметно упрочилось после заключения Утрехтского мирного договора с Францией, подготовку которого он провел самолично, Болингброк надеялся, что королева назначит его на пост главы правительства. В 1714 г. граф Оксфорд был смещен с поста лорд-канцлера. Болингброк, казалось, был почти у цели, однако против него выступил кабинет министров. Главой правительства был назначен граф Шрюсбери. 1 августа 1714 г. королева Анна скончалась, не оставив наследников. На трон вступил представитель новой династии — король Георг I Ганновер.

Итак, рассмотрев основные события экономической и политической жизни Англии на рубеже XVII–XVIII вв., можно заключить следующее. Усиление позиций торгово-промышленной буржуазии в экономике влекло за собой ее стремление добиться расширения прав на управление страной. Экономическое соперничество со сторонниками земельной ренты порождало политические конфликты. Выразители «денежных» и «земельных» интересов — партии вигов и тори — включились в политическую борьбу с целью добиться для себя наибольших выгод в управлении государством. Лидеры партий, желая привлечь на свою сторону потенциальных союзников, а также получить возможность оказывать давление на общественное мнение, начали привлекать к себе на службу литераторов, ученых, прогрессивно настроенных государственных чиновников. Формировался круг просвещенных мыслителей, которым суждено было стать выразителями идеологии английской буржуазии. Целая плеяда ярких

¹ Politics and Literature in the Eighteenth Century // Ed. H. T. Dickinson. L., 1974. P. 1.

личностей появилась на интеллектуальном небосклоне страны. Ни до, ни после этого периода в Англии не действовало одновременно столько талантливых людей, оставивших заметный след в литературе, науке, политике, экономике. Физик И. Ньютон, философы Джон Локк, Джон Толанд, граф Шефтсбери, писатели Джонатан Свифт и Даниель Дефо, поэты Александр Поп и Джон Арбетнот, журналисты Ричард Стил и Джозеф Аддисон, государственные и политические деятели лорды Темпл, Сомерс, Галифакс, Болингброк — все они приобрели всемирную известность не только в силу своей незаурядной профессиональной деятельности, но прежде всего как выразители прогрессивной идеологии — Просвещения.

Знакомство с жизнью и деятельностью наиболее известных представителей раннего Просвещения Англии¹ позволяет заключить следующее. На формирование просветительских убеждений большое влияние оказала та среда, в которой вращались представители передового класса буржуазии. Все просветители происходили из имущих слоев, чаще всего из родовитой аристократии, либо из семей священнослужителей и юристов, реже — из купечества. Все получили прекрасное образование, которое совершенствовали на континенте. Знакомство с произведениями древних мыслителей и современных философов, политиков, юристов, литераторов и историков закладывало тот фундамент, на котором базировалась просветительская идеология. Весомое влияние на формирование просветительских взглядов оказала политическая деятельность наших героев. Участие в той или иной форме в работе парламента, министерств, Тайного совета заставляло просветителей задумываться над вопросами происхождения власти и государственного устройства страны, размышлять о способах его усовершенствования. Политическая борьба, развернувшаяся в это время в стране, вынуждала многих из них братья за перо и занять свое место в одной из партий. Каждый просветитель был либо вигом, либо тори. Заметим, что в то время партии не являлись монолитным организмом, вхождение в них не требовало какого-либо организационного оформления. Напротив, партии пребывали еще в довольно аморфном состоянии. На выбор потенциальных членов партий оказывали влияние сиюминутные интересы и расстановка сил в стране. Личное влияние магната, взаимоотношение с Двором, различные взгляды на цели партии и законодательную деятельность

¹ Подробнее о просветителях см.: *Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.)*. М., 1994. С. 45–79; она же. *Культура и власть в эпоху Просвещения*. М., 2005. С. 45–332.

парламента — все это влияло на выбор приверженцев вигов или тори и позволяло им безболезненно «кочевать» из одной партии в другую. Что же касается просветителей, то все они, как правило, оказывались верны сделанному однажды выбору. И этот выбор был обусловлен прежде всего их принадлежностью к «денежным» или «земельным людям». А поскольку интересы этих людей не носили антагонистического характера, то для их выразителей появлялась возможность поисков частных компромиссов с целью выхода из сложных ситуаций. Как подчеркивал британский ученый Дж. Покок, Англию XVIII века затруднительно рассматривать как поляризацию «сельско-городской, аристократически-буржуазной или феодально-капиталистической линий». Элементы всех трех «полярностей» можно было обнаружить во всех группах, поддерживавших или противостоящих режиму. В этой связи, заключал историк, термин «буржуазный» наиболее подходил для характеристики общества, в котором были сторонники торговли и люди, с недоверием относящиеся к финансам¹. В результате идеология буржуазии, выразителями которой становились и «денежные», и «земельные люди», оказалась конгломератом идей. Таким образом, политическое кредо просветителей являлось идеологией буржуазии Англии на рубеже XVII–XVIII вв.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что оформление буржуазной идеологии происходило под влиянием непосредственной практической деятельности ее выразителей. Кроме того, просветители часто общались друг с другом, встречаясь не только в стенах парламента или министерства, но и в непринужденной домашней обстановке, а чаще всего в кофейнях и клубах². В этих заведениях просветители могли обсуждать все волновавшие их проблемы, новости политики и культуры, обмениваться своими замыслами. Можно предположить, что многие идеи, высказываемые просветителями, получали своеобразное коллективное обсуждение в клубах в совместных беседах, или были воплощены на бумаге в виде пьес, памфлетов, трактатов. Таким образом, общественно-политическая мысль просветительства выкристаллизовывалась в ходе партийной полемики видных представителей класса буржуазии — ярких личностей, одаренных талантов, способных администраторов, неординарно мыслящих людей.

¹ Pocock J. G. Radical Criticism of the Whig Order in the Age Between Revolutions // The Origins of Anglo-American Radicalism. L., 1984. P. 38–39.

² Подробнее о клубах и кофейнях, в которых собирались просветители, см.: Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. Указ. соч. С. 36–37.

ГЛАВА 2

Теории государственного устройства в трудах просветителей

Пожалуй, наиболее примечательной чертой государственного устройства Великобритании является отсутствие в ней конституции. Конституционная монархия без конституции, не парадокс ли это? Тем не менее, эта страна действительно не имеет того свода основных законов, который принято называть конституцией. Вместо конституции существуют многочисленные парламентские акты и судебные уложения, которые обретали форму законов страны на протяжении нескольких столетий. Начало «неписаной» британской конституции положила в XIII веке Великая Хартия вольностей, благодаря которой бароны получили определенную степень независимости от короны. Вторым фундаментальным источником, внесшим свою лепту в конституцию страны, оказался известный Билль о правах 1689 г., утвердивший ту форму государственного правления, которая продолжает существовать в Англии и поныне. Эти два основополагающих закона дополняет серия парламентских актов, принятых в XVIII–XX вв.

Активное участие в разработке законодательных актов страны приняли парламентарии, а также деятели политических партий. Немалую роль в этом процессе сыграли и просветители. Руководствуясь целями сохранения и оправдания упрочившегося в стране после Славной революции строя, буржуазные идеологи в своих трактатах, памфлетах, а также устных выступлениях обращались к тем концепциям и доктринам, которые позволили бы убедить общество в закономерном и естественном ходе исторического развития, приведшего к установлению подобной формы правления. Происхождение государственной власти, необходимость ее разделения между монархом и парламентом, механизм двухпартийной системы правления — эти и многие другие вопросы становились объектом жарких дискуссий среди парламентариев и публицистов. Теории государственного устройства Великобритании, составляющие основу современной демократии, вырабатывались идеологами буржуазии в ходе острой политической борьбы. О том, как это происходило, и пойдет речь в данной главе.

Общественный договор

Теория происхождения государственной власти наиболее полно разработана известным английским философом Джоном Локком, творчество которого основательно изучается как в зарубежной, так

и отечественной науке. Другие просветители лишь повторяли, либо развивали отдельные положения локковской теории, в соответствии с которой, все люди, созданные одним «всемогущим и бесконечно мудрым творцом», от природы были «равны и независимы». По своему усмотрению они вольны были распоряжаться своей собственностью, и никто не мог наносить ущерб жизни и здоровью друг друга. Локк утверждал, что Бог передал мир всем людям в общую собственность, но поскольку «собственные нужды» заставляли человека трудиться, то все, к чему он прилагал свой труд, становилось его «неотъемлемой собственностью»¹. Из этой теории следовало, что общественная собственность на землю и природные ископаемые предшествовала частной собственности. Бесспорно, что подобное утверждение Локка носило прогрессивный характер. В то же время просветитель игнорировал тот факт, что общественная собственность основывалась на коллективном труде. Он утверждал, что общая собственность распространяется только на «предметы природы», к которым человек не приложил свой труд. Подобным заявлением Локк «увековечивал» частную собственность, объявляя ее принадлежностью всякого общественного строя.

В соответствии с теорией Локка, в «естественном состоянии» люди пребывали до тех пор, пока не становились членами политического или гражданского общества. Но что побуждало людей к созданию общества? Моральные качества, присущие людям, у Локка вызывали большие сомнения. Ему не верилось, что человек всегда будет жить в мире и согласии с подобными себе. «Развращенность человечества такова, — писал он в «Письме о веротерпимости», — что люди предпочитают несправедливо грабить плоды чужих трудов, нежели прилагать свои труды к тому, чтобы обеспечить самих себя». Чтобы не допустить подобных агрессивных действий, нарушающих собственность, люди решили объединиться в общество с тем, чтобы «взаимной помощью и объединенными силами» обеспечить каждому собственность на вещи, «нужные для удобства и счастья в этой жизни»². Утверждение о том, что гражданское общество создавалось ради сохранения собственности людей, красной нитью проходит через все произведения Локка. Сохранение собственности просветитель считал «великой и главной целью» объединения людей в государство. Отказываясь от своей естественной власти, люди добровольно передают ее обществу, которое берет на себя заботу о сохранении их собственности. Отметим, что в понятие

¹ Локк Д. О государственном правлении // Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. М., 1960. Т. II. С. 23.

² Локк Д. Письмо о веротерпимости // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981. С. 62.

«собственность» Локк включал также жизнь и гражданские свободы человека. Таким образом, расставаясь с естественным состоянием, люди создавали общество ради обеспечения своих «гражданских интересов» — жизни, здоровья, свобод, а также «внешних благ» — денег, земли, домов, домашней утвари и т. д. Подобное сообщество людей Локк и называл государством. Создается государство, как подчеркивал просветитель, исключительно на добровольном согласии народа¹. Так Локк приходил к теории «общественного договора».

В соответствии с данной теорией, государство возникло в результате общественного договора ради достижения мира, безопасности и блага всех людей. При этом имелось в виду, что та власть, которую каждый индивидуум передает обществу, когда вступает в него, остается у государства до тех пор, пока оно существует. Общество же вручает законодательную власть какому-либо собранию людей, и эта власть также не может возвратиться к народу до тех пор, пока существует данный государственный строй. Доверив законодательному органу право действовать непрерывно или временно, народ тем самым передает ему свою политическую власть. Он также вверяет законодательной власти право создавать для него законы, необходимые ради общественного блага, обещая, со своей стороны, эти законы выполнять. Так в лице государства народ приобрел судью, способного разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен какому-либо члену государства. В обязанность гражданских властей вменяется забота об обеспечении всех людей справедливым владением собственностью, «вещами, принадлежащими к средствам жизни, путем беспристрастного исполнения справедливых законов»². Теория происхождения государства, изложенная Локком, строилась на отрицании им учения о божественном происхождении власти, что являлось ценным вкладом в политическую платформу буржуазии. В то же время теория Локка не связывала возникновение государства с разделением общества на классы и социальной борьбой в нем. Сомнительным представляется нам также утверждение просветителя о том, что государство в равной мере выражало интересы всех граждан.

Теория «общественного договора», подробно разработанная Локком, нашла своих приверженцев среди многих идеологов буржуазии. Практически все просветители являлись сторонниками данной теории. Д. Дефо, Болингброк, Р. Стиль, Дж. Аддисон, Галифакс, епископ Ходли и другие в своих трудах неоднократно обращались к ее обсуждению. В их изложении эта теория мало чем отличалась от локковской.

¹ Локк Д. О государственном правлении. Указ. соч. С. 66.

² Локк Д. Письмо о веротерпимости. Указ. соч. С. 31.

Особенно показательны в этом отношении высказывания епископа Ходли. В произведении «Рассуждения о происхождении и установлении гражданского правления» епископ подробно останавливался на толковании «договорной» теории. Как и Локк, он признавал, что вся политическая власть основывается на договоре. До создания гражданского общества люди пользовались «правом самосохранения», но они понимали, что жизнь «в состоянии страха» неудобна и опасна, а потому свое «право самосохранения» необходимоверить на попечение правительству. Гражданские правители будут беспокоиться о законности и порядке, в которых так нуждается народ. Как утверждал Ходли, для создания законного правительства потребовалось, чтобы «несколько людей собралось и пришло к соглашению передать право самосохранения, по закону принадлежавшее им, одному человеку или группе лиц»¹. Созданное на основе договора правительство оставалось, на взгляд Ходли, в принципе орудием того, кто его создал, то есть народа. В то же время просветитель признавал, что правитель на деле пользуется большей властью, чем определяет этот договор, поскольку именно он, а не народ способен судить о том, что полезно для общества и какие законы следует принимать. Однако народ сознательно идет на это условие, полагая, что «в управляемом обществе сохраняется право на защиту». Право правителя на власть, как подчеркивал Ходли, «проистекает исключительно из добровольного согласия управляемых людей». Так Ходли интерпретировал теорию Локка о естественном праве и общественном договоре.

Немало общего с теорией Локка об общественном договоре найдем и в трудах известного просветителя лорда Болингброка. Он также признавал естественное происхождение общественного договора, утверждая в «Письме о патриотизме», что «самим устройством человеческой природы» обусловлено, с одной стороны, подчинение подданных правительству, а с другой, — доверие некоторым людям заботы о правлении, «от которого зависит всеобщее счастье»². В памфлете «О свободе и общественном договоре между правителем и народом» он указывал, что во всех государствах существуют устные или закрепленные на бумаге определенные условия договора между народом и его правителем, которые обе стороны обязаны сохранять. В соответствии с этими условиями, каждый подданный должен точно знать границы власти правителя и степень собственного ему подчинения, а также как долго и в какой степени он обязан подчиняться. Оговоренные

¹ Цит. по: *Browning R. Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. Louisiana, 1982. P. 82.*

² *Lord Viscount Bolingbroke. John H. St. Letters on the Spirit of Patriotism, L., 1757. P. 11–12.*

договором ограничения и условия правления, принятые правителем, продолжают служить своего рода правилом и для его потомков¹.

Схожесть с локковской теорией прослеживается и в работах известного литератора, автора знаменитого Робинзона Крузо и других приключенческих романов Даниэля Дефо. Он был солидарен с Локком в том, что власть монарха не являлась божественной по своему происхождению, поскольку была получена им от народа. Народ сам избрал своего правителя и заключил с ним договор, который и является «краеугольным камнем создания монархии». В соответствии с договором, монарх должен править народом, а подданные обязаны ему подчиняться, причем границы власти правителя, равно как и степень подчинения подданных, определяются законами и конституцией каждого государства. При заключении общественного договора правители связаны коронационной клятвой в том, что будут править в соответствии с законом, а подданные заверяют, что будут подчиняться всем королевским законам. Правители, получившие власть от народа, должны ее использовать в целях «безопасности, благосостояния, а также благополучия тех, над кем поставлены править». Подобно Локку, Дефо утверждал, что государство создается, прежде всего, «для сохранения собственности народа»².

Как видно, в «договорной» теории просветителей важное место отводилось народу, который выступал главным участником договора, а его интересы и благо выдвигались на первый план. При этом понятие «народ» по-разному толковалось просветителями. Особенно показательна в этом отношении концепция Дефо. В памфлете «Гимн черни» Дефо подчеркивал, что первоначальной властью на земле обладает народ, однако поскольку невозможно одновременное собрание «всей общности людей», то от имени народа должны выступать «не жители страны вообще, а только фригольдеры» (свободные арендаторы земли, т. е. мелкие и средние землевладельцы. — Т. Л.). На взгляд просветителя, фригольдеры получили право землевладения не от короля или по закону парламента, а от своих древних предков, по обычному естественному праву владения. Как и Локк, Дефо был уверен, что именно владение собственностью (причем, не только земельной) дает право на власть. По его мнению, в Англии не может быть никакой законной власти, кроме той, что основывается на собственности, поскольку «частная собственность является основой власти»³. В то же время,

¹ *Bolingbroke H. St. John. A Collection of Political Tracts. L., 1748. P. 285, 243, 246.*

² *Defoe D. Reflections upon the Late Great Revolution // A Collection of State Tracts. Vol. I. L., 1705. P. 245, 255, 251.*

³ *Ibid. P. 253; Defoe D. A Hymn to the Mob. L., 1715. P. II–III.*

когда речь заходила об экономических вопросах, то под «народом» Дефо подразумевал уже тружеников, производителей, которые своим трудом в торговле и промышленности «создают богатство и силу нации». Дефо утверждал, что считает народом не тех, кто проживает в праздности и не принимает активного участия в жизни, а лишь тех, кто трудится, создавая блага страны для себя и для своих потомков¹. Как видно, просветитель четко разграничивал функции тех, кто являлся производительной силой общества — трудящихся, и тех, кто от их имени управлял государством. И хотя и тех, и других он причислял к «народу», тем не менее, был твердо убежден, что в существующей иерархии общества каждый класс должен занимать отведенное ему место, и потому «народ-труженик» обязан создавать материальные ценности, а «народ — носитель власти» призван управлять всеми согражданами страны.

Следует признать, что обращение просветителей к теории «общественного договора» было далеко не праздным, напротив, носило прикладной характер. Они тесно увязывали свою теорию с существующим конституционным устройством Англии. Когда в парламенте в 1690 г. разгорелся спор о правомерности занятия вакантного после бегства из страны Якова II Стюарта трона его дочерью Марией и затем Вильгельмом Оранским, то памфлетист У. Этвуд выступил с трактатом, в котором заключал, что народ Англии в целях сохранения существующей конституции воспользовался своим правом, данным ему по договору, и на этом основании провозгласил указанных монархов легитимными².

Договорная теория, в толковании просветителей, требовала от подданных полнейшего подчинения монарху. Ведь если народ дал свое согласие «ради общей защиты и безопасности» на то правление, которое установлено в Англии, значит, он обязан подчиняться законам своего правителя. И этот договор считается одинаково священным, как для правителя, так и для «самого низкороджденного его подданного». Просветители рассматривали общественный договор как нечто незыблемое, не подлежащее изменениям не только со стороны подданных, но и со стороны правителя. По утверждению королевского министра маркиза Галифакса, в тех государствах, где народ заключает договор с монархом, правитель не имеет права «от своих функций отказаться», а народ не может изменить условия договора, поскольку «это соглашение не является торговой сделкой»³.

¹ Defoe D. A Review. Vol. 6. L., 1709. P. 135.

² Atwood W. The Fundamental Constitution of the English Government. L., 1690. P. 3, 28.

³ The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax. Oxford, 1912. P. 114.

Превознося общественный договор как источник создания государственной власти, просветители преследовали своей целью также ослабление королевской прерогативы. Поэтому в большинстве случаев они говорили о «договорном», а не «божественном» происхождении королевской власти. С целью уменьшения влияния королевской прерогативы они подвергли серьезной критике широко распространенную с середины XVII века «патриархальную» теорию, которая превозносила королевскую власть. В книге «Патриархализм в политической мысли» британский историк Г. Скочет отмечал, что приверженность к патриархальной теории проявляли многие философы и политики прошлых столетий, начиная с Платона, и что почти каждый крупный политический мыслитель XVII в. был хорошо знаком с этой теорией. Особенно подробно анализировали патриархальную теорию Дж. Локк и У. Темпл¹.

Наиболее полно «патриархальная» теория была изложена роялистом Робертом Фильмером (1588–1653) в трактате «Патриарх или естественная власть королей». Хотя и написанный в годы революции (1642 г.) этот трактат увидел свет лишь после смерти автора в 1680 г. (переиздан в 1696 г.), «патриархальная» теория Фильмера легла в основу идеологии партии тори в период Реставрации Стюартов (1660–1688 гг.). Сравнивая власть короля над народом с властью отца над семьей и считая, что власть отца над детьми неограничена, Фильмер заключал: созданная по ее образцу королевская власть также должна быть неограниченной. Для подкрепления своей теории Фильмер ссылаясь на «божественное» происхождение королевской власти. Пользуясь текстами Священного писания, он приходил к выводу о том, что наследственная монархия «угодна Богу» и является законной преемницей власти, представленной «нашему прародителю Адаму». Более того, по его мнению, «любая гражданская власть — это божественный институт»².

Просветители подвергали критике теорию Фильмера. Локк заявлял, что политическая и отцовская власти «совершенно различны и раздельны и покоятся на совершенно различных основаниях и существуют для совершенно различных целей». Родительская власть проистекает из обязанности, возложенной обществом, и сводится к тому, чтобы заботиться о своем потомстве до его совершеннолетия. Родительское правление, утверждал Локк, является естественным

¹ Schochet G. J. Patriarchalism in Political Thought. Oxford, 1975. P. 5.

² Подробнее о Р. Фильмере и его теории см.: Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982. С. 127–129; Эрлихсон И. М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М., 2007. С. 45–47.

и не распространяется на те цели и юрисдикцию, которые являются политическими категориями. Так, власть отца совершенно не распространяется на собственность детей, которой они распоряжаются сами. Кроме того, отцовская власть не может быть деспотической. Что же касается власти правителя, то она ему вверяется народом ради сохранения прежде всего его собственности. Впрочем, Локк оговаривал, что отцы семейств становились «политическими монархами» в случае, если «им удавалось долго прожить и оставить способных и достойных наследников». Таким путем иногда закладывались основы «наследственной» или «выборной» (в зависимости от обычаев или конституции страны) королевской власти. Однако это было, на взгляд просветителя, скорее исключением, чем правилом. Локк четко разграничивал власть правителя и власть отца, утверждая, что «отцовская власть существует только там, где младенчество делает ребенка неспособным распоряжаться своей собственностью, а деспотическая — распространяется на тех, кто совершенно не имеет никакой собственности»¹.

С осуждением «патриархальной» теории выступил также епископ Ходли. Утверждение сторонников данной теории о том, что власть Адама и Ноя переходит по наследству к земным правителям, он считал «полнейшим абсурдом». Ходли утверждал, что доказательства о «божественном» происхождении королевской власти, взятые из Библии, не подтверждают положения о том, что отцовская власть переходила в политическую. В одном из своих памфлетов, написанных в 1709 г., когда царствовала королева Анна, Ходли показывал, каким образом «патриархальная» теория могла привести к выводам об узурпированном характере власти королевы. «Если отцовское право дается Богом как основание для гражданской власти, — писал он, — тогда либо назначение божье малообязательно, либо невозможно, чтобы конституция даровала право на гражданское правление женщине... Опасаюсь, что наследование королевой трона — это не что иное, как узурпация власти»².

Несмотря на то, что большинство просветителей защищало «договорную» теорию, отдельные элементы «патриархальной» теории были ими также позаимствованы. К примеру, известный журналист Ричард Стиль, сравнивая власть монарха над народом с властью отца над семьей, заявлял, что «семья является своего рода маленьким королевством, а королевство — большой семьей». Просветитель уверял: король как «отец нации» должен относиться к своим подданным с

¹ Локк Д. О государственном правлении. Указ. соч. С. 42, 45, 98, 100.

² Цит. по: Browning R. Op. cit. P. 80–81; Schochet G. J. Op. cit. P. 219.

той же заботой и вниманием, с каким относился к своим домочадцам отец семейства»¹.

Еще большую приверженность к «патриархальной» теории продемонстрировал известный дипломат Уильям Темпл. Хотя он и являлся сторонником «договорной» теории, тем не менее, высказывание Фильмера о том, что «семья подобна маленькому королевству, а королевство является подобием большой семьи», ему явно импонировало. Темпл полагал, что отец семейства, как и любой правитель по естественному праву, становится во главе своего маленького государства — семьи. В случае, если он проживет долгую жизнь и будет иметь многочисленное потомство, то станет правителем нации. Поскольку нация — это большое число семей, происходящих от одной и той же крови, родившихся в одной стране и живущих при единой гражданской конституции, то все королевство напоминает собой одну большую семью. И потому правитель в таком государстве, если он относится к своим подданным, «как к детям, с заботой и справедливостью», также вправе рассчитывать на «любовь и послушание с их стороны»².

Однако, несмотря на наличие отдельных элементов «патриархальной» теории в политической идеологии просветителей, ее краеугольным камнем оставалось учение об «общественном договоре». Большинство просветителей усматривало в наследственной королевской власти «божьей милостью» воплощение старого феодального общества, которое было глубоко антипатично буржуазии. Просветители выступали с критикой «патриархальной теории» потому, что она защищала и оправдывала феодальное устройство общества. С другой стороны, теория «общественного договора» в большей степени отвечала интересам господствующих классов Англии в силу своего «эластичного» характера. Договор, по сути, санкционировал любую существующую конституцию и особенно ценился для осуждения деспотических и насильственных изменений в отношении к ней. Теория «общественного договора» позволяла в конечном счете оправдывать любой существующий порядок, в какой бы форме он ни представал. Договор, в который вступали люди, жертвуя частью своей естественной свободы в расчете получить определенные от него преимущества, оставался практически неизменным на протяжении веков, связывая все последующие поколения и тем самым способствуя возвышению тех прав человека, которые имели высшую ценность по отношению к правам, оговоренным более поздним законодательством. Таким образом, теория «общественного договора», широко пропагандировав-

¹ The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. Oxford, 1955. P. 129–130.

² The Works of Sir William Temple. Vol. 2. Edinburgh, 1754. P. 42.

шаяся просветителями, отвечала насущным требованиям буржуазии, и служила прежде всего для увековечения установившегося в Англии после Славной революции государственного строя.

Монархия или республика?

В соответствии с теорией «общественного договора» народ избирал наиболее приемлемую для себя форму правления. От чего же зависел этот выбор? Известный литератор, автор знаменитого произведения «Путешествия Гулливера» Джонатан Свифт высказывал предположение, что выбор формы правления зависит от темперамента и характера народа, а также климата страны, в которой данный народ проживает. «Как правило, — уверял Свифт, — умеренный климат способствует умеренным формам правления, а резко континентальный располагает к деспотической власти»¹. Для Темпля же выбор формы правления представлялся как следствие «патриархальной» теории. Он полагал, что отец правил семьей, затем власть наследовали по очереди его сыновья. Однако в случае «настроения всего народа» против правления одного человека власть вверялась в руки немногих знатных граждан, что и являлось «олигархией». Бывали случаи, когда многие граждане, благодаря своим высоким моральным качествам и общественной активности, завоевывали уважение окружающих и оказывались у руля государственного правления. В этом случае создавалось «демократическое или народное государство», которое нередко обращалось в анархию².

С развернутой концепцией об избираемой форме правления выступил Локк. По его мнению, форма правления определяется «местоположением» верховной, то есть законодательной власти. От того, кому (королю, аристократии, народу) принадлежит право издавать законы, и зависит выбор формы правления. Основываясь на данном принципе, Локк выделял соответственно: монархию, олигархию, демократию. Кроме того, он допускал наличие «смешанных» форм правления³.

Наибольший интерес просветители проявляли к монархической и республиканской формам правления. «Спор о том, что лучше: монархия или республика, длился долго, — свидетельствовал маркиз Галифакс. — Каждая из спорящих сторон проявляла в этом поединке такое рвение, что порой можно было опасаться за рассудок спорящих. Обе стороны готовы были использовать любые аргументы, вызывая, тем самым, насмешки над собой со стороны умеренно настроенных

¹ The Works of Jonathan Swift. L., 1843. Vol. 1. P. 294.

² The Works of Sir William Temple. Op. cit. P. 45–46.

³ Локк Д. О государственном правлении. Указ. соч. С. 75.

людей, полагающих, что этот спор подобен безумию»¹. И действительно, серьезных оснований для подобных дебатов в то время в Англии не существовало. Влияние республиканизма в стране после Славной революции значительно ослабело, прежде всего из-за резкого сокращения численности рядов его приверженцев. Имущие слои относились к республиканизму с опаской и ненавистью, ведь в их памяти еще были живы события революции и гражданской войны. И потому известие о возвращении из эмиграции одного из республиканцев-цареубийц Эдмунда Лэдло было встречено в парламенте «с истерией». Палата общин потребовала от короля немедленного указа о задержании «этого опасного радикала», и вскоре он был выдворен из страны.

Неудивительно, что просветители как выразители интересов имущих слоев относились к республике негативно. Делали они это прежде всего из-за воспоминаний о событиях революции как о «Великом мятеже», анархии и разгуле народной стихии. Но не только. Просветители были убеждены, что республика, затруднительна в управлении. Так Галифакс полагал, что привлечение к управлению большого количества людей, к тому же молодых и неопытных в политике, весьма «затрудняет» использование подобной формы правления на практике². Просветители считали невозможным республиканское правление в Англии потому, что в стране не было для этого соответствующих условий. По мнению Дефо, республика — это «химера», «абсурд», «непрактичная идея», которую невозможно реализовать на английской почве. Ведь никто не пожелает добровольно отказаться от тех свобод, которыми владеет, тогда как республика, по его убеждению, попытается отобрать эти свободы у граждан³. Аналогичной точки зрения придерживался также Галифакс, утверждавший, что человечество не готово к республиканскому правлению из-за низких моральных качеств ряда граждан. На взгляд просветителя, для «возведения» республики необходим «особый материал» (добродетель, мораль, усердие), которого явно не хватает англичанам. Галифакс заключал: «республика непригодна для нас, поскольку мы не подходим для республики»⁴.

Более подходящим для Англии просветители считали монархическое правление. Как утверждал Галифакс, «монархия любима народом за колокольный звон и блеск, пышность и украшения. Как молоко матери необходимо младенцу, так и все атрибуты монархии

¹ The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax (далее — The Works of Halifax). Op, cit. P. 53.

² Ibid. P. 54.

³ A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman (далее — A True Collection). L., 1703. P. 150–151.

⁴ The Complete Works of Halifax. P. 174.

необходимы для ее почитателей... Разумные же люди убеждены, что она имеет многие преимущества над всеми другими формами правления»¹. Но какую монархию просветители имели в виду? К примеру, Дефо выделял несколько типов монархии: «выборную», «наследственную», «абсолютную», «ограниченную». Как выясняется, большинство просветителей к абсолютной монархии относились с осуждением. Локк отмечал, что при абсолютизме вся власть находится в руках одного правителя, и потому весьма затруднительно найти судью, который мог бы «справедливо и беспристрастно и авторитетно рассудить и на основании решения которого можно ожидать помощи и возмещения любого ущерба или неудобства, которые можно претерпеть от самого владыки по его приказу». Отсюда Локк делал вывод о том, что абсолютная монархия «несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления»².

Особенно острой критике подвергли просветители узурпацию власти тираном, когда абсолютизм превращается в тиранию. Под «тиранией» Локк подразумевал «управление без установленных постоянных законов»³. Болингброк называл тиранию «худшей из всех форм правления». На его взгляд, самое серьезное преступление, какое только может совершить человек, это — стать тираном и начать использовать свою власть с целью разорения и доведения до нищеты целой нации. Монархию, при которой произвол заменит собой любое правление, Болингброк называл «великой нелепостью», полагая, что как форма правления она подходит «скорее дикарям, чем цивилизованным людям»⁴. Аналогичной точки зрения придерживался также Свифт, заявлявший, что деспотическая власть — «еще более величайшее зло, чем даже анархия». Он утверждал, что к абсолютному монарху следует относиться как к «единому врагу всего человечества». Ненависть к тирании просветитель пронес через всю свою жизнь и в «Путешествиях Гулливера» написал: «Больше всего я наслаждался лицезрением людей, истреблявших тиранов и узурпаторов и восставливавших свободу и поправные права угнетенных народов»⁵.

Как видно, просветители одинаково негативно отзывались, как об абсолютной монархии, так и о республиканской форме правления. Темпл вообще приходил к заключению, что все формы правления

¹ Ibid. P. 54.

² Локк Д. О государственном правлении. С. 52.

³ Там же. С. 52.

⁴ Bolingbroke H. St. J. A Collection of Political Tracts. L., 1748. P. 266, 285; Болингброк. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 206.

⁵ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 304.

несовершенны. «Абсолютная монархия разоряет народ, ограниченная форма опасна для правителя, правление аристократии подвержено соперничеству великих и угнетенных низших слоев, демократия — народным волнениям и беспорядкам, и как тирания заканчивается обыкновенно народными мятежами, так и последние нередко приводят к тирании». Поэтому просветитель был убежден, что совершенную форму правления столь же бесполезно искать, как и изобретать единое от всех болезней лекарство или философский камень¹. И, тем не менее, подобную «совершенную» форму правления просветители нашли в конституционной монархии. Они неоднократно высказывались с восхищением об установившейся в стране после Славной революции «ограниченной» монархии. Конституционная монархия представлялась просветителям гармоничной формой правления. Правление Англии — это ограниченная монархия, при которой, как писал Дефо, власть правителя определяется законами, «народные права утверждены на протяжении веков», монарх, лорды и общины, участвующие в управлении государством, имеют собственные привилегии, но действуют в согласии, что и приводит «к гармонии конституции»².

Свое восхищение конституционной монархией высказал Галифакс, которому особенно импонировало в ней органичное единение власти и свободы. При «ограниченной» монархии, полагал просветитель, правителю предоставлено «почетное право командовать свободными людьми, а подданным — испытывать удовлетворение оттого, что власть так хорошо устроена и их свободы обеспечены». В чем же Галифакс видел это «хорошее устройство»? Прежде всего в том, что корона обладает достаточной властью, но не способна к разрушительным действиям, и что она носит скорее характер «ограничительный», чем «разрушительный». Кроме того, при данной форме правления народ распоряжается необходимой свободой, чтобы защищать свои интересы. В результате закон, ограничивающий власть короны, четко разделял рабство и подчинение, беспредельную прерогативу правителя и безграничную свободу подданных³.

На взгляд просветителей, ограниченная монархия имела ряд преимуществ перед другими формами правления. По мнению журналиста, друга и соратника Р. Стиля — Джозефа Аддисона, конституционная монархия «сосуществует с общественным миром и спокойствием»⁴.

¹ The Works of Sir William Temple. Vol. 2. Edinburgh, 1754. P. 364.

² Defoe D. A True Collection. Vol. 1. P. 400.

³ The Complete Works of Halifax. P. 62.

⁴ Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894 (далее — Addison J. Selections from the Spectator). P. 118.

Данная форма правления позволяет также охранять гражданские свободы, что для просветителей имело чрезвычайно важное значение. Не менее значимым было то, что при конституционной монархии соблюдаются установленные законы. Поскольку именно закон ограничивает власть монарха, не позволяя ему превратиться в деспота и тирана, утверждал Джон Сомерс, то правитель обязан в полной мере подчиняться его действию. Если же он нарушает закон, то тем самым подрывает основы своей власти. Галифакс считал, что только при конституционной монархии можно добиться расцвета образования и знаний в стране.

Между тем, какие бы достоинства ни приписывали просветители конституционной монархии, они не могли не затронуть главной цели буржуазии, установившей данную форму правления, а именно: ее стремления добиться максимального ограничения королевской власти. Наиболее ярко эта мысль прослеживается в рассуждениях Болингброка, утверждавшего, что после Славной революции английская конституция «перестала быть загадкой, власть короны четко ограничена, химера прерогативы устранена, и права подданных не являются более проблематичными». Болингброк подчеркивал: при конституционной монархии король перестает быть верховным правителем, а становится всего лишь «винтиком», хотя и главным, в политическом и государственном механизме управления. «Ныне король Британии, — писал он в «Рассуждении о партиях», — точно и определенно является тем, кем король всегда должен быть — членом — правда, верховным членом, главой — политического организма, во всех своих проявлениях он остается частью единого... целого... не существует в отрыве от этого целого, независимо от него; отныне ему не дано двигаться по иной орбите, нежели его подданные, он не может, словно некая высшая планета, притягивать, отталкивать, определять и направлять их деяния своими собственными. Он и они — части одной системы, тесно связанные и работающие сообща, действующие и воздействующие друг на друга, ограничивающие один другого и ограничиваемые им, подчиняющие его, но и подчиненные ему»¹. Таким образом, Болингброк видел преимущества ограниченной монархии в том, что при «смешанном» правлении появляется возможность с большей легкостью умерять силами аристократии и демократии королевскую власть. Подобная мысль откровенно прозвучала также в высказывании лорда Сомерса. При ограниченной монархии, признавал он, «мы не обязаны больше открывать свои кошельки без распоряжения и согласия наших представителей, которым мы дове-

¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. Указ. соч. С. 165, 170.

рили заботу о своих интересах; у нас нет теперь причин опасаться, что будут установлены налоги, в которых нет необходимости, если только они устанавливаются не ради сохранения наших жизней, свобод и религии»¹. Как видно, экономические интересы буржуазии оказывали давящее влияние на выработку ею политической структуры государственного правления.

Таким образом, подвергая критике республиканское правление и абсолютную монархию, буржуазные идеологи выступали в защиту ограниченной монархии, не только в теории, но и на практике становясь апологетами установившегося в Англии социального строя. Примечательно, что защитниками данной формы правления в равной мере становились представители обеих политических партий, поскольку существующий строй одинаково отвечал интересам как «денежных», так и «земельных» людей. Теоретические рассуждения просветителей относительно преимуществ установившегося в стране правления «смешанной» монархии вряд ли приобрели должный вес, если бы не следствия данной теории, воплотившиеся в известном положении о «разделении» и «равновесии» ветвей власти.

«Разделение властей» и «равновесие сил»

Краеугольный камень в концепции правового государства — принцип «разделения» ветвей власти — сделался в XVIII веке основополагающим в просветительской идеологии стран Европы и Америки. Все английские просветители также являлись убежденными приверженцами теории «разделения властей». Одним из первых об этой теории заговорил Дж. Локк. Необходимость соблюдения данного принципа в правлении он объяснял следующим образом. Правитель государства, который пользуется правом издания законов, может пожелать сосредоточить в своих руках и право на их исполнение для того, чтобы самому не подчиняться тем из них, которые неуютны, либо невыгодны ему самому. Поэтому-то и необходимо провести разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную². Ему вторил Дж. Свифт, который утверждал, что управление государством нельзя вверять в руки немногих и что хорошо устроенным может считаться только такое государство, в котором власть разделена.

Отстаивая принцип «разделения» властей, все просветители сходились во мнении, что верховной должна оставаться законодательная власть. «Во всех случаях, пока существует правительство, — писал

¹ *Somers J. A Vindication of the Proceedings of the Late Parliament of England... // A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Vol. 10. L., 1813. P. 263.*

² *Локк Д. О государственном правлении. С. 83, 84.*

Локк, — законодательная власть является верховной: ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их... Все остальные власти... проистекают из нее и подчинены ей»¹. Аналогичного мнения на верховенство законодательной власти придерживался и Болингброк. Он полагал, что тот, кто издает законы для всех, и должен быть верховным².

Законодательная власть должна принадлежать коллективному органу, полагали просветители. Только при таком условии, рассуждал Локк, каждый гражданин станет подданным тех законов, которые сам как член этого законодательного учреждения и установил. В Англии таким органом с полномочиями законодательной власти являлся парламент. Именно парламент в состоянии обеспечивать через издание законов неприкосновенность собственности граждан, и в этом заключалась, на взгляд просветителя, его главная миссия³. Болингброк полагал, что только парламент способен сохранять свободы граждан, заявляя: «Парламенты — истинные хранители свободы, именно с этой целью они и были созданы»⁴.

Центральное место в парламенте просветители отводили палате общин, хотя некоторые из них (лорды Галифакс, Сомерс, Болингброк) заседали в палате лордов. К примеру, Болингброк утверждал, что участие лордов в работе парламента несущественно, поскольку они ответственны за свою деятельность «перед Богом, перед своей совестью, перед судом общественной славы и — более ни перед кем». Напротив, палата общин представляет народ и потому несет ответственность перед своими избирателями. Болингброк считал обязательной подотчетность всех членов палаты общин перед народом. Если народ одобряет деятельность депутатов, то их полномочия продлеваются на новый срок. Но если же их работа по какой-то причине не устраивает сограждан, то они вправе отозвать неугодного депутата, что позволит избежать «множества неудобств и злоупотреблений» и достичь «множества мудрых и справедливых целей»⁵.

Признавая за палатой общин главенствующую роль в парламенте, просветители большое внимание уделяли рассмотрению вопросов о том, кого следует избирать в парламент и кто обладает правом голоса. Существующая избирательная система не вполне устраивала просветителей. К примеру, Дефо ратовал за равномерное представительство депутатов от графств и городов. Он приводил в пример

¹ Локк Д. О государственном правлении. С. 86.

² Bolingbroke H. St. Political Tracts. Op. cit. P. 263.

³ Локк Д. Указ. соч. С. 55, 80–81.

⁴ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 174.

⁵ Там же. С. 189–190.

графство Корнуолл, в котором фригольдеры избирали двух представителей в парламент, тогда как города того же графства — сорок депутатов. Дефо отмечал, что продолжают посылать кандидатов даже города, которые «давно мертвы», либо с таким бедным населением, которое просто не в состоянии оплатить свои расходы на выборы. В то же время многие большие и богатые города вообще не имеют своих представителей в парламенте. В результате подобное неравномерное представительство «открывало дорогу мошеннической деятельности на выборах, проявляющейся чаще всего в подкупе голосов избирателей, предоставлении избирательных прав лицам, проживающим за пределами данного округа, с целью получения дополнительных голосов, в дебошах во время выборов, когда целые города спаивали и угощали на протяжении месяца, а иногда двух и более, с тем, чтобы получить нужные голоса избирателей»¹.

Дефо подверг резкой критике присущие избирательной системе Англии такие негативные явления, как коррупция и взяточничество. Одну из причин подкупа голосов Дефо усматривал в слишком больших расходах (от 2 до 11 тыс. ф. ст.), которые выпадали на долю каждого из кандидатов в парламент. Многие джентльмены разорялись, попадая в палату, констатировал просветитель, и потому, став депутатом, желали получить своеобразную компенсацию за это и брали взятки от любой партии или отдельных лиц. Подкуп и взяточничество, подчеркивал Дефо, осуждались многими парламентами, предпринимались различные попытки, направленные на искоренение подобной практики, принимались многочисленные законы, резолюции, указы, но все оказывалось бесполезным: «коррупция велась настолько открыто и нагло, как будто бы и не существовало суровых законов против нее». Можно написать целые тома по поводу искоренения подобного «неприятного явления», сетовал Дефо, но мало что от этого изменится, поскольку закон, направленный против коррупции, «ограничен во времени и не является постоянно действующим». К тому же подкуп и взяточничество одинаково практикуются обеими палатами парламента и обеими партиями — тори и вигами, а законопроекты против коррупции обсуждаются чаще всего теми же членами парламента, которые сами замешаны в подобном преступлении².

Дефо обращал внимание также на моральный аспект негативных явлений избирательной системы, на то разлагающее влияние, которое оказывали своими действиями кандидаты, стремившиеся попасть в

¹ A True Collection. Vol. I. P. 176–177.

² Defoe D. The Candidate: Being a Detection of Bribery and Corruption As It Is Just Now in Practice All Over Great Britain in Other to Make Members of Parliament. L., 1715. P. 4–9.

парламент, на народ. Выборам, как правило, сопутствовали драки, сквернословие, битье стекол в окнах, отмечал памфлетист. «Город во власти винных и пивных паров; бренди, эль и вино закрывают глаза и рты толпе, которой предстоит решать, кого им следует избирать. Бедный народ, которого споили, должен выбрать законодателей в парламент, которые примут законы против пьянства», — с горечью констатировал Дефо¹.

Просветитель полагал, что депутаты, избранные ценой купли-продажи голосов избирателей, очень часто продают свои интересы, а заодно и свое отечество. «Разумно предположить, — писал памфлетист, — что те, кого купили, могут продать... торговлю, религию, мир, короля, корону и все то, что ценно и дорого для нации». До тех пор, пока избранные депутаты парламента будут руководствоваться требованиями и желаниями отдельных личностей и партий, и голосовать, исходя из меркантильных соображений или по причине оказанного на них давления, совершенно невозможно достигнуть достойного представительства, заключал Дефо².

Кто же в Англии должен был пользоваться избирательным правом? Все просветители выступали в поддержку высокого имущественного ценза для выборщиков, однако расходились во мнении, чьим интересам, «денежным» или «земельным», отдать предпочтение. Свифт поддерживал «земельных людей». Критикуя существующую избирательную систему, согласно которой правом выбора обладали тем, кто имел не менее 40 шиллингов годового дохода, просветитель утверждал, что подобная система изжила себя, потому что устарела, а также из-за коррупции. В этой связи избирательное право следует предоставлять тем, кто владеет земельной собственностью. Свифт предлагал повысить размер имущественного ценза для выборщиков, а также допускать в их ряды исключительно землевладельцев.

Свифт ни на минуту не сомневался также в том, что те, кого избирают в парламент, должны происходить из имущих слоев, в первую очередь из числа землевладельцев. В памфлете «Мысли о различных вопросах морали и развлечений» он со всей категоричностью заявлял: «Закон в свободной стране должен устанавливаться большинством тех, кто владеет земельной собственностью». Во всех, «хорошо устроенных государствах, — рассуждал далее просветитель, — власти пекутся об ограничении владений собственности своих граждан, причем делается это нередко с целью повышения их стимула к заботе об общественном благе». Явно утопичными звучали утверждения Свифта о том, что люди, которые приобретут столько собственности,

¹ Ibid. P. 13.

² Defoe D. The Free-holders Plea...Op. cit. P. 172, 174–175.

сколько им позволит закон, тотчас же начинают проявлять заботу об интересах и благе общества¹. Защитник интересов имущих слоев Свифт целью «хорошего» правления считал стремление правителя охранять частную собственность граждан. Поэтому доверять заботу об охране собственности, полагал просветитель, следовало тем, кто «сам платил за свои выборы», то есть крупным собственникам². К представителям «денежных» интересов Свифт относился с явным презрением, считая их людьми «незначительными, низкими и презренными». Он полагал, что если «денежные интересы» предпочтут «земельным», то конституции грозит опасность, и потому поддержал билль «О квалификации», предписывавший службу в парламенте только тем, кто владеет землей. По мнению Свифта, данный закон мог послужить «надежной гарантией в деле сохранения конституции»³. Иначе подходили к данному вопросу те просветители, которые защищали интересы «денежных людей». К примеру, лорд Сомерс считал «абсурдным» утверждение, будто земельная собственность считается единственно важным критерием для тех, кого избирают в парламент. Аналогичного мнения придерживался и Дефо.

Но если просветители расходились во мнении, чьи интересы — «денежные» или «земельные» — должны отстаивать депутаты в палате общин, то в вопросе о лишении избирательных прав трудящихся они были едины. В представлении Свифта избирательными правами могли пользоваться исключительно имущие слои. Ремесленники, квалифицированные рабочие, мелкие торговцы и фермеры, не говоря уже о крестьянах и ремесленниках, принадлежали к тому «низшему сорту людей», которых Свифт исключал из права участия в политической жизни общества. Как справедливо подметил британский ученый И. Эхренпрайз, Свифт оставлял за неимущими лишь право пассивного подчинения законам⁴. Против избрания в парламент представителей трудящихся выступал также Дефо, который полагал, что «заполнение палаты ремесленниками, лавочниками приведет к разрыву основ государственного правления и благосостояния нации»⁵. Несколько отличалась по данному вопросу позиция лорда Сомерса.

¹ *Thoughts on Various Subjects Moral and Diverting* // *The Works of J. Swift*. Vol. II. P. 304–305.

² *Swift J. Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church*. Oxford, 1940. P. 15. *The Examiner*. L., 1712. P. 124.

³ *Ibid.* P. 169.

⁴ *Ehrenpreis I. Swift on Liberty* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. XIII. L., 1952, N 2. P. 137.

⁵ *Defoe D. The Six Distinguishing Characters of a Parliament Man*. L., 1700 // *A True Collection*. Op. cit. P. 280–281; ejused. *The Free-holders Plea Against Stock-jobbing Elections of Parliament Men* // *A True Collection*. P. 179.

При обсуждении в палате лордов в 1697 г. законопроекта о повышении имущественного ценза для горожан, прежде всего для купечества, Сомерс выступил с речью, в которой требовал «разумного» отношения к свободе выборов. На его взгляд, «несправедливо» и жестоко чинить препятствия бедному человеку, чья репутация могла бы позволить одержать ему победу на выборах и который мог рассчитывать на финансовую поддержку людей состоятельных в случае, если бы занял место в парламенте. Кто знает, был ли искренен лорд, когда заявлял о необходимости предоставления избирательных прав малоимущим гражданам, или это был с его стороны всего лишь популистский лозунг, преследовавший своей целью привлечение на сторону партии вигов широкой поддержки избирателей? Так или иначе, но большинство просветителей твердо придерживались решимости не допустить в политическую жизнь общества неимущие слои населения. Тем самым просветители поддерживали политику исключительно имущих слоев, направленную на сохранение кастового характера законодательного органа страны.

Большое внимание просветители уделяли кандидатурам лиц, избираемых в парламент. «Когда кандидаты предлагают свои кандидатуры для служения страны, — утверждал Стиль, — разумно поинтересоваться, каким образом они это намерены делать, и смогут ли с должным вниманием относиться к свободам и благополучию нации?»¹. Просветителя глубоко возмущал тот факт, что порой совершенно невежественные во многих вопросах люди претендовали на право издавать законы для страны, и потому он призывал своих сограждан заставить подобных невежд отказаться от опасных замыслов — проникнуть в парламент.

О том, кто должен заседать в палате общин, Дефо написал специальный памфлет: «Шесть характерных качеств депутатов парламента». В парламент надлежит избирать людей состоятельных, религиозных, образованных, придерживавшихся «ортодоксальных принципов и морали». Не следует допускать к выборам католиков, атеистов, еретиков, так как они не будут поддерживать протестантскую религию должным образом. Не подходят для парламента глупые, бесчестные люди, повесы и щеголи, а также слишком юные англичане. Представлять интересы графств в палате общин должны люди разумные, высокообразованные, умеющие разбираться в вопросах торговли, сельского хозяйства, а также свободах, законах королевства, и способные защищать их. Непременное качество депутата — честность. Хотя и предполагается, что избрание состоятельных людей в парламент устранил интерес к должностям и пенсиям со стороны двора в обмен

¹ The Englishman. P. 36.

на свободы нации, но, как замечал Дефо, обстоятельства изменились: «подкуп и взяточничество сделались нынче обычным явлением среди парламентариев»¹.

Особое внимание просветители уделяли моральным качествам парламентариев. По мнению Болингброка, хороший парламентарий — это честный, неподкупный человек, которому «не совестно предстать с отчетом перед избирателями». Кроме того, депутат должен быть бережливым, энергичным, мужественным, сведущим в вопросах политики, устройства дел в государстве и в своем графстве. Ему надлежит со вниманием относиться к торговле и финансам и всегда оставаться «ревностным защитником свобод народа»².

Подробно на характеристиках депутатов, которых надлежит избирать в парламент, остановился Галифакс. На взгляд маркиза, парламентариям не следует забывать, что их главная цель — это «благо тех, кто их избирает». Между тем, английский парламент весьма далек от совершенства, поскольку, напоминая собой «войска противоборствующих партий, стремящихся к достижению преимуществ каждая для себя». К тому же, некоторые депутаты много говорят о защите свобод народа, но мало делают для реализации своих обещаний. Задумываясь над тем, как же улучшить существующее положение дел в парламенте, Галифакс пишет памфлет «Некоторые предостережения, предлагаемые вниманию тех, кому предстоит избирать членов будущего парламента». В нем он подробно разъясняет, кого не следует избирать в парламент. Галифакс сомневался в том, что кандидаты, стремившиеся в парламент, не думали о личной выгоде. Человечество настолько продажно, утверждал маркиз, что было бы «наивным и смешным» допустить, будто у тех, кто избирается в парламент, отсутствует личная выгода. Он настоятельно рекомендовал отбирать кандидатов «особенно тщательно», поскольку народ доверяет парламентариям свои свободы и деньги. Галифакс напоминал депутатам, избранным в парламент о том, что они не должны «манкировать своими обязанностями». «Если они не посещают заседания из лени, — писал он, — то пусть и остаются дома, а если не являются в палату, чтобы избежать процедуры голосования по важным вопросам, то позвольте им остаться мудрыми, но никогда впредь не выдвигайте на должности, где требуется служение народу». Предостерегая избирателей от выбора депутатов, «пренебрегающих своими обязанностями», Галифакс заявлял, что будь его воля, то подобных «слуг народа» он заточил бы в тюрьму как «банкротов, не выплативших долги». У него

¹ Defoe D. The Six Distinguishing Characters of a Parliament Man. Op, cit. P. 179.

² Bolingbroke H. St. Political Tracts. P. 275.

не вызывали доверия и те парламентарии, которые, хотя и присутствуют на заседаниях, однако в мыслях «витают далеко» и заняты лишь «своими личными делами». Подобных депутатов, равно как и лиц, «чрезмерно занятых своим бизнесом», Галифакс не советовал избирать в парламент. Он считал, что сверх меры «активные бизнесмены» вряд ли будут объективно рассматривать вопросы, связанные с общественными интересами.

Просветитель категорически высказывался против избрания в парламент лиц, отличавшихся пристрастием к спиртному. «Очень вероятно, — писал он, — что принципы таких людей будут столь же основательными, как содержимое в их бутылках, на дне которых они черпают свои аргументы». У него не вызывали доверия также лица с небольшим достатком, но обремененные многочисленными домочадцами. Допуская, что среди людей с небольшим достатком найдется немало таких, «чьи добродетели возвышаются над их желаниями», просветитель, однако, не советовал бороться с искушением и предлагал исключить возможность подкупа, избирая в парламент более состоятельных граждан. Да, и вообще Галифакс был твердо убежден в том, что нельзя избирать в парламент лиц, «не владеющих значительной собственностью» в графстве или бурге (городе). На его взгляд, «чужаки» вряд ли позаботятся об устранении «злоупотреблений» в графстве, которое для них «чуждо»¹.

В соответствии с теорией «разделения властей», исполнительная власть в Англии принадлежала монарху. Первейшей обязанностью монарха просветители считали его подчинение законам, которые издает парламент. Именно законы должны ограничивать исполнительную власть, возложенную на правителя. Дефо осуждал людей, которые утверждали, что «король превыше закона». Просветитель полагал, что подобные высказывания нарушают одну из первейших заповедей конституционного правления, гласившую: «закон правит королем», и потому король обязан подчиняться закону согласно коронационной клятве. Аналогичной точки зрения придерживался и Галифакс². Болингброк же распространял подчинение закону на все ветви власти. В «Политическом катехизисе фригольдера» он писал: «Король не может обладать большей властью, чем та, которая вверяется ему законом. Законодательная власть также обязана править в соответствии с установленными законами»³.

¹ The Complete Works of Halifax. P. 162–167.

² Defoe D. The Judgment of Whole Kingdoms and Nations Concerning the Rights, Power and Prerogative of King and the Rights, Privileges and Properties of the People (далее — The Judgment) L., 1710. P. 28, 30; The Complete Works of Halifax. P. 180.

³ Bolingbroke H. St. Political Tracts. P. 263.

Ратуя за подчинение короля закону, просветители в то же время допускали закрепление за монархом определенной прерогативы. По определению Локка, прерогатива короля означала «право творить общественное благо без закона». К королевской прерогативе относилось: право созыва и роспуска законодательного органа, право войны и мира, участия в коалициях и союзах, а также право «вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства». Сохранение за правителем прерогативы объяснялось, по словам Локка, тем, что в природе «существует много вещей, которых закон никак не может предусмотреть», и эти-то вопросы предоставляются на рассмотрение правителю. Локк подчеркивал: «прерогатива не может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному выбору, когда закон молчит». Но если народ увидит, что власть правителя не направлена на общественное благо, то он вправе эту прерогативу ограничить. Все это будет соответствовать закону, поскольку поступая подобным образом, народ требует, чтобы та власть, которую он передал в руки правителя, была употреблена на благо народа¹.

Большое внимание просветители уделяли нравственным и деловым качествам верховного правителя. Стиль полагал, что монарх должен быть прежде всего «хорошим человеком, во все вникающим и связанным священной клятвой в том, что врученная ему власть будет направлена на служение обществу». Монарх обязан управлять народом в соответствии с установленными парламентом законами и вообще быть «другом» и «покровителем» для своих подданных. Стиль считал, что верховный правитель должен обладать скромностью, мудростью, справедливостью, добротой, искренностью, патриотизмом и т. д. Просветитель полагал, что как только мнение подданных о правителе изменится в худшую сторону, его власти «придет конец»².

Просветители обращали также особое внимание на взаимоотношения правителя с народом. Галифакс считал, что «без любви не может быть настоящей преданности», и если подданные боятся правителя в силу того, что он вправе их наказать, то они могут пожелать от него избавиться. Поэтому правитель не должен «сосуществовать со своим народом как пленник, находящийся в стане неприятеля, готовый в любой момент с помощью оружия отразить нападение извне», а обязан постараться завоевать любовь и уважение своих подданных. И если монарх не наносит вреда своему народу, «не изводит его рабским подчинением», то он вправе надеяться на подчинение и послушание с его стороны. Особо оговаривал Галифакс требование, которое правитель

¹ Локк Д. О государственном правлении. С. 84, 89, 93–96.

² The Englishman. P. 15, 129.

должен, на его взгляд, предъявлять к окружающим его лицам — ни в коей мере не допускать, чтобы на него оказывали какое-либо давление придворные или министры. «Власть правителя уменьшается, когда он делит ее со своими фаворитами — подчеркивал просветитель. — И вообще, партнер в правлении совершенно противоестественен»¹.

Поскольку исполнительная власть осуществлялась правителем через министров, просветители уделяли большое внимание вопросу о министерской ответственности. Заметим, что впервые об ответственности министров за управление страной заговорили представители партии тори в парламентах Реставрации. В эпоху Просвещения вопрос об ответственности министров сделался в повестке дня работы парламента постоянным. Чехарда кабинетов министров, сменявших друг друга за короткий промежуток времени, требовала от парламентариев соответствующей реакции. Все чаще в палате общин начали раздаваться призывы «призвать к ответу» того или иного проштрафившегося министра. Создавались парламентские комиссии и комитеты, призванные расследовать деятельность государственных мужей, допустивших просчеты или проявивших некомпетентность в своей деятельности. Некоторые просветители (лорды Сомерс и Галифакс) также побывали в роли министров, которых «призывали к ответу».

Как же просветители относились к вопросу о министерской ответственности? К примеру, Стил был убежден, что монарх не может «дурно поступать», и что министры, а не правитель, ответственны за все злоупотребления власти. Обращаясь к событиям гражданской войны в Англии, журналист подчеркивал, что если бы король Карл I всю вину за промахи в своем правлении переложил на плечи министров и судей, посовествовавших ему собирать «корабельные деньги» без согласия парламента, то, возможно, убийства «несчастливого правителя» и не произошло. Стил усматривал причину всех бед в королевстве, во время которых «текли потоки крови народа», именно в «плохих» министрах. Окружая правителя, они «ставили свои амбиции превыше законов и всевозможными уловками связывали руки слабых, молчаливых подданных, а не величественного монарха». В результате, «бесчестно добившись усиления своей власти больше, чем допускал закон, — писал на страницах журнала «Инглишмен» Стил, — министры ставили правителя и народ в затруднительное положение, вызывая ревностные чувства и недоверие друг к другу»².

Просветители тесно связывали «плохое» и «хорошее» правление в стране с тем, какие люди возглавляли министерство. Как утверждал Темпл, «лучшее правление» — это то, где правят «лучшие люди», а

¹ The Complete Works of Halifax. P. 57–61.

² The Englishman. P. 105.

«дурное правление», где правят «дурные люди». Просветитель подчеркивал, что во все времена и у всех народов излюбленной темой разговоров становились недовольство и жалобы на плохое управление и коррупцию правительства. Сам Темпл допускал, что и впрямь эти упреки не всегда были беспочвенными, тем более, если учесть, что избавиться от подобных вещей весьма затруднительно по той простой причине, что административный аппарат состоит из людей, «которые по большей части подвержены страстям, интересам, несправедливы и неразумны, но от природы беспокойны и непоседливы, недовольны настоящим и в надежде на лучшее будущее стремятся к переменам». И потому до тех пор, пока все люди не станут «мудрыми, добрыми, легко идущими на компромисс», вряд ли можно рассчитывать на формирование хорошего административного аппарата. Пока же приходится довольствоваться теми «великими мужами» в министерстве, которые «оставили мир почти таким же, каким нашли его», то есть практически без изменений. При таком управлении, даже если конституция совершенна, а законы справедливы, но администрация «дурна, невежественна или подкуплена, слишком строга или слишком мягкотела, небрежна или жестока», вряд ли можно считать недовольство народа подобным министерством несправедливым¹. Галифакс оправдывал просчеты и ошибки управленческого аппарата отсутствием в нем людей компетентных и деловых. «Так много требуется для того, чтобы быть хорошим министром, — сокрушался он, — что неудивительно, что таких находится немного в мире»².

Надо заметить, что при рассмотрении вопроса о министерской ответственности некоторые просветители в просчетах в управлении государством винили не только министров, но саму систему, которая позволяла на их должности выдвигать людей некомпетентных или бесчестных. Так, Дж. Аддисон полагал, что большой вред управлению страной наносит «непоследовательность» сильных мира сего, проявлявшаяся в их стремлении, как можно чаще менять министров. «Истинной напастью для страны, — писал Аддисон в журнале «Фригольдер», — стало то, что министров наших сменяют как раз тогда, когда они обретут искусность и опыт в свое деле; беда же эта постигает их не потому, что они ее заслужили, но потому, что нам угодно видеть новых людей на высоких почетных постах»³. Просветитель склонялся к мнению, что не чехарда перемен в министерстве, а последовательность и постоянство в выборе государственных чиновников приносят большую пользу для управления страной.

¹ The Works of Sir William Temple. P. 361–366.

² The Complete Works of Halifax. P. 217.

³ Аддисон. Эссе из журнала «Фригольдер» // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987. С. 89.

Вопрос о перестановках, порой и необоснованных, в министерстве занимал также Дефо, который выступил по этому поводу со статьей в журнале «Ревю». Просветитель признавал, что любые перемены в министерстве, вызванные желанием правителя или приходом к власти одной из конкурирующих партий, всегда «создают определенные трудности для подданных». Но насколько оправданы подобные перемены в высших эшелонах власти? На взгляд Дефо, ориентиром в подобных переменах должна оставаться конституция, и «пока министерство поступает в соответствии с конституцией, каждый подданный, руководствуясь общественным благом, спокоен». Монарх волен в выборе кандидатур в своей администрации, и подданный не должен ничего предпринимать, чтобы заставить его произвести перестановки в министерстве, назначив одних или сместив других его членов. «Дело не в том, кто вхож в администрацию, но в том, как они управляют», — заключал Дефо¹. Если министры поступают «противоправно, незаконно, деспотически и несправедливо», нарушают законы и конституцию, только тогда подданные вправе требовать от правителя их отставки.

В своих рассуждениях об исполнительной власти просветители нередко высказывали предложения, направленные на улучшение государственного аппарата. В памфлете «Государственные принципы» Галифакс указывал, какими соображениями обязан руководствоваться правитель, желающий составить хорошее правительство. Он советовал при выборе министров учитывать в большей мере заслуги, а не лояльность кандидатов на должность. Не следует забывать, писал просветитель, что только «определенные качества и достоинства могут служить основанием для вхождения в состав правительства, а невежество, хотя и высокородное, никогда не должно допускаться к общественным делам»².

В соответствии с теорией «разделения властей», третьей властью в государстве считалась судебная, рассмотрению вопроса о которой просветители также уделяли немало внимания. Больше всего просветителей беспокоило, чтобы судьи, которым надлежит стоять на страже законов, не стали орудием воли правителя. Как подчеркивал юрист по профессии лорд Сомерс, судьи зачастую поступают вопреки данной ими клятве и наказывают безвинных людей, что не только препятствует справедливому отправлению правосудия, но угрожает стабильности конституции и может спровоцировать установление в стране деспотического правления. Галифакс также высказывал опа-

¹ Defoe D. A Review of the State of the English Nation. Vol. 8. L., 1711. P. 338–339.

² The Complete Works of Halifax. P. 180–182.

сения в том, что могут произойти нежелательные последствия, если правосудие начнет испытывать давление «сверху», либо попадет в руки «несведущих людей». «Народ опасается, что из древа закона, от которого мы ожидаем защиты и покровительства, — заявлял просветитель, — такие деятели начнут с его помощью избивать нас дубинками и покушаться на нашу собственность, которую мы им вручали ради защиты»¹. Просветитель обращал внимание на запутанность судопроизводства и некомпетентность судебных чиновников, что наносило большой вред правосудию в целом. Ведь порой, сетовал Галифакс, «требуется больше знаний для объяснения законов и их толкования, чем для их издания», и складывается впечатление, будто юристы в своей деятельности поклялись не выдавать каких-то секретов. Если же законы «правильно толковать» и со вниманием к ним относиться, то они обращаются в «сокровища» страны.

Чтобы обезопасить народ от злонамеренных действий со стороны отдельных некомпетентных или просто бесчестных судебных чиновников, необходимо, считали просветители, добиться такого положения, при котором судьи будут связаны только законом, а не чьей-либо волей. Именно поэтому они уделяли большое внимание рассмотрению вопроса о правосудии. Наиболее подробно данная проблема освещена Локком. Философ тесно увязывал понятия «закон» и «свобода», полагая, что только с помощью закона возможно добиться сохранения и расширения свободы. На его взгляд, «там, где нет законов, там нет и свободы». Именно закон способен стать своего рода «направлением» для человека в его деятельности, предписывая тому совершать то, что служит общему благу. Цель закона заключается в том, чтобы сохранить безопасность как государства в целом, так и каждого гражданина в отдельности, его личности и имущества². Следует признать, что большинство просветителей считали целью издания законов именно сохранение собственности. Забота об ограничении с помощью закона власти правителя, за которой, по сути дела, стояло стремление сохранить в неприкосновенности собственность имущих слоев, заставляла буржуазных идеологов обращаться в поисках аргументов к теории «равновесия сил» или «равновесия властей». Данная теория, на наш взгляд, впервые была разработана именно английскими просветителями и потому заслуживает особого внимания.

По утверждению Ф. Энгельса, «первое положение конституционной монархии заключается в равновесии властей»³. Неудивительно

¹ Ibid. P. 53.

² Локк Д. О государственном правлении. С. 34; он же. Письмо о веротерпимости. С. 60.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 621.

поэтому, что все просветители, защищавшие ограниченную монархию, ратовали за необходимость сохранения «равновесия» ветвей власти в государственном устройстве. Болингброк уверял, что только благодаря «смеси монархической, аристократической и демократической власти, слитых воедино в одной системе», благодаря равновесию этих трех сил английская конституция «сохраняется столь долго в целостности и сохранности»¹. Аналогичной точки зрения придерживался Стил, который утверждал, что конституция сохраняется, а правление осуществляется «с легкостью», если каждая из сторон имеет собственную сферу действий и при необходимости объединяет совместные усилия. Но стоит только одной из сторон вмешаться в дела двух других, как заведенный порядок тотчас нарушается и конституция «впадает в конвульсии»². Свифт также защищал принцип «равновесия властей». Если же это равновесие нарушается «в силу небрежного отношения, безрассудства или слабости тех, у кого находится власть, либо какая-либо из сторон перевешивает две другие», неизбежно происходит ее концентрация в руках одной силы — устанавливается тирания. Причем, по мнению Свифта, тирания не определяется количеством правителей и узурпация власти в государстве может быть осуществлена не только одним человеком, но и несколькими людьми. Средство избежать нарушения равновесия властей Свифт усматривал в «определенности» ограничений, накладываемых на каждую ветвь власти, и в том, чтобы эти ограничения были «общеизвестными».

Свифт высказывал опасения, что нарушить равновесие властей может народ. На его взгляд, «нет ничего более опасного, чем позволить народу расширить свою власть», поскольку это неминуемо приведет к «фатальным последствиям». Как выразитель интересов имущих слоев Свифт опасался расширения власти народа, считая, что это повлечет за собой установление тирании. Он подчеркивал: «Большинство революций в Древних государствах Рима и Греции начиналось с тирании народа, а завершалось, как правило, тиранией одного человека». Обращаясь к истории Англии, Свифт прослеживал за тем, как изменения в равновесии властей влияли на расстановку сил в государстве. Со времени нормандского завоевания равновесие сил в королевстве часто менялось, а иногда полностью нарушалось. Причем немаловажную роль сыграли в этом общины, которые особенно укрепили свои позиции в правление Генриха VII Тюдора и его наследников. Усиление общин Свифт связывал с процессом расширения продажи земли знати, которая заметно усилилась после Реформации, когда на смену монастырским землевладельцам пришли светские лорды. В правление

¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 183.

² The Englishman. P. 115.

Елизаветы Тюдор, продолжал Свифт, равновесие властей находилось в более или менее стабильном положении. Но когда на политической сцене в Англии появились пуритане, обратившиеся к новым схемам правления в религии и республиканским принципам в правлении, то они смогли оказать давление на прерогативу, нарушили тем самым равновесие сил, что незамедлительно привело к революции. В ходе революции, полагал Свифт, пуритане попытались вначале ввести тиранию народа, а затем — одного лица. Просветитель считал, что даже сам Кромвель был вынужден считаться с принципом «равновесия властей» и в качестве противовеса усилению власти палаты общин он незадолго до того, как сделаться тираном, создал новую палату лордов. После Реставрации в правление двух «слабых правителей» (Карла II и Якова II Стюартов) равновесие сил находилось, на взгляд Свифта, на грани коллапса, и лишь только Славная революция упрочила баланс сил в государственном правлении¹.

Просветители выступали в поддержку более строгого разграничения функций между ветвями власти, усматривая в том гарантии стабильности конституции. Лорд Сомерс категорически высказывался против того, чтобы палата общин присваивала себе функции судебной власти и наказывала виновных. Между тем подобный инцидент имел место 29 апреля 1701 г., когда пятеро джентльменов из Кента подали петицию в парламент, в которой выражали свою обеспокоенность сложившейся обстановкой в стране. За это петиционеры по приказу палаты общин были взяты под стражу. Сомерс как юрист дал правовую оценку случившемуся и признал действия палаты незаконными, заявив, что коммонеры «взяли на себя функции им несвойственные», а это являлось прямым «нарушением прав и свобод королевства»². Просветитель считал необходимым поддержание установившегося равновесия сил в конституции и предостерегал «слуг народа» — парламентариев от присвоения ими полномочий, принадлежавших по закону исполнительной и судебной властям.

Хотя просветители выступали в поддержку принципа «равновесия властей», однако многие из них в своих высказываниях доказывали необходимость более строгого подчинения исполнительной власти парламенту. К примеру, Дефо полагал, что каждая из ветвей власти должна обладать привилегиями, которые необходимо равномерно распределять. Исполнительная власть (монарх) вправе облагать народ налогами и устанавливать пошлины, объявлять войну и заключать мир, вершить правосудие и даровать прощение. Причем, подчеркивал

¹ The Works of J. Swift. Vol. I. P. 293–294.

² Somers J. Jura Populi Anglicani or the Subject's Right of Petitions... L., 1701. P. 25, 26, 30.

просветитель, все эти прерогативы короля устанавливаются и оговариваются законодательной властью, т. е. парламентом. Таким образом, рассуждения Дефо о «равномерном» распределении привилегий между исполнительной и законодательной ветвями власти на деле оборачивались фикцией, поскольку из них становилась очевидной доминирующая роль, которую в государственном устройстве страны начал играть после Славной революции парламент.

Сторонником более сильной законодательной власти предстает и Локк. Неоднократно говорит он о том, что законодательная власть всегда верховна, а все другие ветви власти «проистекают из нее и подчинены ей». Что же касается исполнительной власти, то она не только занимает подчиненное и подотчетное перед законодательной властью место, но и может быть изменена и смещена ею¹. Указывая на то, что правитель не в состоянии справляться со всеми делами, которые возложены на него и порой допускает ошибки, Локк полагал, что именно парламенту надлежит на эти недочеты в правлении указать, а также предложить способы их устранения. «Парламент должен открыто и откровенно разговаривать с правителем, — писал Локк в памфлете «Старая законная конституция Англии». — Ошибки его правления, каковыми бы постыдными они ни были, не должны замалчиваться, а напротив, должны быть открыто обнародованы с тем, чтобы устранить их последствия». Правитель же обязан соглашаться с теми законопроектами, которые предлагает парламент. Локк отмечал также, что нередко правители злоупотребляют своей прерогативой, в результате чего нарушаются свободы нации. Поэтому парламент должен стоять на страже этих свобод и не допускать усиления прерогативы короля. Парламент обязан также контролировать деятельность министров. Локк полагал, что нужны совершенно иные стимулы для работы административных чиновников, нежели те, что существуют в Англии. «Если министров и их приспешников будут ожидать не титулы, голубые ленты ордена Подвязки, дары, пенсии, денежные вознаграждения, должности, конфискованные владения и т. д., а тюремные заключения, штрафы, публичные осуждения за их плохую деятельность, то мы очень скоро увидим совершенно иной стиль работы», — считал просветитель². Судя по высказываниям Локка, в конституции Англии должна существовать такая расстановка сил, при которой законодательная власть занимает превалирующее во всех отношениях положение. Естественно, что ни о каком действительном «равновесии» ветвей власти говорить не приходится.

¹ Локк Д. О государственном правлении. С. 96, 87, 89.

² Цит. по: Bourne Fox H. R. The Life of John Locke. L., 1876. Vol. 2. P. 319, 322.

Стремление усилить положение законодательной власти ярко проявилось в рассуждениях просветителей по поводу привилегий парламента, в особенности регулярности его созыва. Во время революции в Англии в 1641 г. был издан Трехгодичный закон, который предусматривал созыв парламента королем не реже одного раза в три года. В период Реставрации партия вигов вела упорную борьбу за то, чтобы сохранить данный закон, поскольку он не позволял монархам править без парламента. Короли Карл II и Яков II Стюарты в своем стремлении к абсолютизму попытались избавиться от «неудобного» для них закона. Яков в том преуспел, однако этот шаг стоил ему впоследствии трона, оказавшись отстраненной от управления буржуазия решилась на переворот, совершив Славную революцию. Законодательство Славной революции подтвердило действие Трехгодичного закона, в защиту которого просветители выступали неоднократно. Наиболее подробно на освещении данного закона остановился лорд Болингброк. Он не только выступал за частые созывы парламента, но даже предлагал ввести в практику ежегодные парламенты. Трехгодичный закон, принятый в правление Вильгельма Оранского, просветитель называл «прекрасным законом». В «Рассуждении о партиях» он неоднократно убеждал читателей в необходимости частых созывов учредительного собрания. «Сохранность нашей свободы, — писал Болингброк, — обеспечивается не только частыми созывами одного и того же парламента, но — в не меньшей степени частыми сменами состава парламента». При этом просветитель ссылался на законодательство Вильгельма Оранского, подчеркивая, что в нем было оговорено, что выборы должны быть свободными, а парламенты как можно чаще созываться. Поначалу, в первые годы правления Вильгельма эти законы, признавал Болингброк, соблюдались, быть может, «ввиду чрезвычайных обстоятельств, вызванных войной» (в ту пору шла война Аугсбургской лиги. — *Т.Л.*). Эта война требовала пополнения запасов продовольствия, а также боеприпасов для армии, в связи с чем и возникла необходимость столь частых созывов парламента. Болингброк считал, что подобную практику было бы неплохо сохранить и в мирное время. «Парламент должен созываться ежегодно, — утверждал он, — иначе... нашему правительству грозит беда». Парламенты должны также часто переизбираться, чтобы не оставалось достаточного времени для того, чтобы «большинство представителей народа могло быть вовлечено в сговор между министрами, а если это произойдет, чтобы этот сговор можно было бы вскоре и разрушить»¹. Как видно, просветитель усматривал надежное средство устранения

¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 177–179.

коррупции в парламенте в частых его созывах. Поэтому он приходил к заключению о необходимости введения в практику ежегодных, или, по крайней мере, трехгодичных выборов в парламент.

Как можно убедиться, в вопросе о «равновесии властей» слова у просветителей нередко расходились с делом. Хотя в своих рассуждениях они защищали принцип «баланса сил», однако на практике становились сторонниками смещения центра власти в сторону законодательного органа. Парламент создавал то законодательство, которое отвечало требованиям и интересам буржуазии, а потому те, кто эти интересы выражал — просветители, выступали как сторонники сильной законодательной власти. А их рассуждения о «равновесии сил» в конституции скорее были направлены против любых попыток правителя выйти за рамки отведенного ему законом (читай — парламентом) места.

Политические партии и двухпартийная система

Как уже отмечалось, в правление последних Стюартов большую роль в политической жизни страны стали играть партии тори и виги. Происходивший на рубеже XVII–XVIII вв. процесс становления двухпартийной системы затронул и прежние схемы государственного правления. Влияние партий, за которыми стояли победившие в Славной революции классы-собственники, сделалось столь ощутимым в жизни общества, что уже практически было невозможно представить управление страной без их участия. В арсенале буржуазных идеологов стали появляться теории, оправдывавшие необходимость управления страной при помощи чередования партийных министерств, которые, по сути, узаконивали существование политических партий в государственной структуре правления. Просветители, сделавшие свой выбор политической ориентации на основе социально-имущественного положения и примкнувшие к одной из партий, сделались защитниками и проводниками идей тори либо вигов. Как же они сами относились к партиям и двухпартийной системе?

Как это ни покажется странным, но ни в одном из произведений просветителей не найдется положительных оценок возникшего в обществе деления на партии. Напротив, просветители нередко выступали с осуждающими речами по адресу партийных распрей. К примеру, Стиль высказывал опасения, что «неистовое партийное рвение», когда достигнет полной силы, способно привести к гражданской войне и кровопролитию в стране. Партийные распри, на его взгляд, не только разрушают добродетель и разум людей из-за «варварского» отношения одной партии к другой, но и вселяют в англичан враждебность, растрavляют их души, передавая эти чувства и предубеждения

потомкам¹. Нелестными эпитетами наделял политические партии Галифакс, который сам долгое время возглавлял деятельность вигов. В памфлете «Мысли и рассуждения о политике» он утверждал, что «партийная вражда разделила мир на два лагеря». Представители каждой из партий, по его мнению, забывают обо всем на свете, кроме самих себя. Галифакс подчеркивал, что многие люди присоединяются к партии «торопливо», а затем очень скоро покидают ее ряды, испытывая «чувство стыда». Он считал, что никто в партии не должен высказывать собственного мнения, и, как правило, счастливыми бывают те из них, кто придерживается «общепринятых взглядов». За последнее время партии включились во все сферы деятельности и потому люди, даже хорошенько не подумав и не разобравшись в целях и задачах партий, торопятся присоединиться к той из них, к которой «испытывают меньшую неприязнь». А те, кто не вошли в партию, выглядят, как «оставшиеся не у дел». Люди присоединяются к партии «по незнанию», и только стыд удерживает их от выхода из ее рядов; каждая партия, пребывающая в оппозиции, критикует ошибки администрации, совершенно не задумываясь о том, что может совершить еще более серьезные преступления, когда сама окажется у власти. Переоценивая свои возможности, не пытаясь взглянуть на себя критически, партии, как правило, не в состоянии добиться успеха, в особенности, если речь идет об отставке правительства. Более всего Галифакса возмущало то, что партии выступали от лица народа. «Партии в государстве подобны пиратам, маскирующимся в фальшивые наряды, — писал он в трактате «Государственные принципы». — Они выдвигают требования о народном благе, а в действительности преследуют свою реальную выгоду». На основании вышесказанного Галифаксу заключал: партии «позорят всю Англию»².

Свифт, на протяжении многих лет тесно сотрудничавший с обеими партиями, также не одобрял партийного деления в обществе. «К несчастью, мы разделились на две партии, — писал он в «Экзаминере», — каждая из которых претендует на господствующее положение в государственном и церковном управлении и отличается друг от друга только средствами борьбы». Названия же партий ему вообще представлялись «глупыми кличками». Вопросу о партиях Свифт посвятил немало статей в журнале «Экзаминер». Он напоминал, что впервые партии возникли в правление короля Карла II, затем просуществовали до Славной революции и с тех пор сохраняются, хотя их названия теперь уже отражают другие принципы. Свифт заметил, что теперь

¹ Steele R. Sir Roger De Coverley. Essays from the Spectator. Boston, 1882. P. 115, 119.

² The Complete Works of Halifax. P. 182, 226–227.

вигами называют тех, кто одобряет Славную революцию, выступает против Претендента (сына Якова II Стюарта), считает необходимым ограничение монархии законом, который исполнительная власть не вправе отменить, и допускает веротерпимость. К партии тори памфлетист относил людей, поддерживавших наследственное право монархов и считавших их личность священной и неприкосновенной.

О виггах Свифт высказывался нелестно. Он считал, что эту партию возглавляли «несколько выскочек или разорившихся людей, которые стремились прежде всего поправить собственное финансовое положение и потому их первой задачей было разбогатеть за счет государственной казны». Свифт обращал внимание на пестрый социальный состав виггов, объясняя его тем, что вынужденные искать поддержки у различных слоев общества вигги привлекали в свои ряды даже тех, чьи взгляды на религию и государственное правление не были ортодоксальными. На страницах «Экзаминера» он с долей иронии замечал: вигги «с должным уважением относятся к монархии и церкви даже тогда, когда предпринимают серьезные шаги для подрыва обеих»¹. Зато партию тори он характеризовал как наиболее подходящую для государственного управления.

Вопрос об истоках возникновения партийной вражды в стране поднимал Аддисон. Просветитель обращал внимание на тот факт, что в Англии в правление королевы Анны заметно усилился интерес к политике в различных слоях общества. С присущим ему юмором журналист писал в одном из номеров «Фригольдера»: «Наш остров, который прежде называли нацией святых, теперь по праву можно назвать нацией государственных мужей. Почти каждый ее представитель, вне зависимости от возраста, профессии или пола, имеет собственный взгляд на министров и их правление». Аддисон показывал, как различные вопросы политики государства вызывали пристальный интерес у представителей всех слоев общества. Английская знать является «политиком от рождения» и поучает общины в том, как им следует вверять свою власть тем представителям, которых можно контролировать через юрисдикцию или привилегии, и таким путем ограничивать законодательную власть. Студенты университета, сельские йомены, сквайры, мировые судьи — все интересуются политикой. Не отстают от мужчин и прекрасная половина человечества: едва ли отыщется в королевстве хотя бы одна женщина, не наслышанная о противоречиях в церкви или государстве. Одним словом, заключал Аддисон, «каждый член общества сведущ об изменениях в конституции и прекрасно разбирается в государственных делах». И вот в этом, хорошо ориентирующемся в политике обществе начинаются

¹ The Examiner. P. 13, 104, 111, 163, 166.

раздоры, вспыхивает откровенная вражда друг к другу, вызванная партийными разногласиями, а порой просто принадлежностью к той или другой партии. «Наши дети присоединяются к фракциям еще до того, как узнают, где правая рука, а где — левая, — писал Аддисон во «Фригольдере». — Они едва научились говорить, но слова «виги» и «тори» становятся их первыми в жизни. Еще в младенчестве они обучаются ненавидеть одну половину нации и овладевают всей злобой и яростью партии до того, как наберутся уму-разуму». С осуждением партийной вражды Аддисон выступал и на страницах «Спектейтора». Партии заставляют честных джентльменов ненавидеть друг друга, писал он. «Не может пасть на страну более страшного суда, чем этот ужасный дух раздора, который разделяет государство на два разных народа и делает его людей враждебными и чуждыми друг другу». Просветитель подчеркивал: партийные раздоры губительны для общества. Партийный дух влияет на мораль и здравые суждения членов общества, открывает преимущества для внешних врагов. Наконец, когда «ожесточенный партийный дух разгорается в полную силу, то он вызывает гражданскую войну и кровопролитие... Одним словом, он наполняет нацию мстительной ненавистью и уничтожает все зачатки добра, сострадания и гуманности». Осуждая партийные раздоры и партийные деления, Аддисон предлагал объединить усилия всех людей, независимо от их партийной принадлежности, против общего врага. «Что касается меня, — писал он, — то я искренне желал бы, чтобы все честные люди объединились в обществе для взаимной поддержки, к какой бы партии они ни принадлежали... Мы не должны впредь рассматривать наших соотечественников как вигов или тори, но считать заслуженных людей своими друзьями, а в негодях видеть своих врагов»¹.

Осуждая деления в обществе на партии и подчеркивая его губительные последствия для страны, почти все просветители предпочитали объявить о своей «внепартийности». Болингброк утверждал, что его взгляды «отличаются от рассуждений как тори, так и вигов». Дефо заявлял, что пишет свои памфлеты не ради вознаграждения или служения партии, а исключительно «ради общества». Свифт предпочитал выступать в роли миротворца спорящих сторон, а Аддисон объявлял о своем нейтралитете. Чем же объяснялось стремление просветителей отмежеваться от партий и объявлять о своей «внепартийности»? Причин тому было немало. Прежде всего, это опасения за личную безопасность, которые испытывали наиболее известные памфлетисты и журналисты, стоявшие на страже интересов той или другой

¹ The Free-holder... L., 1775. P. 302–305; Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894. P. 40–43.

партии и выступавшие в их поддержку на страницах оппозиционной печати. К примеру, Дефо, находившийся на службе у торийского министерства, но продолжавший симпатизировать идеям вигов, в конце концов, лишился доверия обеих партий. «Два дня тому назад, — писал Дефо в «Ревю», — я одновременно получил два письма: одно от разъяренного вига, а другое — от разгневанного якобита (сторонника Якова II Стюарта). Первый грозит повесить меня, когда его партия вновь придет к власти, а другой угрожает немедленным убийством»¹. Серьезные опасения за свою безопасность высказывал также Свифт. Когда в 1710 г. возникла угроза смены торийского кабинета, для укрепления позиций которого просветитель столько много сделал в свое время, Свифт был вынужден обратиться за помощью к государственному секретарю Сент-Джону (лорду Болингброку). «После обеда я отвел его в сторону, — вспоминал позднее Свифт, — и, напомнив о всех услугах, которые я им (министрам-тори. — Т. Л.) оказывал и за которые не просил никакого вознаграждения, полагая, что по крайней мере, смогу рассчитывать на безопасность», и просил послать за границу «до наступления перемен»².

Не последнюю роль среди причин, заставлявших памфлетистов и журналистов объявлять о своей «внепартийности», играли также их меркантильные соображения. В одном из номеров «Спектейтора» Аддисон рассказывал, что получил немало писем с упреками в свой адрес в том, что нарушает старинный греческий закон, запрещавший любому человеку оставаться нейтральным, когда все население страны раскалывается на партии. Тем не менее, просветитель считал необходимым занимать нейтральную позицию, полагая, что «потеряет все свое влияние, если он опустится до публикации оскорблений какой-нибудь партии». Не исключено, что журналист опасался лишиться не только доверия своих читателей, сколько тех доходов, которые приносило его издание.

Утверждения о «внепартийности» делались преднамеренно, на наш взгляд, еще и для того, чтобы просветители могли предстать в глазах общественного мнения независимыми журналистами или памфлетистами, способными выражать не чье-либо, но собственное мнение. Тем самым просветители надеялись привлечь на сторону своей партии как можно больше сторонников.

В действительности отношение просветителей к партиям зависело от того, чьи интересы они сами защищали. Как правило, те, кто поддерживал «денежные интересы» (Дефо, Стиль, Аддисон), выступали с самыми лестными оценками партии вигов и проводимой ею поли-

¹ *Defoe D. A Review. Vol. 8. P. 339.*

² *Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 252.*

тики. Те же, кому ближе были интересы «земельных людей» (Свифт, Болингброк), с явной антипатией отзывались о виггах и их принципах, нередко искажали цели этой партии, чтобы скомпрометировать ее в глазах общественного мнения, но при этом всячески восхваляли партию тори. Примечательно, что на эту особенность указал Аддисон, когда задавался вопросом, что приводило англичан в ряды той или иной партии. На его взгляд, большинство сограждан при выборе партии руководствовались полученным образованием и личной выгодой. Аддисон справедливо утверждал, что споры между партиями лишены какой-либо принципиальности и ведутся по преимуществу «из-за высших должностей в государственном правлении», а потому большинство правящей партии «в действительности согласно с мнением тех, кто пребывает в оппозиции». Аддисону удалось также подметить тот факт, что в основе партийных делений лежат «земельные» и «денежные интересы»¹.

Следует отметить, что многие просветители указывали на общность интересов обеих партий. В высказываниях Дефо и Аддисона прозвучала мысль об идентичности целей обеих партий — это, прежде всего, удовлетворение собственных меркантильных интересов, а также нежелание каких-либо изменений в государственном управлении. О том же говорил и Болингброк, подчеркивая, что пришедшие к власти тори преследовали те же «материальные выгоды в личных и партийных интересах, что и вигги». Он отмечал, что тори пришли во дворец в правление королевы Анны, «чтобы взять государственное управление в свои руки, добиться ослабления виггов с тем, чтобы королева обратила свою благосклонность на тори, доверив им ответственные должности в королевстве»².

Пожалуй, еще одно объединяло тори и виггов. Это — использование обеими партиями народных масс в своей борьбе в качестве своеобразного рычага давления. В правление последних Стюартов резко возросла политическая активность не только высших и средних слоев Англии, но и низов. Дефо на страницах журнала «Ревю» писал: «Наши пахари толкуют о плохом управлении двора, а чернь распевает баллады и сочиняет пасквилы против правительства, усматривая в налогах, войне и поведении министров злоупотребления»³. Подобную активность народных низов нередко в своих целях использовали обе партии. «Мы (вигги) использовали толпу по разным поводам, направляя ее усилия на устранение каких-либо злоупотреблений. Но когда работа была

¹ Addison J. Selections from the Spectator. P. 45.

² Bolingbroke H. St. A Letter to Sir William Windham. L. 1787. P. 13.

³ Wilson W. Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe... L., 1830. Vol. 2. P. 394.

закончена, — с долей цинизма признавал Дефо, — у черни в мыслях не оставалось ничего дурного»¹.

Между тем, стихия толпы вызывала опасения имущих слоев. Об этом также писал Дефо: «Люди делаются непослушными, яростными, а временами просто неразумными» во время уличных выступлений. При этом «собственность перестает охраняться», что может привести впоследствии «к всеобщей революции»². Учитывая вышеизложенное, Дефо призывал партии с особой осторожностью привлекать на свою сторону народные низы и полагаться на них «до определенного предела», поскольку направленность их стихийного движения непредсказуема. «Так называемый народ, толпа, чернь, подобный большому плоту в реке, вытекающей из моря, набирает скорость и несется по течению, все сметая на своем пути, и ничто не может остановить его, но стоит силе течения ослабеть, либо измениться направлению течения реки, он тотчас поворачивает обратно с той же силой, с какой прежде двигался в противоположную сторону. Так что нет никакой выгоды от этой толпы ни для одной, ни для другой партии», — заключал просветитель³. Опасения, что народные низы, используемые политическими партиями в качестве рычага давления, могут выступить против власть имущих, заставляла буржуазного просветителя требовать издания более суровых законов о подчинении народа властям. «Из всего этого для меня становится ясным, что степень подчинения правительству должна как следует контролироваться законами», а цель любого правительства заключается, прежде всего, в том, «чтобы не допускать беспорядков и замешательства в народе, то есть, короче говоря, предохранять нас от толпы, от черни», — заявлял Дефо⁴. Как видно, в народных массах просветитель усматривал более серьезную опасность для своей партии, нежели в политических противниках. И хотя тактически он допускал использование низов для того, чтобы одержать верх над партией тори, одновременно подтверждал, что с последней вигам удавалось легко достичь компромисса, если возникала необходимость «обуздания» стихии народных масс.

Из высказываний просветителей становилось очевидным, что в партийной борьбе отстаивались интересы исключительно имущих слоев. В этой связи нелишне напомнить высказывание В. И. Ленина, который призывал не верить словам партий, «изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при

¹ Ibid. Vol. 3. P. 103–104.

² A True Collection. Vol. I. P. 451.

³ Defoe D. The Shortest Way to Peace and Union // Famous Pamphlets. L., 1890. P. 452.

⁴ Defoe D. A Hymn to the Mob. P. 1.

решении разных политических вопросов, как они ведут себя в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества»¹. И действительно, хотя представители партий утверждали, что защищают национальные интересы, однако на практике становилось очевидным, что это были исключительно интересы имущих слоев. Этот факт признавали некоторые просветители. К примеру, Галифакс утверждал, что партии «выдвигают требования о народном благе, а в действительности преследуют свою реальную выгоду»². Между тем, большинство просветителей продолжало пропагандировать идеи о том, что тори или виги (в зависимости от того, к какой партии примыкал сам идеолог) выражают интересы всех слоев общества и ведут борьбу ради их блага. При этом они стыдливо умалчивали, что под «благом народа» подразумевали исключительно благо буржуа и «новых» дворян. Классовая направленность идеологии просветителей становилась все очевиднее. Что же касается большинства рядовых англичан, далеких от политики, то для них предпочтительный выбор партии не имел принципиального значения, тем более что, по утверждению епископа Ходли, и виги, и тори в равной мере были лишены «принципов и морали».

Поскольку в правление последних Стюартов в Англии происходил процесс становления двухпартийной системы, просветители не могли обойти своим вниманием проблему партийной оппозиции. Наиболее подробно данный вопрос был освещен Болингброком. К размышлениям о необходимости создания партийной оппозиции в управлении страной просветитель обратился, когда оказался в эмиграции во Франции после воцарения на английском престоле Георга I Ганновера. Оказавшись не у дел, видный государственный чиновник Англии не мог скрыть своего разочарования происшедшими в стране переменами, в результате которых победила ненавистная ему партия вигов. Современные партии представлялись Болингброку «убогими червями земли», которые способны «отравлять ядом все вокруг». Излюбленные темы дискуссий этих партий, на его взгляд, это «подкуп и зависимость». Партии «ратуют за первое как за средство правления, достойное похвалы, и за второе — я имею в виду продажное, скрытое прихлебательство, — как за неотъемлемую часть нашей конституции», — писал он в «Рассуждении о партиях». В качестве противодействия подобным негативным явлениям в политической жизни общества просветитель предлагал создать оппозиционную партию. Подробно данный вопрос был рассмотрен им в работе «Письма о патриотизме». «Всем, кто стремится к разрушению конституции, кто

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. С. 276.

² The Complete Works of Halifax. P. 182.

преследуем лишь честолюбием и корыстолюбием, жаждет власти и личного обогащения... следует оказывать сопротивление, пока это еще возможно и они окончательно не погрязли в пороках», — писал Болингброк. Для этой цели необходимо создание оппозиции. Между тем многие политические деятели страны полагают, продолжал просветитель, что создание оппозиции нечестному правительству является делом добровольным и потому каждый человек вправе входить в ее состав и выходить из нее, когда вздумается. Болингброк расценивал подобное мнение как заблуждение. Он считал создание оппозиции плохому правлению долгом каждого честного человека. Болингброк был уверен, что та партия, которая «оппозиционна и действует систематически, отдавая предпочтение мудрым перед глупыми, честным перед нечестными в управлении государством, будет пользоваться большим уважением, авторитетом и с легкостью достигнет поставленной цели»¹.

Из рассуждений Болингброка оставалось неясным, какую конечную цель преследовала оппозиция. Предлагала ли она изменение формы государственного правления или смещение должностных лиц, или, ограничиваясь своим формальным признанием, допускала лишь отдельные критические замечания в адрес государственных чиновников всех рангов? На эти вопросы просветитель не дал ответа. В теории Болингброка обращает на себя внимание также тот факт, что он делал различия между оппозицией королю и министрам. Болингброк, расценивал критику короля, как акт «неконституционный» считая в то же время, что действия министров должны подвергаться критике со стороны оппозиции. Как видно, и в теории «оппозиции» Болингброк придерживался мнения о том, что король не может «дурно поступать», а всю ответственность за управление страной несут высшие должностные лица государства — министры. Важным в теории «оппозиции» представлялся вывод Болингброка о том, что с помощью партийной оппозиции возможно добиться одновременно двух целей: «связать» действия верховного правителя и поставить заслон против стихии масс, способной привести к гражданской войне. Таким образом, партийная оппозиция являлась своеобразным детонатором, препятствующим установлению тирании правителя, с одной стороны, и наступлению хаоса и анархии, с другой.

Обращение просветителей к проблеме партий и партийной оппозиции подтверждало, что в тот исторический период классы, формировавшие эти партии, приобрели значительный вес в государственной и общественной жизни страны. Буржуазии и обуржуазившемуся

¹ Рассуждение о партиях. С. 182; Bolingbroke Lord Viscount H. St. John. Letters on the Spirit of Patriotism. L., 1757. P. 22, 62.

дворянству уже не надо было вести борьбу за власть с королем, поскольку законодательство Славной революции строго очертило границы исполнительной власти. На новом этапе политической борьбы в Англии появились другие силы, вступившие в бой: «земельные» и «денежные» интересы. Их представители одинаково нуждались в поддержке и помощи партий, поэтому идеологи тори и вигов в равной мере отстаивали цели и задачи соответствующих классов. Наличие двухпартийной системы в значительной степени облегчало правление буржуазии и обуржуазившегося дворянства, открывая доступ к правлению попеременно представителям «земельных» и «денежных» интересов. Разумеется, ни о каком принципиальном характере партийной оппозиции в тот период говорить не приходится, поскольку и тори, и виги защищали лишь интересы имущих слоев населения страны. Народные низы оставались за пределами политических структур, создаваемых буржуазными идеологами, и о них вспоминали лишь в исключительных ситуациях, когда требовалось «потеснить» своих политических противников с арены борьбы, либо напомнить верховному правителю о прошлых событиях гражданской войны, когда он становился излишне строптив и несговорчив во взаимоотношениях с законодательной властью. В результате политические партии заняли прочное место в структуре государственного правления, сделались неотъемлемой частью конституционного устройства Англии. Немалую роль в этом процессе сыграли просветители, которые обосновали, а затем популяризировали идею о необходимости наличия партий и партийной оппозиции в государственном устройстве Англии.

Рассуждения просветителей о партиях не являлись плодом их «кабинетных» размышлений, не носили умозрительный, отвлеченный характер. Напротив, все просветители, несмотря на заявления о своей «внепартийности», словом и делом подтверждали приверженность к тори или вигам. Партийная ориентация, за которой в первую очередь стояла социальная принадлежность, являлась определяющей в идеологии просветителей. А поскольку различия в идеологии партий, к которым примыкали просветители, не носили принципиального характера, то неудивительно, что просветители-тори и просветители-виги придерживались одних и тех же взглядов на происхождение государственной власти, конституционное устройство страны, парламентские привилегии и королевскую prerogative. И те, и другие оказались приверженцами теорий «общественного договора», «разделения и равновесия властей». Единственное, что вызывало расхождения в их взглядах, так это отношение к теории «сопротивления». В чем заключалась сущность данной концепции, а также, каковы причины расхождения партийных идеологов в ее толковании, предстоит узнать из следующей главы.

ГЛАВА 3

Теория «сопротивления» — право на революцию?

В идеологии европейского Просвещения XVIII века теория «сопротивления» занимала одно из центральных мест. Объяснялось это тем, что тираноборческие призывы в странах, где господствовал абсолютизм, отвечали интересам и чаяниям всех слоев общества, в котором созрели предпосылки для перехода к капиталистическому способу производства. Лозунг борьбы против тирании, призывающий оказывать сопротивление монарху, был выдвинут буржуазией тех стран, где велась борьба с абсолютизмом. Он сделался определяющим на пути революционных преобразований. В Англии теория «сопротивления» впервые была взята на вооружение буржуазией в годы революции середины XVII в. Спустя несколько десятилетий она все еще сохранялась в арсенале идеологов партий. В период Реставрации (1660–1688 гг.) данная теория большой интерес вызвала у партии вигов. Наиболее полно она была отражена в произведении известного идеолога вигов Олджернона Сиднея «Рассуждения о правительстве»¹. Автор рассматривал сопротивление как естественное следствие «общественного договора» правителя с народом. Сидней считал правомочным оказание сопротивления правителю, который преступил закон. Более того, он полагал, что каждый человек должен пользоваться правом сопротивления, ведь «мечи даны подданным для того, чтобы никто из них не стал рабом». В 1675 г. первый королевский министр граф Дэнби внес на обсуждение в парламент билль «о повиновении», требовавший от должностных лиц присяги в том, что они не будут предпринимать никаких действий, направленных на изменение государственного и церковного устройства страны. Однако даже палата лордов сочла данный законопроект посягательством на привилегии парламента и свободу личности. Билль «о повиновении» был провален². Впрочем, это стало единственной попыткой вигов реализовать на практике теорию сопротивления.

Дальнейшее развитие данная теория получила в трудах ранних просветителей. Но чем был вызван интерес к теории, оправдывавшей сопротивление верховному правителю, со стороны тех идеологов, которые поддерживали существующий режим правления и одобряли

¹ *Sidney A. Discourses Concerning Government. L., 1751.*

² Подробнее о теории сопротивления в идеологии вигов в период Реставрации см.: *Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982. С. 148–149.*

деятельность монарха? Ведь абсолютизма, против которого боролись идейные предшественники просветителей, в стране не существовало. Тем не менее, теория сопротивления продолжала активно обсуждаться на страницах журналов и газет, в трактатах и памфлетах. Более того, данная теория сделалась своеобразным «водоразделом» в идеологии политических партий, поделив их на сторонников и противников сопротивления. В данной главе мы попытаемся выяснить, почему буржуазные идеологи обращались к тираноборческой теории в то время, когда в стране не существовало угрозы абсолютизма, а также какие изменения претерпела революционная теория сопротивления в новых исторических условиях.

Как уже отмечалось, просветители с осуждением отзывались о тираническом правлении. Но какой смысл они вкладывали в понятие «тирания», «узурпация»? Джон Локк считал «узурпацией» «осуществление власти, помимо права», на которую никто «не может иметь права». Просветитель подчеркивал, что в основе действий правителя, узурпировавшего власть, лежит не закон, а «своеволие», и вся его деятельность направлена не на сохранение собственности народа, а на удовлетворение «собственного честолюбия, мести, жадности или какой-либо другой недостойной страсти»¹.

Пытаясь выявить истоки возникновения тирании, просветители обращались к истории древних государств. У. Темпл полагал, что истоки тиранического правления восходят к древним цивилизациям, прежде всего к Римской империи. На его взгляд, к установлению тирании привело... правление народа (демоса). Этому, на первый взгляд, парадоксальному утверждению просветитель давал следующее объяснение. Народные низы Древнего Рима длительное время угнетались своими богатыми и всесильными согражданами. В поисках избавления от подобного гнета народ пожелалверить себя под защиту одного человека — верховного правителя. А в результате он попал «из одной крайности в другую», поскольку на смену «угнетения многих», которых народ ненавидел прежде, пришла тирания одного деспота². Темплю вторил и Джон Сомерс, утверждавший: «Нет более верного пути для правителя сделаться деспотом и тираном, чем через доведение своих подданных до нищеты и нужды»³. Как полагали просветители, стремление народа найти защиту от всех своих бед под властью сильного покровителя толкало его в объятия тирана.

¹ Локк Д. О государственном правлении // Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. М., 1960. Т. 2. С. 112.

² The Works of Sir William Temple. Vol. 2. Edinburgh, 1754. P. 31.

³ Somers J. A Vindication of Proceedings of the Late Parliament of England 1689 // A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Vol. 10. L., 1813. P. 263.

Просветители подчеркивали, что в природе существует тирания не только в лице одного правителя. Локк утверждал, что узурпации власти подвержены как монархии, так и другие формы правления. «Везде, где власть, вложенная в чьи-либо руки для управления народом и для сохранения его собственности, применяется в других целях и используется для того, чтобы разорить его, терзать или подчинить деспотическим и беспорядочным приказам тех, кто обладает этой властью, — подчеркивал Локк, — везде она тотчас же становится тиранией, независимо от того, один ли человек пользуется этой властью или несколько. Вот почему мы читаем о тридцати афинских тиранах, равно как об одном в Сиракузах, а невыносимая власть децемвиров в Риме была ничуть не лучше»¹.

Любая форма узурпации вызывала осуждение просветителей. Когда правитель перестает быть «отцом для своего народа», предпочитает деспотическую и абсолютную власть и совершает действия, противоречащие интересам народа, то это вызывает ненависть народа к своему правителю и стремление при первой же возможности от него избавиться, утверждал Ричард Стиль. Он подчеркивал: деспотическое правление лишает правителя любви и уважения народа, усиливая к нему недоверие, что может вызвать самые плачевные последствия для правителя. Подчинение народа деспоту поддерживается с помощью террора, казней, тюремного заключения. Единоличная власть правителя является чистой тиранией, поддерживаемой приближенными и фаворитами тирана. «Жить под волей одного человека — значит испытать все человеческие страдания», — заключал просветитель². С осуждением тирании выступал также Болингброк. Самое серьезное преступление, какое только может совершить человек, заявлял он, это стать тираном и начать использовать свою власть с целью разорения и доведения до нищеты целой нации. В особенности ему претила тирания, «освященная видимостью закона», которую он считал наихудшей из всех форм правления³.

Осуждая тиранию, просветители отзывались негативно и о тех, кто требовал от подданных повиновения властям любой ценой, кто пропагандировал теорию «непротивления». Дефо считал доктрины «пассивного повиновения» и «непротивления» «абсурдными» и несовместимыми с конституцией Британии. Он подчеркивал, что особенно рьяно проповедует принципы «непротивления» англиканская

¹ Локк Д. Указ. соч. . С. 113.

² The Englishman. Oxford, 1955. P. 129–133; idem. The Crisis... L., 1714. P. V–VI.

³ Bolingbroke H. St. John. A Collection of Political Tracts (далее — Political Tracts). L., 1748. P. 266, 285.

церковь. Просветитель считал доктрину «непротivления», которой придерживались сторонники «божественного» права монархов, «изменнической, рабской и пагубной теорией», лишавшей народ всех его гражданских прав, в том числе права самозащиты. Если подданные не могут оказать сопротивления правителю, то в таком государстве нет места закону, а господствуют лишь воля и желания правителя. Там, где оказывается пассивное повиновение деспотическому правителю, несчастья народа становятся бесконечными. На взгляд просветителя, «пассивное повиновение» и «непротivление», равно, как и «божественное» право престолонаследия, «несовместимы» с существующей конституцией Британии и, в особенности, с властью парламента. В использовании правителем доктрины о «непротivлении» Дефо усматривал опасность «разрушения основания, на котором зиждется правление», и призывал сограждан не допустить установления тирании¹.

Теории «пассивного повиновения» и «непротivления» подробно были рассмотрены Аддисоном в 5 номере «Вигского экзаминара». Просветитель тесно увязывал степень подчинения правителю со стороны подданных с формой государственного правления. На его взгляд, «пассивное повиновение» и «непротivление» характерны для жителей Турции и Индии, для которых нет иных высших законов, кроме воли их господина. Аддисон считал: деспотическое правление, существующее в этих странах, само по себе предполагает пассивное повиновение подданных, поскольку там, где власть неограничена, и подчинение должно быть безграничным. Совершенно иначе обстоит дело в Англии, где власть имеет определенные границы и не сосредоточена безраздельно в руках одного человека. А поскольку монарх ограничен в своей власти, то необходимо найти истинную меру долга и повиновения по отношению к нему. Аддисон осуждал доктрину «пассивного повиновения», утверждая, что в ней есть нечто «льстивое и вкрадчивое, делающее ее чрезвычайно приятной для уха господина». Неудивительно, что приверженцы подобной доктрины всегда были любимцами правителей. В то же время честные люди, которые говорят своим правителям, чего они от них ожидают, и какое повиновение могут оказывать, редко бывают в милости у правителей. Аддисон приводил высказывания сторонников «пассивного повиновения», которые считали сопротивление тирану «происками дьявола». На их взгляд, сторонники сопротивления — это «предатели и изменники», рискующие жизнью и собственностью других людей. Аддисон

¹ Defoe D. The Judgment of Whole Kingdom and Nations...L., 1710 (далее — The Judgment). P. 3, 46; /Defoe D. / A Review. Vol. 6. L., 1709. P. 474, 475.

осуждал подобных защитников «пассивного повиновения», полагая, что эта доктрина неизбежно приведет к «фатальным последствиям», в результате которых «хороший король превратится в дурного»¹.

Теория «непротivления» широко пропагандировалась англиканской церковью и ее сторонниками из партии тори. Между тем те священнослужители, которые отличались просветительскими убеждениями, в вопросе о «непротivлении» занимали иную позицию, чем большинство представителей англиканского духовенства. В этом отношении показателен пример епископа Ходли. Он считал, что незаконной власти не следует подчиняться. В одной из своих проповедей Ходли упомянул, что святой апостол Павел повелел подчиняться только тем правителям, которые «хорошо управляют» своим народом, заботясь о благе и счастье подданных. «Плохим» же правителям оказывать повиновение не следует. Как видно, критерием подчинения или неповиновения властям Ходли называл «счастье народа». Если правители проявляют заботу об этом «счастье», то они заслуживают послушания подданных. А если этого им не удастся достигнуть, то они теряют законное право на повиновение.

Практически все просветители единодушно высказывались в защиту теории сопротивления. Дефо призывал к открытой борьбе с тиранией. «Когда короли превращаются в тиранов, подданные должны разорвать оковы и освободиться от тирании», — заявлял он. Но когда народ вправе прибегнуть к сопротивлению? Дефо полагал, что превращение в тирана происходит в том случае, если правитель использует власть с целью нарушения законов или конституционного устройства страны, покусается на собственность подданных, уничтожает религию и свободы народа. Все эти действия присущи тирану, которого народ вправе сместить с трона. Дефо приводил множество примеров из истории различных стран, подтверждавших его мысль о том, что народ обязан свергнуть своего правителя, если тот не способен к правлению, либо «дурно» правит, либо проявляет себя как тиран. Оказывать сопротивление надлежит и тогда, когда монарх посягает на привилегии парламента. «Если король облагает налогами народ, лишает жизни, свобод и собственности своих подданных без предписанных на то законов, или отменяет, либо не считается с изданными законами, если захватит власть, которая принадлежит не ему, а лордам и общинам, то королю надлежит оказать сопротивление», — заявлял просветитель².

¹ The Medleys for the Year 1711 to Which Are Prefixed the Five Whig-Examiners. L., 1712. P. 45–50.

² A True Collection of the Writings of the Author of the True-born Englishman. Vol. I. L., 1703. P. 142; Defoe D. A Speech without Doors. L., 1710. P. 11–12.

Помимо перечисленных Дефо причин для оказания сопротивления правителю, просветители называли еще ряд других. К примеру, епископ Ходли считал возможным смещение с трона законного правителя, если тот «умственно несостоятелен», либо исповедует католическую религию. Ходли опровергал утверждения противников теории сопротивления, которые называли ее «республиканской доктриной». Он был уверен, что тираноборческая доктрина не является атрибутом одного лишь республиканского правления. На его взгляд, сопротивление власти возможно при любой форме правления. Убежденный сторонник сопротивления, епископ, несмотря на свой духовный сан, проповедовал с амвона церкви «крамольные» речи: если правитель покушается на жизнь и собственность подданных, то их «естественное право» — в целях собственного самосохранения — убить его! Как видно, Ходли не только признавал сопротивление в виде смещения с трона неугодного правителя, но допускал насильственную смерть последнего. Более того, подобные действия подданных он расценивал как «почетное и славное дело», освященное самим Богом¹. Надо сказать, что столь откровенных призывов к расправе с неугодным правителем, с каким выступал священнослужитель, не довелось услышать ни от какого другого просветителя. В то же время не один епископ утверждал, что сопротивление тирану есть дело «богоугодное». Аналогичной точки зрения придерживался и Аддисон. Если правитель «из благодетеля превращается в злодея» и устанавливает тиранию, которая делает собственность подданных непрочной, а жизнь их опасной, то подданные вправе, ради сохранения законов и религии для себя и своих потомков эту тиранию уничтожить. И Бог простит тех людей, которые «попытались избавиться от своего ужасного положения», грозившего им лишением свободы и безопасности².

Следует отметить, что теория сопротивления сделалась своего рода водоразделом в идеологии противоборствующих партий. В то время, как виги единодушно ее поддерживали, тори выступали с осуждением, в свою очередь, пропагандируя концепцию «непротивления». Обращение партии «земельных» интересов к теории «непротивления» было естественным для той исторической эпохи. Тори как выразители интересов старого феодального общества, от лица апологетов господствующей церкви, а также крупных и средних землевладельцев, продолжали защищать «старый» порядок, хотя он уже и канул в лету. Судя по приведенным высказываниям просветителей «вигской» ориентации, все они являлись стойкими приверженцами теории сопротивления. Но как относились к данной теории просветители-тори?

¹ The Works of Bishop Hoadly. Vol. I. L., 1773. P. 609.

² Addison J. The Free-Holder or Political Essays. L., 1751. P. 72–73.

Если обратиться к трудам Болингброка, то убедимся, что он осуждал «пассивное повиновение» и защищал теорию сопротивления, когда заявлял, что «подданный может противостоять государю, стремящемуся разорить и поработить весь народ, может довести это сопротивление до свержения государя с престола и затем изгнания его вместе со всем его родом». Почему же убежденный сторонник партии тори Болингброк солидаризировался с вигами в вопросе о сопротивлении? На наш взгляд, на отношение Болингброка к теории сопротивления повлияла его социальная принадлежность к представителям земельной аристократии. Болингброк усматривал в возможном установлении тирании верховного правителя опасность для своего класса, прежде всего из-за выступлений народных низов, которые, как правило, следуют за авторитарным правлением. «Иной государь может своей необузданной суровостью раздуть пламя гражданской войны, может нажать себе рьяных врагов... и побудить к тому, чтобы недовольство вылилось в открытый бунт», — писал он в «Идее о Короле-Патриоте»¹. Подобные опасения народного бунта, в результате которого могла пострадать собственность имущих слоев, заставляли торийского просветителя выступать заодно с вигами и признавать законным оказание сопротивления правителю-тирану. Чтобы воспрепятствовать выступлениям масс против правителя, узурпировавшего власть, следовало вовремя перехватить инициативу у народа и имущим слоям самим выступить против тирана, полагал просветитель.

Серьезные опасения возможных выступлений народных низов побуждали и другого торийского просветителя — Дж. Свифта признать законность сопротивления. Подобно Болингброку, Свифт считал, что деспотическое правление может вызвать всеобщее недовольство в народе и привести «к противоестественному восстанию». Чтобы не допустить подобных выступлений народных низов, первыми против правителя-деспота должны выступить представители землевладельцев. Признавая законность сопротивления власти тирана, Свифт в то же время был противником насилия по отношению к самому правителю. Он считал, что сопротивление желательно осуществлять «без проявления какого-либо насилия в отношении к личности или законной власти правителя». Если король-деспот «пошлет своих чиновников, чтобы они захватили мои земли и имущество вопреки закону, — писал Свифт, — то я вправе на законном основании оказать им сопротивление. Министры правителя подвластны судебному преследованию и наказанию, личность же самого правителя священна и неприкосновенна». Как видно, концепция сопротивления в интерпре-

¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 169, 233, 236.

тации Свифта несколько разнилась с той, какой она представлялась, например, вигскому епископу Ходли. Иным, чем у вигов, было и отношение Свифта к законодательной власти. Он был твердо убежден, что законодательной власти все подданные обязаны оказывать пассивное повиновение и непротивление. Власть парламента «должна быть абсолютной и неограниченной», потому подчиняться ей следует беспрекословно, полагал просветитель¹. Свифт считал, что виги, допуская возможность сопротивления законодательной власти, совершают ошибку. Впрочем, упреки Свифта в адрес политических противников носили скорее риторический характер, поскольку представители именно этих партий и осуществляли власть в парламенте. Таким образом, хотя в толковании теории сопротивления между просветителями «торийской» и «вигской» ориентации имелись различия, однако они не были принципиальными. Тираноборческие мотивы красной нитью прошли через произведения всех просветителей.

В рассуждениях о теории сопротивления просветители нередко за примерами обращались к истории Англии. Недавние события Славной революции 1688–1689 гг. они приводили как наглядный пример оказания сопротивления власти тирана. Поскольку Яков II нарушил «общественный договор», пытаясь подчинить своей воле государственные законы, а затем бежал из страны, чем подтвердил свое отречение от правления, то народ на законном основании выступил против него. Подобные действия народа Дефо считал справедливым оказанием сопротивления власти тирана, поскольку, отказываясь править подданными в соответствии с тем законом, с помощью которого он получил корону, монарх тем самым терял право на нее². Аналогичной точки зрения придерживался и Ричард Стиль, утверждавший, что в правление Якова Стюарта религия, жизнь, свобода и собственность граждан были в опасности и все это удалось сохранить, лишь оказав сопротивление тирану. «Мы были спасены от деспотической власти католического правителя Славной революцией и незабвенным королем Вильгельмом», — писал Стиль в памфлете «Кризис». Просветитель приветствовал издание Билля о правах, провозглашавшего «справедливым возмущение народа Англии тиранией» и подтверждавшего законность оказания сопротивления деспотической власти монарха. Стиль был твердо убежден в том, что «не может быть никакой свободы там, где нет права на ее защиту» и призывал сограждан объединить усилия в случае узурпации власти правителем³.

¹ *Swift J. The Examiner... Oxford, 1940. P. 113–114.*

² *Defoe D. The Judgment. . P. 54.*

³ *Steele R. The Crisis. P. 2, VI.*

Подобными оценками Славную революцию наделял и Болингброк. Он также рассматривал ее как акт сопротивления нарушившему общественный договор Якову II. «Смысл революции, — писал он в «Рассуждении о партиях», — заключался... в том, чтобы спасти нас от прямых покушений на нашу свободу и веру со стороны короля Якова». Подобно вигам, Болингброк давал Славной революции высокую оценку. На его взгляд, эта революция сделала «больше, чем все остальные революции», а конституция, выработанная в ходе этих событий, «пережила новую весну». Болингброк считал, что конституционное устройство Англии, достигнутое в ходе революции, в прошлом не имело аналогов и было тем более ценно, что его выработал конвент «с участием светских и церковных лордов, при полном и свободном представительстве всего народа». Законодательство Славной революции он даже называл «второй Великой Хартией вольностей», полагая, что оно принесло значительные достижения для нации¹. Столь хвалебной оценки Славной революции не дал даже ни один из вигов, считавших эту революцию «своей», во всяком случае, делом рук своей партии. Просветители, как виги, так и тори, защищали Славную революцию, поскольку установившаяся в результате ее в Англии ограниченная монархия в равной степени устраивала обе партии, а вернее, те «денежные» и «земельные» интересы, которые они представляли. Поэтому каждый просветитель, вне зависимости от партийной принадлежности, давал ей высокую оценку.

Из подобных рассуждений становится понятным также само обращение просветителей к теории «сопротивления» в тот исторический период, когда в стране не существовало даже почвы, на которой могло возникнуть тираническое правление. Ведь в соответствии с законодательством Славной революции монархия была ограничена сводом законов, который являлся прочным заслоном на пути возможной узурпации власти со стороны правителя. Тем не менее, просветители как выразители насущных интересов имущих социальных слоев продолжали настойчиво твердить о праве народа на сопротивление власти деспотического правителя. И тому, на наш взгляд, было две причины. Прежде всего, признавая законность сопротивления власти, просветители тем самым оправдывали события 1688–1689 гг., в результате которых законный король Яков Стюарт был вынужден бежать из страны, а его трон занял «чужеземец» Вильгельм Оранский. Чтобы подтвердить «законность» подобных действий новоиспеченного монарха, потребовалось обратиться к теории сопротивления, и просветители в том явно преуспели, возведя легитимного короля

¹ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. Указ. соч. С. 167, 175; Political Tracts. P. 244.

в ранг «тирана», а пришедшего ему на смену чужестранца нарекли «освободителем».

Вторая причина, побудившая просветителей обращаться к теории сопротивления, была вызвана опасениями имущих слоев возвращения на родину сына изгнанного короля — Якова III или, как его чаще называли, Претендента. В Англии еще находились преданные делу отца и сына люди, прозванные «якобитами». Многие из них в свое время отказались принести клятву верности Вильгельму Оранскому, в результате чего попали в разряд «неприсягнувших» и лишились должностей в государственном и церковном управлении. Свою цель они видели в реставрации законного монарха Якова II, а после его кончины в 1701 г. — его сына. Однако большинство представителей имущих слоев предпочитали поддержать «чужеземца» единственно из-за опасения, что возвращение на английский престол католика приведет к перемене землевладельцев. Это заставляло господствующие классы Англии выступать против Претендента и его сторонников. Такова, на наш взгляд, подоплека теоретических рассуждений просветителей о сопротивлении.

Какие формы сопротивления просветители считали приемлемыми? В вышеприведенных их высказываниях упоминалось: лишение правителя трона и замена его следующим наследником престола, роспуск правительства, ссылка семейства и всего рода «правителя-деспота». Ходли, как мы помним, допускал даже возможность убийства тирана. Но как просветители относились к таким формам сопротивления, как восстание, мятеж, бунт, наконец, гражданская война? Об этом мы можем судить, обратившись к их высказываниям о революции середины XVII века. Не раз мы убеждались, что все просветители эту революцию наделяли самыми нелестными оценками и лишь немногие из них расценивали ее как сопротивление власти тирана. К примеру, Болингброк указывал на стремления к тирании со стороны Карла I Стюарта, проявившиеся в чрезмерном усилении его прерогативы, беспарламентном правлении и т. д. И хотя он, подобно всем просветителям, неодобрительно отзывался о самой революции, тем не менее, в какой-то мере оправдывал действия восставших, расценивая их как законное сопротивление тирану, нарушившему «общественный договор»¹. И Ходли также усматривал причину революции в нарушении договора, выразившемся прежде всего в ущемлении парламентских свобод. Тем не менее, епископ тоже противопоставлял революцию середины XVII в. и Славную революцию, принижая значение первой и превознося достижения второй. В проповеди, про-

¹ Political Tracts. P. 287–288.

читанной перед палатой лордов по случаю годовщины казни короля Карла I, он заявлял: «Одна революция положила конец древней форме законного правления и более строгому соблюдению прав подданных и парламента; другая — уничтожила деспотическую власть», и потому в народе «глубоко укоренилась ненависть» к событиям, «закончившимся цареубийством», и сохранилось восторженное отношение к Славной революции¹. Так теоретические рассуждения епископа о возможности убийства тирана как бы забывались и отступали на второй план, когда просветитель давал оценку действиям тех, кто в свое время попытался реализовать гражданское право на сопротивление деспотической власти, завершившееся казнью монарха.

В отличие от Болингброка большинство просветителей избегали давать толкование событиям революции середины XVII в. как законному праву народа на сопротивление, а ограничивались нелестными оценками по поводу этих событий. Так, защищая в теории право народа на сопротивление власти тирана, просветители на деле отказывали ему в этом праве. Между тем право народа на сопротивление декларировалось многими из них. Особенно преуспел в том Дж. Локк. Он указывал на долготерпение народа, который готов смириться и с грубейшими ошибками и просчетами, допущенными правителями, и с «неправильными и неудобными законами». Все это народ перенесет «без бунта и ропота». Однако, если правитель явно превысит свою власть, допустит произвол, то народ, «с которым все время дурно обращаются и права которого нарушают, будет готов при первом же случае освободиться от лежащего на нем тяжкого бремени». Чтобы избавиться от гнета тирании, народ стремится, как выражался Локк, «стряхнуть ярмо, натирающее ему шею», и выступает против тирана. Подобные действия народа Локк считал законными и справедливыми. Если народу угрожает произвол, то он «вправе устранить эту противодействующую силу силой же», — подчеркивал просветитель. Действия народа, решившего сбросить власть, установленную силой или чинившую произвол, Локк расценивал как действие «богоугодное». Народ вправе выступить не только против низших должностных лиц, но и против высокопоставленных, вплоть до самого короля, и эти действия не будут расценены как мятежные, поскольку преступили закон правители, а не народ. Декларируя право народа на сопротивление, Локк вместе с тем высказывал серьезные опасения в отношении того, чтобы при этом не были затронуты основы существующего строя. Просветитель был убежден, что сопротивление народа не должно нарушать государственный порядок, а его действия

¹ The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1928. P. 133–134.

привести «к низвержению конституции и структуры... справедливого правительства»¹.

Из высказываний Локка становилось очевидным, что его теория «сопротивления» носила явно революционный характер, поскольку допускала выступления народа против существующего правителя. Но действительно ли просветитель был готов к тому, чтобы крестьяне и ремесленники выступили против короля, превратившегося в тирана и деспота? Конечно же, нет! Теория сопротивления, представленная просветителями, лишала этого права всех трудящихся. Особенно отчетливо подобная мысль прозвучала в памфлете Дефо «Гимн толпе». «Толпа, чернь по своей природе призвана нарушать как само правление, так и цели гражданского общества и потому является врагом безопасности и порядка, — утверждал Дефо. — А поскольку чернь используется в выступлениях против гражданской власти по любым поводам, то все сторонники гражданского правления должны выступить против нее». Указывая, что беспорядки подобного рода приводят к восстанию, в особенности, если они направлены не на смену правителей, а на изменение формы правления, Дефо призывал каждого гражданина, «пекущегося об интересах своей страны», выступить против восстаний и беспорядков народных низов. «Долг каждого честного человека, — заявлял просветитель, — не допускать народных выступлений». Позволяя имущим слоям оказывать сопротивление и даже смещать неугодного им правителя, Дефо оставлял народным низам всего лишь жалкий удел послушания и слепого повиновения. «Король — единый отец для всей страны, и так же как ребенок по отношению к своим родителям, каждый подданный обязан подчиняться своему законному правителю, — заявлял просветитель. — Беспорядки и выступления черни при миролюбивом и справедливом правителе должны осуждаться каждым человеком, и тот не может считаться хорошим гражданином своей страны и верным подданным короля, кто не выступит против восстаний и беспорядков»².

Вопрос о праве народных масс на сопротивление подробно рассматривался в работах У. Темпля. В памфлете «О народных недовольствах» просветитель обращал внимание на ту опасность, которая таится в недовольствах и гневe народа. «Народные недовольства, — писал Темпл, — нарушают не только личную жизнь, условия жизни и судьбу человека, но также государственное правление». Кроме того, они вызывают также заговоры, мятежи, различные волнения, выступления и даже революции, в результате которых уничтожаются

¹ Локк Д. О государственном правлении. Указ. соч. С. 125–126, 111, 114, 117, 128–129.

² Defoe D. A Hymn to the Mob. L., 1715. P. I–V.

«мудро устроенные конституции», а взамен приходят к власти тираны. Просветитель высказывал опасения, что выступления народных низов могут привести к краху государства. Сравнивая правление тирана с выступлениями народных низов, Темпл приходил даже к заключению, что «народные волнения и восстания приводят к худшим результатам, чем самая ужасная тирания». На взгляд просветителя, легче оказать сопротивление одному тирану, чем выдержать гнев народной стихии. «Гнев тирана можно сравнить с огнем, который пожирает все на своем пути, постепенно сжигая один дом за другим, — писал Темпл в памфлете «Очерк о происхождении правления». — В то же время гнев народа подобен морю, которое сметает все границы, наводняя страну насилием, внезапно и не оставляя надежд на спасенье, пока изменившееся течение или ветер не вернут его в свои берега»¹. Как видно, просветитель опасался выступлений разгневанного народа значительно больше, нежели деспотической власти правителя. Он был даже согласен примириться с тиранией правителя, лишь бы не допустить разгула народной стихии.

Опасения выступлений народных низов заставляли просветителей изыскивать пути устранения причин, которые их вызывали. «Когда пламя (народных волнений) разгорится, — заявлял Темпл, — следует как можно скорее устранить то, что может усилить его, использовать все способы, чтобы потушить его, устранить причины, которые тому способствовали». Просветитель предлагал целую программу действий, направленных на то, чтобы «утихомирить» и «успокоить» народ². Ну, а если этого было недостаточно, тогда в запасе оставалось давно испытанное средство: подавить выступления народных масс с помощью силы, о чем писал на страницах «Фригольдера» Дж. Аддисон. «Если наш народ не обладает ни добродетелью, которая сдерживала бы его от противоестественной злобы, проникающей в сердца и настраивающей друг против друга, ни достаточным разумом, чтобы воспротивиться тем, кто втягивает его в разрушительные действия, — утверждал просветитель, — то для правительства настает время применить репрессии для подавления подобных возмутительных волнений и беспорядков... Наше государство вооружено достаточной силой для подавления подобных выступлений и установления общественного спокойствия в стране»³. О возможности применения силы для подавления выступлений народных низов говорил также Дефо. В одном из номеров журнала «Ревю» он не только оправдывал действия властей, решивших покончить с «беспорядками и волнениями», угрожавшими

¹ The Works of Sir William Temple. Vol. 2. Op. cit. P. 359–360, 32.

² Ibid. P. 360.

³ The Free-Holder... Op. cit. P. 200.

правителю, но считал допустимым и законным в случае необходимости применить против восставших военную силу, включая использование конной гвардии. Как видно, свобода и право защиты общества от тирании гарантировалась, по мнению просветителей, исключительно представителям имущих слоев, народным же низам был уготован лишь послушание и повиновение. То, что было дозволено «сильным мира сего», исключалось из права простолюдинов.

Таким образом, теория сопротивления, позаимствованная у идеологов революции 1640–1660 гг., в трактовке просветителей лишилась своего революционного содержания. Если в период революции теория сопротивления звала к ниспровержению, как правителя-деспота, так и самого государственного строя, то в эпоху раннего Просвещения данная теория была направлена в защиту существующего режима, установившегося после Славной революции. Поскольку правление конституционной монархии в равной мере устраивало и «земельные», и «денежные» интересы, то теоретические рассуждения о праве народа на сопротивление, пропагандировавшиеся их идеологами, сводились к защите данной формы правления. Допускалось лишь сопротивление правителю в случае чрезмерного усиления определенной ему конституцией прерогативы, что могло бы изменить установившееся равновесие властей не в пользу парламента, а, следовательно, ослабить позиции господствующих классов. Впрочем, возможность сопротивления правителю также вызвала со стороны буржуазных идеологов ряд оговорок. Степень оказания сопротивления исполнительной власти сделалась предметом идейных размежеваний просветителей «торийского» и «вигского» направлений. Если просветители-виги допускали возможность роспуска правительства, отставку кабинета министров, лишение правителя, узурпировавшего власть, короны, а в экстренном случае даже его казнь, то просветители-тори противились любым насильственным мерам в отношении к личности правителя, возлагая всю ответственность за «дурное» правление страной на министров.

В то же время просветители проявляли завидное единодушие, когда надо было выступить против тех, кто мог воспользоваться декларированным правом сопротивления — против народных низов. Народ мог выступить не только против правителя-деспота, но против существующего строя, что вызывало серьезное беспокойство у имущих слоев. Опасения нового взрыва народной стихии проявлялись со всей очевидностью в трактовке просветителями теории сопротивления. Угроза вступления на арену политической борьбы народных масс в качестве борющейся стороны заставляла просветителей исключать их из своей теории сопротивления. В результате теория сопротивления, в оковах буржуазной ограниченности, лишилась в эпоху Просвещения в Англии своего революционного содержания.

Между тем, разработанная англичанами теория внесла неоценимый вклад в общественно-политическую мысль европейского и американского Просвещения XVIII века. Тираноборческие призывы, воспетые английскими просветителями, нашли свое практическое применение в борьбе американских колоний за независимость, французского народа в годы буржуазной революции, антикрепостнического движения в России. В результате теория сопротивления, рожденная идеологами Английской революции середины XVII века, подхваченная и получившая свое дальнейшее теоретическое развитие в трудах ранних просветителей, была реализована на практике новыми поколениями революционеров во многих странах мира. Разработанная первыми просветителями теория сопротивления не теряет актуальности до сего дня. Право народа на сопротивление тирании, в какой бы форме она ни проявлялась, служит гарантом стабильности демократического общества, вне зависимости от времени и места провозглашения данного права.

ГЛАВА 4

Демократические свободы

Важное место в просветительской идеологии занимали демократические свободы слова и совести, в защиту которых деятели Просвещения высказывались неоднократно. Просветители восхваляли свободу человека в любом ее проявлении. Но какое содержание они вкладывали в само понятие «свобода»? Джон Локк выделял понятия «естественной свободы человека» и «свободы человека в обществе». По его мнению, «естественная свобода» освобождала человека «от всякой высшей власти на земле», предусматривая его подчинение только законам природы. Для человека в обществе свобода принимала более ограниченную форму, поскольку включала в себя подчинение тем законам и той законодательной власти, которым он оказал свое доверие. В результате свобода людей, находящихся под властью правительства, сводилась к соблюдению общих правил общежития, которые устанавливала законодательная власть¹. Локк прочно увязывал свободу человека с государственными законами, полагая, что каждый вправе распоряжаться своей личностью, своими действиями и своей собственностью только в рамках установленных законов². Таким образом, в представлениях просветителей свобода не соседствовала с понятием «анархия», а напротив, предусматривала действие законов, установленных государственной властью. Галифакс пытался доказать, что только органичное сочетание свободы с властью приносит ощутимые результаты в развитии общества. «Власть и свобода, — писал он в «Принципах государства», — подобна жаре и влаге, когда они хорошо сочетаются, все процветает, если они наступают поодиночке, все впадает в запустение»³. Впрочем, в другом своем произведении «Политические мысли и рассуждения» Галифакс был вынужден признать, что власть и свобода «редко находятся в добрых отношениях» и редко вступают в прочный союз, поскольку трудно объединить их вместе, они «ссорятся на расстоянии»⁴.

В каком же соотношении должны находиться личностные свободы человека и законы, чтобы возможно было достичь если не гармоничных, то хотя бы приемлемых условий жизни каждого гражданина в обществе? В поисках ответа на данный вопрос просветители

¹ Локк Д. О государственном правлении // Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах. М., 1960. Т. 2. С. 16–17.

² Там же. С. 34.

³ The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford. 1912. (далее — The Complete Works of Halifax.). P. 180.

⁴ Ibid. P. 223.

обращались к истории своей страны и прежде всего к английскому юридическому праву. Лорд Сомерс высказывал твердое убеждение в том, что личностная свобода является «великим наследием» человека от предшествующих поколений. Эта «фундаментальная свобода» охранялась Великой Хартией вольностей и рядом других законов страны, что и обеспечило в Англии в предыдущие столетия должное уважение к свободе личности. В настоящее же время, как свидетельствовал юрист Сомерс, наблюдаются случаи нарушения личностной свободы со стороны тех, кто сам призван ее охранять, а именно: палаты общин. Сомерс приводил в пример случай с кентскими петиционерами. Просветитель расценивал действия палаты общин, заточившей петиционеров в тюрьму, как акт насилия над личностью и требовал положить конец подобным нарушениям «свободы и прав народа»¹. Как видно, Сомерс личностные свободы ставил превыше законов, издаваемых властями. Убежденный сторонник приоритета личностных свобод, Сомерс обращался к средневековому «обычному праву» («common law»), которое в свое время являлось гарантом свобод человека. Просветитель указывал на то, что в средние века существовали законы, запрещавшие лордам проявлять насилие по отношению к своим крепостным-вилланам. Если же случалось, что хозяин избивал виллана, то последний имел право обратиться за помощью в суд, который мог присудить этому крепостному свободу в качестве компенсации за нарушение личностной свободы. Таким образом, очевидно, что «закон больше заботится о сохранении свобод граждан, чем их собственности», и потому палата общин, не располагавшая правами регулирования других видов собственности, не вольна распоряжаться свободой личности, заключал Сомерс². Высоко оценивая личностные свободы сограждан, просветитель полагал, что правом на эти свободы владеет каждый индивидуум, вне зависимости от того социального положения, которое он занимает в иерархической структуре общества. И законы общества должны стоять на страже этих свобод.

Хотя просветители тесно увязывали понятие «свобода» человека с законами, установленными для него государством, и, следовательно, сводили подобную свободу к «законному» подчинению власти буржуазного государства, тем не менее, подчас они высказывали свои заветные мечты о достижении безграничной свободы личности. Локк в «Письме о веротерпимости» восклицал: «Абсолютная свобода, справедливая и истинная свобода, равная и беспристрастная свобода —

¹ *Somers J. Jura Populi Anglicani or the Subject's Right of Petitioning Set Forth Occasioned by the Case of the Kentish Petitioners. L. 1701. (далее — Jura Populi Anglicani.). P. 22, 19, 18.*

² *Ibid. P. 27.*

вот, в чем мы нуждаемся». И далее, как бы признавая утопичность подобного желания, просветитель с разочарованием констатировал: «Свобода, я уверен, вовсе не практиковалась ни нашими правителями в отношении народа вообще, ни враждующими партиями внутри народа по отношению друг к другу»¹.

Хотя просветители несколько скептически относились к возможности достижения безграничной свободы в обществе, тем не менее, они продолжали воспевать свободу, восхваляя ее неоспоримые достоинства. Как писал в «Характере соглашателя» Галифакс, «свобода — это возлюбленная человечества, она обладает настолько властным очарованием, что поработщает нас так, что мы открываем в ней все новые прелести, которых в ней, возможно, нет вовсе... Однако если бы она не была столь прекрасна, то мир, возможно, не сходил бы из-за нее с ума»².

Гимн свободе звучал во многих произведениях просветителей. Герои трагедии «Катон» Дж. Аддисона с пафосом восклицали: «Один день, один час свободы стоят много дороже целой вечности, проведенной в рабстве»; «Когда потеряна свобода, жизнь теряет смысл, становится скучной и несносной»³. Аддисон был уверен, что свобода должна распространяться на каждого индивидуума и что естественными плодами свободы являются богатство и изобилие. Только в тех государствах, где процветает свобода, полагал просветитель, в полной мере развиваются науки, искусство, знания.

Просветители тесно связывали понятия «свободы» и «собственности», что было характерно для большинства буржуазных идеологов XVII и XVIII вв. Еще К. Маркс отмечал, что «практическое применения права человека на свободу есть право человека на *частную собственность*»⁴. И действительно, мы уже ознакомились с высказываниями Локка, который отождествлял право частной собственности с естественной свободой человека. Р. Стиль также полагал, что именно свобода и собственность являются необходимыми компонентами существования человека. На его взгляд, свобода и собственность — это «составляющие счастья, за которые честный и благородный человек должен сражаться, пока жив, и с радостью умереть, защищая их»⁵. И для епископа Ходли частная собственность вместе с гражданскими свободами тоже являлась олицетворением счастья человека. А по-

¹ Локк Д. Письмо о веротерпимости // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981. С. 26.

² The Complete Works of Halifax. P. 62.

³ Cato. A Tragedy by Mr. Addison. L., 1725. P. 56, 54.

⁴ Маркс Ф., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 400.

⁵ The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. L. 1955 (далее — The Englishman). P. 113, 76.

скольку целью правительства было, по мнению просветителя, достижение счастья людей, то следовало поддерживать такое правление, при котором обеспечивались частная собственность и гражданские свободы. Такое правление и существовало, на взгляд Ходли, в Англии¹. Означало ли это, что в стране каждому гражданину гарантировались права свободы слова и совести? Что думали по этому поводу просветители? Каким было их отношение к гражданским свободам? Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая глава.

Свобода слова

Английские просветители неоднократно высказывались в поддержку гражданских свобод, и прежде всего свободы слова, поскольку хорошо понимали, что «призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати»². Они приняли самое активное участие в борьбе за достижение в стране бесцензурной печати. Борьба эта имела свою предысторию. Со времени правления Генриха VIII (1509–1547 гг.) в английской печати существовала цензура. «Звездная палата» охраняла в печати авторитет короля и господствующей церкви. При Карле I Стюарте за сочинение и распространение «опасных», по мнению властей, книг виновных по приговору Звездной палаты подвергали наказаниям: облагали высокими штрафами, били плетью, выставляли к «позорному» столбу, рвали ноздри, клеймили щеки каленым железом и сажали в тюрьму. Революция упразднила Звездную палату в 1641 г., однако цензура в печати продолжала действовать, лишь только контроль над печатью от короля перешел к парламенту. Однако радикальные партии выступили с требованием отмены цензуры. Особенно активную позицию в борьбе за свободу слова заняли революционеры Джон Лильберн и Джон Мильтон³.

После Реставрации «строгая цензура», по словам известного английского историка К. Хилла, «покончила с относительной свободой политических дискуссий, которые проходили в 1649–1660 гг.»⁴. И теперь только правительственные газеты печатались с разрешения закона. В 1661 г. парламент принял указ «О регулировании книгопечатания», преследовавший своей целью заставить замолчать всех недовольных режимом Реставрации. Парламент разработал ряд мер,

¹ *Browning R. Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. Louisiana. 1982. P. 86–87.*

² *Маркс Ф., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 83.*

³ Подробнее об этом см.: *Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 30–38.*

⁴ *Hill C. Republicanism after the Restoration // New Left Review. 1960. N 3. P. 47.*

направленных на розыск «возмутительных, подозрительных, скандальных и запрещенных книг, памфлетов, бумаг в книжных лавках и типографиях»¹. Началось открытое преследование оппозиционно настроенных к режиму Реставрации памфлетистов. Так к публичному сожжению «рукой палача» были приговорены «мятежные» книги Дрейка, Джона Мильтона, Джона Гудвина и других республиканцев, оправдывавших «ужасное» убийство Карла I. Было объявлено также об изъятии «мятежных» памфлетов, книг, речей известных лидеров оппозиционной режиму вигской партии — Джона Локка, графа Шефтсбери, герцога Бэкингема. Типограф Джон Твин, без разрешения цензора напечатавший памфлет антиправительственного содержания, в котором утверждал, что власть должна принадлежать народу, был арестован и подвергнут жестокой казни (его повесили, затем четвертовали, выставив части тела у разных ворот Лондона).

Жестокие репрессии по отношению к авторам «мятежных» и «возмутительных» памфлетов со стороны правительства далеко не всегда оказывались эффективными. Запрещенные книги и памфлеты, содержащие критические высказывания в адрес правительства, продолжали распространяться по стране. Сам король Карл II был вынужден признать бессилие правительственной политики в борьбе с «возмутительной» литературой².

Установленная режимом Реставрации цензура в печати ущемляла права даже тех авторов, которые в своих произведениях не допускали никакой крамолы. Государственный секретарь Уильямсон получил 3 июня 1676 г. анонимное послание, автор которого жаловался на цензора Лестранжа, «который превышает свои полномочия, вверенные ему законом, ...притесняет бедных авторов, а богатым позволяет себя подкупать, ...вымогает деньги за печатанье книг нонконформистов, утверждая, что его должность равноценна по своему значению должности государственного секретаря»³. Попытки короля Карла II усилить действие цензуры не имели успеха: памфлетная война продолжалась⁴. Король Яков II придерживался той же политики контроля над печатью, что и его предшественник, но во время Славной революции этот контроль, как признает американская исследовательница Д. Сквайер, был в значительной степени ослаблен⁵. На протяжении нескольких недель появилось множество памфлетов, трактатов, газет, в которых

¹ Calendar of State Papers Domestic Series. L. 1894–1913. Vol. 11. P. 654.

² Ibid. P. 446.

³ Ibid. Vol. 18. P. 143.

⁴ Speck W. A. Political Propaganda in Augustan England // Transactions of the Royal Historical Society. 5 ser. Vol. 22. L. 1972. P. 20.

⁵ Schwoere J. G. Press and Parliament in the Revolution of 1689 // The Historical Journal. Vol. 20. № 3, 1977. P. 562.

освещались политические события и парламентские новости. Но уже в январе 1689 г. Вильгельм Оранский издал указ, предписывающий цензорам разыскивать все «скандальные и мятежные» книги, газеты и памфлеты, привлекая к судебной ответственности их авторов. Так возобновилось действие закона «о цензуре».

Нуждаясь в средствах массовой информации для оказания влияния на общественное мнение, буржуазия активно включилась в борьбу за свободу печати. Требование «свободы слова» сделалось одним из главных в программах партий тори и вигов. Наиболее активными борцами за свободу слова сделались просветители. Когда в январе 1704 г. парламент занялся рассмотрением вопроса о регулировании печати, Дефо на страницах «Ревю» расценил установление цензуры как покушение на свободу. Он опубликовал памфлет «Очерк о регулировании печати», в котором подробно останавливался на тех сложностях, которые возникают в обществе, где существует цензура в печати. Даже частичный запрет на публикацию книг, по его мнению, нарушает процесс образования, препятствует приобретению знаний, увеличивает число контрабандных изданий, приводит знания образованных людей в упадок. Дефо также обращал внимание на тот факт, что при существовании цензуры авторы попадают в полную зависимость от цензора, который может запретить публиковать книгу только потому, что она не нравится лично ему. Установление цензуры создает также благоприятную почву «для подкупа, обмана и всяческих злоупотреблений», поскольку цензор разрешает печатать книгу не потому, что «книга того стоит, а из-за того, что он получил соответствующее вознаграждение», давая подобное разрешение. Вручение нескольких золотых гиней цензору, подчеркивал Дефо, тотчас сделает книгу «ортодоксальной и лояльной» и устранит любые «конструктивные замечания» по ее содержанию¹.

Дефо отмечал, что существующую в печати цензуру нередко используют для достижения своих целей в политической борьбе партии. Любая из партий, став у руля правления, получает право утверждать своих людей на должность цензора, тем самым приобретая «исключительное право распоряжаться печатью, предоставляя своим сторонникам высказываться в ее поддержку, но одновременно лишая свободы слова другую партию»². Таким образом, подчеркивал Дефо, при наличии цензуры печать приобретает партийный характер, становясь «рабой партии»³.

¹ *Defoe D. An Essay on the Regulation of the Press // Luttrell Reprints. № 7. Oxford, 1948. P. 9–10.*

² *Ibid. P. 17.*

³ *Ibid. P. 5.*

Выступая против цензуры, Дефо в то же время предлагал издать несколько законов с целью регулирования вопроса о печати. Как твердый защитник интересов буржуазии Дефо желал, прежде всего, обезопасить имущие классы от «подстрекательских и мятежных элементов, которые под видом подачи петиций в парламент, нередко производят волнения и беспорядки»¹. Для этой цели он предлагал оговорить законом допустимое количество подателей петиций, а также, чтобы эти податели непременно принадлежали к имущим слоям. Более того, Дефо считал необходимым издание указа о том, чтобы отдельные вопросы, касающиеся государственного и церковного правления, не обсуждались в печати вообще, нарушители же этого закона должны понести соответствующее наказание. Совершенно очевидно, что подобными законами буржуазный просветитель надеялся обезопасить власть имущих от выступлений недовольных существующим режимом народных масс Англии.

Требования отмены цензуры нередко звучали в стенах парламента. Так лорд Галифакс, выступая в палате лордов в 1693 г., потребовал упразднения цензуры, поскольку считал, что она способствует «подчинению всей информации об истинном положении дел в стране воле и желаниям корыстного, а порой и невежественного цензора»².

Активное участие в борьбе за отмену цензуры принял Джон Локк. Весной 1695 г. он представил в парламент документ, в котором изложил свое мнение по поводу существующего закона о печати, подвергая его критике. «Я не понимаю, почему люди не могут свободно печатать то, о чем желают высказаться», — заявлял Локк³. Он считал, что, препятствуя гражданам публиковать то, о чем они хотели бы сказать, правительство тем самым поощряет издание анонимной литературы, авторов которой невозможно ни найти, ни наказать. В результате ответственность за этих авторов несут издатели и книготорговцы, которые подвергаются наказаниям. Проведение подобной политики, по его мнению, резко ограничивает издание книг. «Из-за этого закона Англия в целом проигрывает, особенно страдают ученые, и никто не выигрывает, кроме ленивых, безразличных цензоров», — констатировал Локк⁴.

Примечательно, что Локк в ограничении свободы слова видел не только ущемление гражданских свобод человека, как большинство просветителей, но также унижение человеческого достоинства. Он

¹ Ibid. P. 18–19.

² Цит по: *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age*. P. 53.

³ Цит по: *Bourne Fox. H. R. The Life of John Locke*. L., 1876. Vol. 2. P. 312.

⁴ Ibid. P. 314.

указывал, что существующий закон о печати дает право констеблю обыскивать любой дом в поисках запрещенной литературы. Локк недоумевал, как же джентри, более того, как пэры Англии могут подвергаться процедуре обыска только по подозрению в том, что в их домах находятся разыскиваемые «мятежные» книги. Для просветителя даже «тень подозрения», которая ложится на подозреваемого в сокрытии запрещенных книг, а также то, что его дом может быть подвергнут обыску, отождествлялась с «проявлением рабства», с которым, на его взгляд, предки никогда бы не смирились¹.

Усилия борцов за свободу слова увенчались успехом в феврале 1695 г., когда закон о цензуре, наконец-то, был отменен. Английский исследователь Л. Хэнсон считал, что отмена данного закона произошла потому, что он не достиг своей цели. Желая не допускать в печать «подстрекательские» и «мятежные» памфлеты и предусматривая за их публикацию суровые наказания, правительство не предполагало, к каким последствиям этот закон может привести. Во всяком случае, ни церковь, ни государство не желали, как подчеркивал Хэнсон, разорения граждан от тех штрафов, которыми их облагали за «недозволенные» публикации². На наш взгляд, уничтожение цензуры в английской печати объяснялось насущными потребностями укреплявшей свои позиции буржуазии, нуждавшейся в средствах, с помощью которых можно было свободно пропагандировать свои идеи, формировать в нужном направлении общественное мнение, оказывая идеологическое воздействие на сограждан. Упразднение цензуры в печати, конечно же, имело прогрессивное значение для всей политической жизни Англии. Однако не будем забывать, что плодами достигнутой свободы могли воспользоваться лишь представители имущих слоев.

Как же развивались события в Англии после отмены цензуры? Обрела ли печать ту самую свободу, за которую несколько десятилетий вела борьбу прогрессивная буржуазия? По мнению Хэнсона, уничтожение цензуры не позволило добиться в Англии «полной свободы слова»³. Вместе с тем, отмена закона о цензуре в значительной мере активизировала печатное дело. С 1702 г. в Лондоне впервые начала выходить ежедневная газета «Дейли курант». Вслед за ней еще ряд газет объявили о своем существовании: «Инглиш курант», «Постмен», «Постбой», «Уикли Ньюс Леттер» и другие. За пять лет тираж газет возрос с 44 до 67 тыс.⁴ Появилось также 30 новых журналов. Приме-

¹ Ibid. P. 315.

² Hanson L. Government and the Press. (1695–1763). L., 1936. P. 7.

³ Ibid. P. 1.

⁴ Speck W. A. Op. cit. P. 20.

чительно, что многие издания имели партийную окраску. К примеру, «Обсерветор», «Спектейтор», «Ревю», «Инглишмен» и «Гардиан» отличались «вигской» направленностью, а «Экзаминер» и «Рихезел» были известны как «торийские» журналы.

Появление столь значительной для начала XVIII в. периодики в Англии, бесспорно, позволило власти имущим оказывать влияние на формирование общественного мнения в стране. Однако следует напомнить, что читателями прессы оставались по преимуществу представители высших и средних слоев Англии: аристократия, джентри, купечество, духовенство, интеллигенция. Основная же масса населения Англии, неграмотная по большей части, газет и журналов не читала, статей и памфлетов не писала и потому мало интересовалась судьбой закона о печати, равно как и его отменой. Этого нельзя было сказать об имущих слоях. Добившись долгожданной свободы слова, правящие классы уже не желали с ней расставаться ни под каким видом. И когда в 1697 г. в палате общин был внесен на обсуждение проект о возобновлении закона о цензуре, депутаты дружно (200 голосами против 16) его отклонили.

Добившись отмены цензуры, буржуазия завоевала свободу исключительно для своего класса. А затем она начала изыскивать средства, с помощью которых было бы возможно подавлять выступления, как своих политических противников, так и всех инакомыслящих. Одним из таких средств явилось введение 10 июня 1712 г. «штемпельного» налога, с помощью которого правительство (напомним, что в это время правил торийский кабинет) надеялось заставить замолчать наиболее крикливых и назойливых своих оппонентов через закрытие газет и журналов, разоряя их владельцев. И действительно, эта мера оказалась эффективной. Многие периодические издания не выдержали налога и прекратили свое существование. Об этом в своем дневнике сообщал Джонатан Свифт: «...С прошлой недели Граб-стрит (улица в Лондоне, где располагались издания некоторых газет и журналов. — Т. Л.) почил и уже не воскреснет. ...«Наблюдатель» приказал долго жить, «Всякая всячина» слилась с «Летучей почтой», «Экзаминер» смертельно болен»¹. Так правительство и в условиях существования бесцензурной печати нашло способ закрыть рот всем недовольным.

Впрочем, не менее активно свободой слова продолжали пользоваться и политические партии. В условиях становления двухпартийной системы, когда тори и виги попеременно входили в правящий кабинет, оппозиционная партия начинала выступать с критикой в адрес правящей партии. В свою очередь, та партия, которая стояла у руля правления, применяла всевозможные меры, чтобы «утихомирить» своих

¹ Свифт Дж. Дневник для Стелы. М., 1981. С. 321.

политических противников. Но стоило партиям поменяться местами, вчерашним оппозиционерам сделаться правящей партией, а тем, кто был у руля правления, превратиться в критиков правительственной политики, как все начиналась сначала: преследование инакомыслящих и свобода слова только для правящей партии. Ярким подтверждением вышесказанного может послужить пример Свифта. В известном произведении «Сказка бочки» Свифт выступал как сторонник самой широкой свободы слова. Он отмечал, что существующая в Англии свобода слова имеет ограниченный характер. «Вы можете безопасно пустить в ход все свое красноречие против человеческого рода, — писал он, — ...свободно можете проповедовать в Ковент-Гардене против щегольства, блуда и кое-чего еще; против чванства, лицемерия и взяточничества — в Уайт-холле; можете обрушиться на грабеж и беззаконие в капелле квартала юристов, а с кафедры городских церквей громить сколько вам угодно скупость, ханжество и лихоимство... Но с другой стороны, стоит только человеку... публично обронить самый отдаленный намек, что такой-то уморил с голода половину матросов, а другую почти отравил; что такой-то из высоких чувств любви и чести не платит никаких долгов, кроме карточных и проституткам; что такой-то схватил триппер и просаживает свое состояние; что Парис, подкупленный Юноной и Венерой (деньги и любовница — очень соблазнительные взятки для судьи...), чтоб не обидеть ни одной из сторон, проспал весь процесс, восседаая в судейском кресле; или что такой-то оратор произносит в сенате длинные речи, весьма глубокомысленные, мало вразумительные и совершенно не относящиеся к делу. Стоит только... кому-нибудь вдаться в подобные частности, и он должен ожидать тюрьмы за величайший скандал, вызова на дуэль, преследования за клевету и привлечения к суду»¹. Как видно, Свифт обличал тех, кто ущемляет право подданных на свободу слова. Он защищал право граждан свободно высказывать свои взгляды по любому вопросу, допуская даже критику государственного правления. Но вот изменилась политическая обстановка, к власти пришли тори, которых поддерживал Свифт, и куда только делись его речи о свободе слова! Теперь уже сам Свифт, вчерашний поборник свободы слова, требует от государственного секретаря «примерно наказать» тех, кто «чересчур рьяно» нападает на кабинет министров, настаивает на аресте вигского памфлетиста, который оскорбил его самого. «Эти чертовы мошенники с Граб-стрит, — писал Свифт в «Дневнике», — ..бесцеремонно поносят лорда-казначея Болингброка и меня. Мы возбудили против одного из этих негодяев судебное преследование»². Таким образом, торийский

¹ Свифт Дж. Сказка бочки. М. 1976. С. 57.

² Свифт Дж. Дневник для Стелы. С. 207, 219.

памфлетист требовал свободы слова только для своей, правящей партии, лишая таковой ее политических противников — вигов.

Не только политические партии, но и правительство стремилось заручиться поддержкой видных писателей и журналистов, чтобы через них оказывать давление на общественное мнение. Для этой цели оно использовало политику «кнута и пряника» — поощряло ортодоксальных памфлетистов и журналистов и сурово расправлялось с инакомыслящими. Французский исследователь XIX в. А. Белжам приводил данные о том, как правительство отблагодарило тех писателей и журналистов, которые своими произведениями его поддерживали: Джон Локк вошел в Совет по делам торговли; поэт Арбетнот был назначен лекарем королевы Анны; журналист Стил получил должность главного редактора официальной «Лондонской газеты», драматург Конгрив вошел в казначейство; поэт Гэй, начинавший свой жизненный путь учеником торговца шелком, в двадцать пять лет стал секретарем посольства; памфлетист Мэтью Прайор получил назначение посла в Гаагу, а затем в Версаль; Свифт стал настоятелем собора св. Патрика в Дублине. Впрочем, автор убежден, что если бы Свифт не написал своей «Сказки бочки», содержащей острую критику духовенства, то не исключено, что он стал бы епископом¹. Белжам полагал, что писатели и журналисты были приняты в высшее общество наравне со знатными людьми. Так, Прайор приглашал к себе в дом министра Харли; Свифт часто встречался, обедал вместе с государственным секретарем Болингброком; Конгрив дружил с дочерью герцога Мальборо; Аддисон женился на графине Уорвик. Сделались членами парламента Конгрив, Аддисон, Стил. Все они вошли в знаменитый клуб «Кит-Кэт» вместе с влиятельными политиками графами Дорсетом, Сандерлендом, герцогами Сомерсетом, Ньюкаслем и Мальборо². Таким образом, правительство хорошо оплачивало (деньгами и должностями) находящихся у него на службе литераторов, которые хотя и ратовали за свободу слова, но сами были вынуждены в силу убеждений, политических симпатий, либо по меркантильным соображениям продавать собственное перо.

Иная судьба была уготована тем писателям и журналистам, кто попадал в ряды оппозиционеров. Правительство расправлялось с неугодными литераторами так же сурово, как поступали когда-то короли. Издатель газеты «Флаинг Пост» У. Харт дважды выставлялся у «позорного» столба, два года провел в тюрьме, подвергся разорительному штрафу; Дефо за памфлет «Кратчайший путь расправы

¹ *Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century. 1660–1744. L. 1948. P. 218.*

² *Ibid. P. 220.*

с диссентерами» был выставлен у «позорного» столба, приговорен к тюремному заключению, оштрафован; издатель «Обсерветора» Тэтчин избит толпой фанатиков, приговорен парламентом к розгам. Священник Стивенс оштрафован и только случайно избежал «позорного» столба за написание памфлета в защиту «неприсягнувших». За памфлет «Кризис» был исключен из парламента Стил. Издатель Дж. Ридпат провел несколько месяцев в тюрьме, выйдя из которой, опасаясь новых преследований, вынужден бежать из страны. Тюремное заключение являлось самой распространенной формой воздействия на инакомыслящих: только за один день государственный секретарь лорд Болингброк отправил в тюрьму 14 книгоиздателей и журналистов¹.

Самые суровые преследования и репрессии со стороны правительства не могли, однако, заставить замолчать всех тех, кто отстаивал право на свободу слова. «Не успеваем выпускать кого-нибудь из них под залог, — сетовал Свифт, — как они тотчас снова берутся за свое. Тогда мы снова их арестовываем, но они опять вносят залог, и каждый раз все начинается сначала»². Литераторы продолжали писать, а взамен прежних, закрытых, газет и журналов выходили новые издания.

Примечательно, что произведения находящихся в опале у правительства авторов нередко пользовались большей популярностью, чем работы ортодоксальных литераторов. Так, памфлет Дефо «Чистокровный англичанин» выдержал за четыре года 21 издание. За короткий срок 80 тыс. экземпляров его были распроданы на улицах Лондона. Известная проповедь доктора Сечверелла, направленная с критикой в адрес правительства, напечатанная в количестве 40 тыс., разошлась в несколько дней. Две тысячи экземпляров памфлета Свифта «Поведение союзников» было распродано за два дня³.

В том, что запрещенная литература встречалась публикой с таким интересом, не было ничего удивительного. Как известно, запретный плод сладок. В результате, в разряд преследуемых авторов порой попадали люди, которые отнюдь не являлись действительными противниками существующего строя Англии. Напротив, они защищали этот строй, но лишь допускали отдельные критические замечания в адрес правящей партии, либо кого-либо из министров. Однако в условиях ограниченной свободы слова даже подобные выступления считались «мятежными», а их авторы причислялись в разряд инакомыслящих. В результате подобной политики среди преследуемых памфлетистов

¹ *Ehrenpreis I. Swift on Liberty // Journal of the History of Ideas. Vol. 13. 1952. № 2. P. 138.*

² *Свифт Дж. Дневник для Стелы. С. 330.*

³ *Beljame A. Op. cit. P. 309.*

нередко оказывались как истинные борцы с существующим режимом правления, так и сторонники этого режима, лишь иногда выступавшие в роли критиков отдельных негативных его сторон.

Итак, как мы могли убедиться, свобода слова, сводившаяся, главным образом, к отмене цензуры в печати, была достигнута в Англии в результате острой политической борьбы. Инициатором и главной участницей этой борьбы явилась буржуазия, нуждавшаяся для укрепления собственных позиций в контроле над печатью, единственного в то время средства массовой информации, с помощью которого она могла осуществлять свое влияние на общественное мнение. Добившись отмены цензуры, буржуазия начала использовать обретенную свободу слова исключительно в интересах своего класса. В результате свобода слова в Англии с самого начала приобрела социальную ограниченность. Отстаивая свои узкоклассовые интересы, буржуазия допускала использование свободы слова лишь для представителей имущих слоев, лишая этого права народные низы. Впрочем, не каждый представитель и из имущих слоев мог воспользоваться данной свободой, а лишь тот, кто выражал ортодоксальные взгляды, поддерживал правящую партию и правительство. Всех инакомыслящих ждали тюрьмы, «позорный столб», разорительные штрафы. Таким образом, достигнутая в Англии свобода слова становилась свободой лишь для избранных.

Свобода совести

Важное место в идеологии ранних просветителей занимало также их требование религиозной свободы. В ту пору английское общество по-прежнему оставалось глубоко религиозным, поэтому многие вопросы, связанные с религией, нашли подробное освещение на страницах произведений просветителей. Сами просветители признавали, что религия играет важную роль в жизни человека. Религия обладает «неоспоримым влиянием на все человечество, поскольку является составляющей его земного счастья», — утверждал Галифакс¹.

Практически все просветители сами являлись людьми верующими, хотя и принадлежали к различным конфессиям. К примеру, Свифт являлся убежденным сторонником англиканизма, Дефо придерживался учения диссентеров, а Болингброк примыкал к деистам. Соответственно и отношение просветителей к свободе совести было неоднозначным.

Государственной религией в Англии после Реставрации монархии в 1660 г. вновь стал англиканизм. Англиканская церковь объединяла

---

¹ The Complete Works of Halifax. P. 67.

в своих рядах приверженцев «высокой» церкви (тех, кто сохранял близость к католицизму, преимущественно выходцев из дворян) и «низкой» церкви, представители которой были тесно связаны с буржуазией. Идеологи «высокой» церкви, как правило, выступали за независимое от государства положение церкви, прерогативу духовной власти над светской. Приверженцы же «низкой» церкви требовали подчинения религии интересам государства. Если «высокую» церковь чаще всего поддерживали тори, то сторонниками «низкой» церкви были многие виги.

Пуританизм, который являлся идеологией буржуазии в период революции середины XVII века, после Славной революции продолжал существовать, но уже в виде различных сект: пресвитериан, баптистов, квакеров и др. В соответствии с Законом о веротерпимости, принятым в 1689 г., хотя пуританам и не возбранялось отправление своего религиозного культа, однако они ограничивались в гражданских правах. К примеру, им запрещалось занимать должности в государственном управлении. Если учесть, что пуританские секты состояли по преимуществу из представителей низших социальных слоев, то становится очевидной социальная направленность Закона о веротерпимости.

Помимо пуританских нонконформистов (лиц, не принадлежащих к государственной англиканской церкви), в Англии имелись также протестантские нонконформисты (унитарии и социнциане), которые исповедовали более радикальную религию: отвергали догмат троицы, божественности Христа, выступали за широкую веротерпимость. Деятельность радикальных религиозных сект находилась под запретом вплоть до 1813 г., когда произошла легализация унитариев и социнциан.

Ущемлению в гражданских правах, а также открытому преследованию подвергались не только пуританские и протестантские нонконформисты, иди диссентеры, но и приверженцы деизма. Истоки деизма восходят к началу XVII века, когда в стране появились сторонники секуляризации общественной жизни и сознания личности, искоренения фанатизма и религиозной нетерпимости. Деизм являлся «религией рассудка», поскольку основывался не на божественном откровении, а на разуме и философском мышлении. Деисты стремились свести религию к морали. Мораль начинает рассматриваться как своеобразная замена религии. Деизм сыграл важную роль в развитии философской мысли XVIII века, как в Англии, так и во многих других странах Европы.

Наличие различных конфессий в стране наложило свой отпечаток на формирование просветительской концепции религии. Как отмечал философ Б. В. Мееровский, «просветительская концепция не была в

состоянии ни научно объяснить происхождение и сущность религии, ни тем более преодолеть ее. Однако эта концепция в немалой степени способствовала ниспровержению религии с того пьедестала, на котором она находилась в течение многих столетий. При всей ограниченности просветительской критики религии она сыграла исторически прогрессивную роль в борьбе с духовной диктатурой церкви в подготовке атеизма»¹.

Что же представляла собой просветительская концепция религии? Прежде всего она включала в себя религиозную терпимость. Практически все просветители выступали в поддержку свободы совести. Вопрос о веротерпимости возник в просветительской идеологии не случайно, он «вырос на английской почве благодаря тому, что нигде не было такого разнообразия всевозможных сект, как в Англии», отмечал ученый М. Н. Розанов. На его взгляд, сама идея веротерпимости имела «чисто английское происхождение»².

В парламенте Вильгельма Оранского законопроект о веротерпимости был выдвинут на обсуждение одним из первых, что подтверждает то значение, которое придавали ему власти. О том, как происходило обсуждение законопроекта в парламенте, сообщал своему другу в письме от 12 марта 1689 г. Джон Локк. Он обращал внимание на тот факт, что обсуждение билля вызвало разногласия в позициях депутатов. Одни парламентарии выступали за привлечение диссентеров в ряды господствующей церкви через упразднение отдельных ее церемоний отправления культа, вызывавших особое неприятие нонконформистов. Другие депутаты настаивали на предоставлении гражданских прав, в том числе свободы совести всем, кто не желает стать англиканцем. Высшее же духовенство англиканской церкви отнеслось к возможным реформам с явным неодобрением³. Просветитель выразил свое отношение к религиозной терпимости в «Письме о веротерпимости». Это произведение было написано Локком в 1685 г., но увидело свет лишь в 1689 г. В нем автор подчеркивал, что веротерпимость — это «главная отличительная черта истинной церкви». Он указывал, что между государством и церковью существуют весомые различия. Если государство представляет собой организацию, управляемую законами и способную принуждать к подчинению своих подданных, то церковь, напротив, является добровольным объединением людей, собирающихся вместе с целью публичного богослужения. Исходя из подобных различий, государство вправе требовать подчинения граж-

¹ Мееровский Б. В. Джон Толанд. М., 1979. С. 50.

² Розанов М. Н. История литературы эпохи Просвещения в Англии и Германии. Ч. 1. М., 1914. С. 118–119.

³ Цит. по: Fox Bourne H. R. The Life of John Locke. P. 151.

дан своим законам, церковь же ни в коей мере не может настаивать, чтобы верующие остались в ее лоне, а не присоединились к другой конфессии. Локк был твердо убежден в том, что свобода совести является естественным правом каждого человека, вне зависимости от его принадлежности к господствующей церкви или к одной из нонконформистских сект. И никто, в том числе и государственные власти, не должны никого «принуждать в вопросах религии законом или силою»¹. Локк полагал, что веротерпимость снижает напряженность в обществе, позволяя устранить многие конфликты на религиозной почве. Очень часто верующие оказываются втянутыми в различные антиправительственные выступления, однако причиной тому, как правило, бывают не религиозные разногласия, а «страдания» народа из-за угнетения со стороны властей. «Поверьте мне, — убеждал своих сограждан просветитель, — восстания происходят не из-за какого-то особенного характера той или иной церкви или религиозного общества, но из общей склонности всего человечества, которое, когда оно стонет под тяжким бременем, естественно, стремится стряхнуть ярмо, натирающее ему шею»².

Примечательно, что многие просветители, которые выступали в поддержку веротерпимости, в качестве аргумента в ее защиту приводили достижение спокойствия и согласия в обществе. Дефо прямо заявлял, что с установлением веротерпимости люди сделаются спокойными и доброжелательными³. И епископ Ходли считал, что достижение стабильности в обществе, являвшейся наиболее желанной целью для любого правителя, возможно лишь при условии, если народ пребывает «в добром духе и хорошем настроении». А это бывает лишь в таком обществе, где отсутствует принуждение. Поэтому конституционный порядок, не навязывающий ограничений в вере на своих подданных, более живуч, нежели тот, где таковые ограничения имеют место⁴.

Интересно отметить, что сторонниками веротерпимости среди просветителей нередко становились даже те из них, кто сам был прихожанином или даже пастором англиканской церкви. К примеру, Аддисон являлся сторонником государственной религии, тем не менее, он защищал право людей на свободный выбор любой религии. Просветитель осуждал тех, кто в пылу «религиозного рвения» нетерпимо относился к исповедовавшим иную религию. Под видом религиозного

¹ Локк Д. Письмо о веротерпимости // Английское свободомыслие... Указ. соч. С. 27, 68.

² Там же. С. 69.

³ Wilson W. Memoires of the Life and Times of Daniel Defoe... L., 1830. Vol. 2. P. 367.

⁴ Цит. по: Browning R. P. 71.

фанатизма, полагал он, нередко скрываются обыкновенные «гордость, расчет или злонравие». Он резко осуждал тех, кто преследует людей за религиозные убеждения. «Мне нравится человек, который ревностно старается поднять нравственность и тем самым осчастливить людей, но если я вижу, что он действует с помощью пыток, виселиц, галер, темниц, если он лишает людей свободы, конфискует их имущество, разоряет семьи, сжигает тело, чтобы спасти душу, я не могу не сказать о таком человеке... его вера суетна, а религия бесплодна», — заключал просветитель¹.

В защиту веротерпимости выступали даже священнослужители англиканской церкви, которые придерживались просветительских убеждений. Среди них — епископ Ходли и Дж. Свифт. Надо сказать, что позиция Свифта-священника оказалась сложной. Как правило, он выступал в защиту государственной религии, осуждая любые отступления от установленной формы богослужения. В качестве подкрепления своей позиции Свифт приводил в пример высказывание Платона о том, что люди должны служить Богу в соответствии с законами своей страны. Как истинный англиканец Свифт настаивал на том, чтобы законодательная власть с помощью строгих и эффективных законов препятствовала появлению и распространению новых сект. Однако многочисленные неконформистские секты продолжали существовать в стране, и Свифт-просветитель был вынужден смириться с этим, поскольку считал, что «использование насилия против многих заблудших людей», не представляющих никакой угрозы для конституции, противоречит «делу очищения религии»². Как видно, просветительские убеждения подчас оказывались весомее религиозных симпатий и профессионального долга священнослужителей, находившихся в стане просветителей.

Идея «веротерпимости» в просветительской концепции религии не рассматривалась как абстрактная категория. Напротив, она была использована просветителями как отвечающая нуждам и запросам средних слоев общества, связавших свою судьбу с диссентерами. Хотя диссентеры, или неконформисты, составляли немногим более 4% населения страны, однако их движение было значительным, поскольку, по утверждению британского историка Г. Кларка, его истоки находились в среде лавочников, ремесленников, йоменов — «темных, но упорных людей»³. Впрочем, более поздние исследования показали,

¹ *Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894. P. 163.*

² *Swift J. Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford, 1940. P. 1940. P. 11, 5.*

³ *Clark G. The Later Stuarts. 1660–1714. Oxford, 1955. P. 18.*

что социальный состав диссентерства был более сложным, нежели представлялось это Кларку. Так, Д. Харвич подчеркивал, что наряду с мелкими торговцами и ремесленниками в рядах диссентеров можно было видеть ювелиров, аптекарей, владельцев мануфактур, стряпчих, богатых купцов¹. А поскольку интересы этих слоев выражали виги, то становится понятным, почему большинство просветителей «вигской» ориентации выступали в защиту диссентеров.

Предоставленная диссентерам в правление Вильгельма Оранского свобода совести при королеве Анне была в значительной степени ограничена. Парламент принял ряд законов, которые запрещали диссентерам занимать ответственные должности в парламенте и местном управлении; требовали закрытия образовательных диссентерских академий; препятствовали конфирмации к англиканской церкви «по случаю» (с целью получения выгодного места или должности). В результате подобной политики правительства диссентеров отстраняли от всякого участия в государственной деятельности, препятствовали в отправлении их культа и преследовали уголовными законами. Многие просветители, не пожелавшие смириться с ущемлением гражданских прав и свобод диссентеров, активно выступали в их защиту. Особенно преуспел в том Дефо. Большое влияние на позицию Дефо в отношении к диссентерам, бесспорно, сыграли его личные связи со многими диссентерами. Вспомним к тому же, что и сам он происходил из семьи диссентеров, а также получил образование в одной из диссентерских академий. В памфлете «Диссентер, представленный в искаженном и истинном свете» Дефо обвинял англиканскую церковь в нарушении мира и спокойствия в стране, а также законов государства, поскольку ее приспешники на протяжении многих лет занимались очернительством диссентеров, наделяя их «скандальными» прозвищами, вроде «мятежников», «угрозы монархии», «сторонников анархии и смятения». Дефо считал, что англиканцы сами в большей степени мятежники, чем диссентеры, поскольку повинны в убийстве стольких же королей, что и пресвитериане. Особенно Дефо возмущался тем, что диссентеров называли «фанатиками» и «разрушителями». Напротив, утверждал просветитель, за последние десятилетия диссентеры не нарушили власти ни одного законного правителя и никогда не были врагами монархии. Поэтому Дефо требовал прекратить преследования диссентеров. На его взгляд, все выдвигаемые против нонконформистов обвинения являются ложными и надуманными. «Позвольте мне заметить, — писал Дефо, — что ни один из подкупленных членов парламента, замешанных в коррупции министров, либо казнокрадов

¹ Hurwich J. «A Fanatic Town»: the Political Influence of Dissenters in Coventry. 1660–1720 // Midland History. 1977. Vol. 4. № 1. P. 34–40.

не являлись диссентерами. Напротив, диссентеры давали свои деньги правительству и теряли их ради правительства, ничего от него взамен не получая»¹. Между тем, диссентеры, наравне с англиканцами принимали участие в Славной революции, в деле возведения на трон Вильгельма Оранского, а позднее и королевы Анны, они также лояльны к династии Стюартов, как и англиканцы, помогают в различных делах государству налогами и добровольными пожертвованиями, поэтому должны в равной мере пользоваться общественной безопасностью, а если не нарушают закон, то и находиться под охраной последнего, заключал просветитель².

Нельзя сказать, чтобы все просветители в равной мере защищали диссентеров. Чаще всего сторонниками религиозных сектантов являлись те просветители, которые происходили из средних слоев, либо по своим религиозным убеждениям были им близки. Те же просветители, которые представляли высшие слои общества, аристократию, придерживались иной позиции. Примером тому может служить лорд Галифакс. Хотя просветитель и осуждал «жестokie репрессивные законы в отношении ко всем диссентерам», тем не менее, он был твердо убежден, что их религиозные собрания «не столь безобидны», а сами диссентеры в любой момент могут нанести ущерб государству. «Для диссентера просто невозможно не быть мятежником», — восклицал Галифакс на страницах одного из своих памфлетов³. Что же касается просветителей, являвшихся наиболее стойкими приверженцами англиканства, то они вообще выступали с осуждением диссентеров. Особенно показательна в этом отношении позиция, занятая Свифтом. В одном из номеров «Экзаминера» он обвинял диссентеров в том, что они явились инициаторами гражданской войны в стране в XVII веке и что именно они подняли восстание, убили короля, нарушили монархическое правление и церковное устройство. И лишь только возникшие впоследствии в их рядах разногласия позволили, по мнению просветителя, законному королю Карлу II занять трон. В период его правления к диссентерам было применено репрессивное законодательство, поскольку правительство видело в них постоянную угрозу для государственного и церковного устройства. С тех пор, уверял Свифт, нонконформисты ничуть не изменились и продолжают занимать прежние позиции, не имея иных целей, кроме захвата власти. При Якове II диссентеры, наряду с католиками, получили веротерпимость,

¹ Defoe D. The Dissenter Misrepresent and Represent // A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. Vol. 2. L., 1705. P. 357.

² Ibid. P. 363.

³ The Complete Works of Halifax. P. 69, 139.

на взгляд Свифта, вопреки закону. Когда же после Славной революции они лишились своего заступника короля Якова, то образовали партию, выступавшую против старых принципов государственного и церковного правления под именем «вигов» и «низкоцерковников», к ним примкнувших. Свифт приходил к заключению, что диссентеры являются «наиболее распространенной частью вигской партии» и представляют собой серьезную опасность для англиканской церкви в своем стремлении ее разрушить¹. Так негативное отношение к нонконформистам Свифт переносил на своих политических противников — вигов. Нередко он даже отождествлял диссентеров с вигами и, настраивая общественное мнение против нонконформистов, которые будто бы таили в себе опасность для церкви, а также мира и спокойствия в стране, тем самым надеялся поразить своих политических противников, показав, что партия вигов будто бы угрожает конституции страны и потому опасна и нежелательна для нации.

Просветители выступали в защиту диссентеров не только на страницах памфлетов, газет и журналов. Нередко они оказывали им и практическую поддержку, выражавшуюся, главным образом, в попытках изменить законы, ущемлявшие их гражданские права. Когда в парламенте началось обсуждение билля против «случайной» конфирмации диссентеров, то с осуждением данного законопроекта выступил Дефо. Он счел подобный закон «несправедливым и несовместимым с прирожденными правами англичан»². Хотя Дефо осуждал диссентеров, согласившихся принять англиканское причастие, полагая, что конфирмация такого рода — «совершенно скандальная политика покушения на религию и доброе имя христианина», тем не менее, он хорошо понимал, что это был с их стороны вынужденный шаг. Диссентеры были лишены гражданских и политических прав и потому, чтобы получить хоть какую-то должность, им не оставалось ничего иного, кроме как идти на конфирмацию «по случаю». На протяжении многих лет высшие церковники преследовали своей целью при помощи актов парламента добиться лишения диссентеров должностей в управлении, подвергнув их всеобщей конфирмации к англиканской церкви. Дефо считал несправедливым лишать диссентеров возможности служить своей стране, если они не виновны в нарушении какого-либо закона. Его возмущало, что закон против «случайной» конфирмации касается, главным образом, получения выгодных должностей, тогда как на тех местах, «где требуется много сил, времени, беспокойства», но которые плохо оплачиваются, кон-

¹ *Swift J. The Examiner... Oxford, 1940. P. 127–130.*

² *Defoe D. An Essay on the History of Parties and Persecution in Britain... L., 1711. P. 4.*

фирмации от диссентеров не требуют. Подобное ущемление диссентеров в гражданских правах глубоко возмущало просветителя. «Вы не брезгуете брать наши деньги... на ведение войн, займы и кредиты на содержание армии, — обращался он к членам парламента, — так почему же не даете нам возможности жить, торговать, работать... мирным путем в любви и согласии, без ежедневных попреков»¹. Просветитель выражал твердую уверенность в том, что диссентеры должны пользоваться свободой совести и быть спокойными за свою собственность и религию.

Активную позицию в обсуждении законопроекта о конфирмации «по случаю» занял также лорд Сомерс. Он утверждал, что диссентеры в форме богослужения немногим отличаются от англиканцев. Они лояльно настроены к существующей конституции и готовы «биться насмерть» с любыми врагами королевы. Свою преданность режиму они доказали участием в Славной революции. Учитывая все это, просветитель предлагал ограничиться штрафами тех «случайных» конформистов, которые заняли должности, не являясь англиканцами, чем устранять их с этих мест. Лорд Сомерс был твердо убежден в том, что действие закона о веротерпимости следует продлить, поскольку он «обеспечивает безопасность и репутацию церкви»².

Просветители, являвшиеся сторонниками диссентеров, выступали также против вынесенного лордом Болингброком на обсуждение в парламенте в 1714 г. Закона о схизме (расколе). Данный законопроект предусматривал запрещение учителям обучать детей диссентеров без принятия причастия по канонам англиканской церкви и требовал закрытия образовательных диссентерских академий. Просветители «вигской» ориентации осудили данный законопроект. Лорд Сомерс, несмотря на ухудшившееся здоровье, счел необходимым приехать в парламент, чтобы выступить в палате лордов против предложенного законопроекта. В своей речи он подчеркнул, что диссентеры не представляют никакой опасности ни для церкви, ни для государства и потому не заслуживают столь жестокой меры, как Закон о схизме. Сомерс уверял, что проявленная в отношении к диссентерам жестокость ни в коей мере не может служить подходящим и эффективным средством для привлечения их в лоно господствующей церкви³. С резким осуждением билля «о схизме» выступил также Ричард Стиль, направив в парламент послание, в котором заявлял, что данный закон «в довольно искусной манере» лишает диссентеров свободы,

¹ Defoe D. A True Collection. Vol. I. P. 389.

² Цит. по: Sachse W. L. Lord Somers. A Political Portrait. The University of Wisconsin Press, 1975. P. 221.

³ Ibid. P. 312.

предоставленной им в свое время королем Вильгельмом. Этот билль, считал просветитель, направлен на то, чтобы лишить диссентеров их «прирожденных прав», как религиозных, так и гражданских, в чем просветитель усматривал «проявление насилия». Закон о схизме он называл «жестоким», поскольку в соответствии с ним диссентеры попадали под власть должностных лиц, самовольно решавших судьбу их собственности и образования детей. Стил считал, что с той поры, как диссентеры получили веротерпимость, они стали вести такой же образ жизни, как «лучшие и наиболее благонадежные граждане» страны, и потому принуждать их к конфирмации к англиканской церкви значило нарушить их природенные права, что, на взгляд просветителя, вообще противоречило всякому здравому смыслу¹. Стил приходил к заключению о невозможности для диссентеров подчиняться подобному закону.

Хотя просветители горячо отстаивали свободу совести, в их представлении данная свобода носила ограниченный характер. Так, сторонники англиканской и протестантской церковью единодушно осуждали приверженцев католицизма. Напомним, что в Англии антикатолические настроения господствовали на протяжении многих десятилетий. Один из первых законов, принятых еще в 1660 г., был направлен на «подавление католицизма» в стране. Британский историк Дж. Миллер, анализируя развитие антикатолической традиции в стране в XVII веке и пытаясь выявить ее причины, отмечал, что англичане опасались папства не из-за угрозы, исходившей непосредственно от самих католиков, а из-за расположения стюартовского двора к католицизму, который все больше ассоциировался со стремлением правительства к абсолютизму. Отождествление папизма с абсолютизмом прочно укоренилось и широко распространилось среди англичан со времени гражданской войны, когда «папизм и корона рассматривались как единое зло» по отношению к протестантской нации². Таким образом, антикатолицизм в Англии, как в период Реставрации, так и после Славной революции, выражал не только ненависть протестантов к католикам как послушным слугам папы римского, которым приписывалось тайное стремление уничтожения протестантской религии, но и страх перед установлением в стране деспотического правления. По сути дела, буржуазия и новое дворянство опасались потерять те церковные земли, которые им достались в наследство после Реформации.

¹ Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore, 1944. P. 245, 246, 250.

² Miller J. Popery and Politics in England. 1660–1688. Cambridge, 1973. P. 80.

Просветители оказались вовлеченными в антикатолическую истерию, охватившую страну в правление последних Стюартов. Так, Аддисон, на словах горячо ратовавший за веротерпимость, на деле защищал ту религиозную политику, которую проводило правительство в отношении католиков. И когда в 1715 г. католики, сторонники Претендента (Якова III Стюарта), подняли восстание, Аддисон с гневом обрушился на них. «Если бы это восстание удалось, — писал он в журнале «Фригольдер», — каковы были бы его последствия для нашей религии. Что мы можем ожидать от армии, освященной папой, возглавляемой ярыми римскими католиками,.. среди которой офицеры — ирландские католики и стоящие вне закона личности?»¹ Подобно большинству противников католицизма, Аддисон отождествлял его с деспотическим правлением, подчеркивая, что деспотизм отвечает интересам и намерениям Претендента, и в случае, если бы ему удалось захватить трон, то он удержал бы власть с помощью тирании.

Убежденным противником католицизма среди просветителей являлся также Свифт. В «Сказке бочки» под видом одного из героев (брата Петра) Свифт вывел собирательный образ католического духовенства, представив его в самом неблагоприятном свете. Петр (католическое духовенство) «называл себя всемогущим Богом и подчас даже повелителем вселенной», он был «крайне невоздержан на язык, упрям и самоуверен», обладал «отвратительной привычкой говорить заведомую чудовищную ложь по всякому поводу и при этом не только клялся, что говорит правду, но посылал к черту всякого, кто выражал малейшее сомнение в его правдивости»². В образе Петра Свифт, с присущей ему острой сатирой, высмеял многие пороки католического духовенства: спесь, упрямство, прожектерство, лживость, тщеславие, жадность и т. д.

Лорд Галифакс также написал специальный памфлет «Мнение соглашателя в отношении папистов», в котором разоблачал «опасные замыслы» католиков в отношении конституционного устройства Англии. Обращаясь к периоду Реставрации, он подчеркивал, что в то время королевские особы весьма благоволили к католицизму, поскольку считали эту религию «благоприятной для расширения власти королей». В то же время паписты, занимавшие должности в управлении, предпринимали различные шаги, чтобы нанести урон государству. И поныне католики продолжают чинить препятствия в управлении страной, считал Галифакс, и потому настаивал на «более строгом» к ним отношении. «Если религия их не удерживает от того, чтобы собираться в ульи и жалить, то следует правительству позволить

¹ Addison J. The Free-Holder or Political Essays. L., 1751. P. 75.

² Свифт Дж. Сказка бочки. М., 1976. С. 96.

удалить жало», — восклицал просветитель. Вместе с тем Галифакс не исключал возможности диалога с католиками, в особенности со «светскими папистами». Он полагал, что с ними можно сотрудничать, если только они не проявляют открытой враждебности к конституции страны. Галифакс, к примеру, считал возможным сотрудничество в вопросах владения собственностью, поскольку «возможность обладания собственностью заставляет католиков не быть столь щепетильными в отношении к своей религии». Любой разумный католик поймет, что вполне может жить в мире и согласии, если не будет выступать против государственной власти и религии. По отношению к католикам, которые готовы сотрудничать с верующими других конфессий, просветитель допускал некоторое «смягчение» законодательства, хотя и не настаивал на отмене репрессивного законодательства в целом¹. Как видно, отношение просветителей к католикам было неоднозначным, от откровенно враждебного (у Свифта и Аддисона) до умеренного (у Галифакса). В то же время все просветители были единодушны во мнении: необходимости лишить католиков свободы совести.

Подобное же единодушие проявили просветители и в отношении атеистов, деистов и свободомыслящих. Так, в «Письме о веротерпимости» Дж. Локк требовал лишить свободы совести атеистов, со всей категоричностью заявляя: «Совсем не могут быть терпимы те, кто отрицает бытие божие». Он считал, что «отказ от Бога, хотя бы даже в мысли, все разлагает» и потому негативно относился к атеистам². Стил, также видевший в атеизме и деизме угрозу не только существующим догматам государственной церкви, но и самому конституционному строю, всячески противился его распространению в Англии. В одном из номеров «Тэтлера» он откровенно говорил о той антипатии, которую испытывал «ко всякому неверующему», как бы тот ни называл себя — деистом, атеистом или свободомыслящим. «Надутые болваны», «язвы общества», «нахальные недоучки», «враги мира и счастья вселенной», «страшные животные» — эти, и подобные им нелестные эпитеты отпускал журналист по адресу атеистов и деистов³.

Далеко непринципиальную позицию в вопросе о веротерпимости занимал также Аддисон. И для него все, кто исповедовал иную религию, кроме англиканства, либо отличался безверием, заслуживали осуждения и порицания. Аддисон пытался найти истоки «свободо-

¹ The Complete Works of Halifax. P. 82–86.

² Локк Д. Письмо о веротерпимости. С. 67.

³ Цит. по: Лазурский В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Из истории английской журналистики XVIII века. Т. 1. Одесса, 1909. С. 343–344, 356.

мыслия» в событиях революции середины XVII века. На его взгляд, вольнодумство — прямой результат Великого мятежа. Сектанты, в изобилии пребывавшие тогда в Англии, «так далеко зашли в своем лицемерии», что превратили свой язык в «жаргон энтузиастов». После Реставрации люди старались как можно меньше походить на лиц, которые «под личиной религии совершили столько гнусностей». Однако все это привело к противоположной крайности: на каждое проявление набожности стали смотреть как на пуританизм, пока, наконец, «остроумцы, прославившиеся нападками на религию и все серьезное, высмеивая набожность, не подорвали к вере всякое уважение»¹. Хотя Аддисон был уверен, что лицемерие в религии заслуживает «всяческого презрения», однако полагал, что его следует предпочесть «открытому безбожию» — атеизму. На страницах «Спектейтора» он осуждал неверующих, а порой и высмеивал их, заявляя, что любой свободомыслящий — это «нахальный недоучка, у которого достаточно познаний, чтобы возбуждать сомнения, но недостаточно знаний, чтобы эти сомнения разъяснить». В изображении Аддисона, «свободомыслящий» порицает многое в общественном строе государства, дает понять, что не верит в загробную жизнь, пользуется любым случаем, чтобы свернуть разговор на излюбленные свои темы, например, о «кознях» священнослужителей и т. д. С категоричностью просветитель утверждал, что «свободомыслящий — это предмет удивления для тех, кто глупее его, и предмет презрения для всех, кто его умнее»². Таким образом, осуждая «свободомыслящих», Аддисон приходил к заключению о невозможности распространения на них действия закона о свободе совести.

С критикой в адрес свободомыслящих и требованием лишить их свободы совести неоднократно выступал также Свифт. Он называл их «врагами христианства», полагая, что все свободомыслящие склонны к действиям, направленным на уничтожение монархии и государственной религии. Из-за широкого распространения в мире атеистических взглядов, полагал просветитель, в стране заметно участились случаи «непочтительного» отношения к Богу. Свифт полагал, что хотя взгляды атеистов не представляют такой опасности, как «доктрины о восстаниях и мятежах», тем не менее, даже они способны вызвать самые «печальные последствия»³.

Итак, как мы могли убедиться, просветительская концепция «веротерпимости» по своему характеру была неоднозначной. Хотя

¹ *Addison J. Selections from Addisons Papers Contributed to the Spectator.* P. 194.

² *Ibid.* P. 166, 452.

³ *The Prose Works of Jonathan Swift. Vol. 4. Oxford, 1957. P. 74, 78, 50.*

большинство просветителей на словах горячо ратовали за предоставление свободы совести всем верующим, однако на деле они лишали таковой многих своих сограждан. Диссентеры, католики, атеисты и свободомыслящие оказались за пределами той свободы, которой большинство просветителей желали для верующих. Как правило, в рядах лишенных просветителями свободы совести оказывались люди, «опасные» для господствующей церкви и существующего режима, поскольку они чаще всего подпадали под действие репрессивного религиозного законодательства и, естественно, являлись потенциальными противниками существующего режима. Идеологи Просвещения, являвшиеся апологетами этого режима, осуждали всех, кто хоть в какой-то мере пытался проявить недовольство им. В результате веротерпимость, в толковании просветителей, приобрела ограниченный характер. На различия в позициях отдельных просветителей в вопросе о свободе совести существенное влияние оказала как их социальная принадлежность, так и политическая ориентация. Сторонниками более широкой религиозной свободы становились чаще всего представители «денежных» интересов, а за более ограниченную веротерпимость выступали «земельные люди». И, тем не менее, несмотря на признанную ограниченность, религиозная просветительская концепция носила, безусловно, прогрессивный характер. Провозглашенное просветителями требование свободы совести позволило многочисленным сектантам включиться в борьбу за свои гражданские права, против репрессивного религиозного законодательства, одновременно добиваясь устранения дискриминации в политических правах. Свобода совести открывала доступ в местное управление лицам с небольшим доходом, лавочникам и ремесленникам. Предложенная просветителями свобода совести содействовала также сглаживанию социальных конфликтов, способствовала достижению гражданского мира и согласия в обществе. Таким путем интересы государства и отдельных его граждан нашли в религиозной просветительской концепции свое органичное соединение.

Борьба за установление демократических свобод в стране, в которой просветители сыграли активную роль, являлась одним из первых шагов буржуазии в деле оформления буржуазной демократии. Бесспорно, что дело, за которое боролись просветители, отстаивая свободы слова и совести, являлось прогрессивным не только для своего времени и своего народа, но и для последующих веков, вплоть до сего дня и для многих поколений граждан разных стран мира.

ГЛАВА 5

Гуманистические идеи Просвещения

Пожалуй, даже самый неискушенный читатель, мало знакомый с исследовательской литературой о европейском Просвещении, но прочитавший произведения Свифта и Дефо, Вольтера и Руссо, Ломоносова и Радищева, безошибочно укажет на то общее, что объединяло и роднило этих великих деятелей мировой культуры, а именно: гуманизм. И действительно, идеи гуманизма составляли квинтэссенцию просветительской мысли. Гуманизм был присущ просветительскому движению во всех странах и во все периоды его развития. Можно утверждать, что гуманистические идеи явились своего рода связующим звеном мировой культуры, позволяя аккумулировать духовные ценности одной эпохи и передавать их через последующие поколения — другой. Вот и сегодня мы вновь говорим о верховенстве личностных свобод, о необходимости всестороннего и гармоничного развития личности каждого человека. Идеи, проникнутые уважением к достоинству человека, вырабатывающие у индивидуума высокие моральные качества, пробуждающие стремление к знаниям, образованию, культуре, — все эти идеи, воспетые просветителями более трехсот лет тому назад, и сегодня продолжают звучать актуально, оставаясь притягательными для новых поколений людей. Можно с уверенностью сказать, что гуманизм, зародившийся как идейное течение в ранней западноевропейской буржуазной культуре, сделался идеологией прогрессивного человечества для всех времен и народов.

Впервые идеи гуманизма возникли в Европе в эпоху Ренессанса. Просветители XVIII века, унаследовав многое из идеологии прогрессивных мыслителей средневековья, сумели развить и приспособить гуманистические идеи к современной им буржуазной действительности. Большая заслуга в деле продолжения и развития идейных традиций Ренессанса принадлежит именно английским просветителям.

Гуманизм просветителей отличался характерными особенностями. Философ А. М. Каримский, характеризуя современный буржуазный гуманизм, отмечал, что он предполагает сочетание социальной критики и «рецепта благоденствия»¹. На наш взгляд, этими чертами обладал также и гуманизм эпохи Просвещения. Прежде всего, просветительский гуманизм включал в себя критику общественно-государственного устройства, различных сторон буржуазной действительности, а также недостатков и пороков, присущих отдельным людям. Одновременно

---

¹ Каримский А. М. Проблемы гуманизма в современной американской философии. М., 1978. С. 3.

просветители вносили различные предложения и предлагали всевозможные проекты реформ, направленных на достижение идеального, на их взгляд, общества. Предполагалось, что в таком обществе прежде всего будут созданы все необходимые условия для всестороннего и гармоничного развития личности каждого человека. В данной главе мы попытались показать, что и как критиковали первые просветители, каким они представляли себе идеальное общество, а также какие пути и средства для достижения последнего они предлагали.

Социальная критика просветителей

В журнале «Ревю» Дефо писал: задачей просветителя является устранение в обществе всего, «чего следует стыдиться». И действительно, трудно назвать ту сферу общественной и государственной жизни Англии, которая избежала бы критики со стороны идеологов Просвещения. Единственное исключение представлял «августейший монарх». Для большинства просветителей личность монарха оставалась священной, а за все недостатки и просчеты в государственном правлении несли ответственность те, кого правитель назначал на должность. В «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифт отмечал: для многих королей весьма затруднительно назначать на государственную должность «достойного человека», поскольку «положительный, смелый, настойчивый характер, который создается у человека добродетельного, является постоянной помехой в государственной деятельности»¹. В многочисленных памфлетах Свифт подверг обличительной критике многих высокопоставленных чиновников. Он признавал, что управление страной, как правило, вверяется «продажным людям», которые преследуют личную выгоду, а не интересы общества. «На действия кабинета чрезмерное влияние оказывают личные счеты, — писал Свифт в дневнике, — а между тем они нисколько всем этим не обеспокоены и так беспечны и веселы, словно никакое бремя не отягощает их сердца и плечи»². Просветитель полагал, что и моральные качества сановников оставляют желать лучшего. Так, герцога Мальборо и парламентария Р. Уолполя обвиняют во взяточничестве, государственный секретарь Сент-Джон (Болингброк. — Т. Л.) «не прочь подцепить какую-нибудь шлюху» и т. д.³ Свифт признавал, что присутствие на высоких государственных должностях людей неумных, недалеких, морально опустившихся объяснялось тем, что при выборе кандидатов на эти должности мало внимания обращалось на

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 307.

² Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 82.

³ Там же. С. 191.

их умственные способности, какие-либо достоинства или добродетели. Чтобы получить желаемую должность, достаточно было прибегнуть к подкупу, лести или сводничеству. В результате одни сановники своим «величием» и богатством обязаны «содомии и кровосмешению, другие — торговле своими женами и дочерьми, третьи — измене своему отечеству или государю, четвертые — отраве, а большая часть — на-рушению правосудия с целью погубить невинного»¹.

Среди высокопоставленных чиновников главное место занимал премьер-министр, собирательный образ которого Свифт также вывел в «Путешествиях Гулливера». На его взгляд, первый министр «не проявляет никаких страстей, кроме неистовой жажды богатства, власти и титулов». Свифт называл три способа, с помощью которых можно добиться высшего поста в управлении. Прежде всего, это «умение благоразумно распорядиться женой, дочерью или сестрой», во-вторых, предать своего предшественника и, наконец, в-третьих, яростно обличать в общественных собраниях испорченность двора. Последнее средство просветитель считал наиболее эффективным, поскольку полагал, что правитель отдает предпочтение фанатикам, которые «с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина». Достигнув власти, такой министр укрепит свое положение путем подкупа сенаторов, оградит себя от всякой ответственности амнистией, а затем удалится от общественной деятельности, «отягченный награбленным у народа богатством»². По-видимому, личные наблюдения просветителя, сделанные им на основе близкого знакомства со многими министрами, и в первую очередь с премьер-министром торийского кабинета Р. Харли, позволили изобразить ему столь ярко обличительный портрет «первого лица» в государственном правлении.

Наряду с разоблачением вымышленного образа премьер-министра Свифт не избегал критики и по адресу существующих сановников. Особенно «досталось» министрам из вигского кабинета. Резкой критике просветитель подверг бывшего наместника Ирландии лорда Уортона, который, по его словам, прославился в стране своей алчностью, продажностью и беспринципностью. На взгляд Свифта, лорд Уортон — это человек «без чувства стыда и чести», «лицемер» и «враль». Он «торжественно клянется вам в любви и преданности, и не успеваете вы повернуться к нему спиной, как он уже всем говорит, что вы пес и мошенник. Он неизменно посещает богослужения с торжественностью, какая полагается ему по должности, но будет рассказывать похабные непристойности и богохульствовать у церковных дверей... Его мысли

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. Указ. соч. С. 252, 307.

² Там же. С. 351.

целиком заняты распутством или политикой»¹. Жажда власти, денег и удовольствий владела наместником Ирландии. Судя по всему, подчеркивал Свифт, свою должность Уортон использовал для «поправки» собственных финансовых дел. Так, в целях личного обогащения он разорил Ирландию, нажив себе состояние в 45 тысяч фунтов.

Не менее резко высказывался Свифт и о других известных министрах вигского кабинета: лордах Годольфине, Сандерленде, Купере, Ноттингеме, Уолполе, Мальборо. К примеру, главнокомандующего армией герцога Мальборо, предка знаменитого премьер-министра У. Черчилля, Свифт изобразил как человека продажного и беспринципного. В своем дневнике он записал как-то о Мальборо следующее: «Я не нахожу у него ни одного достоинства, кроме таланта полководца». Воспитанный на принципах тори, герцог тотчас перешел на сторону вигов, как только понял, что те смогут платить ему большее жалованье, чем и доказал свою беспринципность. «Недостаток образованности» Мальборо с лихвой компенсировал знанием того, как следует себя вести при дворе. Своим возвышением и карьерой он был обязан супруге, которая свыше двадцати лет являлась фавориткой королевы Анны. Став главнокомандующим, Мальборо не стеснялся злоупотреблять финансами, отпущенными на ведение войны, предпочитая использовать их в целях личного обогащения. Для этой же цели он принимал участие в различных аферах по снабжению армии фуражом и хлебом, получая крупные денежные суммы от поставщиков. Свифт даже высказывал предположение, что герцог намеренно стремился к продолжению военных действий, поскольку война его обогащала. Ведь он был «ненасытен, как сама преисподняя, и честолюбив, как ее повелитель»². В одном из номеров журнала «Экзаминер» Свифт перечислил все те «вознаграждения», которыми пожаловала его королева: герцогский титул и орден Подвязки; поместье Вудсток, приносящее доход в 48 тыс. ф. ст.; 200 тыс. фунтов выделено на строительство дворца в поместье; 100 тыс. фунтов поступали на счет герцога от доходов Почтового ведомства; княжество Милденхайм в Германии приносило еще 30 тыс. К этому добавлено: картины, драгоценности и другие «подношения иноземных государств», оцененные в 60 тыс.; рента с домовладений на Пэлл-Мэлл в Лондоне — 10 тыс.; жалованье за исполнение различных обязанностей — 100 тыс. Суммируя перечисленные доходы герцога, просветитель заключал: Мальборо «стоил» государственной казне «многим больше полмиллиона»³.

¹ Свифт Дж. Памфлеты. М., 1955. С. 65–66.

² Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 262, 74.

³ Свифт Дж. Эссе из журнала «Исследователь» // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987 (далее —

Изображая своих «героев» — вигских министров, Свифт не стеснялся в выражениях, наделяя их самыми нелестными эпитетами и характеристиками. И надо признать, что не только просветительская позиция двигала литератором в момент написания обличительных памфлетов, но в не меньшей степени влияла его политическая ориентация. Принадлежность Свифта к партии тори во многом сказалась на его негативном отношении к министрам-вигам. На наш взгляд, вряд ли министры-тори заметно отличались от министров-вигов. И тем, и другим в равной мере были присущи алчность, корыстолюбие, цинизм. Однако партийные симпатии и антипатии просветителей порой оказывались сильнее их просветительской позиции. Наглядным тому примером являлось изображение Р. Харли двумя просветителями, принадлежащими к противоборствующим партиям: Дж. Свифтом и Р. Стилем. Сотрудничая с партией тори, Свифт характеризовал ее лидера, Р. Харли как человека, прекрасно разбиравшегося в делах, отличавшегося широкой образованностью, красноречием, бескорыстием, который свой главный интерес видел в деле служения правителю и стране¹. Совершенно иначе представил Харли в журнале «Тэтлер» Стиль. Он утверждал, что Харли принадлежит к тому сорту людей, которые не только не стыдятся порока, но даже щеголяют им. Часто он проводит время в своем кабинете, ничего не делая, но внушая другим, что занят серьезным делом. Он вечно озабочен тем, чтобы его считали «самым коварным из людей, и боится обвинения в недостатке ума»². Как видно, в своей критике высокопоставленных чиновников просветители далеко не всегда были объективными, решающее влияние на их позиции оказывала политическая принадлежность.

В поле критики просветителей попадали не только представители исполнительной, но и законодательной власти — парламентарии. Касаясь вопроса о высшей палате парламента, Свифт подчеркивал, что ее члены порой не всегда хорошо знакомы с законодательством своей страны, что не мешает им, тем не менее, решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан. Лорды не чужды корыстолюбия, приверженности к какой-либо из партий, и на них также действуют подкуп и лесть, как и на депутатов палаты общин. Не лучшее зрелище представляли собой и духовные лорды, входившие в палату пэров. Вряд ли можно полагать, считал Свифт, что они возводятся в сан лишь

«Англия в памфлете»). С. 225–226.

¹ *Swift J. The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711. Oxford, 1940* (далее — *The Examiner*). P. 79–80.

² Цит. по: *Лазурский В.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Из истории английской журналистики XVIII века. Т. II. Одесса, 1916. С. 276.

благодаря глубокому знанию религиозных догм или своей святой жизни. Он был убежден, что многие церковники угождали «мирским интересам, будучи простыми священниками» и потому нередко среди них встречаются «растленные капелланы какого-нибудь вельможи, мнениям которого они продолжают раболепно следовать и после того, как получили доступ в это собрание»¹.

В негативном свете представлял Свифт также членов низшей палаты парламента. Он подчеркивал, что в палату общин нередко попадает «чужой человек, с туго набитым кошельком», который оказывает давление на избирателей, «склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина этой местности». Свифт отмечал, что хотя многие депутаты парламента сетуют на то, что пребывание в законодательном учреждении сопряжено с большими издержками, порой приводящими к разорению их семей, и беспокойством, тем не менее, они «страстно стремятся попасть в упомянутое собрание». И вряд ли подобная «жертва», с их стороны, диктуется «добродетелями» или «гражданственностью». Скорее всего, уверял Свифт, члены палаты общин надеются, попав в парламент, «вознаградить себя за понесенные ими тягости и беспокойства».

С нелицеприятной критикой в адрес, как парламентариев, так и самой избирательной системы Англии, выступил также Д. Дефо. Он полагал, что существующая избирательная система негативно влияет на граждан, морально их разлагая. В результате значительных расходов, затраченных на выборы, многие люди разоряются, «честные становятся бесчестными», дебоширами, «корыстными», «клятвопреступниками» и, будучи подкупленными, готовы продать и свою страну, и свободу. Избирательные кампании Дефо расценивал, как пустую трату времени, отвлекающую народ от более достойных дел. Сельские джентльмены, избранные в парламент, по каждому зову короля торопятся в столицу, оставляя свои дела, семью, хозяйство, совершают утомительное путешествие, а затем, растратив деньги графства, возвращаются обратно. Вряд ли есть прок от подобных парламентариев, заключал просветитель².

Наибольшее негодование и возмущение у просветителей вызывала коррупция, широко распространившаяся в то время в государственных учреждениях Англии. «Сила коррупции» сделалась «ангелом-хранителем Вильгельма III», отмечал в свое время К. Маркс. В работе «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности»

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. С. 249–250.

² The Novels and Miscellaneous Works of Daniel Defoe. Vol. 6. L., 1890. P. 545–546.

он приводил факты подкупа правительства торговыми компаниями и Английским банком. В получении крупных взяток оказались замешанными многие высокопоставленные чиновники, и даже «сам добродетельный король был изобличен в получении 10 000 фунтов стерлингов»¹.

Многие просветители выступали в резкой критикой коррупции. Среди них наиболее активную позицию занял лорд Болингброк. Он признавал, что подкуп практиковался в той или иной степени во все времена, но, как правило, его «держали в узде стыдом и страхом перед неизбежной карой, которая грозила обоим — и тому, кто подкупал, и тому, кого подкупали». Теперь же сложилось иное положение, продолжал Болингброк, и на свет появились даже теории, которые доказывали невозможность поддержания конституционной независимости короны без оказания с ее стороны финансового влияния на членов парламента. На взгляд просветителя, именно коррупция как раз и представляет серьезную угрозу для конституции страны. Болингброк подчеркивал, что если и дальше подкуп будет широко практиковаться, то гибель конституции неминуема. Когда в стране процветает коррупция, то у власти оказываются «зачастую самые недостойные» выскочки, и «наихудшие из сограждан», которые своим возвышением и богатством обязаны не достоинствам или происхождению, а лишь «благосклонности слабых государей и испорченности страны, доведенной до разорения их же разбоем». Обличая коррупцию, Болингброк указывал на те негативные явления, к которым она приводит: «Коррупция обращает доброе дело в злое. Взяточничество всех видов противно закону божьему, это смертный грех, который следует наказывать с беспощадной суровостью». Просветитель с горечью констатировал: коррупция в стране не только не исчезала, но напротив, усиливается день ото дня. Причем ее главными покровителями нередко становятся сами министры, которым по долгу службы надлежит бороться с подобным злом. Болингброк настойчиво призывал воспротивиться тому, чтобы коррупция «превратилась в систему». Просветитель был убежден, что если правителя будут окружать достойные и неподкупные люди, а не «льстецы и рабы его желаний», если правительство будет править, «не прибегая к помощи золота», то это позволит вывести народ «из состояния варварства к высшей степени величия и героическим доблестям»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 152.

² Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 192, 194–195; *Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts* (далее — *Political Tracts*). L., 1748. P. 271, 283.

Коррупцию в государственных учреждениях страны обличал также Свифт. Бывая при дворе, он оказался очевидцем того, как порой приобретались правительственные должности. Чаще всего их попросту покупают. «Рассказывал ли я вам об одном негодяе, который промышлял при дворе тем, что торговал должностями, вымогал деньги у невежественных простаков, — писал Свифт в одном из писем к своей воспитаннице Стелле. — При последней своей сделке он запросил за должность вице-камергера 7000 фунтов»¹. В памфлете «Новый способ продажи должностей при дворе» Свифт разоблачал систему приобретения государственных должностей. Он рассказывал, как одну и ту же должность при дворе продают по несколько раз, при этом берут от каждого просителя до 50 гиней, а когда деньги взяты, вдруг выясняется, что место уже занято другим. Проситель вынужден уйти ни с чем, а когда поймет, что его одурачили, и попытается жаловаться, то его же и высмеют. Таким образом, приходил к заключению Свифт, для получения государственной должности совсем необязательно обладать какими-либо способностями или добродетелями, достаточно быть просто богатым².

Особое внимание просветители уделяли разоблачению коррупции и взяточничества в парламенте. Стил, являвшийся членом палаты общин, выступил на одной из парламентских сессий с речью, в которой гневно клеймил коррупцию. «Многие с большим трудом попали в эту палату с тем, чтобы поправить свое финансовое положение» — заявлял он. На взгляд Стиля, продажа голосов депутатами, вопреки интересам их графства, а порой и вопреки их разуму и совести, является «наихудшим видом проституции»³. Просветитель был убежден в том, что любой злодей, вознамерившийся разрушить государство, сможет достигнуть своей цели, не нападая на нее, а лишь поощряя подкуп парламентариев.

Несмотря на то, что все просветители единодушно осуждали коррупция в государственных учреждениях, ни один из них практически не внес конкретных предложений, направленных на борьбу с подобным социальным злом. Лишь у Болингброка встречаются отдельные замечания, из которых можно заключить, что действенную помощь в искоренении коррупции смогут оказать политические партии, а также предание гласности имен взяточников на страницах прессы⁴.

¹ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 305.

² The Works of Jonathan Swift. L., 1843. Vol. 1. P. 528; The Examiner. P. 81.

³ A Speech Supposed to Be Spoken by R. Steele... L., 1714. P. 7.

⁴ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. Указ. соч. С. 195–196.

Резкой критике просветителей подверглась также судебная власть. Особенно преуспел в том Свифт, который считал судейских чиновников людьми необъективными и лживыми, полагая, что они привыкли «почти с колыбели защищать ложь» и доказывать с помощью иностранных речей, что «белое — черно, а черное — бело, соответственно деньгам, которые им за это платят». Между тем, подчеркивал просветитель, именно это «сословие» держит весь мир в рабстве. Ссылаясь на различные прецеденты, судьи принимают решения, попирающие справедливость и здравый смысл. Вскрывая и обличая изъяны существующей судебной системы, Свифт указывал на необъективность судей при разбирательстве тяжб, подчеркивая, что решение дела ими обусловлено, как правило, либо двойным гонораром, уплачиваемым стряпчему, либо тем, как к обвиняемому расположены представители власти. При решении судом дел о государственных преступлениях особенно важно отношение к обвиняемому власть имущих, поскольку от этого зависит, приговорить ли виновного к повешению или оправдать, причем считается, что в обоих случаях строго соблюдается «буква закона».

Просветитель обращал внимание на продажность и корыстолюбие судейских чиновников, указывая, что они не прекращают разбирательства дела до тех пор, пока вконец не разорят обе стороны. Нередко на ход судебного разбирательства влияло отношение чиновников к политическим партиям и религиозным сектам. В зависимости от того, каких религиозных и политических убеждений придерживался судья, он и решал дело: вынести приговор или оправдать подсудимого. Свифт не скрывал подчас своего презрения, которое испытывал ко всему судейскому сословию, утверждая, что все его представители являются «невежественными и глупыми», «заклятыми врагами всякого знания и всякой науки, так не склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают в своей профессии»¹.

Признавая несовершенство государственных институтов Англии, просветители также высказывали критические замечания в адрес правительства. Чаще всего нарекания с их стороны вызывала проводимая им внешняя политика, и главным образом, вопросы ведения войн и колониальных завоеваний. Войны Аугсбургской лиги и за Испанское наследство, в которых Англия принимала активное участие, преследовали своей целью приобретение новых земель, завоевание колоний. Просветители, выражавшие интересы различных социальных слоев,

¹ *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 345–346, 250.

высказывали свое мнение в отношении к этим войнам, поддерживая, либо осуждая их.

В основу просветительской концепции «войны и мира» было положено деление войн на «справедливые» и «несправедливые». В памфлете «Поведение союзников» Свифт оправдывал вступление нации в войну в том случае, если необходимо воспрепятствовать «чрезмерному усилению тщеславного соседа», либо возвратить то, «что было незаконно присвоено», если требуется получить возмещение за нанесенный ущерб, и когда нуждается в помощи союзник. Наконец, оправданы действия в целях самообороны, если неприятель напал на твою страну. Во всех этих случаях, признавал Свифт, «война ведется справедливо»¹. Но если война развязана «кучкой авантюристов» и не преследует интересов народа, тогда она считается «несправедливой». Примером «несправедливой» войны для Свифта была война за Испанское наследство.

Концепцию деления войн на «справедливые» и «несправедливые» разделял также Дефо. Он считал, что война, которая может стоить крови сограждан и их значительных денежных затрат, вряд ли может быть незначительным предприятием, чтобы развязать ее по любому поводу. Для вступления в войну должны иметься, на взгляд просветителя, «уважительные причины». «Справедливое основание» для ведения войны Дефо усматривал в нарушении «равновесия сил», исторически установившегося в Европе. Он рассматривал договоры, заключенные ради поддержания «равновесия сил», как необходимое основание мира в Европе, которое надлежит сохранять. В случае же нарушения «равновесия сил», когда какой-нибудь правитель с помощью уловок, интриг или силы пытается расширить свою власть и становится слишком опасным для своих соседей, то появляются «справедливые основания» для ведения войны².

Следует отметить, что в делении войн на «справедливые» и «несправедливые» просветители не были оригинальными. С аналогичной классификацией войн задолго до них выступил выдающийся голландский мыслитель первой половины XVII века ученый-юрист Гуго Гроций. В своем труде «О праве войны и мира» он делил войны на «справедливые» и «несправедливые», исходя из необходимости сохранения естественного права человека. В соответствии с концепцией Гроция, если военные действия не шли вразрез с естественным правом (поскольку предусматривали заботу о согражданах, что не противоречило природе общества), то такая война считалась спра-

¹ *Swift J. Political Tracts. 1711–1713. Oxford, 1951. P. 7.*

² *Defoe D. A True Collection. Vol. I. P. 188–191.*

ведливой. К несправедливым войнам Гроций относил, прежде всего, захватнические войны. Он считал неправомерным нападение одного государства на другое «из эгоистических соображений своей пользы», ради приобретения чужих плодородных земель, покорения и обращения в рабство иноплеменных народов и т. д.¹ Трудно сказать, были ли просветители знакомы с произведением Гроция и следовали его концепции или самостоятельно пришли к подобным заключениям?

Из вышеприведенных высказываний Свифта и Дефо становится очевидным, что оба они считали любые захватнические войны «несправедливыми». Но как в таком случае просветители расценивали войны, которые вела в ту пору Англия? Дефо считал, что для войны с Францией и Испанией у Англии имелись «бесспорно, справедливые основания», так как только с помощью военных действий страна сумеет обеспечить свою безопасность и торговлю с другими государствами. Он поддерживал завоевательные войны Вильгельма Оранского и королевы Анны. В поддержку военной политики Вильгельма, направленной на усиление морского могущества страны, высказывался также Галифакс². С оправданием ведения войны за Испанское наследство выступил Аддисон. В 1707 г. он издал памфлет «Рассмотрение современного состояния войны и необходимость ее продолжения», в котором задался целью убедить сограждан в необходимости мобилизации всех сил в войне против Франции. Он уверял, что французы являются самыми опасными и непримиримыми врагами англичан, поскольку в их стране господствуют абсолютизм и католицизм, да к тому же, они испытывают зависть к британской мощи. Все это делает французов «вечными врагами» Англии. Просветитель признавал, что французская монархия, отличавшаяся агрессивным характером, готова при любой возможности нарушить конституцию, религию и торговлю Англии, лишив последнюю того положения, которого она сумела достигнуть в Европе. Аддисон был глубоко возмущен тем, что Франция постоянно вмешивается во внутренние дела Англии, пытаясь «навязать» правителя (Претендента Якова III Стюарта. — *Т. Л.*), правление которого может оказаться фатальным для страны. Он подчеркивал, что французы обладают сильной армией, и если возьмут верх над англичанами на море, то Англия потеряет все, поскольку ее главные статьи дохода — это шерстяные мануфактуры и внешняя торговля. Если торговля пострадает из-за вмешательства Франции, то благополучию англичан придет конец. Чтобы этого не допустить,

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1936. С. 31, 34.

² Defoe D. A True Collection. Vol. I. P.191–192; The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford, 1912 (далее — The Complete Works of Halifax). P. 87–88.

Аддисон предлагал объединить силы англичан и их союзников и «сломи́ть врага». И хотя просветитель признавал, что Англия в войне за Испанское наследство принимает и так большее участие, чем кто-либо из союзников, и вынуждена держать «под ружьем» больше войск, чем прежде, тем не менее, он призывал еще увеличить численность армии, чтобы «образумить врага и обезопасить свою страну от тех несчастий, в которые ее могут вовлечь»¹.

Как видно, Дефо, Аддисон и Галифакс поддерживали и одобряли внешнюю политику правительства. Означало ли это, что они выражали общее мнение всех просветителей? Отнюдь нет. Обратившись к высказываниям Свифта и Болингброка, убедимся, что эти просветители высказывали иные оценки в отношении тех войн, в которых участвовала Англия. Война Аугсбургской лиги подверглась резкому осуждению со стороны Свифта. Истинную причину вступления в эту войну он усматривал в стремлении короля Вильгельма укрепить свое «непрочное положение» в стране. Народ заинтересовали крупными прибылями, чтобы своими деньгами он поддержал эту войну, а через десять лет военных действий «за ничтожные цели» страна потеряла свыше ста тысяч человек, и ее государственный долг увеличился на 20 млн. Когда же обратились к заключению мирного договора, то выяснилось, что он принес выгоду союзникам, но не Англии, констатировал Свифт².

Обличительной критике подверг Свифт вигское правительство за развязывание им войны за Испанское наследство. «Трудно понять, — писал просветитель в «Экзаминере», — что же движет теми людьми, которые в интересах королевства не желают покончить с длительной и дорогостоящей войной, которая является бременем для нации». Эта война развязана в интересах генерала Мальборо и вигского министерства, она проводится в интересах того сорта людей, которых называют «денежными» и которые получают солидные доходы от войны. Они стремятся «сделаться еще богаче» и нимало не заботятся о том, что народ в результате войны станет еще беднее. Война за Испанское наследство, заключал Свифт, уже стоила Англии многих миллионов фунтов стерлингов и поставила ее народ в еще худшее положение в сравнении не только с ее союзниками, но и с ее врагами. Эта война ведет английский народ к нищете, к полному разорению. «Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (Мальборо. — Т. Л.), обогатить ростовщиков и банкиров... одновременно разоряя

¹ The Works of the Late Right Honorable Joseph Addison, Esq. Vol. 4. Birmingham, 1761. P. 283, 285, 295, 297, 300.

² Swift J. Political Tracts. P. 10–11.

«земельные интересы», — подчеркивал Свифт. — Продолжая войну, мы тем самым подрываем общественный интерес и способствуем процветанию личных интересов»¹. Просветитель призывал немедленно покончить с войной и заключить мир.

Противником войны за Испанское наследство являлся также лорд Болингброк. В одном из памфлетов он писал: «Разорительная война, которую вели «денежные люди», вовлекла нацию в тяжелый долг, потребовала установления многих новых налогов»². Война разоряла землевладельцев, подрывая, по словам Болингброка, иерархическую структуру общества. Отметим, что просветитель не ограничивался осуждением ставшей непопулярной в народе войны за Испанское наследство. Немало сил потратил он также на то, чтобы добиться для Англии почетного выхода из этой войны, лично принимая активное участие в подготовке мирного договора с Францией.

Как видно, к завоевательным войнам Англии просветители относились по-разному. Водоразделом в их позиции, на наш взгляд, стали их социальные интересы. Поскольку эти войны велись в интересах «денежных людей» (купечества, промышленников, финансистов), что неоднократно звучало в высказываниях просветителей, а «земельные люди» терпели большие убытки из-за высоких налогов, то становится понятным, почему просветители «вигской» ориентации (Дефо, Аддисон, Галифакс) оправдывали внешнюю политику правительства, в то время как те, кто тяготел к «земельным» интересам (Свифт, Болингброк), становились убежденными и последовательными ее критиками. При этом просветители как «вигской», так и «торийской» ориентации одинаково с полным пренебрежением относились к бедствиям семей многих тысяч простых сограждан, которые отдавали свои жизни на полях сражений ради обогащения власть имущих.

Социальная ограниченность сказалась и на позиции просветителей в отношении к вопросу о колониальной политике правительства. Напомним, что в правление последних Стюартов происходил процесс оформления Соединенного королевства Великобритания. Именно в этот период произошло объединение, а точнее сказать, присоединение к Англии королевств Ирландии и Шотландии. Когда в 1707 г. была заключена уния с Шотландией, просветители не обошли своим вниманием данное событие. Те из них, кто защищал интересы «денежных» людей, выступили в поддержку унии. Лорд Сомерс, еще накануне заключения унии, летом 1706 г. в письме к лорду Мачмонту писал: «У меня было достаточно времени при обсуждении

¹ The Examiner. P. 63; Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 244.

² Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts. P. 257.

статей готовящегося договора рассмотреть положение дел в обоих королевствах, чтобы прийти к заключению о необходимости их объединения»¹. В качестве аргументов в пользу подобного объединения (единая протестантская религия, правление конституционной монархии, гарантии свобод народа) Сомерс называл и такой, как «невозможность» для Англии впредь оставаться таким «небольшим королевством, каким оно является сейчас». Стремление расширить территорию собственной страны за счет присоединения к ней земель другого государства представлялось для просветителя не только необходимым, а значит оправданным действием правительства, но истолковывалось им даже как жест благородства по отношению к народу Шотландии, называлось «самым прекрасным благодеянием года». Примечательно, что при заключении унии Сомерс как профессиональный юрист считал необходимым оговорить все необходимые условия для подчинения Шотландии Англией. Прежде всего, следовало упразднить самостоятельное управление в Шотландии. «Объединение королевств несовершенно до тех пор, пока существуют две политические администрации», — заявлял Сомерс, выступая в палате лордов во время обсуждения законопроекта об упразднении Тайного совета Шотландии.

Шотландия получила бы больше преимуществ, находясь «под покровительством и опекой» английского короля, с долей цинизма заявлял лорд².

Аналогичную позицию в вопросе о заключении унии с Шотландией занимал также Д. Дефо. Осенью 1706 г. Дефо по заданию премьер-министра Р. Харли отправился в Шотландию с тем, чтобы выяснить, как ее жители относятся к предполагавшемуся объединению королевств. Результаты поездки были опубликованы памфлетистом в нескольких номерах журнала «Ревю». Вскоре Дефо издал еще и объемный труд «История унии Великобритании», главной целью которого было оправдание необходимости объединения двух королевств. Как и лорд Сомерс, Дефо аргументировал важность подобного союза прежде всего теми преимуществами, которые, на его взгляд, будто бы получают от унии жители Шотландии. «Все нарушения или злоупотребления магистров, узурпация власти Тайным советом, оскорбления по адресу королевской власти... будут устранены этой унией», — утверждал Дефо³. Однако в действительности реальные преимущества от унии получала Англия, усилившая за счет присоединения Шотландии свой

¹ Цит. по: *Sachse W. L. Lord Somers: A Political Portrait. The University of Wisconsin Press, 1975. P. 248.*

² *Miscellaneous State Papers. Vol. 2. L., 1778. P. 473*

³ *Defoe D. The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709.*

военный и экономический потенциал. Не случайно королева Анна часто высказывала пожелание увидеть завершенным «великое дело создания унии» как можно быстрее.

Однако, если в Англии деловые круги и правительство поддерживали унию (в особенности это касалось представителей торгово-промышленной буржуазии, извлекавшей из подобного союза наибольшую выгоду), то в Шотландии к ней отнеслись иначе. Дефо, знакомый с информацией о настроениях шотландцев не понаслышке, а что называется, из «первых рук», признавал, что в стране имеется немало противников объединения, которые отказываются видеть в унии какие-либо преимущества. Эти люди заявляют, что Шотландия много потеряет от подобного объединения, и прежде всего в делах торговли, государственного правления (за счет упразднения собственного парламента, уменьшения влияния на дела королевства со стороны шотландской знати и т. д.). Однако Дефо, являвшийся вигским журналистом, который отстаивал интересы торгово-промышленных кругов Англии, стремился переубедить «заблуждавшихся», утверждая, что их убеждения основаны на неверных суждениях, и что эти «предрассудки со временем исчезнут и все честные люди увидят благо в унии». Пытаясь рассеять опасения противников унии, Дефо напоминал им «кровавые годы» в истории двух королевств и то ужасное разорение, которое испытали «две родственные нации» в период изоляции друг от друга. «Тем, кто сожалеет об этой унии из-за отдельных неудобств в торговле или опасений неравноправия, — писал в своей книге просветитель, — надлежит обратиться к дням жестокости и преследований, когда тюрьмы были переполнены, а эшафоты залиты кровью, когда церковь попиралась и отсутствовала свобода вероисповедания»¹. Только через союз с Англией, уверял Дефо, Шотландия сможет добиться конституционного правления, гражданских и религиозных свобод.

Между тем, заверения журналиста оказались тщетными. В Шотландии осенью 1706 г. началось массовое движение протеста против заключения унии. И тогда «родственная нация» Англия отдала приказ властям Эдинбурга произвести розыск лиц, уличенных в подстрекательстве беспорядков, чтобы подвергнуть их наказанию. Должностным лицам магистратов, домовладельцам, а также владельцам мастерских было предписано следить за соблюдением «достойного» поведения ремесленников, слуг, учеников, подмастерьев. Был издан указ, требовавший взять под стражу всех нарушителей порядка, не пожелавших покинуть улицы и разойтись по домам. Властям дозволялось подавлять беспорядки всеми пригодными для этого средствами.

---

¹ Ibid.

Участвуя в подавлении народных выступлений в Шотландии, английские войска стремились при этом снять с себя всякую ответственность за возможные последствия. «И мы далее объявляем, — гласил указ английского парламента от 24 октября 1706 г., — что если какие-либо ранения, увечья или кровопролития будут совершены войсками при подавлении беспорядков, волнений и при очистке лиц от мятежников, то совершившие это лица будут объявлены невинными, поскольку действовали так, исполняя свой долг»¹.

Если просветители «вигской» ориентации, выражавшие интересы торгово-промышленных и финансовых кругов, усматривали в присоединении Шотландии к Англии (а по сути, это был не добровольный союз равноправных государств, а присоединение слабого к более сильному) новые возможности для извлечения прибылей буржуазией, то просветители, защищавшие интересы землевладельцев, которые практически не получали от этого союза никакой выгоды, иначе относились к объединению королевств. Считая унию «помехой», источником новых финансовых обложений «земельных» людей, просветители-тори высказывали к ней свое негативное отношение. Свифт, к примеру, указывал на те «отрицательные моменты», которые содержала в себе уния. Он полагал, что после заключения союза многочисленная знать Шотландии будет содержаться за счет английских налогоплательщиков. «Те пенсии и должности, которыми владеют выходцы из этого королевства, сейчас настолько увеличились и в значительной степени превосходят число мест и пенсий, получаемых ими в Шотландии, что всех денег едва ли хватит, чтобы оплатить их гражданские и военные листы», — сетовал Свифт на страницах памфлета «Общественный дух вигов»². Шотландские лорды были всерьез задеты подобными заявлениями памфлетиста и подали на него жалобу королеве, утверждая, что тот нанес им оскорбление. Королева издала указ о розыске памфлетиста (памфлет был издан анонимно), однако дело удалось замять. Сам Свифт едва избежал угрозы тюремного заключения.

Не менее резко высказывались просветители «торийской» ориентации о колониальной политике английского правительства, проводимой в отношении Ирландии. Наиболее активную позицию в этом вопросе занял Свифт. Отойдя от политической деятельности и переселившись в 1714 г. на постоянное жительство в Ирландию, он написал ряд памфлетов в защиту народа угнетенного королевства.

¹ Proclamation against Tumults and Rabbles // The History of the Union of Great Britain. Op. cit. Appendix. P. 6.

² The Works of Jonathan Swift. Vol. 2. L., 1768. P. 44–45.

Свифт обвинял «алчных» английских промышленников в том, что при поддержке кабинета министров они заполняли ирландские рынки товарами собственного производства, подрывая тем самым мануфактуры и торговлю Ирландии. Просветитель обвинял имущие слои Англии в жестоком обращении с ирландским народом. «Наши предки отдали Ирландское королевство под власть Англии, — писал Свифт в «Письмах суконщика», — и в награду за это мы получили худший климат, привилегию находиться под властью законов, на которые мы не давали согласия, упадок торговли, палату пэров без юрисдикции, почти полное отсутствие права занимать какие-либо должности»¹. В результате подобной политики народ Ирландии доведен до состояния рабства, подчеркивал Свифт, в то же время Англия «ежегодно извлекает и кладет себе в карман свыше миллиона чистой прибыли». Грабительская политика английских угнетателей вызывала справедливое возмущение просветителя, порождая сострадание к ирландскому народу. В памфлете «Беглый взгляд на положение Ирландии» Свифт описывал ту тяжелую и безрадостную жизнь, которую был вынужден влачить ирландский народ: «Убогая одежда, пища и жилье простых людей. Полное безлюдье в большинстве частей королевства. Крестьянские семьи, выплачивающие огромную ренту, живут в грязи и нечистотах на снятом молоке и картофеле, не имея ни сапог, ни чулок, не имея дома, равного по удобствам хотя бы английскому свинарнику, где бы они могли найти приют»². Редкий чужестранец решится избрать Ирландию для своих путешествий, поскольку ничего, кроме нищеты и разорения он в ней не увидит, заключал просветитель. Обличительная критика английских колонизаторов, с одной стороны, и проявление сострадания к ирландскому народу — с другой, вызывали ответную реакцию у простых ирландцев. Свифт сделался подлинным героем, в котором они увидели своего заступника. На адрес Свифта приходили письма и приветствия, в его честь сочинялись баллады, которые народ распевал на улицах городов. А когда Свифт в 1726 г. возвратился из поездки в Англию, куда отвозил для издания «Путешествия Гулливера», его встретили с королевскими почестями: колокольным звоном, пылающими кострами на улицах, эскортом простолюдинов, сопроводившим народного заступника до дома.

Критика Свифта колониальной политики английского правительства предстала также в виде острой сатиры на страницах его знаменитых «Путешествий Гулливера». Писатель мастерски изобразил в

¹ Свифт Дж. Памфлеты. М., 1955. С. 134.

² Там же. С. 124, 152–153.

своем произведении сцену захвата чужой территории английскими войсками. Подобно пиратам, писал Свифт, войска высаживались на берег, чтобы «заняться грабежом и разбойничеством». Они находят «безобидное население, оказывающее им хороший прием, дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину... Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву. При первой возможности туда посылают корабли, туземцы изгоняются либо истребляются, князей их подвергают пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для любого распутства, земля обагряется кровью своих сынов». И все это, восклицал Свифт, совершается «гнусной шайкой мясников» с тем, чтобы «обратить в христианство» и «насадить цивилизацию» среди дикарей-идолопоклонников¹. Насколько метко просветитель изобразил процесс создания колониальной империи Великобритании! И художественная форма повествования только усилила эффект воздействия на читателей, не оставляя сомнений в реальности происходивших событий.

Итак, как мы могли убедиться, наиболее последовательными критиками колониальной политики правительства становились те просветители, которые были близки к партии тори. Просветители же «вигской» ориентации, как правило, одобряли действия правительства, направленные на расширение территориальных владений, поскольку социальные слои, от лица которых они выступали, были крайне заинтересованы в колониальных экспансиях, в расширении новых сфер рынка. И если различные аспекты государственного устройства Англии подвергались критике со стороны всех просветителей, то конкретные действия и политика правительства осуждались только теми из них, кто примыкал к «земельным» людям, поскольку любая внешняя экспансия, будь то война или захват колоний, подрывали экономическую базу землевладельцев.

Социальная критика просветителей не исчерпывалась осуждением коррупции в государственных учреждениях, захватнических войн и колониальной экспансии английского государства, а также отдельных недостатков существующей системы правления. Критическое отношение просветителей проявлялось к самым различным негативным явлениям в жизни общества. Они не оставляли без внимания также пороки и недостатки, присущие отдельным представителям самого общества. Человек со многими его слабостями и пороками как бы представал на строгий суд просветителей.

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. С. 382–384.

Большое внимание деятели Просвещения уделяли соблюдению согражданами моральных устоев общества. Известно, что «всякой общественной форме собственности соответствует своя мораль»¹. В капиталистической Англии господствовала буржуазная мораль, идеологами которой сделались просветители. Но какой смысл они вкладывали в само понятие «морали»? На взгляд Аддисона, «мораль, — это то, чем мы руководствуемся в жизни». Просветитель придавал большое значение тому, чтобы каждый гражданин следовал определенным нравственным устоям, утвердившимся в обществе. Сравнивая мораль с религией, он отдавал предпочтение первой, полагая, что человек с моралью, но без веры преуспеет больше, нежели тот, кто является верующим, но лишен морали. Просветитель был убежден, что мораль совершенствует человека, поскольку способна «успокоить ум, усмирить страсти и принести счастье каждому человеку»². И даже нации, разделенные религиозными убеждениями, могут объединиться с помощью единой морали. Аддисон подчеркивал, что мораль несовместима с жестокостью, и что она бывает особенно прочной, если опирается на христианскую веру.

По поводу морали высказывался также маркиз Галифакс. Одно из своих произведений он так и озаглавил: «Мысли и рассуждения о морали». В нем просветитель излагал свои соображения относительно природы человека и его поведения в обществе, о взаимоотношениях и о правилах поведения людей, об их заблуждениях. Галифакс отмечал, что когда человек обращается к выработанным в обществе правилам и законам, то полагает, что ничто дурное не может произойти в обществе, где таковые имеются. Однако он вскоре сталкивается с множеством нелепостей, абсурдностей, заблуждений, которые проявляются в обществе, в результате начинает сомневаться в наличии законов вообще. Галифакс признавал, что, действительно, в обществе существует еще немало негативных сторон, и что «пороки и заблуждения идут рука об руку друг с другом». Несмотря на это, человек обязан позаботиться об улучшении существующих порядков и сделать все возможное для совершенствования мира. И «лучше беспокоиться о переустройстве мира, чем быть им слишком довольным», — полагал просветитель³. Галифакс отмечал: с возрастом человек приобретает немало пороков и недостатков, избавиться от которых подчас нелегко, но желательно.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 568.

² Selections of Moral Essays, from the Works of the Celebrated Mr. Addison for the Use of Families and Schools. L., 1823 (далее — Moral Essays of Addison). P. 11–12.

³ Moral Thoughts and Reflections // The Complete Works of Halifax. P. 230–231.

Одно из средств избавления от недостатков просветитель усматривал в их публичном разоблачении. Аналогичной точки зрения придерживался также Аддисон, считавший «великой и единственной» своей целью «изгнание пороков и невежества из пределов Великобритании» путем открытого обличения «носителей пороков»¹.

Какие же пороки и недостатки обличали просветители? Поскольку в то время среди англичан были широко распространены различного рода суеверия, религиозные предрассудки, вера в астрологию, ведьм, привидения, приметы, вещие сны и т. п., то просветители считали необходимым вести борьбу с подобными негативными проявлениями в сознании своих сограждан. В одном из номеров «Спектейтора» Аддисон рассказывал о суевериях, обращая внимание на то, какое зло они приносят людям. «Я знаю, — писал он, что падающая звезда иногда лишает покоя и сна на целую ночь, и видел, как внезапно побледнел и потерял аппетит человек, отломивший кончик грудной птичьей кости. Крик совы в полночь пугает иную семью больше, чем толпа разбойников, иногда голос сверчка наводит больший ужас, чем рычанье льва. Для воображения, наполненного предзнаменованиями и приметами, нет такой незначительной вещи, которая не показалась бы угрожающей»². Осуждая религиозные предрассудки, Аддисон пытался заставить англичан взглянуть на вещи трезво, отказаться от суеверий. Он уверял, что всем несчастьям в мире, равно как и различным явлениям природы, можно найти объяснения с помощью «доводов философии» с тем, чтобы противостоять им должным образом. Те люди, которые поддаются суевериям, лишь усложняют свою жизнь, так как, пасуя перед любыми сложностями, возникающими на их пути, плывут по течению, уповая на свою судьбу. Осуждая приверженность к суевериям, просветитель призывал людей оставаться хозяевами своей жизни, бороться с невзгодами и бедами, а не прятаться от них в паутине религиозных предрассудков.

Аддисон порицал также ханжество в религии. Убежденный сторонник англиканской церкви, к тому же, воспитанный в семье священника-англиканца, просветитель одинаково высмеивал и тех, кто не веруя, напускал на себя религиозны вид, и тех, кто чрезмерно демонстрировал свою религиозность, выставляя ее напоказ. Он подчеркивал, что в прошлом веке (речь шла о событиях революции середины XVII в. — Т. Л.) было модно напускать на себя «побольше святости»,

¹ Из истории английской эстетической мысли XVIII века (Поп, Аддисон, Джерард, Рид). М., 1982. С. 98, 74.

² Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894 (далее — Selections from the Spectator). P. 125.

избегать любых зрелищ и шуток, и все это только ради одной цели — прослыть набожным человеком. Подобные люди предаются печали и меланхолии, если кому-либо из них случится засмеяться, то в том увидят нарушение обета. На крестинах или на свадьбе такие святоши сидят как на похоронах и молятся Богу, когда все веселятся. Аддисон высмеивал также религиозное фарисейство. «Умеренный ханжа, — писал он в «Спектейторе», — пытается казаться более порочным, чем является на самом деле, другой тип ханжи более добродетелен. Первый боится всего, что хотя бы намекало на его религиозность, предпочитая быть обвиненным во многих любовных интригах и прелюбодеянии, в которых не был замешан. Второй с лицом святоши совершает множество порочных дел под маской религиозной личины»¹. В подобных рассуждениях просветителя проскальзывало рационалистическое отношение к религии. Журналист осуждал религиозное ханжество, считая, что истинно верующий не нуждается в саморекламе и если действительно верует, то не ставит о том в известность весь белый свет. Примечательна последняя фраза в высказывании Аддисона, в которой он раскрывал истинное лицо, как верующих, так и священнослужителей. Прикрываясь верой в Бога, и те, и другие могут совершать самые неблагоприятные поступки, не испытывая при этом ни раскаянья, ни сожаления.

Среди негативных явлений, широко распространенных в ту пору в Англии, которые просветители считали своим долгом обличать, было пристрастие ряда своих сограждан к чрезмерному потреблению спиртных напитков. Аддисон осуждал подобное зло. Изображая на страницах «Спектейтора» портрет «почтенного джентльмена», который хвастался тем, сколько напитков ему удалось отведать за последние двадцать лет своей жизни (23 бочки пива, 4 бочки портвейна, 19 бочонков сидра, 3 стакана шампанского, 400 чаш пунша, «не считая бесчисленного количества рюмок»), просветитель утверждал, что подобные «подвиги» присущи многим англичанам. Он расценивая пьянство, как страшный порок. «Какого бы высокого мнения о себе ни были эти люди, — утверждал Аддисон, — но пьяница есть чудовище презренное и безобразное в глазах всех разумных людей». Журналист подчеркивал, что пьянство оказывает «фатальные» последствия на рассудок и организм людей, разоряет их в финансовом отношении. Нередко пьянство превращает «хорошего человека в идиота, а раздражительного — в убийцу»².

¹ Addison J. Selections from the Spectator. P. 201–202; Addison's Essays from the Spectator. L., P. 392.

² Addison J. Selections from the Spectator. P. 211–212.

Осуждал Аддисон и тех, кто увлекался карточной игрой, широко распространенной в то время во всех слоях английского общества. Просветитель удивлялся тому, что умные люди проводят по двенадцать часов в сутки, тасуя и сдавая карты, обмениваясь при этом лишь немногими фразами, относящимися к игре, и размышляя только о различных фигурах из черных и красных пятнышек¹.

Вращаясь в высших кругах, Аддисон был хорошо знаком с нравами, царившими в среде аристократов и буржуа. Многие в их образе жизни он высмеивал на страницах «Спектейтора». Ему представлялось «нелепым» пустое времяпрепровождение знати, в особенности многих представительниц прекрасного пола, для которых «подбор соответствующих платью лент считается очень хорошей работой для целого утра, а если они совершат поездку в лавку торговца мануфактурой или игрушками, то огромная усталость сделает их непригодными ни к какому иному делу на весь следующий день»². Просветитель высмеивал вздорные и нелепые обычаи джентри, их пошлость и безвкусицу. Он критиковал приверженность англичан ко всему иностранному, когда писал, что они готовы прийти «в восторг от всего, что не является английским, если оно иностранного происхождения, будь то итальянское, французское, верхненемецкое — все одно»³.

Многие пороки представителей буржуазного общества подверг обличительной критике Дж. Свифт в «Путешествиях Гулливера». Ложь и притворство, ханжество и лицемерие, воровство и мошенничество, подкуп и подлог, сводничество и клятвопреступление, холопство и бахвальство — все это осуждалось, высмеивалось и обличалось просветителем с присущим ему талантом сатирика. Заметим, что еще задолго до написания своего знаменитого произведения Свифт выступал с разоблачительными статьями на страницах журнала «Экзаминер». Особенно выразительными представляются его высказывания, направленные на борьбу с тем средством, с помощью которого политики нередко добивались своих целей. Речь идет об использовании ими политической лжи. На взгляд просветителя, ложь служит «последним прибежищем» проигравшей партии, ее используют для того, чтобы завоевать и удержать власть, а также с целью мести, если власть утеряна. Свифт подчеркивал, что ложь одинаково используется в различных слоях общества, и иногда она бывает «знатного рода, иногда — семя

¹ Ibid. P. 142.

² Addison J., Steele R. Selections from «The Tatler» and «The Spectator». New York, 1957. P. 73.

³ Из истории английской эстетической мысли XVIII века. Указ. соч. С. 78–79.

биржевого маклера». Но особенно усердно использует ложь правящая партия. Причем с ее помощью партии удается достичь поразительных результатов. Ложь «может без боя, а иногда и проиграв сражение, завладеть королевством, она радуется и отнимает должность, может сделать из слона муху и из мухи слона, годами председательствует в избирательных комитетах, может отмыть черного кобеля добела, прославить святым безбожника и патриотом — распутника, сообщить чужеземным министрам важные сведения, а также содействовать поднятию и падению акций любого государства». Свифт обращал внимание на тот факт, что политик, использующий в своем арсенале политическую ложь, как правило, беспринципен. Политический лжец, подчеркивал он, должен обладать «короткой памятью», чтобы в изменяющихся обстоятельствах высказывать мнения, противоположные собственным, но угодные вышестоящим лицам. Свифт считал, что ложь может нанести серьезный урон репутации людей честных и добродетельных. «Ведь часто достаточно, чтобы ложь хотя бы час почиталась за истину, и дело сделано, а больше ничего и не надобно. Молва летит на крыльях, правда, прихрамывая, плетется вслед, и когда людям открывается обман — поздно: время ушло, маневр удался, лживое слово врезалось в память. А потом махи кулаками после драки — все равно, что человек, нашедшийся с ответом, когда спор уже закончен и компания разошлась, или врач, сыскавший верное средство для больного, когда тот уже умер»¹.

Анализируя, какие негативные явления буржуазной действительности подвергались критике просветителями, убеждаемся, что это были отдельные недостатки, подмеченные ими в системе государственного устройства, а также некоторые моральные изъяны, присущие представителям различных слоев общества. Что же касается экономического неравенства и социальной несправедливости, господствующих в буржуазном обществе, то они, как правило, оставались вне критики просветителей. И в том не было ничего удивительного, поскольку сами обличители принадлежали к господствующим классам, создавшим общество, в котором царили эксплуатация человека человеком и экономическое неравенство, безработица и пауперизм, социальная несправедливость и бесправие народных масс. Естественно, что необходимость защищать подобное государственное устройство порождало у буржуазных идеологов «собственную мораль», которая, по утверждению К. Маркса, расценивалась ими как «высший закон»,

¹ *Свифт*. Эссе из журнала «Исследователь» // Англия в памфлете. Указ. соч. С. 309, 210, 213.

диктуемый благом государства. Что же касается «обыкновенной морали», то она была пригодна только для бедняков¹.

Однако, несмотря на социальную ограниченность, буржуазная мораль, носителями которой являлись просветители, имела прогрессивный характер, поскольку была направлена на совершенствование как природы и характера человека, так и государственного устройства в целом. Все негативные явления общества, а также пороки и недостатки, присущие отдельным представителям различных его слоев, выявлялись и подвергались обличительной критике со стороны просветителей, которые исходили исключительно из благих намерений — добиться избавления от подобных «зол» в своей стране. Мы могли убедиться, что и просветители-виги, и просветители-тори занимали активную позицию при выявлении и обличении негативных сторон английской действительности. В то же время просветители, принадлежавшие к «земельным» людям (Свифт, Болингброк) выступали более резко и решительно, критикуя те или иные недостатки в государственном правлении. Объяснялось это тем, что для представителей «земельных» интересов, которые занимали лидирующее положение в канувшем в прошлое феодальном обществе, буржуазные отношения, утвердившиеся в стране после Славной революции, были глубоко антипатичны. Именно поэтому просветители «торийской» ориентации зарекомендовали себя обличительными критиками нового, существующего строя. Просветители-виги, напротив, отличались в своей позиции умеренностью. Впрочем, эта умеренность проявлялась лишь только в критике отдельных сторон государственного устройства. Когда же речь заходила о пороках отдельных представителей общества, то просветители «вигской» ориентации проявляли такую же активность, что и их политические противники. Бесспорно, что в целом социальная критика просветителей, направленная на улучшение существующего общества, а также усовершенствование природы человека, отличалась прогрессивным характером.

Идеальное общество — реальность или утопия?

Хотя ни одно из произведений просветителей не содержало конкретного описания такого общества, к созданию которого должно было стремиться человечество, тем не менее, отдельные их высказывания об «идеальных» правителе, министрах и парламентариях, предложения, направленные на совершенствование экономической структуры общества, и, наконец, рассуждения о нравственном воспитании и

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 317.

образовании граждан данного общества позволяют составить представление о просветительском «идеале» общества в целом.

Государственное устройство

Первостепенное место в своей концепции «улучшения общества» просветители уделяли государственному управлению. Как отмечал Галифакс, поскольку плохое управление вызывает больше всего недовольства у народа, оно-то и нуждается в улучшении. Таким образом, идеальное общество для просветителей — это, прежде всего, «хорошо управляемое общество». Что же просветители вкладывали в подобное понятие? По мнению Галифакса, «хорошее правление» подразумевает в первую очередь общность интересов правителя и его подданных. Кроме того, необходимо позаботиться о выборе подходящих чиновников. И, наконец, следует создать такие условия, при которых подданные не будут ощущать какой-либо зависимости от властей. «Там, где знания и торговля процветают, — подчеркивал просветитель, — создается такой уровень образованности и равенства среди людей, что значительная степень их зависимости теряется, и нация от этого только выигрывает»¹. Ну, а когда народ почувствует свободу, он перестанет чинить какие-либо препятствия правителю, и станет, по определению Галифакса, той «массой глины», из которой правительство создаст нужную ему форму.

В основе «хорошего правления» заложены также, по признанию Аддисона, принципы «рациональной свободы», которая лучше всего способствует поощрению добродетелей, развитию наук и устройству счастливой жизни на земле. Подобная система правления, поддерживаемая «религией и разумом», пригодна для всех слоев общества. Она устраивает монарха, как правителя «счастливого и просвещенного народа», законодателей, принимавших «мудрые и равные для всех законы», и народ, который «осуществляет свои прирожденные права и получает преимущества от образования»².

Более конкретный идеал общества представил Дж. Свифт в «Путешествиях Гулливера». По форме правления государство должно оставаться, на его взгляд, конституционной монархией. В стране, где долгие годы велась борьба дворянства за власть, народа за свободу, и короля за абсолютное правление, наконец-то, будет достигнуто равновесие сил. Монарх в своем правлении сможет руководствоваться здравым смыслом, разумностью, справедливостью, кротостью,

¹ The Complete Works of Halifax. P. 220.

² Moral Essays of Addison. P. 194–195.

научится быстро решать уголовные и гражданские дела. Фаворитов короля станут избирать из числа «умных, способных и добродетельных» людей, министров научат «считаться с общественным благом», а верховного правителя убедят сочетать собственные интересы с интересами народа. Наконец, должности будут доверять тем, кто обладает «необходимыми качествами для того, чтобы занимать их», а тех, кто окажет обществу выдающиеся заслуги, представят к наградам. Кроме того, в идеальном обществе, полагал Свифт, подати начнут взимать таким образом, чтобы они «не отягощали население»; больных и старых людей поместят в богадельни, где за ними организуют надлежащий уход; прошение милости отойдет в прошлое; усилится забота об образовании подрастающего поколения и т. д. Следует отметить, что изображение идеального общества у Свифта содержало отдельные элементы вымысла и сатиры, переходящей порой в гротеск. Об этом можно судить по его предложениям о распределении государственных должностей «по жребию» и обложении налогами «пороков и безрассудств», «ума, храбрости и учтивости» таким образом, чтобы сумма обложения в первом случае определялась жюри из соседей облагаемого, а во втором — им самим¹. Однако в целом изображенный просветителем идеал общества был наполнен реальным и конкретным содержанием.

Все просветители были убеждены, что во главе идеального общества должен стоять умный правитель. На взгляд Аддисона и Темпля, неперенные качества правителя — «мудрость и добропорядочность». По мнению Свифта, правитель должен возглавлять работу парламента и быть «в полном согласии со значительным большинством народа», преследуя его интересы. Литератор считал также, что правителю следует возглавить одну из политических партий с тем, чтобы сохранять равновесие между ними, попеременно возвышая или подавляя каждую из них в соответствии со своими целями. В обязанности правителя вменялось также сохранение гражданских и религиозных прав граждан².

Наиболее выразительно изобразил портрет идеального правителя лорд Болингброк в известном произведении «Идея о Короле-Патриоте». Он полагал, что каждый правитель, прежде всего, должен быть патриотом, чей патриотизм основывается «на высоких принципах и подкреплен высокими добродетелями». Став правителем, Король-Патриот в первую очередь намечает главную цель своей деятельности. Таковой, на взгляд Болингброка, являлось достижение

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. С. 255, 296, 298–299.

² The Examiner. P. 134, 122.

блага народа, под которым он понимал прежде всего свободу. Именно забота о сохранении свобод народа и их защита становится «святым долгом» правителя. Болингброк подчеркивал необходимость органичного сочетания свободы народа с правлением Короля-Патриота. «Подобно тому, как свобода народа без правления вырождается в распущенность и произвол, правление без достаточной свободы вырождается в тиранию, поэтому они взаимно необходимы друг другу; хорошее правление, — признавал просветитель, — залог законности и свободы, а законность и свобода — залог сохранения хорошего правления»¹. Поскольку свободы народа и власть правителя ограничиваются условиями общественного договора, оговоренными в конституции, то для Короля-Патриота нет более святого долга, чем защита и сохранение этой конституции. Законы конституции обязательны для короля так же, как и для любого его подданного. Помимо обеспечения свободы народа через сохранение законов, их поддерживающих, Болингброк называл и другие цели правления Короля-Патриота: достижение «процветания человечества», а также счастья и безопасности подданных. Особенно важным просветитель как выразитель интересов имущих слоев считал обеспечение в неприкосновенности не только жизни и свободы, но и собственности всех членов общества².

Твердо веря в то, что «короли не могут дурно поступать», Болингброк всю ответственность за правление администрации переносил на министров. Просветитель был уверен: оттого, какие люди получают министерские портфели, во многом и будет зависеть государственное управление. Допуская, что Король-Патриот может «унаследовать» министров от своего предшественника и столкнется с людьми «из числа тех авантюристов, суевливых и наглых, которые стараются всюду пролезть,.. лишенные зачастую истинного умения и... даже простой видимости добродетели» и не помышлявшие ни о чем другом, кроме как «сколотить состояние» и обзавестись титулами ради удовлетворения собственного тщеславия, Болингброк считал, что правитель должен без промедления изгнать подобных министров «всем скопом» со двора. Взамен их следует привлечь на службу людей, готовых руководствоваться теми же принципами, что и он сам. В памфлете «О хороших и плохих министрах» Болингброк показал, что представляет собой идеальный чиновник. Достойные служения делу нации министры — это, на взгляд просветителя, люди великие, мудрые, знатные по происхождению, унаследовавшие достоинства

¹ Идея о Короле-Патриоте // *Болингброк. Письма об изучении и пользе истории*. М., 1978. С. 209, 215.

² *Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts*. P. 285, 232, 264.

своих предков, вежливые и предупредительные в общении, высокообразованные, хорошо разбирающиеся в законах и государственном устройстве страны. Они преданы королю и отличаются глубокой религиозностью. Эти люди не стремятся возвеличить свой род и почитают основанием для дружбы не заслуги и титулы, а личные достоинства. Каждую возможность в своей деятельности они используют для того, чтобы сделать своих сограждан счастливыми. Как правило, такие министры «справедливы во всех своих суждениях, умеренны в желаниях и преданы истине». Они не бывают подобострастными, если находятся «не у дел», и не становятся деспотами, придя к власти. Министры с особым вниманием относятся к выбору должностных лиц и следят за тем, чтобы общественные деньги, выплачиваемые им, покрывали лишь расходы на жизнь, приличествующую занимаемому положению. Не менее важным Болингброк считал, чтобы должностные лица «не имели никаких преимуществ от своей службы», а скорее почувствовали бы ее тяжесть на благо народа. Столь идеальный портрет министра был настолько далек от реальности, что заставил самого просветителя признать: «Людей подобного рода, как сияющих звезд на небосклоне, очень мало»¹. Чаще всего министры плохо разбираются в государственных делах и подбирают на должности таких же малосведущих лиц, какими являются сами, и правят, как правило, «с помощью коррупции и раздоров».

Касаясь вопроса о взаимоотношениях правителя с политическими партиями, Болингброк в противоположность Свифту считал, что Король-Патриот не должен «обручаться ни с одной партией в отдельности», а править в качестве «отца всего своего народа». Если же король отдает предпочтение какой-либо из партий, то это может привести к господству фракции правителя, либо фракции министров, что, в свою очередь, повлечет за собой угнетение народа. Поэтому Королю-Патриоту не следует поддерживать разногласия, в том числе и партийные, среди подданных, возглавляя деятельность одной из партий. Он должен встать во главе всего народа, подчинив себе партии. Впрочем, полагал Болингброк, Король-Патриот вообще не нуждается в партиях, поскольку вероятность возникновения оппозиции в его правление ничтожна. Если к правительству, пользующемуся «высокой репутацией», люди будут относиться с добрыми чувствами, то «стимулы» к созданию оппозиции во многом утратят силу. Но даже в том случае, если появятся реальные попытки создания оппозиции, когда станут раздаваться жалобы по поводу нанесенных обид, будут указывать

¹ On Good and Bad Ministers // *Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts*. P. 210–211.

на злоупотребления власть предержащих, то и тогда правителю не следует обращаться к созданию партии. Король-Патриот, на взгляд Болингброка, располагает другими средствами, «более открытыми, благородными и более действенными», с помощью которых, даже не прибегая к партиям, сумеет загладить обиды, исправить ошибки, наказать проштрафившихся министров¹. Впрочем, если возникнет необходимость, то Король-Патриот найдет способ покончить с оппозицией, тем более, что любому из королей Британии всегда хватало средств для подавления оппозиции. Что это за средства Болингброк не поясняет, и нам остается только догадываться. Подкуп, пенсии, должности или, на худой конец, репрессивное законодательство — все это было в ходу у английских королей для борьбы с оппозицией.

Рассуждения Болингброка о «хорошем» правлении Короля-Патриота, исключавшем возможность возникновения партийной оппозиции, носили, на наш взгляд, утопический характер. Если учесть, что сам просветитель побывал в гуще политической борьбы, принимал активное участие на стороне как правящей, так и оппозиционной партий, то тем более покажутся лишенными реализма его высказывания по поводу того, что правитель всегда найдет «благородные» средства к устранению возникающих злоупотреблений в правлении. В своей борьбе за власть правитель не гнушается использовать любые средства, и Болингброк, находясь на посту государственного секретаря в правление королевы Анны, имел возможность в том убедиться. Поэтому его рассуждения о возможном правлении короля без партий и оппозиции напоминали собой правление монархии времен Тюдоров или первых Стюартов. Между тем изменения в расстановке сил, происшедшие в результате двух буржуазных революций, сделали правление абсолютной монархии в Англии невозможным. И потому высказывания Болингброка об идеальном правлении Короля-Патриота приобретали характер ностальгических воспоминаний о той патриархальной феодальной Англии, какой она была при абсолютизме. Впрочем, самому Болингброку изображенный им портрет короля также представлялся подобным чуду, «столь редко встречающемуся и столь мало доступному постижению»². Болингброк признавал, что похожее правление существовало лишь при королеве Елизавете.

Таким образом, идея о Короле-Патриоте оказалась утопией. Эта идея мало подходила для той действительности, в которой пребывало английское общество, поскольку служила призывом к возвращению тюдоровской автократии, «назад к Елизавете». Представленный

¹ Идея о Короле-Патриоте. С. 229–230.

² Там же. С. 221.

Болингброком правитель — это глава патриархальной семьи, который не вписывался в существующие порядки буржуазной Англии. Не случайно, произведение Болингброка о Короле-Патриоте многие историки справедливо окрестили «утопией».

В то время, как Болингброк, моделируя образ идеального правителя, обращался за примерами к истории феодальной Англии, просветители «вигской» ориентации Аддисон и Стиль находили подобные примеры в своих современниках. В одном из номеров «Спектейтора» они назвали «великими правителями Европы французского короля Людовика XIV и российского царя Петра I. В 1698 г. Петр посетил Англию. Его визит оставил неизгладимое впечатление у многих англичан¹. Вигские журналисты также были восхищены личностью Петра. Они подчеркивали, что Петр, являвшийся «царем многочисленного народа, обладателем неизмеримого пространства земли, неограниченным властелином над жизнью и имуществом подданных своих», тем не менее, стремился провести реформы, направленные на устранение «невежества и грубого образа жизни своего народа». Ради этой цели российский царь оставил свой трон и отправился в заморские страны, чтобы научиться там различным «полезным искусствам» и всему тому, что может пригодиться ему на родине. Просветители особо выделяли трудолюбие государя, его дотошность, стремление «личными трудами своими, личными познаниями и личным мужеством» все постичь самому. Им импонировали такие качества Петра, как смелость, мужество и отвага, проявленные им в сражениях на суше и на море. Оба просветителя приходили к заключению, что такой государь незаслуженно носит «печать низости и варварства», и что, напротив, он достоин называться «знаменитым и славным государем»². Как видно, идеальный образ правителя существовал не только в воображении, но и в реальности. И просветители подтверждали это, находя примеры в жизни.

Просветители высказывали также свои соображения о том, какой в идеале должна быть законодательная власть. В то время как исполнительная власть «определенным образом ограничивается», власть законодательная представлялась Свифту «абсолютной и неограниченной». Иное государственное устройство, либо неравномерное распределение власти чревато «опасными и дурными последствиями». Подчинение подданных законодательной власти бесспорно. Парламент действует с всеобщего согласия ради целей общества, дебаты в нем ведутся без пристрастия или давления со стороны партийных

¹ О визите Петра I в Англию см.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 361–366.

² Избранные листки из английского «Зрителя» и некоторых других периодических изданий того же рода. Кн. 1. М., 1833. С. 30–33.

лидеров, которые готовы предать интересы большинства ради своих собственных интересов и личной выгоды. Кроме того, желательно созывать парламент как можно часто¹.

Свои пожелания о возможном совершенствовании законодательной власти высказывал также У. Темпл. Он считал необходимым привлечь для работы в высшую палату парламента наиболее влиятельных, богатых, опытных и компетентных лордов, которые способны должным образом решать дела государственной важности. На взгляд Темпля, слишком молодые пэры, попавшие в палату, не всегда способны справиться с поставленными перед ними задачами. Поэтому в отдельных случаях при решении особо важных вопросов право голоса следует предоставлять только лицам, достигшим тридцатилетнего возраста. Темпл был уверен, что королю не следует даровать титулы барона, виконта, герцога, маркиза и графа тем, кто располагает доходом менее четырех тысяч фунтов. «С помощью подобных мер, — полагал просветитель, — уважение и честь пэров в Англии будет в какой-то мере восстановлена»².

Многие просветители высказывали пожелания видеть парламент, освободившимся от коррупции, а депутатов — от зависимости от короны и партийных лидеров. Некоторые из них выступали за ежегодные парламенты. Но в целом рассуждения просветителей о желаемой законодательной власти во многом оказались тождественных их оценкам существующего парламента. Это позволяет заключить, что современный и парламент в основном устраивал буржуазных идеологов, и они не считали нужным подвергать его какой-либо серьезной модернизации.

Социально-экономические реформы

Рассуждения просветителей об улучшении существующего общества не ограничивались предложениями в сфере государственного управления. Их проекты обновленного устройства общества предусматривали также ряд социально-экономических реформ. Конкретный план подобных реформ представил Д. Дефо. В 1693 г. он опубликовал памфлет «Очерк о проектах», в котором вынес на рассмотрение общественности серию проектов: о создании банковской системы, строительстве общественных дорог, организации обществ взаимопомощи, социальном страховании и т. д. Все эти проекты были направлены, по замыслу их автора, на достижение общественного блага и личной

¹ *Swift J. Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford, 1940. P. 23.*

² *The Works of Sir William Temple. Vol. 2. P. 388–389.*

выгоды сограждан. В немалой степени они защищали также интересы купечества, что не было удивительным, поскольку Дефо во время написания «Очерка» сам активно занимался коммерческой деятельностью. Руководствуясь профессиональными интересами, Дефо предлагал основать в стране ряд банков, которые функционировали бы под контролем общественности и направляли свою деятельность «на облегчение ведения торговли в целом, а также на то, чтобы самим оставаться полезными и выгодными предприятиями»¹. Заметим, что предложения Дефо о создании банков оказались весьма своевременными: в 1694 г. в Англии был основан первый государственный банк. Кто знает, быть может, и проект Дефо внес свою лепту в дело его создания.

Интересы, прежде всего, купечества отражал и проект Дефо о содержании «в надлежащем порядке» общественных дорог. Занимаясь коммерцией, Дефо часто путешествовал по стране и ему не раз приходилось сталкиваться с ужасающим состоянием дорог. К тому же цены за проезд в большинстве случаев устанавливались их владельцами самовольно и намного превышали размер королевских пошлин. Признавая, что ремонт дорог является для народа обременительной нагрузкой, Дефо предлагал издать закон о содержании путепроводов в надлежащем порядке, проведении озеленения прилегавших к ним участков, а также об углублении и прочистке судоходных рек и каналов. При этом всю ответственность за состояние путепроводов автор проекта возлагал целиком и полностью на владельцев земель, по которым они пролегали. Для контроля и проверки за проведением работ по благоустройству дорог Дефо предлагал учредить специальную комиссию.

Особое внимание в своей работе Дефо уделял рассмотрению реформы законов о банкротах. Испытавший все тяготы и унижения, вызванные банкротством, на себе лично, Дефо настаивал на коренном их изменении, поскольку существующие законы «целиком направлены на разорение должника и крайне малую выгоду приносят кредитору». Они — «сродни варварству», так как дают преимущества кредитору, вплоть до оправдания его злоупотреблений по отношению к банкротам, но в то же время оставляют должника целиком и полностью бесправным. «Суровость к должнику неразумна, и я даже позволю себе сказать, в какой-то степени негуманна, поскольку делает его неспособным помочь самому себе и своей семье», — подчеркивал просветитель. Он также признавал, что данные законы поощряют злонамеренных людей, которые, являясь кредиторами, используют

---

¹ *Defoe D. An Essay upon Projects. L., 1887. P. 40.*

свои права в личных целях, чтобы преследовать должника и довести до разорения его семью. «Я уверен, что эти законы являются всеобщим бедствием для нации», — констатировал автор. Он предлагал создать для разбирательства спорных между должником и кредитором вопросов комиссию, в состав которой должны войти наряду с судьями, также купцы. В течение двух недель комиссия проведет разбирательство дел о банкротстве, со всем пристрастием изучит бухгалтерские книги, заслушает свидетелей, а затем уже вынесет свой приговор.

По отношению к недобросовестным должникам Дефо предлагал принять строгие меры: «Если выяснится, что банкрот дал фальшивые показания, скрыл часть своего имущества, нарушил клятву, то он должен быть выставлен у позорного столба и пожизненно заключен в тюрьму»¹. Если же банкрот попытается спрятать свое имущество, следует назначить вознаграждение всякому, кто обнаружит его; если же найдутся люди, которые будут оказывать ему помощь в сокрытии имущества от кредитора, то их следует оштрафовать, а имена обнародовать, чтобы впредь этим людям никто не доверял. Подобные меры, по мнению Дефо, могли уберечь имущество должника от произвольных действий кредитора и спасти его семью от полного разорения. Пока же попадавшее к кредитору имущество должника быстро спускалось на торгах, а банкрот, даже уплатив свой долг, оказывался разоренным.

Дефо предлагал также ввести страхование домов купцов и их торговых складов на случай пожара, считая, что это гарантировало бы им поддержку и в том случае, если они, приняв участие в рискованных предприятиях или заключив невыгодную сделку, несли большие убытки. Для разбирательства спорных вопросов, возникавших между купцами и их посредниками, Дефо предлагал создать специальный суд из представителей купечества, преимущественно из числа наиболее видных купцов Лондона. Согласно автору проекта, заседания этих судов должны быть непродолжительными, судебные разбирательства быстрыми, а штрафы необременительными, чтобы каждый торговец мог быстро поправить свое положение.

Профессиональный интерес коммерсанта сказался также на проекте о флоте. Дефо напоминал читателям, что английское королевство, вступая в войну с кем-либо из соседей, всякий раз испытывает ряд неудобств. Во-первых, бывает затруднительно набрать матросов, поскольку на флот идут служить неохотно из-за нерегулярной выплаты жалованья и плохого обращения командного состава с подчиненными. Купечество, со своей стороны, терпит убытки из-за чрезмерных

¹ Ibid. P. 119.

пошлин, которыми его облагают, чтобы оплатить труд матросов. Чтобы устранить подобные недостатки, Дефо предлагал принять меры, направленные как на укрепление состава флота, главным образом путем постоянной оплаты труда матросов, так и на облегчение положения коммерсантов, которым в этом случае не придется нести дополнительные расходы.

Помимо проектов, связанных с профессиональными интересами, просветитель разработал и такие, которые отвечали бы нуждам и чаяниям широких слоев населения. Одним из первых среди буржуазных идеологов Дефо поднял вопрос о необходимости пенсионного обеспечения лиц, потерявших трудоспособность. Он считал необходимым организовать конторы по пенсионному обслуживанию, в которых все желающие из числа трудоспособного населения (не старше 50 лет), за исключением нищих и солдат, могли внести вступительные взносы в размере шести пенсов, а затем ежеквартально выплачивать по одному шиллингу. Собранные таким путем средства гарантировали каждому члену общества оказание необходимой материальной помощи в случае болезни или потери трудоспособности. Из этих же средств предполагалось оплачивать визиты больных к врачу, а также их содержание в госпиталях. Предусматривалась и выплата пожизненной пенсии лицам, потерявшим в результате травмы руку или глаза. Пенсионные конторы, по мнению просветителя, должны со вниманием отнестись и к вдовам погибших матросов, выплачивая им регулярные пособия. Не забыл Дефо и о разорившихся купцах. Он предлагал оказывать материальную помощь их семьям на то время, пока сами должники находились в «долговых» тюрьмах.

Создание «пенсионных контор» освобождало, по мнению Дефо, церковные приходы от тягот, связанных с содержанием бедняков. Просветитель считал, что нужно убеждать бедняков в том, чтобы они вместо ожидания пособия от прихода вступали в эти «кассы». Кроме того, Дефо полагал, что для борьбы с нищими следует отказаться от подаяния: «Все люди должны открыто заявить о своем желании воздержаться от подаяния и тогда через какое-то время со всеми нищими будет покончено»¹.

Гуманизмом, заботой о людях проникнут и проект Дефо о создании «обществ взаимопомощи». Эти общества предусматривали объединение людей «с целью оказания поддержки друг другу в случае несчастья или беды, постигшей их». По мнению просветителя, подобные общества должны объединять своих членов на основе профессиональной принадлежности. Денежные поступления вступивших в них граждан шли в фонд помощи, оказываемой тому, кто потерял трудоспособ-

¹ Ibid. P. 106.

ность. К примеру, если матрос стал в ходе боя или в результате случайности инвалидом, то он мог получить от своего начальства или владельца судна определенную денежную сумму в виде разового пособия. Автор указывал конкретные суммы, в которые оценивал потерю глаза (25 фунтов), ноги (50 фунтов), обеих рук (200 фунтов) и т. д. Аналогичное общество Дефо предлагал создать и для вдов, оставшихся с детьми без средств к существованию. Их положение ему представлялось особенно «ужасающим». Создание «обществ взаимопомощи» и «пенсионных касс» позволяло, на взгляд просветителя, «предотвратить всеобщую нищету и бедность человечества, избавить людей от положения приютских нищих, спасти бродяг от богаделен, позволяя им не прибегать к унижительным просьбам о подаении»¹.

Как видно, данный проект Дефо отличался прогрессивным характером, поскольку преследовал глубоко гуманные цели: спасение рядовых членов общества от бедности и нищеты. Он содержал в себе зачатки деятельности будущих профессиональных союзов, системы социального страхования и благотворительности, которые через какое-то время широко распространились по всему миру. В то же время проект содержал элементы утопии. Так, Дефо утверждал, будто с помощью обществ взаимопомощи «можно с бедностью легко покончить, а нищету полностью искоренить». Представляется весьма сомнительным, чтобы в условиях нещадной эксплуатации, царившей в капиталистической Англии, где социальное неравенство являлось неизбежностью, было бы возможно с помощью каких-либо проектов добиться равномерного распределения средств, либо избавиться от такого зла, каким являлся в ту пору пауперизм.

Надо признать, что проблема пауперизма в стране не оставляла равнодушными и других просветителей. К примеру, Свифт к беднякам относился с явным сочувствием. В «Путешествиях Гулливера» он представил английское общество, разделенным по классовому принципу, на «богатых» и «бедных». Свифт указывал на ту эксплуатацию, которой со стороны богатых подвергаются бедняки Англии: «богатые пожидают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача». Тяжелое материальное положение народных низов вызывало к ним сострадание просветителя. «Громадное большинство нашего народа, — писал он, — принуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство могло жить в изобилии»².

В поддержку реформ законодательства о пауперах неоднократно высказывался также Дефо. В качестве действенного средства борьбы

¹ Ibid. P. 93.

² Свифт Дж. Путешествия Гулливера. С. 347.

с нищетой он предлагал более серьезно заняться вопросом трудоустройства бедняков, широко привлекая их на работу в мануфактуры¹. В рассуждениях Дефо, будто бы пекущегося о судьбе пауперов, явно проскальзывали классовые интересы, выразившиеся в обеспокоенности представителя деловых кругов об обеспечении дешевым трудом капиталистических мануфактур и торговых компаний Англии.

Своеобразный проект реформы помощи бедным представил Дж. Локк. Он был уверен, что главное средство борьбы с нищетой — это принуждение нищих и бродяг к труду. «Если бы можно было руки всех, способных трудиться, приложить к труду, — писал просветитель, — то большая часть средств, идущая на поддержание бедных, сократилась бы». По подсчетам Локка, половина бедняков, получающих помощь от приходов, в состоянии сами себя прокормить. Однако они не желают этого делать, предпочитая просить подавание и бродяжничать. Локк считал, что нужны более строгие законы, которые преследовали бы бродяг, живущих за счет труда других людей. Пока же есть все основания предполагать, что некоторые надсмотрщики над бедными пренебрегают своими обязанностями. Для более «эффективного сокращения численности бродяг» Локк предлагал ввести закон, в соответствии с которым все бродяги мужского пола в возрасте от 14 до 50 лет должны задерживаться местными властями и отправляться не в «исправительные» дома (которые в большинстве графств являются «скорее местом отдыха для бродяг, чем для их исправления») и не в места их проживания (нередко бродяги называют таковыми отдаленные районы, вследствие чего для графства становится весьма обременительным их туда сопровождать), а в ближайший морской порт, где привлекать к тяжелому труду на кораблях в течение трех лет «при суровой дисциплине, за жалованье солдата и наказывать как дезертиров за отлучку без разрешения на берег»². Бродяг старше пятидесяти лет следовало, по мнению Локка, нагружать тяжелой работой в «исправительных» домах. В случае неподчинения установленным порядкам или отлынивания от работы срок пребывания на судах или в «исправительных» домах продлевается при содержании «с более строгой дисциплиной». Локк предлагал также ряд мер в отношении бродяг женского пола. Он полагал, что 14-летних девушек, обвиненных в бродяжничестве, следует доставлять в места их проживания, а при повторном бегстве помещать в исправительные дома, где в течение трех лет использовать на тяжелой работе.

¹ *Defoe D. A Review*. Vol. 2. L., 1705. P. 33–34; Vol. 3. L., 1706. P. 55.

² Цит. по: *Bourne Fox H. R. The Life of John Locke*. L., 1876. Vol. 2. P. 378.

Еще одно нововведение, предложенное Локком, касалось устройства в каждом приходе «рабочих школ», в которых могли содержаться дети от трех до четырнадцати лет, проживающие дома с родителями. В этих школах они себя сами могли прокормить, выполняя посильный труд для нужд прихода. Дети моложе трех лет получают в «рабочих школах» хлеб и теплый кров в холодную погоду, чего они порой бывают лишены в домах своих родителей. По мнению Локка, эти школы удобно использовать для прядения, вязания или иных работ, связанных с производством шерстяных мануфактур. Кроме того, ремесленники и фермеры могут брать себе в обучение мальчиков из этих школ. Целесообразность устройства подобных школ Локк объяснял также тем, что дети смогут в них по воскресеньям посещать церковь, что «весьма благоприятно скажется на их поведении», и где они получают начальное образование. Немаловажным фактором в поддержку «рабочих школ» просветитель считал то, что они содержатся за счет труда самих воспитанников и практически «почти ничего не стоят приходу». Локк уверял, что расходы на содержание подобных школ очень скоро окупятся «с лихвой».

Как мы могли убедиться, проекты просветителей, направленные на борьбу с пауперизмом, отнюдь не отличались состраданием к беднякам и бродягам, как того можно было бы ожидать от передовых идеологов буржуазии. Их проекты в какой-то мере напоминали прежнее, «кровавое» законодательство времен Тюдоров, главным в котором было преследование и жестокое наказание людей, оказавшихся в силу разных причин без крова, без средств к существованию, за чертой бедности. Подобно идеологам абсолютизма, просветители также усматривали причину нищенского существования бродяг в их «лени» и «нежелании трудиться», а не в тех социально-экономических условиях в обществе, которые порождали такое социальное зло, как пауперизм. И хотя отдельные предложения просветителей, касающиеся облегчения участи бродяг, носили новаторский характер («рабочие школы» Дж. Локка), однако они оставались утопичными. Проект Локка так никогда и не был претворен в жизнь, и в том не было ничего удивительного. Государство, основанное на эксплуатации одного класса другим и существующее за счет экономического принуждения низших слоев общества, не было заинтересовано в устранении рынка лишних рабочих рук и бесплатного рабского труда на галерах и мануфактурах. Пауперизм являлся неотъемлемой частью капитализма в начальной стадии его развития, и потому любые попытки просветителей, направленные на борьбу с подобным социальным злом, были обречены на неудачу. К тому же предложенные ими проекты реформ отличались социальной ограниченностью. Поскольку все просветители

принадлежали к имущим слоям, они не стремились к каким-либо радикальным изменениям социально-экономического устройства общества, которое гарантировало им сохранение господствующего положения в нем. Решение же проблемы пауперизма требовало кардинальных изменений в этом устройстве, на что представители «земельных» и «денежных» интересов никогда не пошли бы. Для просветителей было проще выразить свое сочувствие и сострадание к больным и нищим, оказать благотворительность тем, чье горе и бедность настолько бросались в глаза, что не заметить их было просто невозможно, чем решиться на проведение глубоких экономических реформ, способных покончить с пауперизмом как с социальным злом. И все же, несмотря на социальную ограниченность и элементы утопии в просветительских проектах реформ о пауперизме, нельзя отказать их авторам в отсутствии искреннего желания оказать помощь ближним своим, не оставить без внимания обиженных жизнью людей. Гуманистический характер направленности подобных проектов реформ просветителей был очевиден.

Следует отметить, что просветители нередко высказывали свою озабоченность состоянием экономического развития страны в целом. Они пытались выяснить, что же препятствует более интенсивному развитию торговли и промышленности, а также выдвигали предложения, направленные на усовершенствование работы торговых компаний и промышленных мануфактур. В известном своем памфлете «Беглый взгляд на положение в Ирландии» Свифт называл те причины, которые, на его взгляд, «способствуют процветанию и обогащению любой страны». Таковых просветитель насчитал четырнадцать, в том числе: плодородие почвы, «способной производить все необходимое для жизни и благосостояния населения»; трудолюбие народа, «прилагающего все старания, чтобы наилучшим образом изготовить необходимые товары»; удобные и безопасные порты, пригодные для того, чтобы вывозить «возможно больше изделий» и ввозить «возможно меньше сырья»; гарантированное право «свободной торговли для отечественных купцов» во всех иноземных государствах; развитие земледелия и поощрение сельского хозяйства и т. д.¹ Одну из причин улучшения благосостояния страны Свифт усматривал в протекционизме, покровительственном отношении правительства к отечественным торговым компаниям и промышленным мануфактурам. В качестве одной из мер, способствующих осуществлению протекционизма, просветитель считал необходимым добиваться от своих сограждан, чтобы они носили одежду «собственного изготовления» и ввозили по возможности меньше предметов роскоши, «будь то одежда, мебель или продукты

¹ Свифт Дж. Беглый взгляд на положение в Ирландии // Англия в памфлете. С. 413–415.

питания, без коих легко можно обойтись». Как видно, просветитель ратовал за укрепление позиций отечественных мануфактур ценой ограничения импорта.

Аналогичного мнения придерживался и Дефо, который со страниц журнала «Ревю» обращался к законодателям мод Англии — королевскому двору, призывая его представителей сделаться примером для подражания и носить одежду отечественных мануфактур, чтобы поддержать их развитие и усилить торговлю своей страны¹. Дефо, отмечая влияние отечественных мануфактур на развитие всей экономики Англии, подчеркивал: отечественные мануфактуры дают занятие народу, «позволяя семьям бедняков себя содержать, а людям среднего достатка, покупая и продавая, становиться богаче и счастливее».

Поскольку торговля играла важную роль в экономике страны, просветители уделяли большое внимание вопросу о ее развитии. Особенно подробно рассмотрены различные аспекты торговой деятельности в Англии в работах Дефо. Просветитель обращал внимание на важную роль торговли в создании могущества государства. Народ является сутью коммерции, писал он на страницах «Ревю», и чем больше населения в стране, тем интенсивнее развивается торговля, а значит больше приток капитала, а «чем больше денег, тем больше силы, чем больше силы, тем нация скорее становится великой державой»².

Большой круг вопросов, посвященных коммерции, был затронут Дефо в памфлете «Совершенный английский торговец». В нем автор обращал внимание на то, что Англия в сравнении с другими странами производит товаров больше, чем где бы то ни было, и их в полной мере хватает как для насыщения внутреннего, так и внешнего рынка. Кроме того, страна располагает большим флотом — незаменимым средством для ведения заморской торговли. Все это создает благоприятные условия для развития торговли в стране и за рубежом в самых широких масштабах. Необходимость расширения коммерческой деятельности диктует правила ее ведения таким образом, чтобы торговля приносила выгоду, как купцам, так и стране в целом. Просветитель считал, что тот купец, который соблюдает эти правила, достоин звания «совершенный». Что же это за правила? Прежде всего, полагал Дефо, торговец должен знать не только свое дело, но и «всю внутреннюю торговлю Англии» с тем, чтобы в случае изменившейся ситуации быть готовым заняться любым другим видом коммерции, «не обучаясь всему заново». Далее, каждый купец должен знать не только «всяческие разновидности товаров», но также те края, где

¹ Defoe D. A Review. Vol. 2. P. 49–50.

² Defoe D. A Review. Vol. 6. L., 1709. P. 135.

эти товары производятся с тем, чтобы их можно было получить «из первых рук» с большей выгодой. Наконец, коммерсанту следует ознакомиться со всеми тонкостями и премудростями ведения деловой переписки, а также законами торговли в каждом из графств Англии. Каждый торговец должен знать, за какой товар следует платить деньги, а какой можно обменять на другие товары, что продать посредникам и деревенским перекупщикам, а что надлежит заказать непосредственно производителям. «Ступени воспитания совершенного торговца», как называл эти правила Дефо, вменяли в обязанность купечества также знание расположения рынков, ярмарок, умение разбираться, «где ведется самый лучший торг». Очень важным для торговца просветитель считал знание законов и правил коммерции, а также ведение счетных книг. Излагая необходимые для каждого коммерсанта правила, Дефо не упускал даже мелочей. К примеру, он советовал торговцам в деловой переписке свои послания писать «просто, немногословно и по существу». Не забыл Дефо также об учениках купцов. Он считал, что их обучение следует начинать с практической деятельности — работы за прилавком, а уже потом только знакомить со счетными книгами, доверять ответственные поручения и ведение переписки с посредниками. Следование подобным правилам коммерции позволит торговцам в совершенстве овладеть своим ремеслом, заключал просветитель¹.

Проявляя откровенную заинтересованность в расширении торговли, Дефо полагал, что увеличение численности населения будет тому успешно способствовать. Именно поэтому он высказался в поддержку Закона о натурализации иностранцев, поселившихся в Англии. Дефо утверждал, что «увеличение рабочих рук в нации усиливает и обогащает страну». Он вносил предложения, как лучше использовать труд иммигрантов, или как их окрестили в народе, «палатинцев», с тем, чтобы они не составляли конкуренции для англичан. Дефо предлагал расселить «палатинцев» на пустующих землях в небольших (по 50–100 семей) колониях с тем, чтобы среди них были равномерное число ремесленников и земледельцев. Таким путем «палатинцы» смогут приносить благо обществу, поскольку своим трудом увеличат общественное богатство, не лишая при этом работы местных жителей, так как «работать они будут только для себя». Но со временем, полагал Дефо, эти люди изучат английский язык, познакомятся с обычаями страны, в которую прибыли, смешаются с английским народом и станут, что называется, «прирожденными англичанами»².

¹ Дефо Д. Совершенный английский торговец // Англия в памфлете. С.400–406.

² Defoe D. A Review. Vol. 6. P. 154.

Иного взгляда в отношении к «палатинцам» придерживался Свифт. В одном из номеров «Экзаминера» он выступил со статьей, в которой резко осудил Закон о натурализации. Он писал, что вигское правительство, воспользовавшись этим законом, пригласило в страну «множество чужеземцев различных вероисповеданий». «Не будучи обучены никакому делу или ремеслу, — продолжал Свифт, — они предпочитали не работать, а нищенствовать, не только заполняли наши улицы, но явились разносчиками заразных болезней, вследствие чего мы потеряли втрое больше коренных жителей, нежели приобрели чужеземных... Палата общин позаботилась о том, чтобы значительное число сих чужеземцев отправилось восвояси, а приглашение их рассматривалось бы впредь как вредный для государства акт»¹. Как явствует из высказывания Свифта, он был противником привлечения в страну иностранцев в качестве рабочей силы, поскольку не видел в том никаких преимуществ для землевладельцев, интересы которых защищал. И хотя Свифт не возражал, чтобы «чужеземцы во множестве стекались в страну ради образования, развлечений или удовольствий, либо как во всеобщий центр торговли», однако противился привлечению их в качестве рабочей силы. Просветитель полагал, что иностранцы составят серьезную конкуренцию английским труженикам, увеличив среди них безработицу. А это, в свою очередь, отразится на финансовом положении землевладельцев, субсидирующих «работные» дома и приюты для бездомных и безработных. Со своей стороны, Дефо, ратовавший в защиту Закона о натурализации, отстаивал интересы торгово-промышленных кругов, которые в нем видели определенные преимущества для себя, в первую очередь возможность использования дешевой рабочей силы на производстве и в торговых компаниях. Так классовые интересы оказывали довлеющее влияние на социально-экономические воззрения просветителей.

Внешняя политика («Лига наций» и «равновесие сил» в Европе)

Наряду с проблемами государственного и экономического устройства страны большое внимание просветители уделяли также вопросам внешней политики. Взаимоотношения с другими странами всегда были предметом их самого пристального внимания. Наибольшую ценность представляют высказанные просветителями гуманистические идеи о сохранении мира и поддержании равновесия сил в Европе.

¹ Свифт Дж. Эссе из журнала «Исследователь». С. 256.

События в мире на рубеже XVII–XVIII вв., в которых была «задействована» Англия, развивались стремительно. Войны Аугсбургской лиги и за Испанское наследство, колониальная экспансия, создание Британской империи привлекали внимание широкой общественности. О том, как просветители относились к этим событиям, мы уже знаем. Однако, знакомясь с их взглядами, мы прежде всего обращались к оценке ими внешней политики правительства, но не затрагивали при этом вопроса о международной политике, в которой Англия в то время играла важную роль. Между тем, многие просветители проявляли большой интерес к данному вопросу. Хотя просветители придерживались различных политических взглядов, однако все они единодушно высказывались в поддержку сохранения мира в Европе. Наибольший интерес к указанной теме проявил Дефо.

Подробно взгляды Дефо на международную политику были изучены У. Розеном в книге «Даниель Дефо и дипломатия». Историк подчеркивал: после Славной революции идея о том, что обеспечение свобод и благополучия Англии во многом зависит от сохранения мира и поддержания «равновесия сил» в Европе, которого можно добиться благодаря созданию Великого союза наций, что называется, «носилась в воздухе»¹. К подобной идее Дефо подходил прагматически. Он признавал, что все нации заинтересованы в процветающей торговле, поскольку получают от нее большие прибыли. Торговля же может развиваться только в мирных условиях. Следовательно, заключал просветитель, в интересах развития торговых отношений необходимо поддерживать мир между народами. Война расценивалась Дефо, подобно «чуме, ниспосланной небесами на людей, неугодных Богу».

В то же время Дефо допускал, что одни и те же страны могут быть политическими и военными союзниками и одновременно конкурентами в коммерческой деятельности. Подобными взаимоотношениями, на его взгляд, отличались Англия и Голландия. «Голландия является нашим другом в войне, — писал Дефо на страницах «Ревю», — но я никогда ни от кого не слышал, чтобы кто-то признавал, что голландцы считаются нашими друзьями в торговле. Мы будем сражаться вместе с ними рука об руку, бок о бок против Франции, папства и тирании, но одновременно будем бороться друг против друга в коммерческих предприятиях во всех частях света, где только сталкиваются наши интересы, несмотря на наш союз в других предприятиях»². И все же, подмечал Розен, «сила» не входила в концепцию международной политики Дефо.

¹ Roosen W. Daniel Defoe and Diplomacy. Associated University Press, 1986. P. 19.

² Цит. по: Roosen W. Op. cit. P. 50.

Чтобы противостоять «великодержавным поползновениям» Франции, Дефо считал необходимым объединение усилий союзных держав в политический союз, который способен вступить в действие в случае, если нападут на одно из этих государств. В 1709 г. он выступил с предложением о создании Лиги наций. Подобная организация, по его мнению, позволила бы сохранить мир между странами на долгое время, смогла бы выступать в спорных ситуациях, возникающих в Европе, в качестве арбитра. Кроме того, Дефо предлагал учредить апелляционный суд, в который могли бы обратиться угнетаемые страны, либо те, с которыми несправедливо обошлись их соседи. Этот суд призван защищать малые народы от нападений и террора со стороны их более могущественных соседей. «Подобная организация государств обладала бы властью, способной отвратить войну от Европы и принести блаженный мир на континент». Розен подчеркивал, что представленная Дефо концепция Лиги наций, предполагавшая политическое равенство всех государств, вступала в противоречие с распространенным в то время в странах континента постулатом об иерархии в международных отношениях.

Поскольку в Европе в то время была широко известна идея о создании «всемирной монархии», Дефо затронул и этот вопрос. Некоторые правители европейских стран претендовали на право возглавить подобное государство, в том числе известный «король-солнце» Людовик XIV. Отмечая, что короли в душе готовы бороться за достижение мирового господства, Дефо критиковал французского монарха за его чрезмерные амбиции. Он выступал как твердый сторонник поддержания «статус-кво» в международной политике, утверждая, что ни одно из существующих государств не должно быть уничтожено в угоду другому. Дефо расценивал принцип «равновесия сил» как основной механизм в международной политике. Он проводил аналогию с британской конституцией. Подобно тому, как в конституции элементом баланса является мир и спокойствие в стране, так и основой «равновесия сил» в Европе становится мир между государствами¹. По мнению просветителя, взаимоотношения между несколькими государствами могли принимать форму локального или регионального равновесия сил. Но наиболее важным Дефо считал достижение стабильности всей европейской международной системы. В памфлете «Доводы против войны с Францией» Дефо писал: «Единственный способ сохранить мир в Европе заключается в том, чтобы объединить несколько держав и правителей по интересам... с тем, чтобы ни одна из партий или властей не могла подавлять другую и чтобы ни одна из

¹ Ibid. P. 41.

стран не усиливалась настолько, чтобы могла представлять опасность для своих соседей»¹.

Когда в Европе бушевал пожар войны за Испанское наследство, Дефо выступал со своей идеей «равновесия сил». Безопасность каждой страны, утверждал он, требует сохранения прочного мира между всеми державами и правителями, даже между теми, кто конфликтует между собой. И если одна или несколько стран попытаются достигнуть верховенства над другими государствами, то другие должны помешать им, чтобы достигнуть определенного равновесия. Дефо был убежден, что данная идея отвечала интересам всего европейского континента.

Принцип «равновесия сил» в международной политике, разработанный Дефо, имел большое будущее. Как отмечал Розен, из политического лозунга через Утрехтский мир он перекочевал в международный лексикон дипломатии. Да, и сегодня, как известно, этот принцип является одним из главных в современной международной политике. Актуальное значение сохраняет также утверждение Дефо о том, что различия в социально-экономическом и политическом устройстве государств не могут служить помехой в их гуманной цели — борьбе за сохранение мира в Европе.

Итак, подводя итоги, можно заключить следующее. Идеал общества, представленный просветителями, сочетал в себе элементы утопии и реализма. В то время как представления просветителей о справедливом и мудром правителе, честных и неподкупных министрах и парламентариях напоминали собой, скорее всего мечту, которой вряд ли суждено было сбыться, то их экономические проекты и взгляды на международную политику, напротив, отличались прагматизмом и отвечали нуждам и интересам Англии той поры. И если социальная ограниченность буржуазных идеологов отразилась на их проектах борьбы с пауперизмом, препятствуя реализации этой программы в жизнь, то обусловленные интересами господствующих классов проекты (основание государственного банка, строительство общественных дорог, система социального страхования и пенсионного обеспечения, поддержание «равновесия сил» в Европе и т. д.) вскоре были реализованы на практике. Таким образом, широко распространенное мнение об утопизме идей и проектов просветителей, на наш взгляд, вряд ли имело под собой серьезное основание. Во всяком случае, анализ произведений английских просветителей убедил нас в том, что они были скорее прагматиками, нежели мечтателями-утопистами.

---

¹ Ibid. P. 43.

ГЛАВА 6

Педагогические взгляды просветителей

Каким образом просветители полагали реформировать существующее общество? Основные пути достижения совершенного общества они усматривали в пропаганде и распространении знаний, образования людей, а также в воспитании в них высоких нравственных принципов. Джозеф Аддисон полагал, что человека необходимо обучать самым различным знаниям через чтение книг «полезных и занимательных авторов». Говоря о необходимости образования, он подчеркивал, что душа человека без него подобна «куску мрамора» в каменоломне, который скрывает от глаз людских всю свою красоту до тех пор, пока умелая рука каменотеса не потрудится над ним и не покажет цвет, не откроет взору каждый узор, жилку, скрывавшиеся в нем. Точно так же и в образовании, когда потрудятся над умом, то станут очевидны все скрывающиеся в нем достоинства и совершенства, которые без его помощи никогда и не появились бы. Скульптор из куска мрамора может сотворить то же, что образование делает для души человека, заключал Аддисон. В журнале «Спектейтор» он писал: «Философ, святой или герой, мудрый или великий человек очень часто скрываются в простолюдине, которого соответствующее образование преобразует»¹.

Большое значение просветители придавали нравственному воспитанию человека. На страницах «Спектейтора» Аддисон подчеркивал: «Рассуждения о нравственности и размышления о человеческой природе являются наилучшими средствами, которые мы можем использовать для усовершенствования нашего ума и для приобретения истинного самопознания и, следовательно, для очищения наших душ от пороков, невежества и предрассудков, которые, естественно, примыкают к ним». Аддисон высоко ценил в людях такие качества, как добропорядочность и человеколюбие, и призывал всех людей воспитывать и развивать их в себе. Он полагал, что люди, наделенные подобными качествами, облегчают тяготы жизни другим и помогают преодолевать многочисленные невзгоды, встающие на жизненном пути человека. Сторонник нравственного воспитания Темпл считал необходимым прививать людям трудолюбие, обучать их бережливости. На его взгляд, «бережливые и трудолюбивые люди обычно дружелюбно настроены к существующему правлению, тогда как расточители и лентяи опасны из-за своего настроения или нужды»².

¹ Addison's Essays from the Spectator. L., P. 274.

² The Works of Sir William Temple. Edinburgh, 1754. P. 372.

Дефо же вообще предлагал провести реформу нравов, начав ее с представителей имущих слоев. В памфлете «Жалоба бедняка» он заявлял: «Постоянно нападают на бедных, ставя им в укор пороки, прощаемые высшим классам... Заставьте же сильных мира сего вести себя хорошо — и нравы простонародья сами собой исправятся»¹. Дефо горячо поддержал учрежденную королем Вильгельмом Ассоциацию реформы нравов. Она ежегодно публиковала отчеты о ходе борьбы с богохульством и распущенностью нравов, царящих в обществе, требовала закрытия публичных домов, устройства бесплатных школ для малолетних бродяг, запрещения театральных представлений и различных увеселений в воскресные дни, когда следовало посещать церковные службы. Ассоциация просуществовала до 1783 г. и насчитывала в своих рядах свыше ста тысяч добровольных членов.

Сторонником нравственного оздоровления общества проявил себя также Дж. Свифт, который организовал в Лондоне «Клуб Мартинуса Скрибблеруса» («Писаки»), преследовавшего своей целью борьбу «против невежества и педантизма». Помимо Свифта, в клуб вошли известные поэты и драматурги Англии — просветители Александр Поп, Джон Гэй и Джон Арбетнот.

Просветители твердо верили, что в нравственном воспитании и образовании нуждаются представители всех слоев общества: от простолудина до короля. Но поскольку благополучие страны и всех ее жителей во многом зависит от того, какие люди управляют ею, то прежде всего необходимо позаботиться о нравственном и образовательном уровне правителей. Дефо и Аддисон были убеждены: все чиновники от министров до судей должны быть честными, справедливыми и добродетельными. А лорд Болингброк представил целую программу действий, в соответствии с которой следовало готовить к управлению страной самого правителя.

Согласно концепции Болингброка, некоторые короли оказывались плохими правителями именно в силу недостаточного воспитания, полученного ими в детские и юношеские годы. Будущих правителей с колыбели окружает лесть, им внушаются «ложные понятия» примером и обычаями двора. В результате короли воспитываются в духе почитания самих себя как существ высшей породы, отличных от других людей. Просветитель подчеркивал, что плохое воспитание будущих правителей лишает их необходимых нравственных принципов, что незамедлительно отражается на их деятельности. Ведь став королем, такой правитель не сможет поставить перед собой «истинных задач правления» и не сумеет с должным вниманием отнестись к своим

¹ Цит. по: *Доттен П.* Жизнь и приключения Даниеля Дефо, автора «Робинзона Крузо». М.; Л., 1926. С. 49.

обязанностям. Болингброк приходил к заключению: чтобы принц стал хорошим королем, необходимо позаботиться о соответствующем его воспитании в детские и юношеские годы. Функции воспитателей просветитель возлагал на ближайшее окружение короля. Те, кто состоит «в непосредственном окружении государя, — писал он в «Идее о Короле-Патриоте», — обязаны постоянно соразмерять свои похвалы и выражения своего доверия и привязанности с выгодами, действительно получаемыми ими от правящего государя, и с теми справедливыми надеждами, которые вселяет в них его преемник»¹. Только при таком воспитании, полагал просветитель, король сможет избежать многих неверных шагов в своем правлении.

Большое значение просветитель придавал возможностям людей в своем совершенствовании. Болингброк полагал, что король в состоянии освободиться от многих недостатков воспитания либо каких-либо негативных черт характера, он способен «одним огромным усилием» совершить в себе «решительный поворот к усовершенствованию личных качеств своих как монарха и сможет с легкостью... проявить все высокие добродетели»². Побудительными мотивами для самоусовершенствования короля должны стать, на взгляд просветителя, те цели правления, которые он собирается преследовать в своей деятельности.

Джон Локк и его «Мысли о воспитании»

Большое значение просветители придавали необходимости образования подрастающего поколения, поскольку были убеждены, что от хорошего воспитания детей «зависит благополучие и процветание нации»³. Наиболее полно программа воспитания и образования юношей представлена в книге Локка «Мысли о воспитании». Написанная на основе его собственных педагогических наблюдений, данная книга имела неопределимое значение для современников. Впрочем, во многом она сохранила свою актуальность и в наши дни.

Хотя просветитель в своем труде рассматривал вопросы, как воспитания, так и образования, однако явное предпочтение он отдавал воспитанию (об этом говорит и название книги). Учение необходимо, считал Локк, но оно стоит на втором плане. Первоочередной же целью процесса обучения должно стать воспитание ребенка, формирование в нем личности. Именно благодаря воспитанию люди становятся «до-

¹ Идея о короле-Патриоте // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978., С. 211.

² Там же. С. 218.

³ Локк Д. Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913 (далее — «Мысли о воспитании»). С. 56.

брыми или злыми». Главной целью воспитательного процесса Локк считал формирование характера ребенка. Для ее осуществления, прежде всего, необходимо позаботиться о здоровье воспитанника. Локк давал ряд конкретных советов, как это сделать: «Побольше чистого воздуха, упражнение и сон, простой стол, никаких лекарств; не слишком теплая и не тесная одежда, особенно же держать голову и ноги в холоде и почаще приучать ноги к холодной воде»¹. Локк настаивал на обязательном закаливании детей, подчеркивая, что делать это надо постепенно, приучая тело ко всему, но не подвергая его «страданиям и опасностям». Не следует чересчур кутать детей ни зимой, ни тем более летом. Их одежда должна быть свободной и не стеснять движений. Очень полезно длительное пребывание детей на свежем воздухе, даже зимой. Приучая тело к жаре и холоду, к солнцу и дождю, мы заставим его переносить все это, а значит, тренируем для будущих нагрузок, полагал Локк. Большое значение он придавал необходимости физических упражнений для детей, считал, что их непременно следует научить плавать. Он приводил в пример древних римлян, которые умение плавать приравнивали к грамотности и считали ни на что не годным человеком, если тот не умеет ни читать, ни плавать. К слову сказать, о пользе физических упражнений писал также Дж. Аддисон. Он подчеркивал, что физические упражнения оказывают благотворное влияние не только на мышцы тела, но и на психику, нервную систему человека, закаляя и укрепляя их. Активный образ жизни, который возможен лишь благодаря занятиям физическими упражнениями, способствует плодотворной и активной деятельности на различных государственных должностях, утверждал просветитель.

В книге Локка затрагивался также вопрос о правильном питании детей. Просветитель считал необходимым, чтобы пища была простой и неизысканной. До двух-трех лет мясо детям рекомендуется давать не чаще одного раза в день. Полезны молоко, молочный суп, каша на воде, овсяная кашка с небольшим количеством сахара или вовсе без него. Солить умеренно, приправы не употреблять. Фрукты есть перед едой или в промежутках между приемами пищи и вместе с хлебом. Избегать сладостей. Категорически высказывался Локк против употребления детьми крепких напитков, полагая, что «ничто не закладывает такого прочного фундамента порчи, телесной и душевной, как привычка ребенка к употреблению крепких напитков»². Примечательно, что Локк был против приема пищи в определенное время. Утро предназначается для учения, и вряд ли оно пойдет на лад при полном желудке. Наилучший завтрак — это ломоть хлеба из

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 71.

непросеянной пшеничной муки, иногда с маслом или сыром. Главное, считал просветитель, следует подготовить детей к жизненным невзгодам, которые неизбежно возникнут на их пути. Для этой же цели надлежит приучать детей вставать рано утром и рано ложиться спать. Постель должна быть жесткой, а продолжительность сна ограничиваться восемью часами. «Джентльмен во все времена должен воспитываться так, — писал Локк, — чтобы быть способным носить оружие и служить солдатом»¹. Подобными мерами, как считал просветитель, можно добиться укрепления «силы тела», приучив человека выносить всевозможные лишения.

С еще большим вниманием Локк отнесся к мерам, направленным на воспитание «силы духа» молодых людей, то есть на их нравственное воспитание. Просветитель считал основой всех добродетелей и достоинств человека его умение отказываться от своих желаний, если того требует разум. Приучать детей подавлять свои желания следует, по мнению просветителя, «с самой колыбели». Если доставлять детям то, что соответствует их нуждам, одновременно не позволяя иметь то, чего они добиваются с плачем, то это приучит детей обходиться без капризов. Тот, кто не привык подчинять свою волю разуму других, пока молод, вряд ли будет слушаться собственного разума, став взрослым. «И не трудно предвидеть, — рассуждал просветитель, — какого сорта человек, по всей вероятности, выйдет из него».

Наиболее важным в концепции Локка о воспитании было, на наш взгляд, его утверждение о необходимости признания и уважения в каждом ребенке личности. «Мы должны видеть в наших детях, когда они вырастут, — писал он, — существа, подобные нам самим, с теми же страстями и желаниями». Для этого необходимо с самого начала разработать тактику поведения воспитателя с воспитанником. Строгость, считал Локк, уместнее проявлять к детям младшего возраста для того, чтобы приучить их всецело покоряться родительской воле. По мере взросления ребенка следует позаботиться об установлении отцовского авторитета, научив понимать его, в чьей власти он находится. По мере же приближения сына к совершеннолетию сближайтесь с ним «на более дружеской ноге». Подобные отношения сделают их друзьями. Между тем, большинство родителей придерживаются иных взглядов. «По моему мнению, — утверждал Локк, — совершенно неправильно понимают обхождение с детьми те, которые снисходительны и фамильярны с ними, пока они малы, но становятся суровыми и держат их на известном расстоянии, когда они вырастут: свобода и потворство не приносят пользы детям; недостаток рассудка делает для них необходимыми принуждение и дисциплину; и наоборот, повелительный

¹ Там же. С. 70.

и суровый тон не годится для обращения с взрослыми, которые могут руководствоваться собственным разумом, если только вы не собираетесь сделаться в тягость вашим детям, когда они подрастут»¹. Не менее важно, считал Локк, заручиться дружбой ребенка. Для укрепления дружбы следует беседовать с сыном о своих делах, интересуясь его мнением о них. Все это нисколько не умалит авторитета отца, но увеличит любовь и уважение к нему со стороны сына.

Локк указывал на влияние среды на подрастающее поколение и подчеркивал силу примера в воспитательном процессе. Дети руководствуются в большинстве своем примером. Они лучше понимают «то, что видят, чем то, что слышат». И можно сколько угодно твердить им о благовоспитанности, но если у них перед глазами иные примеры, то проку от нотаций воспитателей не будет никакого. И потому, советовал Локк, родители, желающие добиться уважения со стороны детей, должны с уважением сами к ним относиться и не делать в их присутствии таких вещей, подражание которым, с их стороны, находят нежелательным. Для устранения дурных примеров Локк предлагал ограничить общение детей со слугами, полагая, что «зараза этих дурных примеров в отношении, как благовоспитанности, так и добродетели, страшно портит детей, раз они попадут под ее влияние»². Как видно, просветитель был явно невысокого мнения о нравственности тех, кто стоял на низшей ступени иерархического общества Англии.

В воспитательном процессе Локк считал необходимой систему наказаний и поощрений. Он был убежден, что очень строгие наказания не только не приносят пользу, но, напротив, наносят большой вред воспитанию. Как правило, из детей, которые часто подвергались наказанию, редко выходили «лучшие люди». Побои и другие «рабские и телесные наказания» вряд ли уместны для воспитания, если из воспитанников хотят сделать «добрых и чистосердечных людей». Нежелательна также брань, которая лишь «умаляет родительский авторитет и почтительность ребенка»³. Несмотря на осуждение телесных наказаний и признание их низкой эффективности в воспитательном процессе, просветитель все же допускал возможность их использования. Впрочем, он считал необходимым оговорить, что телесные наказания позволительны только в случае проявления «упрямства и упорного неповиновения» ребенка. Локк полагал, что «дурное направление воли» воспитанника можно исправить «силой и ударами». Во всех других случаях следует пользоваться иными ме-

¹ Там же. С. 87.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 89, 92, 118.

тодами воспитания, стараясь избегать частых побоев или брани. Что касается поощрений воспитанников, то Локк находил их важными в процессе воспитания. Надо использовать такое качество детей, как чувствительность к похвалам и одобрению, подчеркивал он. При этом следует избегать поощрения детей вещами и игрушками, которые им нравятся.

Педагогические наблюдения Локка позволяли ему сделать вывод о той важной роли, которая отводится в воспитательном процессе личности самого воспитателя. Просветитель считал, что не стоит экономить в расходах на воспитание, самое главное найти «хорошего» воспитателя. Каким же представлялся Локку «хороший» воспитатель? По его мнению, воспитатель, прежде всего, должен быть благовоспитанным, вежливым, хорошо знать свет и манеры обхождения в нем. Преследуя своей целью воспитание джентльмена с познаниями делового человека и с поведением, приличествующим званию, с тем, чтобы в будущем он мог быть «полезным своей стране соответственно своему положению», воспитатель обязан подготовить своего воспитанника скорее «для жизни», чем для университета. И потому главной задачей учителя становится обучение молодого человека разбираться в людях. Юноше следует привить навыки судить о людях, исходя не из впечатлений об их наружности, внешнего вида, что способно привести к обольщению «ласковыми манерами или любезной услужливостью», а от их дел и поступков. Воспитатель должен научить своего питомца распознавать намерения людей, быть более осмотрительным и осторожным в общении с ними, не проявляя, впрочем, излишних подозрительности или доверия. Кроме того, необходимо воспитанника познакомить со светом до того, как он вступит в него. Юноша должен заранее знать, что люди будут относиться к нему по-разному: одни с нежностью и доброжелательностью, другие с безразличием, третьи с враждебностью. Если воспитанник будет таким образом подготовлен к вступлению в свет, то встретит на своем пути меньше неприятностей и разочарований. Хорошо бы также научить его разбираться в тонкостях светской политики, чтобы свет не увидел его неумелым или неловким. Кроме того, гувернер должен позаботиться о поведении юноши и образовании его души с тем, чтобы укоренить в питомце начала «добродетели и мудрости». Он обязан также выработать у молодого человека понятия о человечности и «внушить любовь и стремление к тому, что прекрасно и достойно похвалы, а также дать ему силу, бодрость и усердие в преследовании этих целей»¹.

Каким путем Локк полагал воспитать в молодых людях добродетели, и прежде всего, человечность? Он предлагал осуществить это двумя

---

¹ Там же. С. 138.

способами. Первый из них заключался в том, чтобы детям внушали с малолетства отвращение к убийству или истязанию живых существ. Их следует также приучать ничего не портить и не уничтожать. И вообще, заявлял Локк, людей с колыбели надо учить «относиться ласково ко всем чувствующим существам». Второй способ привить чувство человеколюбия просветитель усматривал в обучении воспитанников вежливости в обращении с простым народом. Очень часто в семьях джентльменов, сетовал Локк, дети в обращении с прислугой употребляют повелительный тон и пренебрежительные клички, как будто имеют дело с существами низшей породы. Трудно сказать, заявлял Локк, чем вызвано это высокомерие: дурным примером, природным тщеславием или «преимуществами состояния», но так или иначе, подобное обращение со слугами надлежит искоренять, добиваясь взамен него «кроткого, вежливого, приветливого обращения с людьми низшего звания». Детям надо внушать, продолжал просветитель, что чем больше им дано, тем «добрее и сострадательнее» должны они относиться к тем, кто стоит ниже их в обществе. Если же с колыбели им позволят грубое обращение с людьми только на том основании, что благодаря отцовскому титулу они обладают какой-то властью над ними, то это ни к чему хорошему не приведет, «кроме угнетения и жестокости».

Как можно убедиться, программа нравственного воспитания Локка исходила из конкретных задач формирования личности джентльмена, крепкого телом и сильного духом, наделенного всеми необходимыми качествами для будущей предпринимательской и коммерческой деятельности. Особую ценность представляли в программе просветителя предложения, направленные на воспитание в ребенке высоких моральных качеств: честности, справедливости, искренности, добропорядочности, вежливости. Важным в программе Локка являлось также его стремление заставить всех, занятых в процессе воспитания, видеть в ребенке с самых малых лет личность, которая требует к себе уважения и достойного обращения со стороны взрослых людей.

Как уже отмечалось, процессу образования подрастающего поколения Локк отводил второстепенное место. В своей образовательной программе он давал ряд конкретных советов, когда и как начинать обучение детей. Навыкам чтения, он считал, следует обучать как можно раньше, сразу же, как только малыш научится говорить. Локк предостерегал воспитателей от принуждения детей к чтению, полагая, что этим можно только вызвать у них отвращение к процессу образования. Обучение чтению скорее следует превратить в игру, сделав развлечением для ребенка. Детям можно внушить желание учиться, если они увидят в этом «нечто почетное, лестное, удовольствие, развлечение или награду за что-либо». При этом ни в коем случае не

следует их бранить или наказывать за небрежность. После того, как ребенок научится читать, можно переходить к обучению письму и рисованию. Иностранные языки лучше всего изучать в ранние годы. Курс предметов, предложенный Локком, включал также арифметику, геометрию, географию, хронологию, латынь, греческий и французский языки, историю, скоропись. Кроме того, предлагалось обучение этике, гражданскому праву, натуральной философии, риторике и логике, изучению законов и конституции Англии. Судя по перечисленным предметам, просветитель задавался целью предоставить воспитанникам самое широкое образование, которое включало бы в себя реальные практические знания, а также подготавливало молодых людей к общественной и научной деятельности. Этой же цели служили рекомендации просветителя в отношении того, какие книги следует читать молодым людям.

Поскольку главное предназначение джентльмена Локк усматривал в его «служении обществу», то потому считал, что юноша обязан изучать «нравственные и политические» вопросы. Для этой цели джентльмен должен изучать мораль, штудировав различные книги древних и современных философов, а также Новый завет, содержащий сведения об «истинной морали». Чтобы подготовиться должным образом к политической карьере, надо помнить, что «политика состоит из двух весьма различных частей: первая касается возникновения общества, происхождения и пределов политической власти, вторая — искусства управления людьми в обществе»¹. Знания об этих предметах можно почерпнуть из исторических книг. Особенно полезны джентльмену книги по отечественной истории, считал Локк. Кроме того, он советовал читать произведения «юристов прошлого». Обращает на себя внимание тот факт, что среди перечисленных авторов книг, рекомендуемых к чтению просветителем, наряду с именами таких мыслителей, как Ливий, Туллий, Гукер, Пуфендорф, Локк называл своих современников, в том числе тех, кто прославился республиканскими взглядами (О. Сидней, Дж. Тиррел).

Большое значение в подготовке молодых людей к политической деятельности просветитель придавал тому, чтобы прежде всего научить их «управлять собой». Для этого необходимо знание людей и умение разбираться в их характерах, привычках, поведении, что, бесспорно, приходит со временем, по мере приобретения житейского опыта. Вместе с тем, большую пользу в этом могут сыграть книги, «помогающие проникнуть в человеческую природу». К таковым Локк причислял книги «о страстях и о том, что вызывает их» (произведе-

¹ Локк Д. Мысли о том, что читать и изучать джентльмену // Локк Д. Соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 611.

ния Аристотеля, Горация), сатирические произведения, поэзию и художественную прозу. Примечательно, что в список рекомендуемой литературы, необходимой джентльмену «для познания человеческой природы», просветитель включал наряду с произведениями, обличающими пороки людей, также книги, чтение которых доставляло положительные эмоции, «развлечение и удовольствие». К последним Локк, к примеру, причислял «Дон-Кихота» Сервантеса. Наконец, завершало список рекомендуемой для чтения литературы перечисление различных словарей, сведения из которых, как считал просветитель, всегда могли пригодиться в практической деятельности молодого джентльмена, какую бы ее сферу он для себя ни избрал.

Как видно, в программе подготовки молодых людей к будущей трудовой деятельности просветитель большое внимание уделял практическим навыкам и тем знаниям, которые могут оказать им реальную помощь в конкретных делах. Образовательная программа, представленная Локком, отличалась прагматическим характером. Главной целью обучения молодежи просветитель считал не столько обучение ее «всему познаваемому», сколько стремление разбудить в молодых людях любовь и уважение к знаниям, поставив их «на верный путь к приобретению знаний и самосовершенствованию»¹.

Большое значение в образовательном процессе Локк придавал развитию в детях так называемых «внешних талантов». Он считал необходимым обучать детей танцам, музыке, верховой езде и фехтованию, живописи. Особую ценность в программе Локка представляли, на наш взгляд, его предложения об обучении детей каким-либо ремеслам. Готовя юношей к будущей государственной, общественно-политической или коммерческой деятельности, Локк считал, что для тех, кто ведет «сидячую или кабинетную жизнь», необходимо такое упражнение, «которое в одно и то же время давало бы развлечение их душам и занятие их телу»². К подобному виду «упражнений» просветитель относил садоводство или сельское хозяйство вообще, считая это наиболее пригодным для сельского джентльмена, а также различные работы по дереву (плотничество, столярные и токарные работы). Допуская, что родителей-аристократов могут привести в шок одни лишь слова «ремесло» и «ручной труд», если их применить в отношении к их чадам, Локк предлагал им обучать своих детей столь необходимому для всех видов деятельности занятию, как счетоводство. Как видно, просветитель придавал большое значение в деле формирования гармонично развитой личности сочетанию умственного и физического труда.

¹ Там же. С. 613–614.

² Локк Д. Мысли о воспитании. С. 245.

Завершаться процесс образования должен в заграничных путешествиях. Локк считал, что во время таких путешествий юноша сможет не только ознакомиться с достопримечательностями той или иной страны, усовершенствовать свои познания в языках, но и сравнить законы и обычаи этих стран с теми, которые существуют у него на родине. А это, в свою очередь, позволит ему выявить как «естественные и моральные преимущества», так и «изъяны» в государственном устройстве Англии, а также предоставит возможность обменяться с иностранцами мнением, извлекая из подобных бесед полезные сведения.

Предложенная Локком образовательная программа предусматривала по преимуществу индивидуальный процесс обучения. Просветитель отдавал явное предпочтение домашним воспитанию и образованию перед школьным. Главной фигурой в воспитательно-образовательном процессе, по мнению Локка, становился не школьный учитель, а гувернер. Естественно, содержать воспитателя для своих детей могли только состоятельные люди, представители имущих слоев Англии. И потому вся образовательная программа Локка отличалась ярко выраженной классовой направленностью. Просветитель являлся сторонником строгой иерархии в отношении к тем, кому предоставлялось образование. «Я думаю, — писал он в своем трактате о воспитании, — что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны получать различное воспитание»¹. Что же касается детей из неимущих слоев населения, то их просветитель попросту исключал из своей программы. Впрочем, подобной социальной ограниченностью отличались образовательные проекты всех просветителей, в чем мы сможем в дальнейшем убедиться.

Проект военных академий Даниеля Дефо

В работе Дефо «Очерк о проектах» бесспорный интерес представляет раздел, посвященный образованию подрастающего поколения. Хотя сам Дефо изучением состояния современной ему педагогической науки специально не занимался и был далек от педагогики (разве что занимался воспитанием собственных детей), тем не менее, как просветитель и выразитель интересов прогрессивного класса буржуазии он хорошо осознавал значение образования для развития общества. Не являясь профессионалом в деле воспитания и образования, Дефо сумел в то же время предложить свой оригинальный проект, предусматривавший создание военных академий для юношей и образовательных заведений для девушек.

---

¹ Там же. С. 253.

Необходимость открытия военных академий, на взгляд Дефо, диктовалась теми соображениями, что большинство высших должностей в английской армии и военном министерстве занимали лица иностранного происхождения, а англичане в военном деле чаще всего выступали как «профаны». Дефо сравнивал современную армию с той, которая была создана во время гражданской войны Оливером Кромвелем, и приходил к заключению о преимуществах революционной армии. Он отмечал высокий боевой дух революционных солдат, их решительность в стремлении во чтобы то ни стало одержать победу над неприятелем. Просветитель сетовал: в современной армии царят пассивность, инертность, безынициативность командного состава. Нередко английская армия, сойдясь с неприятелем, может просто-ять длительное время, наблюдая за ним, а затем, не вступая в бой, отправиться на зимние квартиры. По-видимому, сетовал Дефо, англичане, как и их противники, придерживаются правила: «Никогда не сражаться без видимых преимуществ и всегда располагаться лагерем, когда не видишь этих преимуществ». Разумеется, если главнокомандующий будет следовать подобному правилу, то его армия никогда не одержит победы. Между тем, считал Дефо, армия должна быть готова к военным действиям уже в мирное время, для чего необходимо обучение матросов и солдат, но прежде всего ее командного состава. Для этой цели просветитель предлагал открыть королевскую военную академию, которая бы содержалась за счет государственного и королевского бюджета. Обширен список наук и тех дисциплин, которым, по замыслу Дефо, надлежит обучать слушателей военной академии: геометрия, астрономия, история, навигационное дело, тригонометрия, фортификационное дело, пиротехника, измерительные приборы и т. д. Кроме того, всех воинов следует хорошо подготовить физически, научить плавать, скакать верхом, маршировать, пользоваться всеми видами оружия. При такой подготовке армия, уверял Дефо, принесет больше пользы своему отечеству, и королю не придется прибегать к найму иностранцев на военную службу. К тому же, откроется возможность подготовки настоящих полководцев, мастеров в военном деле¹.

Чем же объяснялся столь пристальный интерес Дефо к вопросу об устройстве военной академии? Патриотическими чувствами, желанием видеть армию своей страны сильной и непобедимой? Возможно, что и это стало побудительными мотивами при создании подобного проекта. Однако не исключено, что рассматривая вопрос об улучшении армии и флота, Дефо опять-таки преследовал прежде всего интересы класса, к которому принадлежал. Ведь хорошо известно, что

¹ An Essay upon Projects by Daniel Defoe, L., 1887. P. 151–152.

купечество в большей степени, чем кто-либо, было заинтересовано в расширении рынков сбыта и потому всегда поддерживало завоевательные войны и одобряло колониальную политику правительства, в результате которых открывались новые возможности для обогащения коммерсантов. Армия в этой политике играла главенствующую роль, и потому закономерен тот интерес, который к ней проявлял Дефо.

Английские просветители о женском воспитании и образовании

Просветители Англии большое внимание уделяли проблеме воспитания и образования не только юношей, но и девушек. Именно им суждено было стать пионерами в деле пропаганды идей, послуживших идеологической основой феминистского движения. На страницах памфлетов и журналов просветители нередко рассуждали о роли и месте женщин в обществе. Хотя среди их работ отсутствуют произведения, в которых детально бы рассматривалась проблема женского образования, и имеется единственная книга, посвященная нравственному воспитанию юных дам — «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» маркиза Галифакса, тем не менее, женская тематика интересовала философов Джона Локка и Джона Толанда, писателей Даниеля Дефо и Джонатана Свифта, журналистов Ричарда Стиля и Джозефа Аддисона.

Отношение просветителей к «прекрасной половине» человечества было неоднозначным. К примеру, Дефо высоко ценил природные качества женщин. Он подчеркивал, что «всемогущий Бог сотворил их такими нежными и прекрасными, наделил их столь восхитительным для мужчин очарованием, одарил их душами, способными к тем же совершенствам, что и у мужчин и все лишь для того, чтобы те обратили их в экономок, поварих и рабынь»¹. Хотя Дефо по заслугам оценивал природные достоинства и способности женщин, в то же время он указывал на их подчиненное место в обществе. Журналист Р. Стиль также отдавал должное талантам и способностям женщин, с восхищением отзывался об их уме, доброте, красоте, нежности. Джонатан Свифт преклонялся перед умом, благородством, скромностью, деликатностью, благоразумием, тактом и независимостью суждений, которыми отличались женщины. Несколько иначе относился к женщинам журналист Джозеф Аддисон. Он высказывался о женщинах с долей скептицизма и иронии. Аддисон видел в женщинах «безвредных, не очень умных, забавных и прекрасных созданий» и считал, что их главное предназначение — «оставаться всего лишь приятной забавой

¹ An Essay upon Projects by Daniel Defoe. L., 1887. P. 175.

для мужчин»¹. Аддисон высмеивал пустое времяпрепровождение отдельных представительниц прекрасного пола, обращая внимание на то, что у женщины из средних слоев нет никаких серьезных занятий в жизни. «Ее главная сфера деятельности — это туалет, а первейшей важности занятие держать волосы в порядке, — писал Аддисон в журнале «Спектейтор». — Разобрать ленты считается прекрасной работой для утра, а если она еще сходит в лавку, то устанет настолько, что ни к чему не будет способна на другой день. Более серьезное занятие для нее — шитье и вышивание, а самая трудная работа — приготовление желе и варенья»².

Пытаясь выяснить, в чем причина столь неоднозначного отношения к женщинам, мы обратились к биографиям просветителей. Оказалось, что Дефо, столь восторженно отзывавшийся о дамах, счастливо прожил со своей женой 45 лет, имел от нее шестерых детей. Счастлив в браке был и Свифт. Свифт, хотя и не обзавелся семьей, однако был влюблен в своих воспитанниц — Эстер Джонсон, которую он ласково называл Стеллой — «звездочкой», и Эстер Ваномри, которую окрестил «Ванессой». В одном из писем к Ванессе Свифт откровенно признавался ей в своей любви: «Позвольте вас уверить, что никогда и никого в мире ваш друг (Свифт. — *Т. Л.*) так не любил, не почитал, не ценил и ни перед кем так не преклонялся, как перед Вами». Чувства Свифта не остались безответными. Сохранившиеся письма обеих воспитанниц к учителю и другу свидетельствовали о той сильной любви, которую каждая из них к нему испытывала. Ванесса в письме к Свифту писала: «Знайте, ни время, ни случайность не в силах уменьшить невыразимую страсть, которую я питаю... Любовь к Вам заключена не только в моей душе: во всем моем теле нет такой мельчайшей частицы, которая не была бы ею проникнута. Не обольщайтесь поэтому надеждой, что разлука изменит со временем мои чувства: даже безмолвствуя, я не нахожу себе покоя, и мое сердце одновременно наполнено печали и любви»³. Любимый и любящий Свифт тем не менее навсегда остался холостяком. И этот факт в жизни Свифта до сих пор порождает различные домыслы у исследователей его биографии и творчества.

Личная жизнь Аддисона также не сложилась. На протяжении восьми лет он ухаживал за светской красавицей графиней Шарлоттой Уорвик, дамой властной и высокомерной. Надежды влюбленного

¹ *Thackeray W. H. On Addison and Steele // Addison and Steele. The Critical Heritage. L., 1980. P. 447.*

² *Addison and Steele. Selections from «The Tatler» and «The Spectator». New York, 1957. P. 73.*

³ *Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 454, 456.*

попеременно сменялись отчаяньем. Наконец, когда Аддисон разбогател и приобрел поместье в Уорвикшире, графиня дала свое согласие на брак. Однако совместная жизнь с ней не принесла счастья журналисту. Аддисон признавался друзьям, что порой готов бежать из постылого дома, куда глаза глядят. Как видно, отношение просветителей к женщинам отчасти складывалось под влиянием их личной и семейной жизни.

Подобно большинству мужчин, просветители видели основное предназначение женщины в том, чтобы она оставалась добродетельной супругой и матерью. Вместе с тем они полагали, что решающую роль при заключении брака играет такое чувство, как любовь. Показательны в этом отношении высказывания Дефо. К вопросам семьи и брака просветитель обращался неоднократно. В одной из своих поэм «Добрый совет леди» (1702 г.) он критиковал мужчин за то, что они плохо обращаются со своими женами, допускают рукоприкладство, а сами пьянствуют и проводят время в компании легкомысленных женщин. Дефо не осуждал женщин за их слабости, но порицал общество, в котором господствовали мужчины, за подобное отношение к дамам.

В начале XVIII в. Дефо написал ряд статей по проблемам семейной жизни для своего журнала «Ревю». Кроме того, он издал три книги: «Семейное руководство» (1715 г.) «Религиозное ухаживание» (1722 г.), «Супружеская похотливость» (1727 г.), в которых обсуждал различные вопросы, связанные с браком. Дефо считал, что для заключения брака необходима любовь и что чувство важнее денег. Женщина должна делать свой выбор исключительно по любви, утверждал просветитель. На его взгляд, препятствием для брачных союзов могут стать различия в конфессиональной принадлежности, большая разница в возрасте, а также несоответствие положения и темперамента вступающих в брак партнеров. Дефо осуждал молодых женщин, которые, овдовев, выходили замуж за молодых людей в надежде, что те станут им опорой в хозяйственной или торговой деятельности. По его мнению, женщина, которая уже не может принести потомства, вообще не должна выходить замуж, поскольку главная цель брака — рождение и воспитание детей. Пожилые мужчины, женившиеся на юных девушках, по этой же причине просветителем не осуждались.

Дефо категорически противился оказанию давления на девушек со стороны родителей, которые настаивали на их замужестве с теми женихами, которых они сами для них выбрали. «Если ваша дочь желает выйти замуж за человека, который вам не нравится, — писал Дефо в книге «Религиозное ухаживание», — я полагаю, что вы имеете законное право предостеречь ее от этого шага и не допустить или даже

расстроить подобный брак. Но если ваша дочь не желает выходить замуж за того, кто симпатичен только вам, я не думаю, чтобы вы имели такое же право командовать и распоряжаться ее судьбой»¹.

Дефо рассматривал брак как союз двух равных партнеров. На его взгляд, любви не свойственны «высший и низший, господин и слуга». Цель обоих супругов заключается в сохранении семьи, хорошем управлении домом, воспитании и образовании детей. Дефо неоднократно повторял, что обязанности, ответственность и права супругов должны быть одинаковыми. Он настаивал также на необходимости сохранения взаимного уважения и терпимости супругов в отношении друг к другу. Осуждал тех мужей, которые бранили своих жен за мотовство, и советовал им лучше заботиться о материальном достатке семьи. Просветитель даже высказывал недоумение, зачем женщины вообще выходят замуж, если только не ради рождения детей. Ведь им приходится «подчиняться тирану и жестокому человеку, более того, рисковать своим материальным благополучием, если он — разорившийся купец, страдать от его непостоянства и пороков». Дефо поражался тому, что девушка вручает свою свободу мужчине, которого называет «господином», обещая хранить его честь и подчиняться. На взгляд Дефо, это означало «отдать себя ни за что», распрощаться с мечтой о свободе и всеми прелестями юности².

В ряде своих работ, в том числе художественных произведениях «Молль Фландерс» и «Роксана» Дефо поднимал вопрос об экономическом положении женщины в семье и обществе. Он призывал женщин вести более активный образ жизни, участвовать во всех хозяйственных делах, а также профессиональной (к примеру, торговой) деятельности мужа. Жене следует овладеть необходимыми познаниями в том, как вести хозяйство и как управляться в лавке в отсутствие мужа. Женщина должна стремиться к экономической независимости, если желает справиться с негативными сторонами брака, считал просветитель. Он был также убежден в том, что женщина может и должна избавиться как от экономической, так и сексуальной зависимости от мужчины³. Дефо выступал против контрацептивов и абортов, расценивая последние как детоубийство. Он считал, что мужчина, не желающий иметь детей, вообще не должен жениться. Просветитель осуждал мужчин, которые расценивали брак лишь как средство достижения своего сексуального удовлетворения. Подобные высказывания Дефо в защиту женского пола послужили основанием

¹ Цит. по: Earle P. The World of Defoe. L., 1976. P. 246.

² Цит. по: Rogers K. M. Feminism in Eighteenth-Century England. L., 1982. P. 64–65.

³ Ibid. P. 66, 70.

для ряда ученых (Г. Ледук, Г. Смит) расценить их как феминистские¹. Особенно наглядно феминистские симпатии Дефо отразились в его рассуждениях о женском образовании, о чем пойдет речь ниже.

Рассмотрим далее отношение идеологов просветительского движения к гражданским правам и общественной деятельности представительниц прекрасного пола. Как выясняется, просветители не признавали равенства полов. Маркиз Галифакс в своей книге «Новогодний подарок для леди...» подчеркивал, что не следует забывать о «неравенстве полов и о том, что для лучшего устройства мира мужчины, которым предначертано быть во всем законодателями, наделяются большим разумом, нежели женщины»². Свифт считал, что ум является только привилегией мужчин. Признавая неравенство полов, просветители тем самым отказывали женщинам в гражданских правах и прежде всего, в избирательном праве. Лишение женщин избирательных прав считалось в те времена настолько естественным для общества, в котором правом голоса обладали далеко не все мужчины, а лишь самые состоятельные из них, что практически никто из просветителей данное положение и не оспаривал.

Просветители по-разному относились и к праву женщин на участие в политической и общественной жизни. Известный философ Джон Толанд считал, что «органы мышления у обоих полов» одинаковы и потому женщины, равно как и мужчины, приспособлены ко всем житейским делам. И они также способны совершенствоваться во всех сферах жизни, если им предоставят для этого равные с мужчинами права на образование, путешествия, общение с людьми и общественную деятельность³.

Поскольку в эпоху раннего Просвещения в Англии заметно активизировалась деятельность партий тори и вигов, просветители подметили, что это явление не прошло незамеченным для женщин, и они также оказались вовлеченными в процесс противоборства политических партий. Так, Свифт обращал внимание на то, что дамы проявляли необычный интерес к событиям политической жизни страны. Он считал своих приятельниц леди Люси и миссис Армстронг «ярыми вигами», а Ванессу называл «хорошим политиком». И вряд

¹ *Leduc G. Mary Astell et Daniel Defoe, Auteurs de Projects Feministes pour L'Education? // L'Education des Femmes en Europe et en Amerique du Nord de la Renaissance a 1848. Paris, 1997. P. 151; Smith H. Reason's Disciples Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982. P. 193.*

² *The Lady's New-Year's-Gift, or Advice to a Daughter // The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford, 1912.*

³ *Толанд Дж. Письма к Серене // Английские материалисты XVIII в. М., 1967. Т. 1. С. 57.*

ли подобные характеристики просветителя грешили против истины. Ведь, судя по письму Ванессы от 23 июня 1713 г., содержащем описание событий в Лондоне, во время которых решалась судьба одного из парламентских биллей, действительно, складывалось впечатление о том, что некоторые женщины в правление королевы Анны интересовались политикой не менее активно, чем мужчины. В своем письме к Свифту, Ванесса писала: «Как жаль, что Вас не было здесь в прошлый четверг: я убеждена, что Вам удалось бы предотвратить неудачу с биллями... Боже мой! Сколь бесконечно мы отличаемся от древних, жертвовавших некогда всем ради общего блага! А ныне наши величайшие мужи в любую минуту предадут свою родину, если только задето их тщеславие, и притом из-за какой-нибудь безделицы. Невозможно описать ликование, охватившее вигов, и, боюсь, что выборы еще более укрепят их»¹.

Интерес женщин к политике вообще и к партийной борьбе, в частности, подвергся критике со стороны Аддисона. Он отмечал, что в период политических кризисов партийная борьба вызывала «сильнейшее брожение» в умах слабого пола. «Во всем городе едва ли найдется особа, которая не почитала бы себя способной судить о сложнейших спорах, церковных и государственных, — свидетельствовал журналист в одном из номеров журнала «Фригольдер». — Торговки устрицами убеждены в незаконности наших епископов, служанки же утверждают незыблемость их прав»². Просветитель считал, что «партийное рвение» дам только «разжигает ненависть и партийные распри среди мужчин и в значительной степени лишает женщин того природного очарования, которым они наделены от рождения»³. В одном из номеров журнала «Спектейтор» Аддисон с иронией изобразил вымышленную сценку посещения театра, где обратил внимание на две группы женщин, разместившихся в ложах с противоположных сторон и готовых, казалось, к сражению друг с другом. Он заметил, что украшавшие лица женщин мушки были прикреплены по-разному: у одних на правой стороне лица, у других — на левой. Обращало на себя внимание и то, что дамы обменивались друг с другом «крайне враждебными взглядами». В средних же ложах было немало леди, у которых мушки были наклеены с обеих сторон лица, и на первый взгляд казалось, что эти дамы пришли в театр с единственной целью:

¹ Свифт Дж. Указ. соч. С. 95, 433–434.

² Аддисон Дж. Эссе из журнала «Фригольдер» // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века (далее — Англия в памфлете). М., 1987. С. 92–93.

³ Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1984. P. 258.

слушать оперу. Между тем, стороннему наблюдателю становилось понятным, что сидевшие посредине дамы хранили нейтралитет. Однако с каждым днем число последних заметно сокращалось, что можно было определить по тому, как их мушки перемещались на «торийскую», или «вигскую» сторону, в зависимости оттого, к какой из партий они присоединялись. Злые языки утверждали, что в этих «перемещениях» большую роль играли мужчины, расположения которых добивались дамы, и что мушки прикреплялись справа или слева в соответствии с принципами того джентльмена, к которому благоволили эти леди. И лишь немногие из них поступали исходя из собственных принципов или в интересах отечества, заключал Аддисон¹. Просветитель осуждал подобную «партийную» активность женщин, полагая, что дамы должны скорее способствовать объединению, нежели раздорам партий.

Хотя просветители и не признавали равенства полов, отстаивая верховенство мужчин в обществе, но именно они первыми заговорили о предоставлении женщинам права на образование. Ранние просветители не только выступали в защиту женского образования, но нередко предлагали проекты его реформирования.

Советы Джона Локка «маленькой госпоже»

Книга Локка «Мысли о воспитании», как отмечалось выше, посвящалась главным образом тем родителям, которые растили сыновей, и в ней отсутствуют какие-либо особые рекомендации в отношении представительниц «прекрасного» пола. Впрочем, анализ дидактического произведения философа убеждает в том, что многие его советы вполне пригодны и для воспитания юных леди. Да, и сам Локк отмечал, что его педагогические советы, за малым исключением, годятся для девочек. «Я считаю, — писал философ, — что различий в умственных способностях между полами не существует, и потому не вижу смысла что-то менять в своих инструкциях»².

Первоначально теория Локка об образовании была представлена в серии его писем к молодому другу Эдварду Кларку, в которых Локк давал советы по поводу воспитания и образования его сына. В семье Кларка росла еще и маленькая дочь Элизабет. К тому времени, когда Локк начал переписку с Эдвардом, ей исполнился всего один год. Во время своих визитов к другу Локк навещал прелестную Элизабет, к которой вскоре очень привязался. Иногда в шутку он величал ее своей «маленькой госпожой» или «маленькой возлюбленной». Разница в возрасте между «возлюбленными» составляла полвека.

¹ Ibid. P. 256–258.

² The Correspondence of John Locke. Oxford, 1976. Vol. 2. P. 686.

Продолжая переписываться с Эдвардом и его супругой Мэри Кларк, Локк постепенно начал давать советы уже не только для их сына, но и для Элизабет. Касаясь вопроса об образовании «маленькой госпожи», Локк предлагал обучать девочку, прежде всего чтению. Он советовал отцу обратить учение в игру и ни в коем случае не торопиться, но продвигаться вперед только по мере достижения определенных результатов. На взгляд философа, необходимо развивать ум ребенка, давая простые, доступные и исчерпывающие ответы на вопросы, которые он задает. Обучаться чтению лучше всего по книгам с незатейливым сюжетом, а не по Священному Писанию. Локк сомневался в том, что ребенок получит удовольствие от чтения книги, «в которой ничего не понимает».

После того, как девочка научится бегло читать и освоит родной язык, следует обучить ее латыни. Изучать латынь надлежит со всем старанием, «чтобы не испытывать никаких затруднений в правилах и грамматике языка». Попутно ребенка можно просвещать в различных областях знаний, знакомить с такими предметами, как география, астрономия, анатомия, история. Более всего Локк желал, чтобы полученные знания принесли пользу детям в их дальнейшей жизни.

Локк считал, что юной даме полезно заняться танцами. На его взгляд, танцы просто необходимы для девочек. Обучать танцам следует с раннего возраста, под руководством хороших учителей. Танцы позволяют улучшить осанку, обучат хорошим манерам. «Если же девочки от природы застенчивы, то лучше обучать их на публике, в танцевальных залах, — советовал Локк. — Там никто не обратит внимания на их застенчивость».

Всем детям Локк настоятельно рекомендовал соблюдать правила личной гигиены, заниматься физическими упражнениями, а также чаще бывать на свежем воздухе, больше двигаться, ходить пешком на дальние расстояния. Матери своей «маленькой госпожи» он советовал мыть девочке ноги холодной водой перед сном и держать их влажными в течение дня. «Если бы у меня была дочь, то я приказал бы наливать в ее башмаки воду прежде, чем она их наденет», — утверждал Локк. Подобное средство, на взгляд философа, весьма эффективно для закаливания нежных созданий. Однако приступать к таким процедурам ученый советовал лишь в теплые дни мая.

Локк не делал каких-либо различий в воспитании мальчиков и девочек. Он считал, что еда, питье, жилье и одежда у всех учеников должны быть одинаковыми. На его взгляд, любой мужчина желал бы иметь здоровую жену, поэтому девочек надо готовить не только к приему обычной пищи, но и к непогоде, ветру и солнцу, чтобы они не росли «слабыми, хныкающими, болезненными созданиями, боящимися сквозняков». Небольшое исключение для девочек, кото-

рое допускал Локк, касалось их пребывания на свежем воздухе. Он считал, что в жаркую погоду их лучше держать в тени, или дома, но не на солнцепеке, чтобы не навредить здоровью и красоте будущих женщин. Кроме того, Локк предостерегал отцов от рукоприкладства и грубой брани по отношению к дочерям и вообще считал, что воспитанием девочек должна заниматься по преимуществу их мать¹. Более конкретных рекомендаций в отношении воспитания девочек философ не давал, поскольку не сомневался в том, что многие из предложенных им советов в «Мыслях о воспитании» окажутся полезными для родителей детей обоих полов.

Локк приобрел известность не только как ученый, философ, но и как один из реформаторов образования. Хотя главное внимание он уделял воспитанию и образованию детей средних и высших классов, тем не менее, нередко высказывал предложения по поводу обучения мальчиков и девочек из неимущих слоев. Затрагивая проблему реформирования системы вспомоществования бедным, Локк вносил предложения о создании в каждом приходе «рабочих школ». В этих заведениях могли обучаться дети обоих полов, от трех до четырнадцати лет. Причем каждый ученик был обязан сам себя прокормить, проживая в школе, для чего должен был выполнять посильный труд для нужд прихода. На взгляд Локка, такие школы удобно использовать для прядения, вязания или иных работ, связанных с производством шерстяных мануфактур. Естественно, что все эти работы ложились на плечи учениц. Мальчиков из школ предпочтут брать в обучение ремесленники и фермеры. Целесообразность устройства подобных школ Локк объяснял также тем, что в них дети могли по воскресным дням посещать церковь, что «весьма благоприятно сказалось бы на их поведении». Кроме того, в церкви и мальчики, и девочки получили бы начальное образование. Немаловажным фактором в поддержку проекта рабочих школ, на взгляд автора, являлось то, что они должны были содержаться за счет труда самих воспитанников и практически «почти ничего не стоили приходу».

Следует признать, что проекты реформ, предложенные Локком, далеко не всегда отличались гуманным характером, когда речь шла о простолюдинах. К примеру, для «исправления» бродяг женского пола Локк находил вполне допустимым, чтобы четырнадцатилетних девушек, обвиненных в бродяжничестве, доставляли в места их прежнего проживания, а при повторном бегстве помещали в «исправительные» дома, где в течение трех лет использовали на самой тяжелой работе. Как видно, подобные рекомендации философа заметно отличались от тех, которые он давал «маленькой госпоже».

¹ Ibid. P. 687–688.

«Болтун» и «Зритель» беседуют с дамами

В конце XVII века в Англии появились первые журналы, адресованные женской аудитории. Первый из них — «Афинский Меркурий» начал выходить в 1690 г. Его издатель Джон Дантон признавал, что вопросы, которые ему задают женщины, «злободневны и многочисленны», и он брался на них ответить, так как считал, что женщины занимают очень важное место в обществе. «Афинский Меркурий», в котором, к слову сказать, сотрудничал и Дефо, сделал немало для пропаганды идеи развития интеллекта женщины. В то же время авторы журнала придерживались твердых убеждений в том, что в доме, церкви и государстве в целом главенствующая роль должна принадлежать мужчинам.

В начале XVIII века в Англии начал выходить журнал «Дневник леди». Его издатель Джон Триппер отнюдь не являлся поклонником женской образованности. Его интересовала коммерческая сторона дела, и потому в своем альманахе, помимо информации, которая могла заинтересовать женщин, Джон помещал еще различные математические задачи и шарады, в разгадывании которых преуспевала мужская аудитория. В результате «Дневник леди» заметно увеличил свой тираж, приобрел новых поклонников, а в 1711 г. из ежегодника преобразовался в ежемесячное издание. Так предприимчивый делец, извлекая прибыль за счет увеличения читательской аудитории, развивал своими задачами и шарадами умственные способности не только мужчин, но и женщин.

Другим известным женским изданием начала XVIII века являлась «Дамская библиотека», которую выпускал Р. Стил. В нем приводились названия рекомендуемых для женского чтения книг. В эти же годы стал выходить также журнал «Болтуня», автором которого был известный философ Бернард Мандевиль. Однако самыми популярными в стране сделались журналы «Тэтлер» («Болтун») и «Спектейтор» («Зритель»), которые совместно издавали Стил и Аддисон. Влияние этих журналов в деле формирования общественной морали было столь велико, что позволило профессору Калифорнийского университета М. Новаку сравнить его с влиянием разве что Библии. Почему женская аудитория более всего внимала советам и наставлениям журналистов? Ответить на эти вопросы позволят материалы журналов.

Журналисты активно выступали в поддержку женского образования. «Всеобщая наша ошибка в воспитании детей, — писал Р. Стил в «Спектейторе», — заключается в том, что относительно дочерей мы заботимся об их наружности и пренебрегаем их умом, относительно же сыновей мы с таким упорством стараемся украсить их ум, что со-

вершенно пренебрегаем их телом»¹. Стиль настоятельно рекомендовал мужчинам позаботиться о развитии умственных способностей дочерей и жен. «Плохо, если в семье жена лучше образована, нежели муж, но это лучше, чем если оба супруга необразованны», — писал Стиль в журнале «Гардиан». Он считал, что образование для женщины даже более важно, чем для мужчины, поскольку у нее больше свободного времени и ее деятельность ограничена лишь домашними делами. Кроме того, мужья стыдятся своих необразованных жен, когда бывают с ними в обществе. Стиль настоятельно рекомендовал заниматься образованием женщин, тем более, что «их умственные способности такие же, как и у мужчин, а значит, их можно совершенствовать тем же путем»².

Джозеф Аддисон также считал, что представительницы прекрасного пола должны уделять внимание не только нарядам и развлечениям, но и чтению различных книг. Хотя Аддисон был более скромного мнения об умственных способностях женщин, чем, скажем, Дефо, но и он был вынужден признать, что в женской среде встречается немало таких дам, которые «ведут более возвышенный образ жизни и способны на более серьезные разговоры, которые вращаются в высоких сферах знания и добродетели, которые соединяют все красоты ума с красотой платья и возбуждают своего рода благоговение и уважение, а также любовь в мужчинах, с ними общающихся»³.

К существующей в стране системе образования Аддисон и Стиль относились весьма критически. В 157 номере «Спектейтора» Стиль указывал на недостатки школьного образования. Одной из причин подобного положения дел он считал слабую профессиональную подготовку учителей. «Должен сознаться, — писал журналист, — что очень часто с великой скорбью оплакивал несчастье английских детей, взирая на невежество и непрозорливость большинства наших учителей. Хваленая свобода, о которой мы толкуем, есть лишь жалкая награда за долгое рабство, за многие сердечные муки и ужасы, которым подвержено наше детство во время прохождения классической школы. Многие из этих глупых тиранов отдаются жестокости, не обращая никакого внимания на способности детей или на планы родителей относительно их»⁴. Особенно возмущался Стиль сохранившейся в мужских школах практикой телесных наказаний.

¹ Цит. по: Лазурский В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Одесса, 1916. Т. 2. С. 32.

² The Guardian. 1713 N 155 // Hill B. Eighteenth-Century Women: An Anthology. L., 1984. P. 52.

³ Из истории английской эстетической мысли XVIII века (Поп, Аддисон, Джерард, Рид). М., 1982. С. 68.

⁴ Цит. по: Лазурский В. Указ. соч. С. 32.

Не лучшим образом, на взгляд Стиля, поступали и некоторые родители, уделявшие при воспитании дочерей больше внимания их наружности, нежели умственным способностям. «Взяв девочку от няньки, передавали ее в руки учителя танцев. Милое, но еще дикое существо обучали, как держать голову, выпячивать грудь, двигаться всем телом, и все это под страхом, что у нее никогда не будет мужа, если она будет ступать, смотреть или двигаться неуклюже»¹. Между тем, Стель отнюдь не выступал против обучения девочек танцам. В одном из номеров «Спектейтора» он поместил письмо одного отца, рассказавшего о чудесном перерождении своей дочери. Девочка имела мальчишеские замашки, от которых избавилась только благодаря тому, что в пансионе обучилась многим танцам. Не оставил без внимания Стель и самого учителя танцев, изобразив с долей юмора его портрет на страницах журнала «Тэтлер». Бикерстафф (вымышленный герой, от лица которого велось повествование. — *Т. Л.*) рассказывал, как у них в доме поселился «довольно молодой человек приятной наружности, которого он с квартирной хозяйкой приняли, было, за сумасшедшего. В своей комнате, глядя внимательно в какую-то книгу, новый жилец прыгал почти до потолка то на одной, то на другой ноге, делая ногами трель; низко приседал и поворачивался на цыпочках, летал вокруг комнаты. Оказалось, что это профессиональный учитель танцев»².

Надо сказать, что в своих беседах с читательницами журналисты использовали сатирические приемы довольно часто, и особенно в том преуспел Аддисон. Он не только обличал «партийные пристрастия» дам, о которых речь шла выше, но и высмеивал также их пустое времяпрепровождение. В одном из номеров «Спектейтора» журналист рассказывал о том, как проводила время молодая незамужняя леди по имени Кларинда, имевшая большое состояние и каждую зиму проживавшая в столице. «Она просыпается в восемь часов, пьет шоколад в постели, потом опять засыпает; около десяти встает, пьет чай и занимается туалетом, иногда по утрам читает «Зрителя» или трагедию Драйдена; потом ездит по лавкам и визитам; обедает между тремя и четырьмя; весь вечер до двенадцати часов ночи проводит за картами. И так изо дня в день с некоторыми вариантами и дополнениями: вышивание, церковь, опера, заботы о собачке, любовные мечты»³.

Журналист высмеивал женские наряды, пристрастие отдельных дам к порокам «сильного пола»: карточной игре, вину, табаку. Смешным и нелепым ему представлялось следование некоторых щеголих

¹ Лазурский В. Указ. соч. Т. 1. Одесса, 1909. С. 292.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 298.

французской моде. «Обитательницы острова нашего уже испытали сильнейшее влияние сей занимательной нации, — писал Аддисон в 45 номере «Спектейтора». — Помню времена, когда особо изысканные дамы, живущие в поместьях, держали не горничную, а лакея, ибо, без сомнения, считали мужчину много более проворным, чем представительниц их пола. Я видел сам, — продолжал журналист, — как один из этих «горничных» порхал по комнате с зеркалом в руке и все утро напролет причесывал свою хозяйку. Не знаю, есть ли правда в сплетнях о том, что некая леди родила от такой «служанки», но полагаю, что теперь эта порода перевелась в нашей стране». Подражая француженкам, англичанки ввели моду принимать гостей в постели. «Даму сочли бы невоспитанной, если бы она отказалась видеть гостя, поскольку еще не встала; швейцару отказали бы от места, если бы он не пустил к ней под столь нелепым предлогом», — свидетельствовал Аддисон. Журналист поведал своим читателям, а скорее читательницам, о визите к одной из таких модниц. «Хотя хозяйка наша стремилась казаться неодетой и неприбранной, она прихорошилась, как только могла к нашему визиту, — повествовал он в «Спектейторе». — Волосы ее пребывали в очаровательном беспорядке, легкий пенъюар с превеликим тщанием небрежно накинут на плечи. Меня же так смущает женская скромность, что я поневоле отводил взгляд, когда хозяйка наша двигалась под одеялом, и впадал в полное смятение, когда она шевелила рукой или ногой». Еще больше Аддисон удивился, когда модница открыла свой очаровательный ротик и принялась рассуждать обо всем на свете. «Чрезвычайно странно смотреть, как это прелестное создание беседует о политике, распустив волосы и прилежно изучая в зеркале лицо, безотказно пленяющее находящихся рядом мужчин, — делился своими впечатлениями журналист. — Как очаровательно чередует она обращения к гостям и к горничной! Как легко переходит от оперы или проповеди к гребенке слоновой кости или подушечке для булавок! Как наслаждался я, когда она прервала рассказ о своем путешествии, чтобы отдать распоряжение лакею, и пресекла чрезвычайно пылкий нравственный спор, дабы лизнуть мушку!»¹.

Не обошел своим вниманием журналист также мелочность интересов знатных дам. «Часто размышлял я о странности женского нрава, столь неустойчивого перед суетным, ложным блеском, и о неисчислимых бедах, проистекающих из сей легкомысленной склонности, — писал он в «Спектейторе». — Помню молодую особу, за которой ухаживали два пылких поклонника, несколько месяцев кряду старавшихся превзойти друг друга изяществом деяний и приятностью беседы. Наконец, когда соперничество зашло в тупик и дама никак

¹ Аддисон Дж. «Зритель» // Англия в памфлете. С. 128–129.

не могла сделать выбор, одному из кавалеров пришла счастливая мысль: он добавил к своему камзолу кружев и через неделю женился на избраннице».

Аддисону представлялись бессмысленными и пустыми разговоры, которые вели дамы света: «Заведите речь о чете молодоженов, и вы тут же узнаете, есть ли у них карета шестерней и серебряный сервиз: упомяните отсутствующую даму, и в девяти случаях из десяти вам сообщат что-нибудь о ее нарядах. Бал дает немалую пищу болтовне, день рождения обеспечивает целый год предметами для толков». Аддисон поражался тому, сколь большое место занимали в умах женщин их наряды, с каким интересом они обсуждали, «было ли отделано такое-то платье драгоценными камнями, такая-то шляпа приколата булавкой с бриллиантом, такой-то жилет или такая-то юбка сшиты из парчи». Журналист недоумевал, почему женщины «подмечают лишь одеяния людей, не удостаивая и мысли ту прелесть ума, которая придает очарование человеку и приносит пользу всем прочим». Аддисон был уверен, что обычаи и нравы высшего света, в котором женщины непрестанно стремятся «поразить воображение друг друга и в голове их одни лишь пестрые наряды», пагубно влияют на молодых девушек. «Девушка, воспитанная среди таких разговоров, беззащитна перед любым расшитым камзолом, встретившимся ей на пути, — писал журналист на страницах «Спектейтора». — Ее может погубить пара перчаток с бахромою. Ленты и кружева, золотой и серебряный галун и прочая мишура влекут и пленяют женщин, некрепких разумом или не получивших должного воспитания, и при умелости способны сразить самую надменную, своенравную ветреницу»¹.

Надо признать, что в своих журналах Стил и Аддисон высмеивали далеко не вымышленные пороки отдельных представительниц прекрасного пола. Дело в том, что на рубеже XVII–XVIII веков в Англии сложился новый тип женщины. Это были жены и дочери преуспевающих дельцов из средних классов. Их число увеличивалось как в Лондоне, так и по стране в целом. Как правило, такие женщины ничего не делали даже по дому, а отцы и мужья не принуждали их к какой-либо работе. И естественно, что спутниками пустого времяпрепровождения подобных дам становились адюльтер, алкоголь, злословие. Бесконечные визиты друг к другу, ставшие модными чаепития, во время которых обсуждались сплетни, маскарады и ассамблеи, позднее пробуждение ото сна и беготня по лавкам и магазинам, карточная игра — все это было присуще «новым» англичанкам.

Ричард Стил обращал внимание на изменения, происшедшие в образе жизни англичанок. В прежние времена они занимались по

¹ Там же. С. 115.

большей части рукоделием, слушали, как читают другие, или читали в будуаре сами. Современные леди предпочитали наносить визиты друг другу, они объединялись в кружки и группы, где «обсуждали до мелочей, все, что им не нравится или тех, чей дом они только что покинули». Разумеется, подобные занятия не требовали усилий ума или усердия, констатировал журналист¹.

Стиль и Аддисон подвергали беспощадной критике все пороки, присущие «новым» англичанкам. Их журналы напоминали собой своеобразное зеркало, в котором английская леди являлась на всеобщее обозрение во всем своем «великолепии». Однако журналисты не ограничивались одной лишь критикой. Стиль и Аддисон стремились в определенной мере через свои статьи руководить воспитанием и образованием юных леди. Поэтому и журналы свои они считали «полезнее всего для прекрасного пола». Журналисты предприняли попытку составить список книг, которые, на их взгляд, были необходимы для женского чтения. Они давали различные советы относительно манер поведения юных дам в обществе, их нарядов, занятий и т. д. Делились своими размышлениями о любви, семейном счастье, супружеской верности.

Рассуждая о браке, Стиль утверждал, что все сложности и трудности жизни супруги должны делить сообща. На его взгляд, хорошее основание для брака — это достойные качества супругов и, прежде всего, их рассудительность и благоразумие. «Тот, кто ожидает счастья от чего угодно, но только не от добродетели, мудрости, доброжелательности, сходства характеров, глубоко заблуждается», — утверждал журналист². Он полагал, что супруги никогда не должны давать выхода гневу в своих взаимоотношениях. Важную роль в создании благоприятного климата в семейной жизни играет женщина. Ее ласковое обращение только добавит ей шарма, считал Стиль. В 144 номере «Спектейтора» он рассказывал о том, какой ему виделась идеальная женщина. «Она должна быть кроткого нрава, нежная и заботливая, во многом отличающаяся от мужа, но подчиняющаяся ему в такой мере, чтобы это подчинение сделало ее еще более любимой», констатировал Стиль³. Просветитель превозносил женственность прекрасного пола. Он даже считал, что слабость, слезы и природный шарм женщины являются единственным ее оружием. И если жена не в состоянии справиться с дурным характером супруга, виной тому недостаток ее женственности. Журналист полагал, что женщинам вообще не следует жаловаться на свою семейную жизнь кому-либо.

¹ Steele R. Periodical Journalism. 1714–1716. Oxford, 1959. P. 193.

² Educating the Audience. Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture. Los Angeles, 1984. P. 59–60.

³ Ibid. P. 62.

В журнале «Тэтлер» Стиль останавливался на вопросе о брачном контракте. Хотя условия подобных контрактов нередко обеспечивали женщине экономическую независимость, журналист осуждал любые формы контракта между супругами. На его взгляд, заключение брачных контрактов превращает «красоту и добродетель в предмет купли-продажи», а это, в свою очередь, может привести к тому, что родители станут искать для своих чад партию, преследуя исключительно корыстные цели¹.

Свои соображения о браке высказал в журнале «Спектейтор» и Аддисон. Он полагал, что наибольшие любовь и постоянство царят в браках, которым предшествует долгое ухаживание, поскольку именно долгий путь надежд и ожиданий укрепляет чувства влюбленных, рождает в их сердцах нежность к любимому человеку. Аддисон считал, что наиболее счастливым бывает брак, в котором сочетается любовь и расчет. Брак по любви приносит наслаждение, а брак по расчету — приятную жизнь, и только брак, в котором сочетается и то, и другое, несет в себе счастье. «Счастливый брак дает все удовольствия, приносимые дружбой, все радости, приносимые разумом и рассудком, словом, все прелести жизни», — констатировал журналист². Он признавал, что причиной несчастных браков чаще всего становится несходство характеров, которое проявляется после заключения брака. Кроме того, людей, обладающих многими добродетелями, необходимыми для счастливой семейной жизни, на свете значительно меньше, нежели тех, кто их лишен. Как правило, писал Аддисон, «на одного человека, обладающего всеми этими совершенствами, мы встречаем сто, которые их не имеют». Однако, даже убедившись в недостатках или отсутствии желаемых черт характера у своего избранника, или избранницы, не спешите расходиться, советовал просветитель. Лучше проявите «рассудительность и доброту», направив их на укрепление семейного очага. Рассудительность «воспрепятствует вашим мыслям обращать слишком много внимания на неприятные черты, а доброта возбудит в вас нежное сочувствие и гуманность, и постепенно самые недостатки приобретут для вас свою прелесть»³.

Руководствуясь намерением просвещать юных дам в области морали, журналисты демонстрировали примеры, на которых те могли бы обучаться, совершенствуясь. Так, Аддисон пытался разъяснить своим читательницам, в чем заключается истинное, а не призрачное счастье женщины. «Истинному счастью любезно уединение, — писал

¹ Ibid. P. 80.

² Цит. по: Хрестоматия по западноевропейской литературе. М., 1938. С. 22–23.

³ Там же. С. 23.

он в «Спектейторе», — ему претят блеск и суета, а порождают его, во-первых, удовлетворенность собою, во-вторых — общество и беседа избранных друзей. Оно любит тень и одиночество, естественно тяготея к гротам и родникам, лугам и полянам... Ложное же счастье, напротив, предпочитает толпу, стремясь привлечь к себе внимание света. Собственного одобрения ему недостаточно, но необходимо восхищение прочих, и потому процветает оно при дворе, во дворцах и в театрах, на балах и ассамблеях и мгновенно исчезает, если его не заметят»¹.

Просветительские журналы Стиля и Аддисона сыграли важную роль в деле пропаганды необходимости женского образования. Они также внесли весомый вклад в формирование нравственных принципов молодых англичанок.

«Женские академии» Даниеля Дефо

Убежденным сторонником предоставления женщинам права на образование являлся также Даниель Дефо. Он сумел предложить в «Очерке о проектах» свой оригинальный проект создания не только военных академий для юношей, но и образовательных академий для девушек.

Очерк о «женских академиях» Дефо начинал с выражения недоумения по поводу недостаточного внимания общества к женской образованности. «Я часто размышлял над тем, — писал он, — почему одним из варварских обычаев в мире является то, что в нашей, считающейся цивилизованной и христианской стране, мы отказываем женщинам в преимуществах образования». Дефо подчеркивал, что женщин не пришлось бы осуждать за «глупость и несостоятельность», если бы они получили такое же, как и мужчины, образование. Он считал, что общество поступает по отношению к женщинам несправедливо, их обучают рукоделию, умению делать разные безделушки, чтению, но все это считается пределом женской образованности. На взгляд просветителя, этого было явно недостаточно. Дефо указывал на преимущества, которые дает образование: «Душа человека подобна необработанному алмазу и надобно ее отшлифовать, иначе ее блеск так и останется скрытым. Всякий знает, что как разумная душа отличает нас от зверей, так образование еще более увеличивает этот разрыв и делает людей более человечными». Дефо приводил в пример высказывание одной дамы, которая испытывала большие страдания из-за того, что в юности не получила достойного образования. Хотя она была красива, обладала блестящим умом и незаурядными способностями, владела большим состоянием, однако все это не приносило

¹ Англия в памфлете. С. 115–116.

ей счастья, поскольку «ее природный ум заставлял ее почувствовать недостаточность своего образования» особенно остро, когда ей доводилось вступать в светский разговор. «Я стыжусь говорить со своими собственными служанками, — признавалась дама, — поскольку не знаю, когда они поступают правильно, а когда нет. Видимо, для меня было бы полезнее посещать школу, нежели торопиться с замужеством»¹.

Дефо задавался вопросом, почему же женщины лишены благ просвещения, ведь от природы они наделены даже большими, чем мужчины, способностями к учению и отличаются большей сметливостью. Он высказывал предположение, что мужчины лишают образования женщин сознательно, из опасения, что те смогут конкурировать с ними в своих «совершенствах». Между тем, уверял просветитель, мужчины получают даже некоторые преимущества, если предоставят образование женщинам, поскольку образованная дама, обладающая к тому же хорошим воспитанием и приятными манерами, является существом «несравненным». «Ее общество можно уподобить самым возвышенным желаниям, лицо ее ангельское, речь божественна, и вся она — сама мягкость, нежность, покой, любовь, острота ума и радость; мужчина, на долю которого выпало счастье обладать таким созданием, может только ликовать и благодарить судьбу», — заключал Дефо. С другой стороны, если женщину лишить образования, то очень скоро «природная острота ума» сделает ее «сумасбродной и болтливой», а ее характер станет «причудливым и капризным». Недостаток образования лишь усугубит негативные черты характера женщины, сделает ее «спесивой, дерзкой, шумной, сварливой», одним словом, «сущим дьяволом»². Поэтому даже «ради самих себя», советовал мужчинам Дефо, следует обеспокоиться образованием женщин.

Дефо не ограничивался общими рассуждениями о достоинствах образованных дам и том благе, которое приносит образование женскому полу. Он предлагал конкретный план мероприятий, направленных на реализацию права на образование для представительниц прекрасного пола. Дефо считал, что необходимо открыть образовательные учреждения (академии) для девушек — по одному в каждом графстве Англии и десять — в Лондоне. Просветитель полагал, что «женская академия» не должна отличаться сколько-нибудь значительно от обычной школы, чтобы «пожелавшие в ней обучаться юные леди смогли воспользоваться всеми преимуществами образования, отвечавшего их способностям». Дефо считал необходимым поддерживать строгую дисциплину в академии, даже более строгую, чем в обычной школе, для того чтобы «высокородные» и богатые родители не опасались от-

¹ An Essay upon Projects by Daniel Defoe. P. 164, 170, 171, 175.

² Ibid. P. 170–171.

давать в них своих дочерей. Таким путем просветитель рассчитывал укрепить престиж учебного заведения.

В своем проекте Дефо давал также описание внешнего вида «академии». Он предполагал воздвигнуть ее здание где-нибудь в уединенном месте. Здание должно было быть «оригинальным по форме», с прямыми, без каких-либо выступающих частей и колоннад стенами, вдоль которых расположится треугольный по форме сад. Проект предполагал немаловажную деталь: наличие крепостного рва и единственного входа в здание. Подобными мерами предосторожности Дефо надеялся предостеречь своих учениц от «любой интриги», обеспечив девушкам, с одной стороны, полноту свободы, «без сторожей и шпионов», а с другой, — избавив их «от любовных интриг, непристойностей и скандальных афер».

Единственное средство предотвращения любовных интриг Дефо усматривал в «строгом удержании мужчин на почтительном расстоянии» от представительниц прекрасного пола. Но поскольку в жизни соблюсти подобное правило не всегда представлялось возможным, то, считал Дефо, девушка сама должна поступать «по собственному разумению», если желает избежать скандала. А чтобы должным образом противостоять домогательствам ухажеров, юным леди рекомендовалось чаще напоминать об их добродетелях, а также об обычаях страны. Дефо был уверен в том, что только любовь может оправдать «минутную слабость» женщины.

Поступающие в «академию» ученицы должны были, по замыслу автора проекта, выполнить ряд условий. Прежде всего, они в письменной форме подтверждали свое согласие подчиняться установленным в «академии» порядкам. Время пребывания в учебном заведении определялось на их усмотрение. Расходы на обучение за год вперед оплачивали родители учениц. Любая ученица могла покинуть стены «академии» досрочно в случае, если намеревалась вступить в брак. Впрочем, случалось, что девушка, желавшая избавиться от назойливых притязаний «неприятной ей персоны», искала прибежище в стенах «академии». Дефо предусматривал подобный расклад событий и был готов помочь своим ученицам в трудную минуту их жизни.

Касаясь учебной программы академии, Дефо оговаривал, что желал бы обучать девушек всему, что «соответствовало их уму и достоинству», в особенности таким «любимым женским занятиям», как музыка и танцы. Слушательниц «академии» необходимо также обучать иностранным языкам, прежде всего французскому и итальянскому, на его взгляд, лучше знать несколько языков. Важнейшим в образовательном процессе девушек Дефо считал «развитие их интеллекта». Для этой цели он предлагал обучать девушек умению вести беседы на всевозможные темы, с тем, чтобы развивать их способности и

«здравость суждений», пристрастить к чтению серьезных книг, в особенности по истории, с тем, чтобы они научились разбираться во всех предметах, о которых слышат. Если же среди учениц окажутся такие, которые проявят незаурядные способности к наукам, то им следует создать все необходимые условия для дальнейшего образования.

Завершая свое небольшое произведение, Дефо высказывал пожелание, чтобы образованная женщина стала другом и советчицей для своего супруга и чтобы мужчины, лишаящие женщин образования, наконец-то поумнели и исправили существующий порядок вещей.

Джонатан Свифт в роли наставника и учителя юных дам

Активным сторонником женского образования проявил себя также Джонатан Свифт. Заметим, что Свифт не только выступал в защиту образованных женщин, но единственный среди первых просветителей самолично занялся их воспитанием и образованием. Бесспорно, что педагогический опыт Свифта вызывает не меньший интерес, чем его взгляды на проблему женского образования.

В очерке «Об образовании леди» Свифт обратил внимание на тот факт, что в обществе прочно утвердилось мнение, будто главной целью брака является продолжение рода. Если это так, то первой обязанностью женщины должно стать рождение детей и уход за ними. Предназначение женщины общество усматривало в ее деятельности в качестве супруги, матери и домохозяйки. «Жена должна следить за порядком в доме и слугами, наблюдая за тем, как они исполняют свою работу, — рассуждали сторонники подобной теории. — Отсутствовать вне дома она может крайне редко и на короткое время. Она должна отвечать за все, что происходит в семье». Свифт подчеркивал, что большинство мужчин желает, чтобы супруги подчинялись им беспрекословно. Даже принимать у себя визитеров, либо наносить визиты самим женам могли исключительно тем лицам, которые заслуживали одобрения их мужей. Мужчины полагали, что все время их жен должно быть занято различными делами. Причем количество дел увеличивалось в зависимости от занимаемого женщиной места в обществе: чем выше ее положение, чем больше у нее домашних слуг, тем больше времени женщина должна уделять инспекции. Мужчины считали: «Если семья — это прообраз королевства, то супруга подобна премьер-министру. Она должна выполнять распоряжения мужа, в свою очередь, отдавая приказы и распоряжения нижестоящим, и отвечать за порядок перед мужем, как министр отвечает перед верховным правителем». Разумеется, столь плотный рабочий график женщины не оставлял времени не только на чтение, но даже на визиты или от-

дых. Считалось, продолжал Свифт, что чтение книг, за исключением тех, которые имели отношение к религии или домоводству, «могло вызвать помрачение рассудка женщины». «Все эти пьесы, романы, любовные поэмы способны только обучить их интриге, а все знания, за исключением домоводства, сделают их тщеславными, самодовольными, лицемерными». Свифт подчеркивал, что муж опасается образованной жены, поскольку убежден, что, научившись самостоятельно мыслить и рассуждать, она начнет презирать своего супруга, а уважать будет «самодовольных типов», которые набрались знаний в книгах. На взгляд мужчин, если женщина выучит мудреные слова, то это только сделает ее смешной, поскольку она произнесет их неправильно и не к месту. Между тем, сетовали отцы семейств, домашние дела и воспитание детей будут заброшены подобными любительницами чтения. Будуар такой дамы заполнится «всякими слабоумными критиками» последней пьесы или поэмы, и она будет внимательно прислушиваться к их замечаниям, чтобы повторить их самой во время своего очередного визита к знакомым, которым все эти новости еще неизвестны. Такая дама, по мнению мужчин, «приобретет нахальство педанта, не получив знаний и с каждой новой порцией приобретенных знаний ее положение будет только ухудшаться»¹.

Подобное отношение общества к образованию женщин, на взгляд Свифта, приводило к самым плачевным результатам. В трактате «Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества» он писал: «Вряд ли отыщется одна из тысячи дочерей джентльменов, способная читать или понимать свой родной язык, или судить о самых простейших книгах, написанных на нем. Неудивительно, ведь их не обучали ни в детстве, ни в более зрелом возрасте»².

Свифт возмущался тем, что молодые девушки вместо того, чтобы учиться, растрачивают свою жизнь попусту: в тщетных попытках понравиться мужчинам, в визитах, карточной игре, примерке нарядов. Никчемные разговоры и убогие интересы некоторых женщин заставляли просветителя признаться в своем к ним недостаточном почтении. «В этом убеждает меня поведение некоторых дам, — писал Свифт в «Письме к очень юной леди...», — которые стремятся поскорее покинуть свой дом после обеда, и это в семьях, где не грешат выпивкой... В комнате, где собираются представители обоих полов, мужчины обсуждают общие проблемы, тогда как женщины не считают своим долгом делать это. Они собираются в кружок и начинают болтать о

¹ *Swift J. Of the Education of Ladies // The Works of Jonathan Swift. In two vols. Vol. 2. L. 1843. P. 312.*

² *Swift J. A Letter to a Very Young Lady on Her Marriage // The Works of Jonathan Swift... P. 302.*

ценах в лавках и выборе кружев и шелка, о том, какие наряды им понравились на прихожанках в церкви или на посетителях игорного дома. Создавалось впечатление, — сокрушался писатель, — будто судьба всего мира зависела от покроя или цвета этих нарядов»¹.

Плохое образование и отсутствие должного воспитания у некоторых дам заставляло просветителя констатировать: «Ваш пол использует больше мыслей, памяти, усилий, чтобы оставаться глупыми, нежели позволить себе сделаться мудрыми и полезными. Когда я рассуждаю об этом, то не могу видеть в вас разумные существа, но только разновидность мартышек, которые не могут проделать такие трюки, на которые способны некоторые из вас»².

Осуждая общество за недостаточное внимание к женскому образованию, расценивая это как «постыдный факт», просветитель призывал более серьезно отнестись к данной проблеме. Ведь этот вопрос затрагивает «оба пола», поскольку со временем им придется «жить вместе». Свифт сравнивал количество образованных мужчин в Англии с числом получивших образование женщин и приходил к неутешительным выводам: половине аристократов и джентльменов суждено остаться холостыми, либо жениться на дамах, «которых они никогда не смогут уважать», поскольку те «глупы, жеманницы и кокетки, картежницы, болтушки, несущие всякий вздор, великосветские лентяйки и пустышки, интриганки, провоцирующие скандалы и вызывающие осуждение»³. Чтобы избежать подобных осложнений, Свифт настоятельно рекомендовал «сильному полу» заняться образованием женщин.

Не ограничиваясь рассуждениями о преимуществах образования для женщин, Свифт пытался лично заняться их обучением. Как уже отмечалось, у него было две воспитанницы, по возрасту много моложе его самого. Со Стеллой (Эстер Джонсон) Свифт познакомился в 1689 г. в доме своего наставника и патрона, известного дипломата и просветителя Уильяма Темпля. Двадцатидвухлетний юноша очень скоро сделался учителем, наставником, а позднее и преданным другом Стеллы. С Ванессой (Эстер Ваномри) Свифт повстречался в 1707 г. в Лондоне, куда она вместе со своей семьей переехала из Дублина. И для нее Свифт также стал учителем и другом.

Чему и как обучал Свифт своих воспитанниц? Он признавал, что «в какой-то мере содействовал» образованию Стеллы, предлагая книги, которые ей следовало прочесть, а также постоянно наставлял «в началах чести и добродетели, от коих она не отклонялась ни в еди-

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ *Swift J. Of the Education of Ladies... P. 313.*

ном поступке на протяжении всей своей жизни». На взгляд Свифта, «чтение и беседы» были главными в образовательном процессе юных леди. Свои познания девушки должны черпать по преимуществу «из книг и от окружающих». О важности чтения, прежде всего, книг по истории и «о путешествиях» Свифт говорил не раз. Полагая, что чтение хорошо развивает ум, он рекомендовал читать ежедневно в течение нескольких часов. Если ученица обладает слабой памятью, то ей следовало делать выписки из книг. «Чтение — это единственное, что порождает здравый смысл, — отмечал Свифт в «Письме к очень юной леди...». — Плохой выбор книг приводит читающих леди к неверным суждениям»¹. Свифт брал на себя задачу подобрать книги для своих учениц, полагая, что со временем они научатся это делать сами.

Надо признать, что воспитанницы Свифта «неукоснительно» соблюдали «повеления» своего любимого учителя «касательно чтения». И результаты обучения не заставили себя долго ждать. По признанию самого Свифта, Стелла освоила греческую, римскую, французскую и английскую историю, научилась прекрасно говорить по-французски, прочитала все лучшие книги о путешествиях, «которые способствуют широте умственного развития». Она понимала философию Платона и Эпикура и «очень метко» судила о недостатках последнего. «Она делала весьма здравые выводы из лучших книг, которые читала. Она понимала природу государственного управления и могла указать, в чем состоят заблуждения Гоббса, как в этом отношении, так и в вопросах религии. Она хорошо умела распознавать болезни и обладала кое-какими сведениями из анатомии. Она обладала истинным вкусом во всем, что касается остроумия и здравого смысла, будь-то в поэзии или в прозе, и была превосходным критиком по части слога»².

Не меньшими достижениями в познаниях могла похвастаться и Ванесса. Ее переписка со Свифтом свидетельствовала об уме, таланте, образованности девушки. Ванесса была знакома с произведениями философов Ф. Ларошфуко, Б. Фонтенеля, М. Монтеня. Она прекрасно разбиралась в современной политике. Ее французский приводил Свифта в изумление. «Я восхищен вашими познаниями во французском языке, — писал он в письме к Ванессе. — Как после этого мне не стыдиться, когда в сравнении с вами я владею лишь просторечным, да еще разве что гасконским. Орфография, слог, изящество, нежность и остроумие — решительно все безупречно». Ванесса не лишена была также литературного таланта. Написанные ею стихи, а также письма к Свифту приводили учителя в изумление. В одном из писем к Ванессе он признавался: «Я нарочно буду приходить к вам реже,

¹ *Swift J.* A Letter to a Very Young Lady... P. 302.

² *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 411.

дабы получать удовольствие от ваших писем, при чтении которых я всегда испытываю удивление — как эта девчонка, и читать-то толком не умеющая, наловчилась так отменно писать»¹.

Не менее важным для женского образования, чем чтение книг Свифт считал беседы с образованными людьми. Он рекомендовал юной леди приглашать образованных людей и принимать участие в их беседах, чтобы собеседники могли исправлять ее речь и суждения. Со временем она и сама научится рассуждать самостоятельно. «Я советовал бы тебе выбрать себе компанию лучше из мужчин, нежели из женщин, — наставлял юную леди Свифт. — Хорошо также, если в компании будут представители обоих полов. Это сделает общение приятным и полезным». Свифт был категорически против «сборища одних лишь дам», расценивая его как «школу наглости, нахальства и злословия»². Выбор участников бесед Свифт рекомендовал поручить супругу юной леди, пока она сама не научится разбираться в людях. Просветитель полагал, что ей будет полезно общество образованных мужчин, рассуждающих о науках, искусстве, политике — материях, хотя и далеких от понимания многих юных девушек, тем не менее, способных оказать им намного больше пользы, нежели «вся та чепуха и претенциозность», которыми известен женский пол. Свифт был уверен в том, что образованные люди не позволят себе вести беседы, непонятные юной даме, а напротив, постараются найти такую тему для разговора, чтобы и она могла в нем принять участие. «Если они говорят о нравах и обычаях европейских государств, о путешествиях в зарубежные страны, о великих людях и деятелях Греции и Рима, если они рассуждают об английских и французских писателях или поэтах, — писал Свифт, — то для английской дамы будет стыдно не участвовать в подобных беседах». А для того, чтобы быть хорошо информированной, надо больше читать. И это много лучше, чем обсуждать с сидящей рядом дамой вопрос о том, «насколько тяжел новый веер».

Подобно другим просветителям, Свифт придавал большое значение нравственному воспитанию девушек. Он неплохо знал высший свет и потому критически отзывался о тех дамах, которые заполняли королевский двор и светские салоны. О том, что собой представляли «дамы света», их занятиях и поведении Свифт поведал в стихотворении «Каденус и Ванесса». Он отмечал, что основные занятия подобных леди — это посещение званых вечеров, пикников и театральных зрелищ. Во время своих визитов друг к другу дамы просили «чаю, шоколаду и обсуждали, как вчера, перчатки, ленты, веера». Кокет-

¹ Там же. С. 444, 446.

² *Swift J. A Letter to a Very Young Lady... P. 302.*

ство, жеманство, «преувеличенную стыдливость», злословие и безделье подобных «дур в юбках» Свифт считал недостатками, от которых хотел предостеречь своих юных воспитанниц¹.

Какие же нравственные качества желал привить своим воспитанницам Свифт? Что он более всего ценил в женщинах? На его взгляд, честь для девушки — это «содержание всего», это — «дух самой души». Свифт был уверен, что «инстанций выше чести нет». Девушка должна уделять больше внимания своему внутреннему миру, нежели внешности, ведь «внешность хороша, поскольку в ней видна душа». Хорошо, если девушка не только умна, но и благородна. Важными чертами характера, по мнению Свифта, должны стать для юных леди терпение, стойкость, правдивость, благоразумие, справедливость, а также добронравие, «что лучше красоты». Что касается религиозного воспитания, то Свифт, хотя сам и являлся священником, тем не менее, избегал каких-либо прямых наставлений своим воспитанницам в их отношении к религии. Подтверждением тому может, пожалуй, служить признание Ванессы в том, что она «не набожна»².

Надо признать, что Свифт как воспитатель, действительно, сумел сделать немало для того, чтобы привить все эти качества своим юным воспитанницам. С явным удовлетворением он констатировал:

*«Честь в сердце Стеллы так сильна,
Что правда ей всегда видна,
Ей отвратителен обман,
И ненавистен ей тиран.
Дурной министр, дурной король
В ней вызывают гнев и боль».*

В свою очередь, воспитанница признавалась своему учителю в том, что неукоснительно следовала его наставлениям в принципах морали. В своем стихотворении «Доктору Свифту в день его рождения» Стелла писала:

*«Меня вниманья удостой!..
Я презирала волокит,
Как презирать их надлежит...
Я знаю, в чем добро и зло —
Вот, что мою красу спасло.
Пусть тускнеет пламень глаз,
Есть пламень сердца про запас...
Нет, Стеллу годы не столкнут*

¹ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 420, 444.

² Там же. С. 455.

*Законом сделай свой урок,
Чтобы мужчин смирить он мог
И просвещенный женский пол
Обрел бы снова свой престол».*

Усилия наставника не пропали даром. Когда Свифту довелось писать некролог на смерть рано умершей Стеллы, он подчеркивал, что в ней «величайшая независимость суждения» сочеталась с «величайшим тактом». «Едва ли какое человеческое существо отличалось подобным изяществом в каждом жесте, слове, поступке и никогда еще любезность, независимость, искренность и непринужденность не встречались в столь счастливом сочетании». В Стелле объединялись «мягкость нрава, как то и подобает даме», с мужеством, «достойным героя». Она являлась прекрасной собеседницей, подчеркивал Свифт, хотя и не была очень «осведомлена в избитых темах женской болтовни», хула и клевета никогда не слетали с ее уст, что, впрочем, не мешало ей открыто выразить свое презрение к фату. Особенно импонировала Свифту скромность Стеллы, проявлявшаяся как в ее одежде (она «совершенно избегала тратить деньги на наряды... сверх того, что требует благопристойность», ограничиваясь приобретением скромной и недорогой одежды), так и в поведении (Стелла отличалась «необыкновенной скромностью, деликатностью и незлобивостью»). Главными «добродетелями» Стеллы были также, по признанию Свифта, честь, правдивость, щедрость и добронравие. Кроме того, Стелла была «самой бескорыстной из смертных». Благотворительность по отношению к беднякам она считала своим долгом, от которого ни под каким видом не желала избавиться. Являясь человеком «обширных познаний и ума», она никогда не выставляла их напоказ¹.

Подробного портрета другой своей воспитанницы Свифт не представил, однако, судя по ряду его замечаний в переписке с Ванессой, можно утверждать, что она отличалась не меньшими достоинствами, чем Стелла. Пустые беседы, «коими пробавляются в обществе», вызывали у Ванессы «отвращение и презрение». Если она и выходила в свет, то только потому, что «так велел» ее наставник. О молодых людях и светских дамах Ванесса была невысокого мнения, поскольку они «ухмылялись и болтали наперебой» о вещах, совершенно непонятных для нее, а их манеры и жесты напоминали собой «ужимки павианов и мартышек»². Светским приемам Ванесса предпочитала уединение, чтение французских романов, занятие литературным творчеством, а также верховую езду.

¹ Там же. С. 400, 409–410, 412–413, 415.

² Там же. С. 457–459.

Примечательно, что проблема женского образования поднималась Свифтом не только в его публицистике, но и в художественном произведении «Путешествия Гулливера». Посещая Лилипутию, его герой описал общественные воспитательные заведения, куда жители страны были обязаны отдавать детей обоего пола. И хотя подобные школы являлись плодом воображения писателя, они во многом напоминали собой те пансионы, которые существовали в Англии. Свифт писал, что школы делятся на несколько типов, каждый из которых соответствовал общественному положению и полу детей. Обучаться должны были все дети, за исключением детей крестьян и ремесленников, которые держат своих детей дома. Поскольку они занимаются лишь возделыванием и обработкой земли, а также ремеслом, то их образование, на взгляд Свифта, не имеет особенного значения для общества¹.

Воспитательно-образовательный процесс осуществлялся в школах опытными педагогами, которые готовили детей к роду деятельности, «соответствующей положению их родителей и их собственным наклонностям и способностям». Дети знатных особ учатся в школе до 21 года, осваивают различные науки. Ремеслу обучают только детей ремесленников. Обучение в школах платное, и если родители не вносят своевременно плату, то правительственные чиновники эти деньги с них взыскивают принудительно. Бедняки вносят кроме годовой платы, небольшую часть своего месячного заработка, из которого впоследствии образуется приданое для их дочерей. Знатные же персоны обязаны выделить соответствующий их общественному положению капитал на каждого ребенка.

Описывая мужские и женские учебные заведения Лилипутии, герой Свифта подчеркивал, что не заметил никакой разницы в воспитании детей обоих полов. На его взгляд, школы отличались лишь учебными программами. К примеру, физические упражнения для девочек были менее сложными, курс наук не так обширен, но добавлялось преподавание курса ведения домашнего хозяйства. Свифт не сомневался в том, что и «в высших классах жена должна быть разумной и милой подругой мужа, так как ее молодость не вечна»². В воспитательных домах для девочек из низших слоев учениц обучают всякого рода работам, «подобающим их полу и общественному положению».

Затрагивал Свифт и проблему нравственного воспитания. Он полагал, что «умеренность, трудолюбие, физические упражнения и опрятность» обязательны для молодежи обоего пола. Молодые же

¹ Свифт Дж. Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 196.

² Там же. С. 195.

дамы также стыдятся трусости и глупости, как и мужчины, и «относятся с презрением ко всяким украшениям, за исключением благопристойности и опрятности»¹.

Свифт не оставлял без внимания и проблему любви и брака, которая занимала важное место в жизни любой женщины. Он отмечал, что такое чувство как любовь, в последнее время заметно претерпела изменения и к ней в обществе стали относиться иначе, чем прежде:

*«Теперь любовь не такова,
Какою прослыла сперва;
Благодаря стихам прелестным
Слыла любовь огнем небесным,
Который, встретив сходный дух,
Сливает воедино двух,
Единый в двух сердцах пылает,
Двух любящих испепеляет.
Чтут женщины другую власть:
Слепую низменную страсть».*

Свифт признавал, что и мужчины стали относиться к браку более легкомысленно:

*«Привычкам верные своим,
Разнообразия хотим:
Подругу, друга и жену
Мы ценим лишь за новизну
И утешаемся подчас,
Мол, наилучшее при нас,
Жизнь, как заманчивый базар:
Отбросив хлам, найдешь товар».*

Свифт полагал, что в результате подобного «несерьезного» отношения к браку в свете прочно утвердилось мнение в отношении того, что:

*«Любовь слывет интрижкой мелкой,
Женитьба — денежной сделкой»².*

Возможно, что именно подобные нерадостные размышления о браке и побудили Свифта взяться за перо и написать трактат «Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества». Просветитель отмечал, что выбирая супруга для своей дочери, родители не заботились должным образом о развитии ее умственных способностей и потому новобрачной

¹ Там же. С. 362, 195.

² Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 416, 397.

нелегко «завоевать дружбу и уважение» супруга. На взгляд Свифта, каждый муж хотел бы видеть в супруге разумную спутницу и верного друга на протяжении всей своей жизни. Просветитель давал юной леди советы, следуя которым та могла бы, как ему представлялось, стать счастливой сама, а также сделать счастливым любимого человека.

В первую очередь, Свифт рекомендовал молодой супруге «не торопиться лишаться образа скромной девственницы». Нередко вышедшие замуж дамы начинают «бросать дерзкие взгляды» и приобретают такую манеру разговора, как будто намереваются поведать всему свету, что не являются более девушками, а также, что все их поведение до замужества было лишь «принуждением над природой». Однако, на взгляд Свифта, большинство мужчин с большей симпатией относятся к таким дамам, которые, выйдя замуж, предпочитают сохранять свои «скромность и сдержанность». Просветитель рекомендовал юной леди придерживаться подобного поведения.

Свифт советовал юной супруге не демонстрировать своих нежных чувств к мужу в неподходящее время и место. «Храни свои уважение и любовь в сердце, а нежные взгляды и слова для подходящих минут, которых сыщется немало в сутках, — наставлял Свифт, — и наступит подходящее время для проявления той страсти, которую описывают во французских романах». Просветитель предостерегал молодую женщину от излишних беспокойств во время вынужденного отсутствия мужа. Обычно жены вздрагивают от каждого шороха за дверью, звонят без нужды в колокольчик, созывая слуг, ничего не едят за обедом и ужином и встречают своих мужей по возвращении «с шумным восторгом». Бывают и такие дамы, которые при отъезде мужей, «угрожая истерикой», требуют, чтобы те посылали им письма с каждой почтовой станции и объявляли заранее точную дату возвращения домой, невзирая на их занятость, самочувствие, погодные условия и всякие случайности. «Подобная дама, — подчеркивал Свифт, — способна создать большую суматоху из-за пустяка и щедро заплатит посыльному, когда тот принесет известие о том, что ее муж сломал себе по дороге шею»¹.

По глубокому убеждению Свифта, в браке должны царить не только любовь, но и уважение, поэтому он призывал юную леди «ценить и уважать своего мужа за достоинства, которыми он обладает, не изобретая, впрочем, тех, коих он лишен». Кроме того, юная супруга должна добиться уважения со стороны своего мужа. Для этой цели Свифт советовал ей направить свои усилия на приобретение тех достоинств, которые более всего ценит в людях ее муж и коими сам

¹ *Swift J. A Letter to a Very Young Lady... P. 304.*

обладает в полной мере. Он настоятельно рекомендовал ей это сделать до того, как «пройдет ее молодость и увянет красота». Просветитель был убежден, что только научившись самостоятельно обо всем судить и сделавшись «разумной спутницей», супруга сможет завоевать уважение мужа, которое не исчезнет по прошествии лет.

Особое внимание Свифт уделял отношению юных леди к своему внешнему виду. «Возможно, ты будешь задета тем, что я посоветую тебе избегать кричащих нарядов, которые так нравятся твоему полу, — писал Свифт. — Очень непросто для нас, мужчин, ради которых вы наряжаетесь, быть советчиками в таком вопросе. Но я могу заверить тебя, что ... будет достаточным, если леди позаботится о своей чистоте и пригожести». В продолжение сказанного Свифт приводил слова некоего «приятного джентльмена» об одной «глупой знатной даме». Тот говорил, что ничто не сделает эту даму «более сносной», чем «лишение ее головы», поскольку ее болтливый язык раздражает его уши, а ее волосы и зубы — обоняние. Свифт отнюдь не исключал следования женщин моде, но высказывал пожелание, чтобы о ней они думали «менее всего». Он был уверен, что никакая мода не сделает женщину «богаче, красивее, талантливее, добродетельнее или умнее»¹.

Затронул Свифт также проблему семейных расходов, которая играла важную роль в благополучии семьи. Он полагал, что юная супруга достаточно осведомлена о размерах годового дохода своего мужа и что она сама научится «хорошо считать», чтобы содержать в надлежащем порядке дом и хозяйство. Свифт желал юной леди не уподобляться тем дамам, которые полагают хорошим тоном требовать от мужей нового экипажа, кружевной накидки или новой нижней юбки в то время, когда еще не уплачено мяснику и бакалейщику.

Не обошел своим вниманием просветитель и окружение юной леди. Хотя Свифт и «испытывал затруднение» в том, что ей посоветовать при выборе компании, тем не менее, он считал очень важным выбор подходящих друзей. «Если тебе придется быть среди дам, которые ровня или выше тебя по положению, ты, возможно, сочтешь, что ничего порочащего твою репутацию они с собой не принесут, и потому уверена, что пребываешь в безопасности. Ты считаешь, что это хорошая компания». Однако просветитель не был уверен, что подобный выбор позволит избежать общения с дамами «глупыми или порочными» и потому не рекомендовал следовать их советам. Как правило, такие дамы делятся собственным житейским и семейным опытом, на основании которого и дают свои рекомендации. Они советуют, с кем дружить, какие носить наряды, каких слуг уволить, а

¹ Ibid. P. 301–302.

каких оставить. Эти «советчицы» расскажут, «как одержать победу над мужем в споре или ссоре, как отыскать и использовать его слабости, как воспользоваться своими слезами и избежать крепкой руки супруга». Выслушав все это, юная леди должна, на взгляд Свифта, поступить самостоятельно, проигнорировав подобные советы. Он высказывал надежду, что супруг юной леди «воспользуется своей властью», чтобы ограничить ее общение с подобными дамами. «Видеть их дважды в год для тебя будет вполне достаточным», — полагал Свифт¹. При этом он оговаривал, что данный совет не распространяется на истинных друзей молодой женщины. Но как бы леди ни заботилась о своем окружении и друзьях, ей надлежит хорошо запомнить: главной целью ее жизни остается сохранение дружеского расположения и уважения собственного мужа.

Все рекомендации Свифта относительно женского воспитания и образования, как мы убедились, распространялись лишь на представительниц высших и средних слоев общества. Что же касается девушек-простолюдинок, то, на взгляд Свифта, как уже говорилось выше, их образование не имело особенного значения для общества. В одном из стихотворений, адресованных Стелле, Свифт изобразил портрет девушки «из низов», которая стала объектом любви некоего «чердачного» поэта. Просветитель сетовал на то, что этой «музе» приходится штопать чулки, стряпать, потчуя поэта «котлеткой с кружкою пивца», заботиться об уголке «для стынувшего камелька» и т. д. Не лучшим представлялось Свифту положение других женщин из низших слоев:

*«Разыщут Хлою поскорей,
А с нею пьянствует лакей.
Филлида штопает белье,
Забыв прибрать свое жилье.
Лен треплет Сильвия одна,
В кровоподтеках вся спина.
Ирида потеряла прыть,
Болезнь дурную трудно скрыть.
Дочь не узнал отец-мерзавец
Среди других таких красавиц»².*

Хотя в высказываниях Свифта явно слышалось осуждение того положения, в котором пребывали женщины из низших социальных слоев общества, однако более подробно данной темы он не касался.

¹ Ibidem.

² Свифт Дж. Дневник для Стеллы. С. 396.

«Новогодний подарок для леди» маркиза Галифакса

Следует признать, что английские просветители отводили в своих трудах женской тематике далеко не первое место. Видимо, именно этим обстоятельством и объясняется отсутствие специальных работ о женском воспитании и образовании. Исключение представляет собой небольшая книга маркиза Галифакса «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери», изданная в 1688 году. На протяжении XVII века она выдержала 25 изданий, была переведена на иностранные языки. Чем же был вызван столь живой интерес общественности к книге маркиза? На наш взгляд, подобный феномен объясняется, прежде всего, новизной самой тематики, поднятой в книге. Ведь эта книга, посвященная воспитанию юных аристократок, появилась намного раньше очерков Свифта, проекта о «женских академиях» Дефо, журнальных статей Стиля и Аддисона. Более того, именно произведение Галифакса оказало заметное влияние на тех просветителей, которые затрагивали женскую тематику. Это особенно наглядно видно при сравнении книги Галифакса и очерка Свифта «Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества».

Низкий уровень образования даже среди многих аристократок, а также падение нравственности в обществе в целом, не могли оставить равнодушным Галифакса-просветителя и Галифакса-отца. Считая дочь Елизавету «главным объектом своего внимания и заботы», Галифакс создал для нее собственную систему воспитания. Он полагал, что соблюдая определенные правила поведения, дочь «счастливо устроится в этом мире». Умудренный житейским опытом маркиз хорошо понимал, что без подобных правил молодой девушке придется в жизни нелегко, и брался собственноручно познакомить ее с ними. Галифакс допускал, что какие-то из этих правил могут вызвать «протест» со стороны дочери, тем не менее, считал, что их неукоснительно следует исполнять. Признавая, что не все сказанное в «Наставлении» может быть доступным для понимания молодой девушки, Галифакс все же высказывал надежду в том, что по мере взросления ей «все сделается понятным»¹.

Главное место в «руководстве поведением» для девушек должна занимать, по мнению Галифакса, религия. Для юной леди религия является «единственно необходимым» руководством в жизни. Галифакс напоминал дочери, что «Бог находится в ней самой», поэтому в церкви, на публике, следует оставаться «спокойной и строгой», молиться в тиши, и не допускать «экзальтированного поведения»,

¹ The Lady's New-Year's Gift, or Advice to a Daughter // The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax. Oxford, 1912. P. 1–2.

которым грешат подчас иные дамы, что вызывает только смех и осуждение со стороны окружающих¹.

Полагая, что счастье женщины во многом зависит от того, как складывается ее семейная жизнь, Галифакс давал дочери ряд советов и по этому вопросу. Он указывал на существующее неравенство полов, которое подчас проявляется в браке. Признавая, что женщина в браке занимает подчиненное по отношению к «своему господину» место, Галифакс утверждал, что она от этого только выигрывает, поскольку при любых затруднениях может воспользоваться своими природными дарованиями. «Вы обладаете большей силой своих глаз, нежели мы с помощью своих законов, — подчеркивал маркиз, — и имеете большую власть, благодаря своим слезам, нежели мы — своим аргументам»². Проявляя уступчивость, мягкость, нежность, женщина способна «без усилий» подчинить «своего господина», поставив его пред собой на колени, заключал Галифакс.

Просветитель отмечал, что одним из больших «неудобств» является то, что девушкам редко позволяют самостоятельно выбирать спутника жизни. Чаще всего это делают за нее родители или ближайшие родственники. Благовоспитанность девушки не позволяет ей отказаться от подобных рекомендаций «заботливых и опытных родственников», хотя внутренний голос порой противится их выбору. Девушка вынуждена подчиниться своей судьбе, и в результате ее нелюбовь к мужу со временем перерастет в отвращение к нему, а семейная жизнь становится сущим адом. Галифакс соглашался с тем, что законы брака более строги по отношению к женскому полу, поскольку требуют подчинения женщины мужчине. Да, и само слово «подчинение» отнюдь не является «благородным», особенно оно ненавистно тем «экзальтированным» дамам, которые противопоставляют его «фальшивому понятию всеобщего равенства». Он признавал, что мужчины нередко поступают по отношению к своим женам как тираны, за что и подвергаются общественному порицанию. И все же «институт брака священен, — утверждал Галифакс, — и вряд ли можно протестовать против него. Поэтому, — наставлял он дочь, — ты должна устраивать свою жизнь, основываясь на законе и обычаях и не воображать понапрасну, что все это можно изменить»³. Впрочем, полагал маркиз, из всякого правила бывают исключения, и если женщина испытывает ужасные страдания от семейной жизни с мужем-тираном или просто нелюбимым человеком, то она вправе прибегнуть к разводу. Подобные высказывания просветителя, отстаивавшего право женщин

¹ Ibid. P. 3.

² Ibid. P. 8.

³ Ibidem.

на развод в то время, когда общепринятым считалось, что браки вершились на небесах, а на земле они только освящались церковью, безусловно, требовали определенного гражданского мужества. Ведь своими заявлениями Галифакс не только ставил под сомнение правила общепринятой морали, но, что могло вызвать серьезные опасения у церковников, подрывал религиозные устои брака.

Наставляя дочь в том, как лучше ей устроить в будущем свою семейную жизнь, Галифакс давал ряд конкретных советов. Он предлагал не искать причины семейных неурядиц в неверных поступках мужа и не упрекать его в проступках. Ведь если тот умен, то исправится сам, а если глуп, то никакие попреки ему не помогут. Не следует распространяться о своих семейных неурядицах в обществе в поисках сочувствия. Подобные действия супруги скорее приведут к обратному результату: она сама станет посмешищем и объектом пересудов. Если же умолчать о проступках мужа, не придать им значения, то тем самым можно приблизить его к себе, за что он будет благодарен и признателен своей супруге.

Особое внимание в книге Галифакс уделял рассмотрению такого «распространенного в обществе явления», как пристрастие мужей «выпить более допустимого». Если муж злоупотребляет спиртным, то жене следует проявить «мудрость и терпение», считал Галифакс. В этом случае «его вино окажется на вашей стороне, скроет ваши собственные прегрешения и выставит вас в лучшем свете. Другие люди станут любить его меньше, и по этой причине он, возможно, привяжется к вам еще больше». И вообще, заключал просветитель, проступки мужей приводят их на колени пред своими супругами, вынуждая соглашаться на диктуемые теми условия, тогда как «муж без недостатков — это опасный наблюдатель», который отнесется к проступкам своей супруги более строго¹.

Галифакс считал необходимым для молодой супруги заручиться расположением друзей мужа, которые нередко смотрят на нее, как на неприятеля, вторгшегося в чужие владения. «Ты должна знать, — предостерегал он дочь, — что мужчина, которым руководят друзья, очень легко ими «подогревается»². Поэтому не следует пренебрегать друзьями супруга, а лучше к ним отнестись со вниманием. Наконец, надо не упускать из виду слуг (в особенности, служанок), которые его обслуживали до женитьбы. Лучше всего заручиться их доверием и расположением, а также пригласить в дом новых служанок, которые замужем и преданы супруге.

¹ Ibid. P. 10–13.

² Ibid. P. 18.

Большое внимание уделял Галифакс вопросу о том, как должна леди управлять домом, а также ее отношениям с детьми. Он считал, что подобными обязанностями, возложенными на женщин, ни в коем случае не следует пренебрегать, поскольку это может повлечь за собой непоправимые последствия. Ведь если муж придет к заключению, что в доме нет порядка и покоя, то на этой почве могут возникнуть серьезные осложнения. Между тем, некоторые замужние женщины манкируют своими прямыми обязанностями, полагая, что вряд ли стоит расходовать энергию и «наживать морщинки» из-за таких «обыденных предметов», как дом и семья. Их гордыня и тщеславие понуждают заключать, что подобные заботы не предназначены для «настоящих леди». Галифакс осуждал таких дам и напоминал, что даже «великие принцессы» не гнушались исполнять свой семейный долг, дабы «сохранить уважение» окружающих, хотя порой это наносило урон их государственной деятельности. Просветитель советовал дочери с большим вниманием отнестись к обязанностям матери и хозяйки дома. Прежде всего, считал он, надо позаботиться о том, чтобы заслужить уважение и почтение к себе как со стороны детей, так и со стороны слуг. «Должен сказать тебе, — обращался к дочери маркиз, — что никакое уважение не может быть продолжительным, его мы должны заслужить своими поступками, в определенной мере полезными тем, от кого мы этого уважения добиваемся... Ведь нельзя добиться почтения даже от детей и слуг, если не думать об их благе»¹.

Галифакс давал конкретные рекомендации, каких принципов должна придерживаться мать в отношениях со своими детьми. Он подчеркивал, что следует постоянно следить за своим поведением, сдерживать гнев и раздражение, стараться быть более терпимой и доброжелательной к детям, позволяя им «чувствовать доброту, а не власть». Между тем, надлежит вовремя позаботиться о том, чтобы дети подчинялись матери. Научить их этому можно, если в раннем возрасте окруженные заботой и лаской матери они полюбят ее так, что в будущем будут исполнять все ее требования. Галифакс не советовал выделять среди детей «любимчиков». Воспитание сыновей, по его мнению, следовало доверять отцам.

Надо отметить, что представленные Галифаксом рекомендации относительно взаимоотношений матери с детьми, не были исчерпывающими. Они не охватывали всего воспитательно-образовательного процесса, через который проходили дети аристократов. И в том не было ничего удивительного, поскольку воспитанием в домах аристо-

¹ Ibid. P. 20.

кратов занимались, как правило, гувернеры. Материнское влияние на детей было весьма ограниченным. Уже в младенчестве и раннем возрасте дети находились на попечении кормилицы и няни. Как правило, кормилицами были неграмотные простолюдинки, которые, по словам философа Джона Толанда, «с молоком передавали младенцам свои заблуждения»¹. Влияние кормилиц усугублялось воздействием ленивых и невежественных слуг. И лишь по мере взросления дети переходили на попечение гувернера, который и начинал всерьез заниматься их образованием и воспитанием. Контроль же за образовательным процессом осуществляли, как правило, отцы. Поэтому неудивительно, что в аристократических семьях функции матерей нередко ограничивались лишь деторождением.

Галифакс давал в своей книге ряд советов о том, как хозяйка должна вести свой дом и как обращаться со слугами. Он утверждал: слуги нуждаются в руководстве со стороны своих хозяев, которые заблуждаются, если полагают, что заплатив им жалованье, могут «умыть руки» и больше не беспокоиться о них. На взгляд маркиза, подобное мнение ошибочно, поскольку слуги подобны «колесам экипажа»: куда они повернуты, туда экипаж и движется. Вот, почему крайне важно правильно руководить поведением слуг. Галифакс советовал обращаться к слугам дружелюбно, но требовательно, добиваясь от них исполнения своих обязанностей надлежащим образом. Не следует отдавать им распоряжения в резкой форме, поскольку «чем тише будет отдано приказание, тем скорее и лучше оно будет исполнено». Если же какое-то распоряжение не будет исполнено вовремя, то вряд ли следует «чересчур сердиться».

Книга Галифакса завершалась наставлениями относительно ведения семейного бюджета. Маркиз полагал, что тратить деньги «с умом» — это целая наука. Особенно нелегко достается женщинам, которые отчитываются в своих расходах перед супругом. Тем более, что речь идет не только о кошельке мужа, но и о его доверии. Галифакс предостерегал дочь относительно того, что утраченное доверие супруга восстановить гораздо сложнее, нежели вернуть растраченные деньги. Большинство женщин расходует много денег на свои наряды, поэтому Галифакс давал дочери ряд советов, как ограничить данную статью расходов в семейном бюджете. Он рекомендовал ей избегать в нарядах «кричащего, слишком пестрого», советовал со вкусом подбирать украшения, не злоупотреблять драгоценностями и носить то, что отвечает «занимаемому положению и состоянию и не разорительно для семейного бюджета». На его взгляд, следует руководствоваться прин-

¹ Толанд Дж. Письма к Серене // Английские материалисты XVIII века. М., 1967. Т. I. С. 77–78.

ципом: «ничто так не прекрасно, как то, что уместно»¹. По мнению Галифакса, тратить деньги дамам лучше на украшение собственного дома, чем на свои наряды. Благоустроенный и ухоженный дом, считал маркиз, придаст больше веса хозяйке, нежели все те сверкающие украшения, которые на ней надеты. Он предостерегал дочь от приобретения «лишних вещей», которые покупаются только потому, что таковые «имеются еще у кого-то». В действительности, необходимых в быту вещей не так уж и много. Поэтому Галифакс советовал дочери, прежде чем сделать покупку, хорошенько подумать над тем, так ли уж нужна ей та, или иная вещь, которую она собирается приобрести. Подобными рекомендациями просветитель стремился привить дочери бережливость, умение обходиться минимальным количеством вещей, проявлять скромность в нарядах, словом все то, что позволило бы вести семейный бюджет экономно. Галифакс подчеркивал, что право совершать большие траты в хозяйстве остается за супругом и потому «не дело жены узурпировать те обязанности, которые принадлежат мужу»². Как видно, просветитель отнюдь не выступал за равные права женщин с мужчинами в решении финансовых вопросов, затрагивавших, прежде всего, вопросы собственности.

Помимо рекомендаций о браке, семье, детях, в книге Галифакса содержался интересный материал о том, как юную леди готовили к выходу в свет. Это событие, на взгляд маркиза, являлось «опасным шагом» для юных леди и потому он призывал их «проявлять осторожность и осмотрительность», а также руководствоваться определенными правилами поведения, главное из которых — сохранить незапятнанной свою репутацию. Не следует никогда забывать о своем добром имени и о том, что общество осуждает не только «тщеславие мужчин, но и дурные намерения женщин». Галифакс стремился уберечь дочь от влияния ветреных молодых людей, которые слыли этакими «платоническими любовниками», любили пофилософствовать, хотя на самом деле на уме у них были одни лишь развлечения. Галифакс наставлял дочь: «Следует быть особенно внимательной в отношениях с подобными «хамелеонами», которые могут запятнать твою репутацию, чем нанесут глубокую рану, даже если ты ни в чем и не будешь замешана»³. Маркиз советовал также избегать общества дам, которые «из злобы или соперничества готовы скомпрометировать порядочную женщину». Подобные особы стремятся выставить в дурном свете своих соперниц, чтобы самим выглядеть в глазах мужчин лучшим образом. Галифакс не рекомендовал дочери

¹ The Lady's New-Year's-Gift... P. 27.

² Ibid. P. 27–28.

³ Ibid. P. 29.

сближаться с такими дамами, а также наставлял ее в правилах поведения в мужском обществе. «С мужчинами ты должна обращаться таким образом, чтобы обезопасить себя и не нанести обиды им», — писал он в своем «Наставлении...»¹. Маркиз предостерегал дочь от опасных последствий кокетства: «Ты должна помнить о силе своих глаз и о том, что один случайный взгляд может вызвать больше, чем сотня произнесенных слов, — подчеркивал он, — язык взглядов более значителен и заметен». Если девушка начинает кокетничать и флиртовать с ухаживающими за ней мужчинами, это может превратиться в «опасную игру с огнем», поскольку даже самый галантный из них, поначалу представлявшийся «добычей», вскоре сам становится «завоевателем», одерживает победу и из «обожателя и вздыхателя» превращается в господина и повелителя. «Нередко за красивыми словами скрывается злой умысел, поэтому с мужчинами следует всегда быть настороже», — предостерегал свою дочь Галифакс².

Маркиз наставлял дочь также в манерах поведения в свете. Он советовал ей быть любезной, предостерегал от чрезмерной болтливости, этакое «щебетания». Ему представлялось нелепым поведение дамы, которая болтает без умолку и не дает собеседнику вымолвить слова. Для дамы из высшего света считается неприличным слишком громкий смех или разговор. Кроме того, не следует забывать, что для каждого возраста свойственен свой стиль поведения и потому «не следует уподобляться пятидесятилетним дамам, которые решили навсегда остаться молодыми, тогда как время с его железными зубами свидетельствует об обратном»³. Живость, игривость, излишняя веселость матроны выглядят комично, и «престарелая бабочка» вызывает только смех.

Хотя Галифакс не сомневался, что его дочь сама правильно разберется в том, что достойно осуждения, тем не менее, он посчитал необходимым рассмотреть те качества, которые не украшали девушку. Так, он осуждал тщеславие, к которому «склонен весь женский пол», жеманство, гордыню, спесь. На его взгляд, девушка не должна гордиться своими нарядами, украшениями и тем, что на ней «больше кружев», чем на ее соседке. Галифакс считал, что юная леди всегда должна помнить: заслужить уважение к себе важнее, чем обзавестись богатыми нарядами.

Касаясь досуга молодых девушек из высшего света, Галифакс, хотя и признавал необходимость отдыха для них, в то же время осуждал тех, кто превращал свою жизнь в сплошную цепь развлечений. Он с

¹ Ibid. P. 30.

² Ibid. P. 31–32.

³ Ibid. P. 38, 42.

явным неодобрением относился к таким леди, которые «закатывали пирушки, приводившие к дуэлям»; без дела слонялись в Гайд-парке или городским улицам, ловя восторженные взгляды проходивших мимо мужчин; зимой превращали свои гостиные в игорные салоны, или просто проводили время в праздности. Галифакс предостерегал дочь от подобного времяпрепровождения, в особенности от увлечения карточной игрой, которая могла, на его взгляд, привести в дурную компанию. Он советовал девушкам заниматься танцами, обучаясь самым модным из них под руководством учителя. Кроме того, следовало позаботиться и о выборе друзей, руководствуясь при этом, прежде всего тем, чтобы друзья не сбили с пути. С выбором подруги лучше не торопиться. Сближение с ней должно быть постепенным. Если подругу в чем-то обвинили, не следует спешить присоединяться к тем, кто это делает, но не надо и слишком пристрастно ее защищать. Ведь, если приятельница заслужила репутацию вульгарной женщины, ее «слава» может бросить тень на саму защитницу.

Завершая свое произведение, Галифакс высказывал пожелание, какой бы он хотел видеть дочь в будущем. Он мечтал о том, чтобы она стала достойным «украшением семьи» и «образцом для себе подобных»; могла гордиться своим мужем, а он, в свою очередь, оценил ее «совершенства и добродетели», которые унаследуют их дети. Маркиз желал, чтобы дочь «сияла в свете истинным блеском, принуждая недоброжелателей уважать себя» и чтобы ее ум и доброта сделали ее заметной личностью. «Может быть, эти качества соединятся в тебе, — писал Галифакс, — позволь им быть твоими ангелами-хранителями и можешь быть уверена, что они никогда не оставят тебя без своего покровительства»¹. В подобных высказываниях маркиза вырисовывался тот портрет девушки, который представлялся для просветителя идеалом.

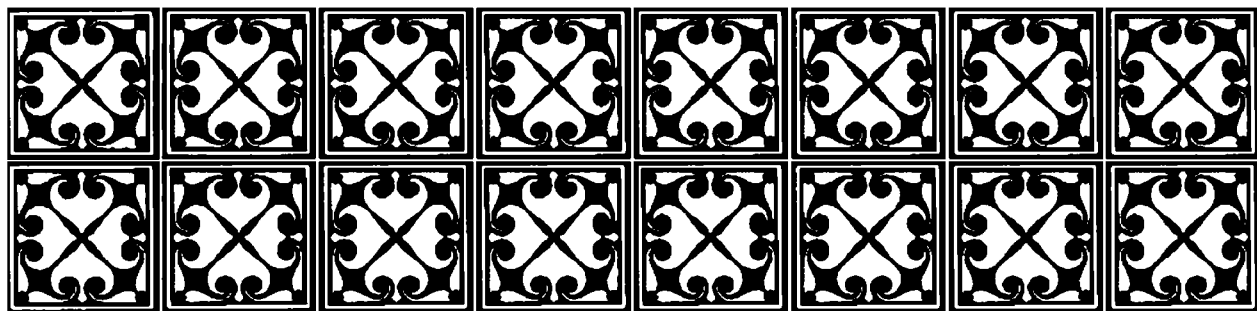
Книга Галифакса сохраняла свою актуальность на протяжении целого столетия. Она оказала также большое влияние на потомков маркиза: дочь Елизавету и ее сына. В 1692 г. дочь Галифакса вышла замуж за третьего графа Честерфилда, а вскоре стала матерью четвертого графа Честерфилда. Именно ему суждено было стать автором произведения «Письма к сыну», которое получило даже большую известность, чем книга Галифакса. Не исключено, что своим появлением оно было обязано именно труду Галифакса. Его произведение «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» осталось непревзойденным шедевром общественно-политической и дидактической литературы в Англии конца XVII — начала XVIII вв.

¹ Ibid. P. 46.

Как мы могли убедиться, английские просветители обсуждали проблемы, связанные с интересами, заботами, занятиями, воспитанием и образованием исключительно представительниц высших и средних социальных слоев иерархического общества. В то же время интересы женщины-труженицы их мало волновали. И в том не было ничего удивительного, поскольку сами просветители являлись выходцами из семей аристократов и крупной буржуазии. Отсюда и проистекала социальная ограниченность в освещении ими женской тематики, в том числе проблемы воспитания и образования. Однако подобная ограниченность не уменьшала важности вклада, который внесли просветители в дело образования подрастающего поколения. Своими произведениями они способствовали культивированию приоритета образования в жизни женщин, создавали эталон для подражания в лице образованной леди. Огромную роль идеологи просветительского движения сыграли также в деле нравственного воспитания девушек. Они высоко ценили в женщине такие качества как доброта, скромность, верность, добропорядочность. Просветители предостерегали женщин от заключения брака из корыстных соображений и советовали выходить замуж по любви. И хотя просветители продолжали отстаивать подчиненное положение женщины в обществе, тем не менее, своими произведениями они пробуждали самосознание англичанок.

* * *

Итак, перед нами прошла одна из наиболее ярких страниц истории мировой цивилизации. Мы рассмотрели, как происходил процесс зарождения и начального развития просветительского движения на его родине, в Англии. Что стало с идеями ранних просветителей, спустя десятилетия? Можно ли говорить о продолжающейся традиции сохранения и развития либеральной модели демократии в новых условиях, когда капитализм утвердился окончательно, а на политической арене появился новый класс — рабочий. Как повлияли новые социально-экономические и политические условия на идеологию просветительского движения в середине и второй половине XVIII века? Об этом речь пойдет в следующих главах.

ЧАСТЬ II

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ГЛАВА 7

Просветители в период правления династии Ганноверов

Социально-экономическое и политическое устройство Англии в правление Ганноверов

Время правления Ганноверской династии в Англии характеризовалось небывалым подъемом общественно-политической просветительской мысли. Экономические процессы, внутривполитические и внешнеполитические события, в которые была вовлечена страна, оказались в центре внимания английских просветителей. Что же представляла собой Великобритания в XVIII веке?

После кончины 1 августа 1714 года королевы Анны Стюарт, не оставившей после себя наследников, на троне Великобритании утвердился представитель немецкой династии Ганноверов Георг I. Принц Георг Людвиг получил право на британскую корону благодаря своей матери, принцессе Софии Ганноверской, внучке английского короля Якова I Стюарта. Согласно Акту о престолонаследии 1701 г., престолы Англии и Шотландии не могли занимать католики; а принцесса София оказалась ближайшей протестантской родственницей дома Стюартов и поэтому наиболее вероятной претенденткой на престол. В 1682 году Георг женился на своей кузине, принцессе Софии Доротее Целльской. От этого брака родилось двое детей — сын Георг (будущий английский король Георг II) и дочь София Доротея (будущая мать

прусского короля Фридриха Великого). Но длился их союз недолго. В 1687 году принц расстался с супругой. В 1698 г., после смерти отца, Георг Людвиг унаследовал брауншвейгское курфюршество. При его дворе работали такие светила культуры, как математик Готфрид фон Лейбниц и композитор Георг Гендель. Мать Георга, София, наследница английского престола, скончалась за несколько недель до смерти королевы Анны. Георг поначалу не хотел занимать британский престол, но окружение уговорило его принять корону. Георг прибыл в Лондон 18 сентября и короновался в Вестминстерском аббатстве. Однако не все были рады видеть на королевском троне представителя протестантской религии. В 1715 году в Англии вспыхнуло восстание якобитов, желавших видеть на престоле брата покойной Анны, католика Якова (Джеймса) Стюарта. Вскоре восстание было подавлено. В 1717 году Георг активно участвовал в создании антииспанского антикатолического Тройственного союза протестантских стран: Британии, Франции и Нидерландов. В дальнейшем он все чаще навещал родную Германию, которая всегда оставалась более близкой ему по духу, нежели Великобритания. По пути в Ганновер он и скончался в 1727 г. Ему наследовал старший сын, Георг II.

После смерти Георга I в 1727 г. на английский престол вступил его старший сын Георг II Ганноверский, правивший Великобританией до 1760 г. В отличие от своего отца новый король проявлял больший интерес к государственным делам. Впрочем, его политические симпатии, как и у его отца оставались на стороне партии вигов. В первые годы правления Георга II важную роль в политике играл лидер вигов Роберт Уолпол, считавшийся де-факто первым премьер-министром Великобритании. В 1742 г. Уолпол, обвиненный в нечестной игре на выборах, был вынужден уйти в отставку. В последующем в политике его сменил Уильям Питт-старший, пользовавшийся личным покровительством короля. Георг II вел активную внешнюю политику, участвовал в войне за Австрийское наследство, в Семилетней войне 1756–1763 гг. Он был последним британским монархом, который лично принимал участие в сражениях во время войны за Австрийское наследство в 1743 г. В ходе Семилетней войны Георгу II удалось потеснить французов с территории Индии и Канады.

Внутренняя политика короля отличалась меньшей активностью. Итогом правления Георга II в Англии стало усиление экономической мощи Великобритании, расширение ее колоний в Индии и Америке. Слабая заинтересованность Георга II внутриполитическими вопросами привела к значительному ослаблению королевской власти и усилению роли вигских министров. В возрасте 77 лет Георг II скончался. Ему наследовал внук Георг III. Он был первым монархом Ганноверской династии, родившимся в Великобритании; в отличие от отца, деда

и прадеда, английский язык для него был родным. В Германии он никогда не бывал.

Долгое (почти 60 лет) правление Георга III было ознаменовано революционными событиями в мире, среди которых: отделение от британской короны американских колоний и образование США, Великая французская революция 1789–1794 гг., а также военно-политическое противостояние Великобритании и революционной Франции¹.

Георг III, как отмечали ученые Э. Лависс и А. Рамбо, был королем, «воспитанный матерью в абсолютистских предрассудках. Мать разрешала доступ к нему лишь немногим лицам. Шотландский пэр лорд Бьют — личный друг вдовствующей королевы — матери в политическом отношении воспитал ее сына на «Комментариях» Блэкстона, прославлявшего прерогативы короны в таких выражениях, что в уме молодого короля неизбежно возникло горькое сожаление от бессилия короны при его дяде и прадеде. Он решился на усиление королевской власти, а упорство — есть главная черта его характера — это он доказал с избытком. Современники справедливо осуждали его за консерватизм, вредное и упорное сопротивление назревшим реформам. Средства, которыми он пользовался, были не лучше его целей — из своих креатур, королевских друзей он составил покорное ему большинство в Палате лордов». Критикуя этого «посредственного» монарха, историки в то же время отмечали и такие положительные черты его характера, как «искренность, набожность, безупречность в личной жизни, бережливость»².

Воспитанный под руководством лорда Бьюта в неприязни к вигам, молодой король по вступлении на престол немедленно решился «сломить» силу вигской партии. Уже в 1761 г при помощи так называемых «друзей короля», имевших большое влияние при дворе, премьер-министр Уильям Питт-старший был удален со своего поста. Однако неспособность лорда Бьюта, назначенного королем премьер-министром, к управлению государством, привела к тому, что в Англии началась экономическая разруха. В обществе усилилось недовольство политикой Бьюта и возглавляемых им тори. Под давлением общественности Георг III был вынужден в 1766 г. вновь допустить к власти вигов. В результате было сформировано правительство маркиза Рокингэма, которое, однако, не смогло справиться с тяжелой экономической ситуацией. В данных условиях только Питт — старший мог исправить создавшееся положение. Получивший от короля титул графа Четэма,

¹ Подробнее о внутренней и внешней политике династии Ганноверов см.: Яковлев Н. Н. Британия и Европа. М., 2000; Айзенштат М. П. Власть и общество Британии. 1750–1850 гг. М., 2009.

² Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история. М., 1901. Т. 7. С. 827–829.

Питт-старший порвал с вигами, согласился прийти на помощь королю и возглавить правительство, однако нервное расстройство заставило его уйти из политики. Правительство возглавил герцог Крафтон, проводивший политику, направленную на ослабление позиций партий и усиление влияния короны в государстве. В 1770 г. Георг III назначил первым министром лорда Норта, ставшего послушным орудием в руках короля. Во внутренней политике наступила эпоха реакции и наступления на оппозицию. Началась череда неудач и во внешней политике, главной из которых стало поражение Великобритании в войне с североамериканскими колониями.

Угодная королю политика репрессий по отношению к американским колонистам была популярна в стране, пока вслед за объявлением войны не последовало поражение армии английского генерала Бургойна под Саратогой и вмешательство Франции в военное противостояние Англии и североамериканских колоний на стороне колонистов в 1778 г. Норт хотел было отказаться от власти в пользу Питта — старшего, но Георг III не захотел этого. Возбуждение в обществе росло; в Америке неудача следовала за неудачей; в Великобритании недовольство масс политикой короля нашло выражение в многочисленных бунтах в 1780 г. Георг III попытался было вступить в соглашение с оппозицией, но потерпел полную неудачу вследствие сдачи в плен армии лорда Корнуоллиса. В марте 1782 г. Норт вышел в отставку. К власти пришли ненавистные королю виги. Во время непродолжительного второго министерства Рокингэма король вынужден был согласиться на признание американской независимости, но затем добился отставки Рокингэма и назначил на пост премьер-министра лорда Шелбэрна, которого считал более уступчивым. Однако уже в 1783 г. было образовано коалиционное правительство Фокса и Норта, вступившее в управление Англией с явным намерением сломить сопротивление королевской власти. Георг III решился апеллировать к стране: посредством неконституционного употребления своего личного влияния в палате лордов он добился того, что внесенный Фоксом билль по управлению Индией был отвергнут. В 1784 г. министры вышли в отставку, парламент был распущен, были проведены новые выборы. Результаты выборов продемонстрировали полную победу короны над вигской олигархией. Было сформировано правительство так называемых «новых тори» во главе с У. Питтом — младшим. Начало правления Питта — младшего было временем экономического процветания Англии. Превосходное управление Питта — младшего государством снискало короне и лично Георгу III большую популярность.

Между тем, уже к концу 80-х гг. XVIII в. популярность Георга III начала заметно снижаться, чему способствовала атмосфера реакции,

сложившаяся в Англии в связи с опасением короля возможности возникновения в стране революции, подобной французской. Взрыв революционных событий во Франции напугал даже большую часть недовольных Георгом III вигов и склонил их к поддержке трону в борьбе с внепарламентской оппозицией, требовавшей проведения демократических преобразований в стране и поддерживавшей французских революционеров. С одобрения высших слоев общества король и его министры объявили войну Франции, присоединившись к европейской антифранцузской коалиции, состоявшей из Пруссии, Австрии и России. Тяжести налогов, сопровождавшие подобный шаг монарха, быстро сделали войну непопулярной. Постоянно возрастающие расходы на содержание армии ложились тяжким налоговым бременем на население страны, немало английских солдат полегло на полях сражений. В обществе росло недовольство.

Правление Ганноверов пришлось на эпоху, связанную с промышленным переворотом в стране. В середине — второй половине XVIII века Великобритания превратилась из аграрной в аграрно-индустриальную. Данный процесс был связан с развитием промышленности и с начавшимся в 60-е гг. XVIII века промышленным переворотом. Наибольшее развитие получили угольная, металлургическая, хлопчатобумажная и текстильная отрасли промышленности. Выплавка чугуна за период с 1788 по 1810 гг. увеличилась в 4 раза, выплавка меди — в 6,5 раз; добыча каменного угля с 1790 по 1795 г. возросла на 2,5 млн. тонн¹. Что касается текстильной промышленности, то производство шерстяных тканей стало «монополией английских фабрикантов Западного Йоркшира»². Хлопчатобумажная промышленность, работающая на привозном хлопке, «сосредоточилась в Ланкашире, а его центр — Ланкастер стал признанной столицей текстиля. Находившийся рядом порт Ливерпуль обеспечивал доставку хлопка из Южной Америки, а также из североамериканских колоний»³. В Манчестере было построено 50 прядильных хлопчатобумажных фабрик, использовавших паровые машины⁴.

Заметных успехов достигла торговля Великобритании. Суммарное водоизмещение торгового флота, обеспечивавшего товарооборот страны, увеличилось с 560 тысяч тонн в 1763 г. до 1265 тысяч тонн

---

¹ Асланов Л. А. Культура и власть. М., 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.kara-murza.ru>», 14 августа 2007 г.

² Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1975. С. 132.

³ Там же. С. 132

⁴ Асланов Л. А. Указ. соч.

в 1788 г.¹ Из Китая и Индии к берегам Англии привозили селитру, специи, шелка, чай, сахар, табак, строевой лес, фарфор². Торговля велась с Канадой, которая покупала английское сукно и снабжала Англию строевым лесом, железом³. Активно развивалась работоторговля. Более 50 % рабов перевозились на английских кораблях. В 1708 г. работоторговцы провозили в год 5 тысяч африканцев, в 1760 г. — 36 тысяч, в 1770 г. — 47 тысяч⁴. Работоторговцы везли из Англии хлопчатобумажные ткани в Африку, обменивали их на негров, перевозили негров через Атлантический океан в Центральную Америку, о-ва Вест-Индии, на юг Североамериканских колоний, где меняли их на хлопок, табак, сахар⁵.

Главенствующее место в обществе по-прежнему занимали ленд-лорды, располагавшие большинством мест в парламенте. Вместе с тем заметно усилилась роль промышленной буржуазии в экономике, хотя ее влияние в политике оставалось еще слабым в силу недостаточного представительства в парламенте.

Во второй половине XVIII века заметно активизировались социальные низы. Крестьяне как класс независимых землевладельцев вследствие огораживаний практически исчез в стране. За период с 1760 по 1780 гг. парламент принял более тысячи биллей об огораживании, в соответствии с которыми было огорожено до 3 млн. акров общинных земель⁶. Завершению этого процесса способствовало принятие в 1801 г. «билля о всеобщем огораживании»⁷. Как свидетельствовал известный британский историк Дж. Тревельян, «законы об огораживании серьезно затронули 50 % английских графств, расположенных к югу от Йоркшира, включая Линкольн и Норфолк. На основании парламентских актов более 1,5 млн. человек, еще имевшие в первой половине XVIII века наделы, были лишены земли»⁸. Лишившись своих наделов, часть крестьян ушла в батраки, чтобы работать на лендлордов за мизерную плату. Другие отправились в города в поисках средств к существованию, однако не все смогли найти работу, многие пополняли многочисленную армию пауперов. К концу XVIII века в Англии насчитывалось 1,5–2 миллиона пауперов при общей числен-

¹ Асланов Л. А. Указ. соч.

² Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Смоленск, 2002. С. 416.

³ Там же. С. 419.

⁴ Асланов Л. А. Указ. соч.

⁵ Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 416–417.

⁶ Асланов Л. А. Указ. соч.

⁷ Билль о всеобщем огораживании. 1801. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.hrono.ru>», 24 июня 2008 г.

⁸ Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 403.

ности населения в 9 миллионов¹. Власти, озабоченные проблемой поддержания социального мира в обществе, принимали законы, обосновывавшие легитимность карательных актов, направленных против пауперов и требовавших создания работных домов.

В результате промышленного переворота произошло резкое ухудшение жизни и труда наемных рабочих, что, в свою очередь, привело к зарождению рабочего движения. Самыми распространенными формами протеста рабочих стали стачки, которые проводились в стране систематически. Наибольшую известность в ту пору приобрело в Англии движение луддитов — разрушителей машин. Правительство принимало меры, направленные на подавление рабочего движения. Закон против рабочих коалиций, принятый в 1799 г., гласил: «Все контракты, договора, соглашения, письменные и устные, заключенные рабочими или прочими лицами, чтобы добиться повышения заработной платы для них или снижения продолжительности рабочего дня, объема работы будут объявлены незаконными. Рабочие, заключившие такие соглашения, понуждающие других бросать работу, или присутствующие на митингах в таких целях, подлежат трехмесячному заключению в тюрьме или двухмесячному заключению в исправительном доме»². Однако никакими репрессивными мерами невозможно было остановить набиравшее силу рабочее движение. Его радикализации во многом способствовала начавшаяся во Франции Великая французская революция и приход к власти якобинцев. Неурожай 1795 г. привел к массовой забастовке в Лондоне. Рабочие требовали установления максимума цен на продовольствие (как во Франции), громили лавки. Наиболее массовые выступления рабочих прошли в 1787–1798 гг. Только к 1800 г. властям удалось их подавить. Движение народных низов пошло на убыль.

Во второй половине XVIII века в политической жизни Великобритании произошел заметный поворот к реакции, что было связано со вступлением на престол в 1760 г. Георга III Ганновера, стремившегося, в отличие от своих предшественников, к единоличному правлению. Георг III пытался свести до минимума влияние партии вигов, заручившись поддержкой своих сторонников из партии тори. «Если до тех пор виги обеспечивали покорность парламента подкупом его членов, то английский король решил взять под свой личный контроль предназначенные для этого фонды»³. Борьба между вигскими лидерами за

¹ Кертман Л. Е. Указ. соч. С. 133.

² Закон против рабочих коалиций. 1799 // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сб. документов. М., 1957. С. 144–145.

³ Кертман Л. Е. Указ. соч. С. 166.

власть поставила эту партию на грань раскола. Георг III, награждая преданных ему людей титулами, высокими должностями, деньгами, выплачивая им правительственные пенсии, привлек на сторону тори многих продажных политиков из партии вигов. В сложившихся условиях возникла (в силу отсутствия сильной оппозиции королю в парламенте) угроза установления диктатуры монарха в стране, которая значительно усилилась после назначения на должность премьер-министра фаворита Георга III лорда Бьюта.

В ответ на действия короля на политической арене появились так называемые «новые» или «истинные виги», которые противопоставляли себя как «старым вигам», выступавшим за доминирование парламента над короной, так и «старым тори», ратующим за усиление короны над парламентом. Они предлагали лишить исполнительную власть средства оказания давления на парламент, исключив из числа депутатов лиц, получавших должности и пенсии от короны (снизить количество должностных лиц среди членов палаты общин); уменьшить срок парламентских полномочий с 7 до 3 лет. Пытаясь заручиться поддержкой единомышленников, «истинные виги» выступали за реформирование избирательной системы в стране, расширение избирательных прав. Подобная программа привлекла на сторону «новых вигов» так называемых буржуазных радикалов — представителей промышленной буржуазии, а также широкие круги среднего класса — городскую интеллигенцию (адвокатов, ученых, врачей), недовольных засильем в парламенте и на местах аристократии, а также крупной торговой и финансовой буржуазии, породнившейся с дворянством. «Истинные виги» и радикалы выступали за демократизацию избирательных прав.

Одним из видных участников движения «новых вигов» стал бывший премьер-министр У. Питт-старший, примкнувший к оппозиции новому правительству. Он выступал за то, чтобы удвоить представительство от графств и больших городов в Палате общин, не ликвидируя при этом «гнилые местечки», и тем самым снизить удельный вес аристократии и торгово-финансовой буржуазии в парламенте.

У истоков создания движения буржуазных радикалов стоял Дж. Уилкс — английский парламентарий — виг, потерявший надежду на политическую карьеру в результате прихода к власти Георга III, ориентировавшегося на тори. Основав газету «Северный британец», Уилкс начал выступать в ней со статьями, направленными против короля. Подобная позиция Уилкса не могла не вызвать недовольство властей. В 1762 г. власти предприняли попытку арестовать парламентария, однако для этого им необходимо было лишить его депутатской неприкосновенности. В 1763 г. парламент, послушный воле короля

Георга III, принял решение исключить Уилкса из своих рядов. В результате бывший депутат вынужден был, опасаясь преследований властей, эмигрировать во Францию. В 1768 г. на волне народного недовольства политикой Георга III Уилкс возвратился в Англию и выставил свою кандидатуру на выборах в парламент. Несмотря на победу, одержанную на выборах, Палата общин отказывалась признать его своим членом, а король распорядился арестовать Уилкса, что и было исполнено. В знак протеста избиратели графства Мидлсекс проголосовали за Уилкса во второй, а затем и в третий раз. 10 мая 1768 г. тысячи лондонцев предприняли попытку освободить парламентария. Власти против них вывели войска. В результате столкновения погибло 6 человек¹. Между тем недовольство в обществе нарастало. Вскоре под давлением общественности парламентарий был выпущен на свободу и занял свое место в Палате общин. В 1769 г. Уилкс возглавил «общество защитников билля о правах». Арест Уилкса вызвал бурю протеста со стороны наиболее прогрессивных депутатов парламента, «новых вигов». Выступая в парламенте уже после освобождения Уилкса, в 1770 г. У. Питт-старший в своей речи заявил: «Арест Уилкса — это непарламентский, несправедливый и неконституционный акт»². В 70-е гг. XVIII века парламентарий продолжал выступать с жесткой критикой короля и послушных ему парламента и правительства. Так, в одной из своих речей, в 1773 г. Уилкс заявил: «Торийское большинство в парламенте вызывает во мне отвращение, так как является послушным инструментом в руках короля — тирана и его министров»³. В 1776 г. парламентарий опубликовал обращение ко всем избирателям Англии, получившее название «Речь Джона Уилкса в защиту парламентской реформы». В нем он призвал английский народ требовать от кандидатов в члены парламента обещания бороться за проведение парламентской реформы, направленной на обеспечение более справедливого и равного представительства. В своей «Речи...» Уилкс писал: «В настоящее время английский парламент состоит из тех же представителей, что и во времена Карла II, невзирая на многие изменения, произошедшие в обществе. Жалобы людей не могут быть

¹ Annual register. Vol. 11. Dec. 1768. P. 93. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

² Annual register. Vol. 13. Dec 1770. P. 197. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

³ Annual register. Vol. 16. Dec 1773. P. 91–92. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

услышаны в парламенте, состоящем из тех представителей, из которых он состоит сейчас. Я уверен, что лишение избирательных прав представителей мелких районов и графств улучшит государственное устройство нашей страны. Лишение избирательных прав для представителей этих слабых, зависимых графств — это путь к ликвидации коррупции, к уничтожению тирании. Мы должны охранять себя от тех, кого лорды посылают в парламент. Без справедливого представительства в Палате общин наша конституция носит дефектный характер. Без этого никакие другие средства, в том числе и сокращение продолжительности сроков деятельности парламента, не в состоянии будут оздоровить ее. Я выступаю за равное представительство людей в английском парламенте». Уилкс также осуждал наличие земельного ценза в избирательной системе. Земельный ценз он называл «ужасным абсурдом для такого свободного государства, каковым является Англия»¹. Главная цель парламентария заключалась в привлечении на свою сторону широких народных масс для предотвращения установления тирании короля и торийских министров.

В 1769 г. на свет появились письма секретаря бывшего премьер — министра Англии У. Питта-старшего — Филипа Френсиса, писавшего под псевдонимом Юниус. В этих письмах избирателям внушалась мысль о том, что в стране происходило прямое наступление на их права и свободы. В своем письме английскому премьеру — герцогу Крафтону Юниус писал: «Вы потеряли свое достоинство, деградировали в своем бесчестном преследовании м-ра Уилкса»².

Многие радикалы примыкали к идейно-религиозному движению диссентеров, открыто противостоявших официальной англиканской церкви, находившейся под влиянием короны и правительства. Диссентеры выступали с позиций веротерпимости, равенства всех религий, высказывались против борьбы религиозных фракций, а также за независимость церкви от государственной власти.

Особенностью английского буржуазного радикализма явилось то, что лидеры буржуазных радикалов выступали против революционных, коренных мер изменения существующей социально-политической системы, за сохранение конституционной монархии. Они ратовали исключительно за реформы.

В начале 1780-х гг. в связи с неудачами Великобритании в войне с североамериканскими колониями в стране начались массовые анти-

---

¹ Speech of John Wilkes in Favour of Parliamentary Reform. 21.3.1776. House of Commons // *Williams E. N. The Eighteenth Century Constitution*. Cambridge, 1960. P. 215–216.

² The Junius letter to the Duke of Crafton. 8 July 1769. // *Williams E. N. The Eighteenth Century Constitution*. Cambridge, 1960. P. 210–211.

правительственные выступления. В 1780 г. в Лондоне вспыхнуло крупное народное восстание, носившее политический характер. Оно проходило под лозунгами «Долой короля!», «Долой министров!», и продлилось 8 дней. С большим трудом войскам удалось его подавить.

В этих условиях торийские политики, понимавшие опасность политического курса Георга III, направленного на установление реакции, опасались, что политика короля приведет к революции. В результате возникло движение «новых тори», у истоков создания которого встал У. Питт-младший. «Новые тори» выступили за сближение тори и вигов, формирование коалиционных кабинетов, объединение всех партий для оказания сопротивления тирании монарха, с одной стороны, и народной революции — с другой. Во внутренней политике новые тори не были так радикальны. Единственное, на что У. Питт-младший решился в плане реформирования избирательной системы, это лишение избирательных прав сорока тысяч избирателей, получавших пенсии от правительства.

В ответ на подобные меры в 1790-е гг. в стране возникла сеть радикальных демократических обществ, которые назывались «корреспондентскими». Во главе их стояли верхи рабочего класса, а также мелкая буржуазия. В эти общества входили: мелкие предприниматели, фермеры, фригольдеры, лавочники, торговцы, ремесленники, не выдерживавшие конкуренции с промышленниками. Они надеялись поправить собственное материальное положение через избрание в парламент своих представителей. В отличие от буржуазных радикалов члены корреспондентских обществ не отрицали возможности революционных форм и методов борьбы за свои политические права. Находясь под влиянием событий Великой французской революции и якобинцев, они, как и общество левых демократов, открыто выступавших за революцию, симпатизировали республике.

В 1792 г. восстания, которыми руководили корреспондентские общества, охватили почти все графства Англии, Шотландии, Уэльса. Бастовали ткачи Ланкашира; шахтеры Лидса, Бристоля; плотники Ливерпуля. Кожевники Лондона создали политическую организацию «Лондонское корреспондентское общество», руководителем которого стал сапожник Т. Гарди. Общество посредством переписки осуществляло связь с провинциальными обществами, руководившими восстаниями, выступало с требованиями всеобщего избирательного права. В 1793 г. Гарди был арестован, общество разгромлено.

Неурожай 1795 г. привел к массовой забастовке в Лондоне. Рабочие проводили политические демонстрации. Однажды они окружили карету короля, забросали ее камнями, выкрикивая при этом

лозунги «Долой короля!». Наиболее сильные восстания произошли в 1797–1798 гг. и только к 1800 г. выступления народа были подавлены. Революционное движение пошло на убыль. Очевидно, что левые демократы потерпели поражение из-за несогласованности своих действий, стихийного характера и неподготовленности самих восстаний.

В ответ на восстания левых демократов и корреспондентских обществ правительство У. Питта-младшего в 1795 г. приняло серию репрессивных актов, направленных против радикалов. Согласно первому из них, «Акту об охране личной безопасности короля и правительства против мошеннических и мятежных действий и покушений», «лица, признанные виновными в том, что они сознательно высказывали слова, склоняющие к возбуждению в народе ненависти к особе Его Величества или к правительству, являются государственными преступниками и подлежат тюремному заключению на семь лет»¹. Согласно второму акту — «Акту о более действенных мерах для предупреждения мятежных собраний и митингов», «для проведения публичного митинга более чем в 50 человек, за исключением того, что созывается по инициативе местных властей, необходимо согласие трех мировых судей. Без их согласия митинг носит незаконный характер. Мировые судьи должны явиться на митинг. В случае, если на собрании будет предложено внести изменения в установленные правительством законы, или будет произноситься что-либо, имеющее целью возбуждение ненависти к королю или правительству, мировые судьи могут потребовать от собрания разойтись. Если в течение одного часа более 12 человек не разойдутся, то подлежат смертной казни, как за тяжкие преступления. Мировые судьи получают право задержать всех, кого считали нужным задерживать в том случае, если собрание воспротивиться попытке распустить его»².

Бесспорный интерес вызывает дискуссия, возникшая в парламенте при рассмотрении указанных биллей³. Питт-младший утверждал, что «законодательная власть обязана принять меры против митингов, которые являются ширмой для действий несовместимых со свободой

---

¹ Акт об охране личной безопасности короля и правительства против мошеннических и мятежных действий и покушений. 1795. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.allpravo.ru/library/doc117pO/instrument2998/print.3053.html>», 24 июня 2008 г.

² Акт о более действенных мерах для предупреждения мятежных собраний и митингов. 18.12.1795. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.allpravo.ru/library/doc117pO/instrument2988/print.3053.html>», 24 июня 2008 г.

³ Подробнее см.: Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996.

подданных, возбуждающих народ к бунту»¹. Оппозиция Питту была немногочисленной: в Палате общин против билля при первом чтении высказались всего 42 чел., «за» — 214 депутатов². Оппонирующий Питту известный политический деятель Ч. Г. Фокс заявил в своей речи во время второго чтения билля, что «с принятием подобного законопроекта народ утратит все, чем стоит дорожить. «Уничтожьте свободу слова и свободу печати и все основание нашей свободы рухнет», — восклицал он³. Окончательно билль был утвержден 18 декабря 1795 г.

В 1796 г. правительство Питта-младшего приняло закон, приостанавливающий действие Habeas Corpus Act. Согласно этому закону, «любой человек мог быть арестован без предъявления ему судебного иска»⁴. Закон действовал с 1796 по 1801 гг. Процесс утверждения двух биллей, вышедших в 1795 г., равно как и принятие закона о приостановлении Habeas Corpus Act, отчетливо демонстрируют ту атмосферу реакции, которая сложилась в политической жизни Англии в конце XVIII века.

Достаточно активной была внешняя политика Великобритании в середине — второй половине XVIII века. Страна участвовала в Семилетней войне (1756–1763 гг.), в войне с Североамериканскими колониями (1775–1783 гг.), с Францией, в колониальном порабощении Индии и Ирландии. По окончании Семилетней войны, которую Великобритания вела с Францией к ней отошла основная часть территории Индии, а также Канада. Завоевав Индию, Великобритания начала активно эксплуатировать ее население. По официальным данным за 1757–1777 гг. Великобритания вывезла из Индии практически безвозмездно товаров и монеты на сумму в 37 млн. фунтов

¹ The Parliamentary Debates. Debates in the Commons on the Seditious Meetings Bill. 10 November 1795 // The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803 / Ed. by T. C. Hansard. Vol. 32. L., 1818. P. 273–274. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://books.google.com>», 3 августа 2008 г.

² The Parliamentary Debates. Debates in the Commons on the Seditious Meetings Bill. 10 November 1795 // The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803 / Ed. by T. C. Hansard. Vol. 32. L., 1818. P. 300. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://books.google.com>», 3 августа 2008 г.

³ The Parliamentary Debates. Debates in the Commons on the Seditious Meetings Bill. 25 November 1795 // The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803 / Ed. by T. C. Hansard. Vol. 32. L., 1818. P. 420. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://books.google.com>», 3 августа 2008 г.

⁴ Закон о приостановлении Habeas Corpus Act. 4.11.1795. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.allpravo.ru/library/doc117pO/instrum2988/print.3053.html>», 24 июня 2008 г.

стерлингов¹. Наибольших размеров эта эксплуатация достигла при генерал-губернаторе У. Гастингсе, известном своей жестокостью, злоупотреблениями при сборе налогов, взяточничеством, использованием полученных им средств в целях личного обогащения. Под давлением общественности Гастингс был отстранен от дел, вызван в Лондон, давал показания перед судом, однако процесс затянулся на несколько лет, и в итоге бывший генерал-губернатор был оправдан.

Большая роль в эксплуатации Индии отводилась Ост-Индской компании. В Бенгалии компания по своему усмотрению назначила набобов-правителей и присвоила их казну в размере 38 млн. фунтов стерлингов. Доходы компании в Бенгалии за 1757–1762 гг. составили 5 млн. 260 тысяч фунтов стерлингов, за 1763 г. 675 тыс. фунтов стерлингов². Британское правительство неоднократно предпринимало попытки установления полного контроля над Ост-Индской компанией. Уже в 1767 г. правительство выступило с предложением ограничить доходы компании, взимая с нее налоги в казну государства. Однако компания отказалась платить, выступив с протестами. Судебные разбирательства длились два года. Наконец, в 1769 г. между правительством и компанией был заключен договор сроком на пять лет, по которому компания обязалась ежегодно платить 400 тысяч фунтов стерлингов правительству³. Однако уже в 1776 г. долг Ост-Индской компании правительству составил 1 миллион 400 тысяч фунтов стерлингов⁴. В 70-е гг. XVIII века Великобритания начала вмешиваться в управление компании. В 1774 г. правительство лорда Норта утвердило Билль об управлении Индией, так называемый «билль Норта», по которому право назначения генерал-губернатора Индии, осуществлявшего политическую власть над нею, стало принадлежать

---

¹ Annual register. Vol. 20. Dec. 1777. P. 92. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

² Annual register. Vol. 1. Dec. 1758. P. 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.; Annual register. Vol. 5. Dec. 1762. P. 90. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.; Annual register. Vol. 6. Dec. 1763. P. 83. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

³ Annual register. Vol. 12. Dec. 1769. P. 61. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

⁴ Annual register. Vol. 19. Dec. 1776. P. 127. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «<http://www.bodley.ox.ac.uk-internet library of Early Journals>», 17 июля 2008 г.

правительству. Прежде право назначения на пост генерал-губернатора принадлежало компании¹. В 1784 г. правительство «новых тори», возглавляемое У. Питтом-младшим провело в парламент Билль о лучшем управлении Ост-Индской компании и британских владений в Индии. В соответствии с законом, верховная власть над Индией и компанией была передана контрольному совету, назначаемому королем, а фактически правительством и надзирающему за компанией². С этого момента не только перед узкими кругами торговой и финансовой буржуазии, но и перед промышленниками и государством в целом открылась широкая перспектива для проникновения в Индию.

Война Великобритании с североамериканскими колониями оказалась для нее неудачной. В 1783 г. Великобритания подписала Парижский мирный договор с бывшими своими колониями, по которому Соединенные Штаты приобрели независимость³.

Во второй половине XVIII века обострился так называемый ирландский вопрос. Колонизация Ирландии завершилась в 1753 г. Английские лендлорды, захватившие ирландские земли, подвергли нещадной эксплуатации крестьян. В результате уже в 1760-е гг. в Ирландии стали возникать тайные крестьянские организации «Стальные сердца» и «Дубовые ребята», которые боролись против произвола английских лендлордов.

Поражение в войне с колонистами в Америке, рост недовольства в самой Англии в соединении с усилением сопротивления со стороны ирландского народа заставил правительство У. Питта — младшего пойти на уступки и подписать в 1783 г. «Акт об отречении», в соответствии с которым Ирландия стала независимой в области законодательства, хотя исполнительная власть оставалась за королем Великобритании. Кроме того, ирландским католикам разрешалось арендовать и закупать земли на длительные сроки⁴.

Достигнутые результаты воодушевили Ирландию. В 90-е гг. XVIII века в стране развернулось массовое освободительное движение, была создана политическая организация «Объединенные братья», насчитывавшая 300 тысяч человек. Во главе ее стоял У. Тон,

¹ Билль об управлении Индией. 1774 // Хрестоматия по новой истории / Под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. Т. 1. М., 1963. С. 581–584

² Билль о лучшем управлении Ост-Индской компании и британских владений в Индии. 1784 // Хрестоматия по новой истории / Под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. Т. 1. М., 1963. С. 584–585.

³ Парижский мирный договор между Англией и США. 1783 // Сб. документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв. / Под ред. В. Г. Сироткина. М., 1990. С. 143–144.

⁴ Акт об отречении. 1783 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «http://ru.wikipedia.org/wiki/История_Великобритании», 24 июня 2008 г.

выступавший за отделение Ирландии от Англии и провозглашение ирландской республики. В 1794 г. организация была разгромлена, Тон бежал, умеренные участники общества отшатнулись от него, в организации остались только радикальные элементы. Организация взяла курс на подготовку к вооруженному восстанию, которое было намечено на 1798 г. Однако внутренняя разобщенность, отсутствие центрального руководства привело к тому, что восстание превратилось в серию несвязанных между собой выступлений и было разгромлено. В течение трех лет продолжалась расправа над ирландцами, которых англичане вешали и расстреливали без суда.

В 1800 г. был подписан «Акт об унии Великобритании и Ирландии», по которому ирландский парламент подлежал упразднению, взамен Ирландия получила право посылать 100 своих депутатов в британскую Палату общин и 32 депутата в Палату лордов — по сути произошло полное слияние Англии и Ирландии¹.

Рассматривая внешнюю политику Великобритании во второй половине XVIII века нельзя обойти вниманием еще одно событие — ее войну с революционной Францией в 1793–1802 гг. Опасаясь усиления своей давней соперницы, Великобритания сама спровоцировала начало войны с Францией, используя в качестве повода для разрыва дипломатических отношений приход к власти якобинцев и казнь короля Людовика XVI в 1793 г. Французский поверенный был выслан из Лондона. Результатом подобных действий со стороны Великобритании явилось объявление ей войны французским конвентом.

Вышеперечисленные проблемы: несовершенство избирательной системы, стремление короля Георга III к единоличному правлению, коррупция политической элиты, усиление недовольства народных масс политикой властей, неудачная война с североамериканскими колониями и революционной Францией, а также агрессивная колониальная политика Англии в Индии и Ирландии не могли оставить равнодушными просветителей Англии. События, свидетелями которых они становились, нашли свое отражение на страницах их многочисленных трудов.

Просветители Англии в правление Ганноверов

Английские просветители второй половины XVIII века в своих работах уделяли большое внимание вопросам, касающимся возникновения общества и государства; рассматривали формы правления;

---

¹ Акт об унии Великобритании и Ирландии. 1800. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «[http://ru.wikipedia.org/wiki/История Великобритании](http://ru.wikipedia.org/wiki/История_Великобритании)», 24 июня 2008 г.

выявляли роль и место партий и партийно-парламентской оппозиции в системе правления, разрабатывали концепцию правового государства. Изучению этих вопросов посвящена вторая часть нашего исследования. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению, обратимся к биографиям просветителей с целью выявления влияния социального происхождения просветителей, их образования на формирование их взглядов. Исследование биографий также позволит нам познакомиться с общественно — политической деятельностью просветителей, изучить какие взгляды просветителей, высказанные в их работах, нашли свое отражение в их деятельности. В связи с этим нас интересовало, что представляли собой просветители? Из каких социальных слоев они происходили? Каким было их образование? Наш интерес вызвала также профессиональная деятельность просветителей, в особенности их участие в работе правительства, парламента, в политических партиях. Наконец, мы задались целью выяснить, какие взгляды и убеждения, облеченные в форму литературных или публицистических произведений, позволили причислить этих людей к лагерю просветителей. В поле нашего зрения оказались такие деятели британского Просвещения, как Б. Мандевиль, Д. Юм, Дж. Пристли, Э. Берк, А. Юнг, У. Годвин, А. Фергюсон, Ф. Честерфилд. Выбор именно этих просветителей в качестве объекта нашего исследования был не случайным. В поле зрения оказались такие противоположные по своим убеждениям представители Просвещения как Юм и Годвин, Берк и Пристли. что позволило более всесторонне, осветить общественно — политическую мысль Просвещения в данный период его развития. Обратимся к биографиям просветителей.

Известный английский просветитель, философ, врач Бернард Мандевиль (1670–1733 гг.) родился в Голландии в городе Дордрехте в протестантской семье, происходившей из гугенотов, переселившихся из Франции в начале XVII века из-за религиозных преследований. Принадлежность к протестантам повлияла на становление его религиозных взглядов — уже в раннюю пору своей жизни у него проявилось негативное отношение к католической церкви. Детство и школьные годы будущий просветитель провел в Роттердаме. Именно в это время в период учебы в эразмианской школе гуманистического направления в Роттердаме у него впервые проявился интерес к философии. Дальнейшее становление взглядов просветителя произошло во время обучения медицине в Лейденском университете, куда он поступил после окончания школы. За время учебы Мандевиль совершил поездки во Францию, Италию, Англию, где познакомился с политическим устройством и культурной жизнью этих стран. Завершив образование, Мандевиль стал практикующим врачом. В 1700 г.

он переехал на постоянное жительство в Лондон и усиленно занялся изучением английского языка. В Лондоне просветитель продолжал достаточно успешно врачебную практику, а несколькими годами позже приступил к научной и литературной деятельности. Мандевиль опубликовал медицинский трактат об ипохондрических заболеваниях, ряд сочинений по вопросам политики и морали, написанные на злобу дня публицистические статьи. Наконец, в 1704 г. просветитель создал свое первое и самое известное литературное произведение: поэму «Взроптавший улей или мошенники, ставшие честными», ставшую впоследствии основой сборника, который он назвал «Басней о пчелах»¹. В этом сборнике просветитель представил сатирический образ современной ему Англии. Сборник был снабжен многозначительным подзаголовком: «Пороки частных лиц — блага для общества», что привело к появлению большого интереса к нему со стороны прогрессивной общественности. Переизданный в 1714 г. сборник был дополнен пространными комментариями и трактатом «Исследование о происхождении моральной добродетели». В 1723 г. вышло в свет третье издание «Басни...», в которое вошли еще два сочинения Мандевиля по общественно-политической, религиозно-философской, этической, педагогической тематике, такие как «Исследование о природе общества», «Опыт о благотворительности и благотворительных школах»². С этого времени творчество Мандевиля становится предметом бурной полемики. Интерес к «Басне о пчелах» был огромен. Одно за другим выходили все новые издания «Басни...». В 1729 г. появился второй том «Басни...», содержащий шесть диалогов, посвященных проблематике первого тома. Однако, если широкие читательские массы зачитывались произведением Мандевиля, то отношение к нему со стороны английских властей, как светских, так и духовных было резко отрицательным. В 1723 г. «Басня...» была осуждена большим жюри графства Мидлсекс по обвинению в безнравственности и атеизме. Ее критиковали и представители идеалистической этики, и теоретики нравственности. Среди критиков Мандевиля были такие мыслители как Ф. Хатчесон, А. Смит. Но больше всего на просветителя нападали защитники религиозной морали, непримиримые противники материализма и свободомыслия, среди которых пальма первенства

¹ Мандевиль Б. Взроптавший улей или мошенники, ставшие честными // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.

² Мандевиль Б. Исследование о происхождении моральной добродетели // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.; Мандевиль Б. Исследование о природе общества // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.; Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.

принадлежала епископу Клойнскому Дж. Беркли, выступившему в 1732 г. с работой «Апология христианской религии против так называемых свободомыслящих», направленной против Мандевилля. Полемика вокруг творчества Мандевилля продолжалась и после смерти просветителя в 1733 г. «Басня о пчелах...» переиздавалась в Англии больше 10 раз на протяжении XVIII века, а в XIX веке была переведена на французский и немецкий язык, получила известность за океаном. Творчество просветителя оказало огромное влияние на последующие поколения мыслителей, не переставая волновать умы прогрессивной общественности всего мира.

Наибольшую известность в Англии и за ее пределами приобрел Дэвид Юм (1711–1776 гг.). Он родился в небогатой семье в г. Эдинбурге. Род Юма принадлежал к оскудевшему дворянству. Его отец, Джозеф Юм, был адвокатом и принадлежал к древнему дому Хьюмов. Мать Юма Кэтрин была дочерью сэра Дэвида Фальконера, главы судейской коллегии. Детство Юм провел в деревушке Чернсайд в поместье Найнвелс на границе между Шотландией и Англией. Поместье Найнвелс, примыкающее к селению Чернсайд, принадлежало семье Юма с начала XVI в. Отец Юма умер, когда он еще был ребенком. После смерти мужа Кэтрин посвятила себя целиком воспитанию детей — Джона, Кэтрин и Дэвида. Просветитель получил домашнее воспитание. Найнвелсские Юмы, будучи высокообразованными людьми, имели богатую домашнюю библиотеку. Именно поэтому просветитель рано увлекся литературой. Близкие Юма надеялись, что он, как и его отец, станет юристом, но, еще будучи подростком, он заявил, что испытывает отвращение к любому занятию, кроме философии и литературы и хочет продолжить свое образование в университете. Просветитель поступил в Эдинбургский университет в 1723 г. Университет он, однако, так и не окончил. В 1726 г. Юм по настоянию семьи, считавшей, что он должен посвятить себя юридической деятельности, оставил обучение.

После того, как семья настоятельно потребовала от него посвятить себя профессии юриста, Юм вынужден был поступить клерком в адвокатскую фирму в Эдинбурге, но вскоре счел, что судебная деятельность плохо вяжется с его вкусами, и решил посвятить все свободное время чтению художественной и философской литературы. Однако смерть отца и как следствие этого сложные финансовые условия заставили Юма в 1734 г. переехать в Бристоль и заняться коммерцией, поступив работать в купеческую компанию. Впрочем, довольно скоро он разочаровался и в этом занятии и решил уехать во Францию, где собирался получить гуманитарное образование, отвечавшее его интересам. Мать Юма, на которую, после смерти мужа, легли все заботы по воспитанию сына, на этот раз не стала препятствовать ему.

В 1734 г. Юм уехал во Францию, где прожил три года, из которых значительную часть провел в иезуитском колледже Ля-Флеш, в котором когда-то учился Р. Декарт. Именно в этой стране он создал свой первый философский труд: «Трактат о человеческой природе»¹.

В 1737 г. Юм возвратился в Эдинбург. В конце 30–40-х гг. XVIII века просветитель опубликовал большое количество эссе, посвященных рассмотрению широкого круга общественно-политических проблем, стоявших в то время перед Англией. Активная публицистическая деятельность принесла большой успех просветителю, за ним утвердилась слава писателя, поднимающего в своих произведениях актуальные животрепещущие темы, умеющего в доступной форме излагать свои взгляды по любому, самому сложному вопросу. Параллельно с ростом популярности Юма среди прогрессивной общественности увеличивалась враждебность к нему со стороны светских и духовных властей. Просветителя обвиняли в атеизме. Политическая неблагонадежность Юма мешала ему сделать достойную карьеру. Он подавал заявление на должность профессора в Эдинбургском университете, но оно было отклонено. В середине 1740-х годов Юму, чтобы поправить свое материальное положение, пришлось поступить на службу секретарем генерала Сен-Клера (своего дальнего родственника) и участвовать в похожем на фарс набеге на берега Франции, а также в военной экспедиции против французской Канады. В эти годы просветитель также состоял в составе военных миссий в Вене и Турине. Параллельно он продолжал заниматься публицистической деятельностью. В 1749 г. Юм опубликовал «Исследование о принципах морали»². В 1752 г. поправив свое материальное положение, просветитель вернулся в Лондон. В 1752 г. в Лондоне вышла его «Естественная история религии»³. Вместе с улучшением его материального положения к нему пришло и уважение со стороны высших кругов английской общественности. Лондонское общество юристов избрало его библиотекарем. Получив неограниченный доступ к обширным книжным фондам, хранившимся в Лондонской королевской библиотеке, Юм решил написать историю Англии. Просветитель довел «Историю Англии» до Славной революции 1688 г. Вышедшее в 6 томах, историческое сочинение просветителя, нашло восторженный прием у читающей публики. Произошло примирение Юма с государственной властью.

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1966.

² Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966.

³ Юм Д. Естественная история религии // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966.

В 1763 г. Дэвид Юм вновь поступил на государственную дипломатическую службу. В 1763 г. закончилась война Англии с Францией из-за колоний (Семилетняя война) и просветитель был назначен секретарем британского посольства в Париже при Версальском дворе. В течение 14 лет он находился на дипломатической службе во французской столице, причем в последние месяцы 1766 г. исполнял обязанности британского поверенного в делах. В Париже Юм завел обширные знакомства с французскими просветителями, пользовался популярностью у прогрессивной общественности, просветителя повсюду окружали всеобщее внимание и восхищение.

В конце 1766 г. Юм возвратился на Британские острова в ранге помощника государственного секретаря. Однако деятельность чиновника, пусть и такого высокого ранга, не удовлетворяла его, и в 1769 г. он оставил дипломатическую службу и возвратился в Эдинбург состоятельным человеком, что позволило ему полностью отдаться творчеству. Наконец-то он смог осуществить свою давнюю мечту — собрать вокруг себя талантливых философов и литераторов. Вокруг Юма образовался кружок «Любители философии», одним из наиболее ярких представителей которого являлся А. Фергюсон. Знакомство с известным просветителем оказало большое влияние на дальнейшее формирование идейно-политических взглядов Юма. В Эдинбурге Юм прожил вплоть до конца своей жизни, продолжая заниматься активной общественно-политической деятельностью. Близкий друг Б. Франклина, знакомый с ним еще по дипломатической работе, Юм в 1776 г. с восторгом встретил известие о провозглашении североамериканскими колониями независимости.

Среди просветителей Англии были не только представители аристократии, но и выходцы из средних слоев. Одним из них являлся Джозеф Пристли (1733–1804 гг.). Он родился в местечке Филдхэд, недалеко от промышленного города Лидса, в протестантской семье. Его отец был владельцем небольшой ткацкой мануфактуры. По своим религиозным пристрастиям семейство Пристли принадлежало к диссентерам (нонконформистам), выступавшим за веротерпимость. С ранних лет Джозеф проявлял тягу к знаниям. В 1752 г. он поступил в диссентерскую академию в Дэвентри, где наряду с теологией изучал древние языки. Став помощником священника в одном из приходов в Саффолке после окончания академии в 1755 г., Пристли вскоре был обвинен в свободомыслии. Обучение в диссентерской академии, равно как и принадлежность к семье диссентеров, повлияли на религиозные взгляды Пристли.

В 1756 г. Пристли переехал в Уоррингтон, в университете которого преподавал языки, одновременно изучая химию. Спустя несколько

лет, просветитель переехал в Лидс, где основал собственную домашнюю лабораторию и занялся научной работой. Проживая в Лидсе, просветитель время от времени наведывался в Лондон. Совершая поездки в Лондон, связанные с научными занятиями, Пристли познакомился с известным американским ученым и общественным деятелем Франклином. Знакомство с Франклином повлияло на взгляды Пристли, заставило его выступить против колониальных войн, отстаивать право наций на самоопределение. В 1768 г. просветитель создал одно из самых значительных своих произведений «Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы»¹.

С 1773 по 1780 гг. Дж. Пристли работал секретарем и библиотекарем лорда Шелберна, известного своими диссентерскими взглядами. В 1774 г. вместе с лордом он совершил поездку по Европе. В 1774 г., когда началась война североамериканских колоний за независимость, Шелберн выступил на стороне англичан, Пристли же поддержал американцев. Будучи прогрессивным представителем своего времени, Пристли с сочувствием отнесся к борьбе американского народа за независимость.

Сложные общественно-политические условия Англии, в которых протекала повседневная жизнь Пристли, повлияли на формирование просветительских взглядов мыслителя. В 1780 г. Пристли переехал в Бирмингем, где стал активным посетителем так называемого «вигского клуба», в котором собирались как представители буржуазного радикализма, недовольные засильем во властных структурах ленд-лордов и крупной торговой и финансовой буржуазии, породнившейся с ними (промышленная буржуазия — мануфактуристы, выступавшие за дальнейшую демократизацию избирательного права в пользу допуска широких слоев промышленной буржуазии к участию на выборах в парламент); так и представители среднего класса (городская интеллигенция: адвокаты, ученые, врачи).

Неравноправное положение представителей различных религиозных конфессий, а также притеснение католиков, способствовали формированию у Пристли концепции веротерпимости. В 1787 г. Пристли провел кампанию за отмену «Акта о присяге», принятого в 1673 г. В соответствии с данным законом, «различные религиозные направления в христианстве, не принадлежащие к официальной англиканской церкви, не могли получить доступ к занятию высоких

---

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Избранные сочинения. М., 1934.

государственных должностей или к избранию в Палату общин»¹. Пристли опубликовал письмо премьер — министру Англии У. Питтут-младшему, в котором призывал отменить этот акт, за что впоследствии подвергся нападкам со стороны официальной церкви.

В 1790 г. Пристли опубликовал «Письма к высокочтимому Эдмунду Берку, вызванные его размышлениями о французской революции»². Французская революция конца XVIII века была восторженно принята Пристли. Просветитель являлся активным членом «Общества друзей революции». Поддержка Пристли революции сделала пребывание просветителя в Англии невозможным. 14 июля 1791 г., когда Пристли и его единомышленники собрались в его доме, чтобы отметить годовщину взятия Бастилии, толпа сожгла лабораторию и библиотеку просветителя. В связи с этим он был вынужден переехать в 1791 г. из Бирмингема в Лондон, а в 1794 г. эмигрировал в США — в г. Нортумберленд (округ Филадельфия). В Соединенных Штатах Пристли сначала был встречен с почётом. Его приглашали в Нью-Йорк; предложили профессию в Филадельфии. В Филадельфии просветитель пытался основать и возглавить собственный колледж. Но с организацией колледжа у просветителя ничего не получилось. В итоге он поселился на ферме в Нортумберленде (штат Пенсильвания), прожил здесь в одиночестве около десяти лет, и умер 6 февраля 1804 г., в 71-летнем возрасте. Его жена и один из его сыновей умерли ещё до него. Американского гражданства он так и не принял.

Славу английскому Просвещению принес ещё один его представитель — Эдмунд Берк (1729–1797 гг.). Он родился в Дублине в 1729 г. в семье адвоката. Мать Берка была католичкой, поэтому, хотя официально семья заявляла о своей принадлежности к государственной англиканской церкви, Берк воспитывался как католик. Начальным обучением Эдмунда руководил учитель, также исповедовавший католицизм. Именно поэтому уже с ранних лет жизни Берк защищал католичество и выступал против притеснения католиков государством.

В 1744 г. Берк поступил в юридический колледж, который закончил спустя четыре года, получив степень бакалавра. В 1750 г. он отправился в Лондон с намерением начать в столице адвокатскую практику. Ораторские способности Берка, его успехи на адвокатском поприще, способствовали улучшению его материального положения, а также росту карьеры. С 1761 г. Берк находился на государственной

¹ См: Семенов С. Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. С. 23.

² Пристли Дж. Письма к высокочтимому Эдмунду Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письма 1–6; 14 // Пристли Дж. Избранные сочинения. М., 1934.

службе, являясь личным секретарем лорда — лейтенанта Ирландии Галифакса. Здесь, в Ирландии, Берк убедился, в каком угнетенном положении находились ирландцы. Подобное положение народа заставило Берка с сочувствием относиться к Ирландии, к ее исконной культуре и религии, одновременно осуждая колониальную политику Великобритании.

В 1766 г. Берк был избран в парламент от партии вигов. В 1774 г. он объединился с лидером оппозиции Чарльзом Фоксом против администрации лорда Норта, ведущего войну с североамериканскими колониями. Проведение Великобританией жестокой колониальной политики в колониях, войны с колониями не могли не вызвать осуждение Берка, повлияв на формирование его просветительских взглядов в части концепции права наций на самоопределение. Бёрк выступал за более терпимое отношение к английским колониям в Америке и настаивал на отмене правительством Акта о гербовом сборе, предусматривавшего налогообложение колоний и вызывавшего большое недовольство у колонистов.

В 1780 г. против Берка было выдвинуто обвинение в защите торговых прав Ирландии, а также в поощрении религиозной политики ирландского королевства. Просветитель выступал за то, чтобы на его родине, в Ирландии, людям разрешили исповедовать католицизм.

В течение многих лет Бёрк выступал за реформирование управления колониальной Индией, которая в то время находилась под контролем Ост-Индской компании. В 1785 г. он добился отстранения от управления компанией Уоррена Гастингса — самого одиозного из всех британских наместников Индии, прославившегося своей жестокостью и взяточничеством.

Французская революция конца XVIII века, восторженно принятая в передовых кругах английского общества, не нашла у Берка поддержки. В 1790 г. просветитель выпустил в свет «Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне», в которых выступил с резкой критикой революции¹. Просветитель опасался возникновения подобной революции в Англии.

В 1794 г. Берк покинул парламент. Однако вплоть до последних дней своей жизни просветитель продолжал интересоваться политикой. В особенности его волновала предгрозовая ситуация в Ирландии, о чем он неоднократно предупреждал правительство. Слова Берка оказались пророческими: мятеж в Ирландии произошел спустя год после смерти просветителя, в 1798 г.

---

¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне. М., 1993.

Один из видных деятелей английского Просвещения Артур Юнг (1741–1820 гг.) родился в Лондоне в семье сельского дворянина. Отец Юнга был приходским священником. Уже в школе Юнг отличался развитым интеллектом и воображением. Окончив школу, он решил посвятить свою жизнь журналистской деятельности, однако смерть отца заставила его остаться в поместье и заняться хозяйством. В поисках средств улучшения землепользования Юнг много путешествовал. В 1768 г. он побывал в Южной Англии, в 1770–1771 гг. — в районах северной и восточной Англии, в 1778 г. посетил Ирландию, а в 1787–1789 гг. — Францию. В 1789 г. вышли в свет путевые заметки Юнга «Путешествия по Франции»¹. Во время своих путешествий, просветитель обращал внимание не только на сельское хозяйство, но и на внутрисполитическую ситуацию в этих странах. Артур Юнг вначале приветствовал Французскую революцию конца XVIII века. Однако развитие революционных событий в направлении установления якобинской диктатуры побудило Юнга обратиться к написанию памфлетов, антиреволюционного содержания, а также заняться разработкой практических мер против расширения демократического движения в Великобритании, воспринявшего многие идеи якобинцев. Ужасающая атмосфера якобинского террора, сопутствующая революции, гибель тысяч людей, не могли не повлиять на взгляды Юнга, вызвав в нем стойкое отвращение к насилию. Заслуженный авторитет Юнга на родине в вопросах землепользования позволил ему вскоре занять видные посты во властных структурах. В 90-е гг. XVIII века премьер-министр У. Питт-младший назначил Юнга советником по вопросам сельского хозяйства в комитете землепользования при правительстве Англии. На этом посту Юнг пробыл много лет, прежде чем решил возвратиться в свое имение, в котором он провел в одиночестве последние годы жизни.

Не менее известным, чем А. Юнг в Англии был просветитель Уильям Годвин (1756–1836 гг.). Он родился в семье священника-диссентера кальвинистского толка, в графстве Кембридж. Жители графства в прошлом составляли ядро армии О. Кромвеля. Именно поэтому им было свойственно религиозное сектантство, стремление к независимости, желание освободиться от религиозного (идеологического) рабства. Строгое воспитание в пуританском духе в семье наложило отпечаток на Годвина. В детские годы, вместо того, чтобы проводить время в развлечениях он предавался чтению книг. С двух лет воспитатели и наставники отдалили его от семьи. Развитый не по годам Уильям был воспитан в неприветливой атмосфере непреклонного кальвинизма.

---

¹ Юнг А. Путешествия по Франции. СПб., 1996.

В шесть лет он подобно отцу и деду решил стать нонконформистским проповедником. Начальным обучением Годвина руководил суровый пуританин Роберт Эйкерс, поровний своего воспитанника за любую повинность. Жестокие методы воспитания прочно отпечатались в памяти Годвина, вызвав в нем неприятие к любому насилию над личностью. Дальнейшим обучением просветителя руководил видный священник — диссентер Сэмюэль Ньютон. В 1773 г. Уильям поступил в диссентерскую академию в Хокстоне, которая в ту пору тяготела к политическому радикализму. Здесь он в течении пяти лет (до 1778 г.) занимался у доктора Эндрю Кипписа — видного интеллектуала, придерживавшегося левых взглядов. Окончив академию, просветитель принял духовный сан и был рукоположен на служение в Стоумаркете (графство Суффолк). Служба его, однако, была непродолжительной.

Под влиянием учебы в Хокстоне и после знакомства с сочинениями Ж. Ж. Руссо, а также с творчеством Дж. Свифта Годвин в 1783 г. окончательно сделался республиканцем и пришел к убеждению о том, что «монархия — насквозь прогнившая форма правления». На протяжении последующих лет претерпели эволюцию также религиозные взгляды просветителя. От кальвинизма он перешел к атеизму. Как утверждала исследователь творчества Годвина С. А. Фейгина, «Руссо, Гольбах и Гельвеций расшатали религиозные убеждения просветителя»¹. Все это привело к тому, что в 1783 г. Годвин сложил с себя сан, решив посвятить себя преподавательской деятельности. Мечтая стать учителем, просветитель представил для небольшой школы в г. Эпсом конспекты своих лекций, но ему так и не удалось набрать необходимых 12 учеников. В итоге, Годвин решил переехать в Лондон и заняться журналистикой.

Стремление короля Георга III к тирании и раболепная поддержка короля со стороны тори, заставила Годвина присоединиться к оппозиции, повлияв на его антимонархические взгляды. Вскоре он стал сотрудничать в качестве журналиста с вигскими журналами. Также просветитель работал редактором «Политического вестника» — радикального издания, славившегося своими нападками на правительство. Годвин был близко знаком с радикально настроенными мыслителями — Дж. Джонсоном, Дж. Макинтошем, Дж. Толуолом, Т. Купером, М. Уоллстонкрафт, Т. Холкрофт, Х. Туком и т. д. Революция, начавшаяся во Франции в 1789 г., произвела большое впечатление на Годвина, увидевшего в ней свидетельство торжества теории о всемогуществе человеческого разума. Просветитель с большим внима-

¹ Фейгина С. А. Жизнь и творчество У. Годвина // Годвин. У. О собственности. М., 1958. С. 236.

нием следил за развернувшейся полемикой между Э. Берком и Дж. Пристли по вопросам французской революции. Его симпатии были всецело на стороне Пристли.

В 1793 г. вышло в свет одно из самых известных произведений Годвина «Исследование о политической справедливости». «Исследование...» явилось откликом на «Права человека» Т. Пейна, который был одним из многих оппонентов «Размышлений о революции во Франции» Э. Берка, начавшего памфлетную войну. В 1794 г. в Англии подняла голову политическая реакция. Причиной тому явился страх британских властей перед революцией во Франции, опасавшихся, что подобные события могут произойти и в их стране. Были арестованы и обвинены в государственной измене за пропаганду политических реформ члены радикально-демократических «корреспондентских» обществ. Усилились нападки и на Годвина. Правительство рассматривало вопрос о привлечении Годвина к ответственности за «Политическую справедливость». Это не помешало ему дерзко оппонировать репрессивным правительственным законам в «Размышлениях о биллях лорда Гренвилла и мистера Питта». В «Размышлениях...» Годвин выступил против репрессивных законов 1795 г. о государственной измене, считая, что эти законы, ограничивающие свободу слова и собраний, нарушают английский Билль о правах. В 1794 г. просветитель выпустил в свет трактат «Поверхностные запреты», в котором призвал оправдать 12 радикалов — членов английского корреспондентского общества, выступивших в поддержку Великой французской революции, призвавших к осуществлению революции во Франции. Трактат был принят восторженно всем прогрессивным сообществом Англии. Английская общественность прониклась сочувствием к осужденным и потребовала отменить смертный приговор в отношении них. В результате усилия Годвина по спасению жизни радикалов увенчались успехом.

Вместе с тем различные журналы все чаще отказывались печатать труды Годвина, т. к. опасались вызвать недовольство со стороны правительства. В результате материальное положение просветителя резко ухудшилось. Все это привело к тому, что Годвин был вынужден отойти от активной писательской деятельности. Отход от журналистики позволил Годвину сосредоточиться на личной жизни. В марте 1797 г. просветитель тайно женился на Мэри Уоллстонкрафт — писательнице и феминистке, и удочерил ее дочь Фанни Имлэй. Смерть жены в сентябре 1797 г., умершей от осложнений при родах их дочери Мэри, стала большой личной трагедией для Годвина. В «Воспоминаниях об авторе «В защиту прав женщин»», вышедших в свет в 1798 г. просветитель, не разделяя феминистских взглядов своей жены, тем не менее, с горячей любовью отзывался о ней и с горечью писал о том,

какой большой потерей стала ее смерть для него. Годвин в одиночку заботился о своих дочерях до 1801 г., когда женился на Мэри Джейн Клермонт, вдове с двумя детьми — Чарльзом и Джейн. В 1803 г. эта большая семья пополнилась Уильямом — младшим.

Финансовые затруднения семьи заставили Годвина открыть небольшую мастерскую по выпуску библиотеки для юношества и приступить к изданию детских книг для школ. Дурная слава, которой пользовался Годвин у правительства со времен издания «Политической справедливости...», вынудила его публиковать свои сочинения под псевдонимом. Весь остаток жизни Годвин испытывал постоянные финансовые затруднения и прибегал к помощи друзей и учеников. Библиотека для юношества также отнимала много сил и времени, будучи постоянным источником финансовых забот.

Трудности профессиональной жизни Годвина были осложнены семейными неурядицами. В 1814 г. умер Уильям-младший. В 1815 г. его дочь Мэри и Перси Биши Шелли сбежали в Швейцарию; их сопровождала Клара Клермонт, у которой был роман с лордом Байроном. Несколько месяцев спустя Фани (дочь Мэри Уоллстонкрофт), также состоявшая в интимных отношениях с Шелли, покончила с собой. Между тем, Клара забеременела. После самоубийства Гарриет Шелли в 1816 г. Годвин настоял на том, чтобы Мэри и Шелли поженились. С тех пор его отношения с Мэри и ее мужем были натянутыми и мучительными.

В поисках более дешевой аренды Годвин постоянно менял местоположение своего издательства, но в 1825 г. был вынужден объявить себя банкротом. Даже после воссоединения семьи в 1828 г. Годвин продолжал работать в весьма стесненных финансовых условиях до 1833 г., когда он получил правительственную пенсию и пост смотрителя и стража налогового управления казначейства. Годвин скончался в 1836 г. в глубокой нищете в возрасте 86 лет после недельной борьбы с лихорадкой, вызванной сильной простудой. Он был погребен рядом с Мэри Уоллстонкрафт в церкви Святого Панкрата, где они когда-то поженились.

Еще один известный представитель шотландского и английского Просвещения А. Фергюсон (1723–1816 гг.) родился в графстве Пертшир на границе с Шотландией в один год со своим тезкой Адамом Смитом. Он учился в церковно-приходской деревенской школе. С 1738 по 1742 гг. Фергюсон обучался в университете св. Эндрю в Эдинбурге. По окончании университета получил степень магистра искусств. Затем приехал в Эдинбург, чтобы стать священником. С 1742 г. Фергюсон находился на церковной службе в одном из приходов шотландской церкви. В 22 года он поступил на службу в 43 шотландский полк «Черная стража», в качестве заместителя капеллана. В первом же бою

просветитель принял боевое крещение, бросившись в гущу схватки, за что и получил выговор от начальства. В 1745 г. он стал главным капелланом полка. Ему приходилось читать проповеди, направленные против изгнанных Стюартов, Папы римского, и других недругов британцев. Одна из его проповедей, обличающая дом Стюартов и якобитов, а также Папу Римского и Францию, так понравилась матери командира полка, что она велела перевести ее с кельтского на английский язык и издала за свой счет. В 1754 г. Фергюсон решил подать в отставку, предпочитая распрощаться с армейской и церковной службой.

Некоторое время просветитель прожил в Европе. В 1754–1756 гг. Фергюсон занимался репетиторством в Лейпциге. В 1756 г. он вернулся в Эдинбург и сразу же принял участие в движении «модератов» — протестовавших против запрета на публичные представления пьес, вызывавших недовольство правительства. По возвращении в Эдинбург просветитель познакомился с Д. Юмом и стал членом общества «любителей философии». В 1764 г. он был приглашен читать лекции в качестве профессора права в Эдинбургский университет. Через два года ему было присвоено почетное звание доктора права Эдинбургского университета. Спустя год Фергюсон опубликовал свою знаменитую работу «Опыт истории гражданского общества»¹.

С 1774 по 1775 г. просветитель совершил путешествия по Франции и Швейцарии. Во время визита во Францию ему довелось познакомиться с Вольтером, оказавшим большое влияние на Фергюсона. Немалую роль в формировании взглядов Фергюсона на формы правления, на географический детерминизм сыграл также французский просветитель Ш. Монтескье.

Жестокая колониальная политика Великобритании, осуществляемая в Америке, вызывала негодование Фергюсона, способствовала формированию взглядов на проблему права наций на самоопределение. В 1776 г. просветитель обратился к политической деятельности. Во время войны североамериканских колоний за независимость он был привлечен к работе в одной из комиссий по урегулированию конфликта между Америкой и Англией, участвовал в составлении обращения к Конгрессу США. Обращение не возымело успеха, и Фергюсон возвратился к научной деятельности в качестве историка. Он издал «Историю прогресса и падения Римской республики» (1783), снискавшую значительную известность.

В 1793 г. Фергюсон в последний раз предпринял поездку в Европу. В Германии он был избран иностранным почетным членом королевской

---

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

прусской Академии наук и искусств. Просветитель прожил долгую и яркую жизнь, дожив до 96 лет, пережил своих жену и детей.

Бесспорный интерес современников вызывал в Великобритании в XVIII веке Филип Честерфилд — Дормер Стенхоп (1694–1773 гг.). Он родился в известной аристократической семье: его отец — третий сын графа Честерфилда, мать — дочь известного английского просветителя XVII века маркиза Галифакса¹. Родители мало занимались воспитанием ребенка. С ранних лет он находился на попечении бабушки и наставника, являвшегося протестантским священником, который подготовил Честерфилда к поступлению в Кембриджский университет в 1712 г., привив ему негативное отношение к католикам. В 1714 г. Честерфилд завершил образование в Кембридже и отправился в путешествие по Европе. Первой страной, которую он посетил, была Голландия. Знакомство с политическим устройством Нидерландской республики повлияло на становление общественно-политических взглядов просветителя. Честерфилд находился под большим впечатлением от посещения Гааги — одной из самых богатых и красивых провинций Генеральных Штатов, олицетворявших собой идеал свободного правления.

Поездка Честерфилда по Европе внезапно оборвалась, что было связано со смертью королевы Анны Стюарт. Наследником престола был провозглашен Георг I Ганноверский. В то время, как королева Анна в своей политике опиралась на торийские кабинеты, Ганноверы пользовались поддержкой вигов. Поначалу и Честерфилд поддержал Георга I, что обеспечило ему успешную политическую карьеру. В 1715 г. просветитель был избран в Палату общин. Между тем, очень быстро Честерфилд разочаровался в короле — бывшем саксонском курфюрсте, которому были чужды нравы, законодательство, политическое устройство, парламентская система Великобритании. Размолвка с королем привела к поездке Честерфилда в Париж на два года. В Париже, по мнению просветителя, утонченность придворных кругов соединялась со стесненностью политической жизни и архаичностью большинства государственных учреждений. Во Франции Честерфилд, благодаря посредничеству лорда Болингброка, находившегося в эмиграции, подружился с Ш. Монтескье и Вольтером. Очевидно, что Вольтер оказал большое влияние на Честерфилда. О Вольтере английский просветитель отзывался с большим уважением как «о веротерпимце, борце за демократические свободы»². В свою

¹ Подробнее о маркизе Галифаксе см: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 254–297.

² *Честерфилд Ф.* Письма к сыну // *Честерфилд Ф.* Письма к сыну. Максимум. Характеры. М., 1971. С. 205.

очередь Честерфилд оказал содействие Монтескье в знакомстве с политическим устройством страны, когда французский философ в 1729 г. посетил Англию. Монтескье в свою очередь оказал большое влияние на Честерфилда. Значимым также было влияние на Честерфилда известных литераторов Дж. Аддисона, Р. Стиля, А. Поупа¹.

В 1722 г. Честерфилд возвратился из Франции на родину, где вскоре получил должность при дворе. В 1726 г. он стал членом Палаты лордов. В 1727 г. в Англии на престол вступил король Георг II, который предоставлял управление страной вигским министрам. Чрезмерно большие полномочия, по мнению Честерфилда, в ту пору приобрел Роберт Уолпол. Коррупция государственной власти, личная нечистоплотность Уолпола, несовершенство избирательной системы, подкупы на выборах, все это вызывало негодование просветителя, заставляло задуматься над вопросами равенства всех перед законом, необходимости правления во имя общественного блага, борьбы с коррупцией, реформирования избирательной системы. В конце 20-х гг. XVIII века началось длительное противостояние между Уолполом и Честерфилдом, приведшее к почетной ссылке Честерфилда послом в Гаагу, где у него возникла любовная связь с девушкой из бедной семьи французских протестантов — Элизабет дю Буше. От этой связи у них в 1732 г. родился незаконнорожденный сын. В 30-е гг. XVIII века, когда в Англии началась борьба между Уолполом и оппозицией (буржуазными радикалами) за парламентскую реформу, Честерфилд принял решение оставить сына, возвратиться на родину и примкнуть к оппозиции, возглавляемой У. Питтом — старшим, графом Чатамом. Находясь в Англии, просветитель продолжал заниматься воспитанием сына, начиная с 1739 г. писал ему письма, составившие впоследствии знаменитые «Письма к сыну»². В этих «Письмах...» просветитель старался привить сыну идеалы добра, справедливости, добродетели, готовил его к дипломатической деятельности. Просветитель обличал Уолпола в подкупах наемных писак и самих избирателей при выборах в парламент. Известный общественный деятель Англии Г. Филдинг в своих театральных постановках обличал систему взяточничества и коррупции, сложившуюся в Англии при Уолполе. В результате английский премьер внес в парламент на утверждение закон «О театральной цензуре». В 1737 г. Честерфилд основал журнал «Здравый смысл», в котором подверг критике этот закон Уолпола. Отношения просветителя с премьер-министром оставались напряженными вплоть

¹ Цит по: Алексеев М. П. Честерфилд и его «Письма к сыну» // *Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеристики.* М., 1971. С. 287.

² *Честерфилд Ф. Письма к сыну* // *Честерфилд Ф. Указ. соч.*

до смерти последнего в 1741 г., после чего Честерфилд смог вернуться ко двору.

Вначале он вновь отправился послом в Гаагу, где добился вступления Голландии в войну за Австрийское наследство на стороне англичан. В сентябре 1743 года, после возвращения из своей миссии в Голландии, Честерфилд женился на Мелюзине фон Шуленбург. В 1744 г. просветитель был назначен наместником в Ирландию, где проявил себя как просвещенный и гуманный правитель, сторонник веротерпимости. В 1746 г. он занял высокий пост — государственного секретаря, на котором пробыл два года. В 1748 г. Честерфилд отошел от дел из-за навсегда испорченных отношений с королём и королевой и отказался от «утешительного» герцогского титула. Некоторое время он продолжал парламентскую деятельность, в том числе противодействовал «Акту о гербовом сборе», приведшему к усилению налогового гнета, осуществлявшегося Англией в отношении североамериканских колоний, и способствовал переходу Великобритании на григорианский календарь, который так и называли — календарь Честерфилда. Однако смерть сына, которого он горячо любил, подкосила Честерфилда. Просветитель тяжело заболел и в последние годы своей жизни больше не занимался активной политической деятельностью.

Итак, мы познакомились с основными вехами биографий просветителей. Очевидно, что практически все они принадлежали к представителям высших или средних слоев общества, получили хорошее разностороннее образование. Их жизнь протекала на фоне сложной внутриполитической и внешнеполитической обстановки: это атмосфера коррупции в высших эшелонах власти, стремление короля Георга III установить единоличное правление, рост общественного недовольства политикой короля и правительства, неудачная война с североамериканскими колониями, агрессивная колониальная политика Великобритании. Исторические события, в которые оказалась вовлечена Великобритания, и невольными участниками которых являлись просветители, равно как и их социальное происхождение, образование, не могли не повлиять на их мировоззрение, не получить значительное отражение в их творчестве.

ГЛАВА 8

Теории происхождения государства и общества в трудах просветителей новой эпохи

Проблема происхождения и развития общества и государства занимала важное место в концепциях видных деятелей английского Просвещения второй половины XVIII века.

Просветители Б. МанDEVиль и У. Годвин связывали образование общества с необходимостью для человека выжить в сложных климатических условиях в борьбе с природой. МанDEVиль полагал, что, в связи с ухудшением климата, с наступлением ледникового периода, человечество уже в эпоху первобытности было вынуждено перейти к коллективным видам деятельности, требующим совместных усилий: к охоте на крупных животных (мамонта, пещерного медведя); изготовлению одежды из их шкур; строительству жилища, добычанию огня. Необходимость защищать себя от диких зверей, холода и голода заставляла диких людей объединяться. Изначальная биологическая слабость (физическое несовершенство) людей по сравнению с дикими зверьми явилась причиной создания первобытного общества. «Слабое и робкое, самое нуждающееся, беспомощное животное, боги создали тебя для общества и предназначили миллионам вас, чтобы вы объединились и составили все вместе сильного Левиафана», — утверждал МанDEVиль¹.

Большую роль в формировании взглядов Годвина на образование общества сыграл американский общественный деятель Т. Пейн. «Я согласен с Пейном, что общество возникло из наших потребностей, главной из которых является потребность в самосохранении», заявлял Годвин².

Просветитель Д. Юм решающую роль в образовании общества отводил формированию семьи. Он отмечал, что в основе появления семьи лежит «естественное влечение двух полов» по отношению друг к другу и «забота об их общем отпрыске»³. Эта забота способствует образованию общества, состоящего из многочисленных семей. Привыкнув жить совместно, люди осознают преимущества, которые они могут получить от общества, сотрудничая друг с другом. Таким образом, Юм отводил большую роль в образовании общества как природной

¹ МанDEVиль Б. Комментарии // МанDEVиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 173.

² Годвин У. О собственности. М., 1958. С. 189.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1966. С. 636–637.

склонности людей к тесному общению с себе подобными, так и той выгоде, которую люди получают от вступления в общество.

Просветитель А. Фергюсон отрицал целесообразность самой постановки проблемы образования общества. По его мнению, общество никогда не возникало, оно существовало всегда. Данный тезис подтверждали следующие слова Фергюсона: «Если как ранние, так и позднейшие свидетельства, собранные во всех частях света, все время изображают людей, объединенных в какие-либо сообщества», то людей надо рассматривать в этих сообществах, как они всегда и жили¹. «Пошлите человека одного в пустыню, где он окажется растением, оторванным от корней», продолжал просветитель, «и его человеческая сущность прекратит свое существование»². В отличие от Мандевиля и Годвина Фергюсон не считал, что объединение людей в общество возникло из-за их беспомощности, а потому они объединялись, чтобы выжить в борьбе с природой. По Фергюсону, «человек изначально был предрасположен к самосовершенствованию, к прогрессу, проявлял способности к изобретательству»³.

Фергюсон был не согласен с Мандевилем и Годвином в том, что в основе жизни людей в обществе на ранних этапах человеческой истории является ощущение ими выгоды от объединения. Просветитель полагал, что главная причина объединения людей в сообщества на ранних стадиях развития общества, в период дикости — это их «пылкая приязнь друг к другу»⁴. В противном случае в сближении, разъединении сограждан, по словам Фергюсона, постоянно присутствовал бы принцип взаимной пользы, выгоды или вреда от сотрудничества друг с другом. Между тем «история наша не такова». Фергюсон отмечал: «В соответствии со способностями нашего разума и рассудка мы вырабатываем наши собственные нравственные критерии, в соответствии с которыми мы можем отличить хорошее от плохого, и подвергаем осуждению неблагоприятные поступки людей. Восприимчивость к человеческому несчастью дарит нам слезы сопереживания, вызывает в нас сострадание к несчастным и восхищение теми, кто пытается помочь им, возмущение и негодование к тем, кто обидел их»⁵. Просветитель приводил примеры, когда души первобытных людей согревались от общения с себе подобными, с соплеменниками. Простое знакомство порождало привязанность. В момент опасности, угрожавшей соплеменнику, такой человек, ведомый страстью, забывал о самосохра-

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 33–34.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 40–41.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 73.

нении. Желание помочь другу разогревало его мужество. Взаимное выражение такого великодушия только укрепляло дружбу между людьми, объединенными в сообщество. В первобытном обществе в древнем мире существовала более искренняя привязанность между людьми, особенно проявлявшаяся в периоды многочисленных трудностей, которые в одиночку им было не преодолеть.

Просветители считали большим благом для людей объединение их в общество и полагали, что человек в своей деятельности обязан исходить прежде всего из потребностей общества, и особенно это касалось правителей. В своей политике правители, по мнению А. Фергюсона, должны, прежде всего, руководствоваться интересами общества. В числе национальных приоритетов любого общественного образования просветитель называл «национальную оборону, судопроизводство, сохранение общества, и благоденствие его членов»¹.

Чтобы достойно служить на благо общества, глава государства, по мнению Ф. Честерфилда должен быть «всесторонне образованным человеком». Ему следует «знать государственное устройство различных стран, существующие формы правления (их достоинства и недостатки), причины расцвета и упадка стран, их экономику, язык, политическое и конституционное развитие Европы и мира» с тем, чтобы с успехом для своей страны использовать их положительный и отрицательный опыт в управлении. Правитель должен «уметь владеть собой, обладать терпением, тактом, проницательностью»².

Проблема возникновения государства волновала умы просветителей не менее, чем вопрос о возникновении общества.

Просветители Юм, Годвин, Фергюсон увязывали происхождение государства с возникновением частной собственности. Государство, по их мнению, возникло в связи с необходимостью регулировать отношения между индивидами, возникшие на базе частной собственности. Были созданы органы государственной власти: правительство, издававшее законы, призванные защищать права граждан, а также суд и полиция, которые должны были сдерживать эгоистические устремления людей, следить за тем, чтобы граждане в процессе достижения своих целей не нарушали права и свободы друг друга, наказывать преступников, нарушивших эти законы. Юм полагал, что первые законы возникли еще до установления государства. Однако «как только люди поняли, что не могут их соблюдать собственными силами, так учредили правительство», заключал он³.

¹ Там же. С. 205.

² Честерфилд Ф. Письма к сыну // Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. М., 1971. С. 50.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. С. 701–702.

Государства, по мнению Фергюсона, возникали в период расслоения общинников на богатых и бедных. Происхождение государства, по Фергюсону, было связано с инстинктом самосохранения людей. Просветитель понимал, что, будучи эгоистичными, завистливыми «предоставленные сами себе они (люди) будут стремиться как можно больше накопить богатств, отбирать друг у друга эти богатства, будут раздоры. Поэтому, если не сдерживать их, они вступят на стезю насилия и подлости. Без направляющей их развитие силы они в пылу соперничества начнут забывать о личной безопасности», станут убивать друг друга¹. Осознав это, люди, по словам Фергюсона, учредили правительство.

Отличие догосударственного периода, по мнению просветителя, состояло в том, что люди занимались охотой, рыболовством и собирательством. В этот период у них еще не был развит интерес к собственности, отсутствовала система господства и подчинения. «Дикари, объединенные между собой на началах равенства, не имели согласованного плана правления, системы законов. Сами обеспечивали себе еду, безопасность и тем довольствовались»².

Фергюсон полагал, что уже на ранних стадиях развития человек жаждал богатства и восхищался знатностью, но эти мотивы сдерживались. «Опасность порабощения и разорения племен ввиду постоянного присутствия внешней угрозы, частые оборонительные и наступательные войны», — все это приводило к тому, что «враг занимал все мысли членов племени, не оставляя места для раздоров между ними»³.

Впоследствии, продолжал просветитель, люди занялись скотоводством, обзавелись стадами, в связи с развитиями орудий труда увеличилась производительность труда, появился излишек, возможность накапливать. Стали проявляться различия между богатыми и бедными, господами и подчиненными. Собственность начала превращаться в главный объект заботы людей, но ее защита, равно как и право обладания еще не были подкреплены законом. «В этих условиях», по мнению Фергюсона, «между членами единого сообщества участились ссоры за право обладания собственностью», подогреваемые местью. Просветитель утверждал: «Когда индивид имеет собственный интерес, узлы общества должны ослабнуть, а внутренние беспорядки — усилиться»⁴. Обращаясь к истории человечества, Фергюсон признавал, что на стадии разложения первобытнообщинного строя «члены сообщества стали разниться в имущественном плане».

¹ Фергюсон А. Указ. соч. С. 46.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 158.

Самые трудоспособные, сильные могли больше производить, и не желали отдавать произведенное ими в общую собственность, стремились закрепить все это за собой и своим потомством. Другие люди завидовали им. В результате члены различных племен превратились в «банду» разбойников, грабили, убивали не только иноплеменников, но и представителей своего племени¹. Подобный дух царил у всех без исключения народов, перешедших к скотоводству. «Все это может навести нас на мысль, что человечество с момента возникновения частной собственности и имущественного неравенства стояло в своем первобытном состоянии на пороге государства», заключал Фергюсон². Людям не хватало постоянного органа власти для подавления беспорядков и введения некоторых правил, закреплявших принципы справедливости и права частной собственности.

По мнению У. Годвина, «в период догосударственного состояния люди не могли предвидеть, что потребуются меры принуждения для регулирования поведения отдельных членов общества по отношению к остальным. Необходимость создания аппарата принуждения, в лице которого выступает государство, возникла из ошибок и испорченности немногих»³.

Другим важным фактором формирования государственной власти английские просветители считали частые войны между представителями различных, враждующих между собой племен. Д. Юм считал, что в силу необходимости быстрого выполнения распоряжений военачальников, поддержания железной дисциплины, вызванного требованиями военного времени, войну нельзя успешно вести, если одно лицо не наделяется верховной властью на период военных действий. «В отсутствии существования четкого руководства каждый стремится переложить свою работу на другого», - заявлял он⁴. Лица, которые впервые смогли выделиться из племени должны были, по мнению просветителя, обладать выдающимися личными качествами (мужеством, силой, честностью, благоразумием), чтобы пользоваться доверием и уважением со стороны других членов племени. Только таким людям племя могло доверить руководство военными действиями. Как полагал Юм, «впервые возвышение одного человека над массой людей началось в военное время, когда превосходство мужества и одаренности раскрывается наиболее заметно, когда требуется единство и согласие и наиболее отчетлива губительность неорганизованности»⁵. Большая

¹ Там же. С. 159.

² Там же. С. 160.

³ Годвин У. О собственности. М., 1958. С. 188.

⁴ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. С. 695–696.

⁵ Юм Д. О происхождении правления // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 595.

продолжительность указанного состояния (войны) — явление обычное среди диких племен приучило их к подчинению.

Правитель, обладавший такими качествами, справедливый по отношению к остальным членам племени становился в мирное время, по словам Юма, «арбитром при всех разногласиях, возникающих между соплеменниками. Ощутимая выгода от его правления заставляла народ оберегать его и, если его сын обладал такими же качествами, то избирать его своим вождем после смерти отца»¹. Однако правление все еще оставалось слабым, пока дальнейшее укрепление власти правителя «не обеспечило его доходами, которые он имел вследствие участия в военных походах и получения значительной доли от награбленного при дележе добычи, и не позволило ему выделять вознаграждения для некоторых лиц, являвшихся орудиями его господства и налагать наказания на лиц непослушных»². Вначале вождь правил при помощи убеждений пока не смог применить силу по отношению к тем, кто не подчинялся законам.

Просветитель признавал: первоначально «люди выбирают правителей», определяют степень их полномочий и «добровольно обещают им повиноваться из чувства уважения»³. Однако, поскольку правители удовлетворены существующим положением, заинтересованы в сохранении существующего общественного строя, то они постепенно «призывают других для помощи им в управлении государством, в устранении общественных беспорядков, награждают их за службу, назначают министров, выделяют военные силы, которые находят непосредственный интерес для себя в поддержании их власти». С того времени, когда подчинение граждан начало базироваться не на добровольном обещании правителю, а «на приказании самого верховного правителя», по мнению Юма, можно говорить об образовании государства⁴.

Фергюсон также полагал, что «необходимость защиты от врагов породила создание государственных учреждений, армии и флота»⁵.

Причиной перехода людей из догосударственного состояния в государственное являлось, по мнению ряда просветителей, осознание выгоды, которую получало все общество вследствие этого перехода. В подтверждение данного тезиса можно привести высказывание Пристли. «Следует предположить существование большого количества людей,

¹ Там же. С. 595.

² Там же.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. Т. 1. С. 700.

⁴ Юм Д. О происхождении правления // Юм Д. Указ. соч. С. 595.

⁵ Фергюсон А. Указ. соч. С. 58.

испытывающих жизненные неудобства, осознающих, что они слабы, действуя поодиночке и, чтобы получить преимущества, которые могут быть достигнуты объединенными усилиями, готовых отказаться от части естественных (гражданских) свобод и подчиниться в своем поведении указаниям общества и государственной власти», — утверждал просветитель¹.

Процесс образования государства большинство просветителей считали благом. Государственную власть Пристли называл «орудием прогресса общества в направлении к более совершенному состоянию, возможному благодаря превосходству умственных способностей человека, который в отличие от животных, способен к бесконечному совершенствованию»². Просветитель выступал против гражданских войн, вызывающих разрушение государства.

Вместе с тем некоторые просветители, к примеру У. Годвин, иначе относились к образованию государства. «Правительство возникло из нашей безнравственности; правительство, даже в лучшем случае — неизбежное зло», отмечал он³. «Причина, по которой массы в государстве часто становятся жертвами обмана, — продолжал просветитель, — заключается в сложных формах государственного устройства», позволяющих манипулировать необразованными людьми. Как только управление в обществе будущего упростится, «люди приобретут истинную свободу и счастье», полагал он⁴. По мнению Годвина, непросвещенные и бедные люди никогда не будут энергичными защитниками сложной системы государственной власти, посредством которой поддерживается угнетение. Они явно заинтересованы во внесении в процесс управления обществом простоты и ясности.

Годвин верил в возможность возникновения безгосударственного общества. «Никто не будет в будущем направлять колеса сложного правительственного механизма, не будет сборщиков налогов, таможенных чиновников, флота, армии, придворных, лакеев. Будет простая форма общества без правительства», заключал просветитель⁵. Чтобы перейти к этому новому обществу, построенному на справедливых началах, нужен, на взгляд Годвина, «переворот в сознании людей», который приведет их к необходимости отказаться от частной собственности и как следствие этого — от государственной власти

---

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Избранные сочинения. М., 1934. С. 209.

² Там же. С. 208.

³ Годвин У. Указ. соч. С. 189.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 95.

вообще, так как отпадет необходимость в регулировании правительством отношений между людьми, возникающих на базе частной собственности¹. С изменением в сознании граждан, «люди, оставшись тщеславными, но лишившись возможности приобретать уважение соседей с помощью обладания частной собственностью в большом количестве, будут стремиться завоевать почтение окружающих другим способом, будут стараться избежать упрека окружающих в праздности. Чтобы возбуждать почтение людей, механик-изобретатель приведет в действие все силы своего ума»². Однако все это станет возможным при условии, что все граждане будут равны по своему материальному положению и не будет никаких сословных привилегий. «Себялюбие порождается привилегиями»; человек в обществе, где развита система привилегий, перестает искать удовлетворение в общественных делах, действовать ради общего блага, его стремления часто сужаются до поиска чувственных удовольствий. Там, где будут уничтожены привилегии, не будет условий, потворствующих себялюбию, отношение к людям будет зависеть от их реальных заслуг в обществе, а не от наличия у них знатного происхождения, богатства, связей. Все это приведет к тому, что «в будущем обладающий острым умом и крепким доблестным духом человек будет принят с большим уважением, чем его сосед, гордящийся своим богатством, тугим кошельком, что приведет к снижению ценности частной собственности и сословных привилегий, к их ликвидации, а следовательно и к отмиранию государства», заявлял английский просветитель³.

Годвин уверял, что ликвидация сословных привилегий произойдет, поскольку «постоянная борьба со злом, проистекающим из бедности, приведет людей к отчаянию. Преимущества богатых, немилосердно используемые ими, неизбежно приведут к возмездию»⁴. Бедного человека доведут до такого состояния, что он начнет считать существующее общество несправедливым.

Годвин отмечал, вначале небольшое число людей, живущих в обществе, затем все большее начнет склоняться к пониманию необходимости достижения имущественного равенства для всеобщего благоденствия. Люди осознают всю выгоду от введения общественной собственности. «Когда мы посещаем общину людей, которые привыкли передавать немедленно и безоговорочно соседям то, в чем последние испытывают непосредственную нужду, мы ясно видим преимущества данной системы по сравнению с существующей системой распределе-

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 99–100.

³ Там же. С. 102; С. 168.

⁴ Там же. С. 177.

ния собственности». При таком распределении устраняется основная причина личного накопления. «У меня нет надобности копить с целью обезопасить себя от несчастных случаев, болезни, инвалидности. В случае необходимости помогут соседи», полагал Годвин¹.

Просветитель считал, что поначалу «распространение уравни- тельных идей приведет к брожению в умах простого народа, который будучи освобожденным от принуждений, предастся крайностям»². Революция будет сопровождаться резней, знатные люди окажутся в числе первых жертв, победители проявят кровожадную ярость. Однако все это на самом деле результат заблуждений, внушенных им ранее- заблуждений о ценности частной собственности и материаль- ного благосостояния. Люди будут стремиться завладеть имуществом богатых, чтобы самим стать богатыми. «Но на самом деле мы будем присутствовать при агонии погибающего деспотизма. Впоследствии на смену хаоса придут порядок и счастье»³. Произойдет переворот в сознании людей, необходимый для создания нового общества. Большую роль в этом призваны сыграть, по мнению Годвина, наставни- ки- наиболее просвещенные, сильные умы. «Наставники обязаны быть деятельными, неутомимыми, бескорыстными, воздерживаться от произнесения возбуждающих речей, следить за собой, призывать людей доброжелательно относиться друг к другу, избегать насилия, враждебности, мстительности»⁴.

При работе над созданием проекта устройства общества будущего перед просветителем встал вопрос, в каких пределах интересы обще- ства требуют сохранения законодательной и исполнительной власти?. По мнению Годвина, законодательная и исполнительная ветви власти должны сохраняться «в таких пределах, при которых единственной задачей функционирования этих ветвей власти является благо ин- дивидуумов, то есть в незначительных»⁵. Просветитель понимал, что когда правительство подконтрольно народу, всецело зависит от воли народа, оно вынуждено, чтобы удержаться у власти, проводить политику в интересах общества. «Расширению полномочий органов власти должен быть положен предел» — только в этом случае будет устранена возможность угнетения подданных, полагал Годвин⁶.

В будущем при усовершенствовании политического устройства общества, «все человечество», по словам просветителя, «будет иметь одинаковую форму правления во всех странах. Отдельные

¹ Там же. С. 111.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Там же. С. 207.

правительства будут распространять власть на небольшие по площади территориальные объединения»¹. Годвин подчеркивал, что близкое соседство людей друг с другом на этих территориях обеспечивает хорошее понимание ими проблем, интересов друг друга и позволяет правителям принять более адекватные меры по решению этих проблем. Правители хорошо знают тех, кем они руководят и имеют более тесный контакт со своими подданными, основанный на взаимопонимании и доверии, так как живут по соседству с подданными. Как отмечал просветитель, правительство в этих объединениях может ставить перед народным собранием только задачу устранения несправедливости в отношении отдельных лиц внутри общества. Эта задача разрешается объединением людей в масштабе позволяющим учредить жюри присяжных для рассмотрения случаев нарушения прав отдельных лиц в общине и для разрешения споров. «Правонарушителю будет нетрудно ускользнуть за узкие пределы такого юрисдикционного округа, поэтому надо, — утверждал Годвин, — чтобы соседние общины управлялись подобным же образом и сотрудничали в деле изъятия преступника, опасного и им, и нам»². Для этой цели нет надобности в общих органах власти для разных общин. Взаимная заинтересованность сумеет лучше связать людей, чем это делают сейчас приказы, полагал просветитель.

Впоследствии, по мнению Годвина, побуждения к преступлениям будут редки, а сама преступность исчезнет. Тюремное заключение преступника под стражу будет заменено общественным порицанием. Все члены малых общин будут наблюдать за поведением друг друга. «Порицание, выносимое людьми, убедит преступника в необходимости раскаяния, значительно более, чем раньше его убеждали в этом цепи и кандалы»³. Необходимость в судах присяжных исчезнет. В один «прекрасный день» суд присяжных и другие виды публичных учреждений будут упразднены. «Будет уничтожена политическая система — этот грубый механизм, служивший вековой причиной развития человеческих пороков»⁴.

На наш взгляд, Годвин в своем отношении к обществу и государству, а также в описании общества будущего, представал как мыслитель, близкий к анархистам. Подобно анархистам, он выступал за уничтожение государства и государственной власти, хотя и не настаивал на незамедлительных действиях, как это делали они. Он допускал сохранение в течение некоторого времени государства пере-

¹ Там же. С. 208.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 219–220.

ходного периода, при котором возникнут зачатки органов власти: суды присяжных, народные собрания.

Таким образом, следует признать, что поставленная английскими просветителями проблема образования общества и государства решалась ими далеко неоднозначно. Знакомство с творческим наследием просветителей позволяет сделать выводы, о том, что одни из них (Б. Мандевиль, Д. Юм) отстаивали естественно-историческую, материалистическую концепции возникновения общества. Другие (такие как У. Годвин и Дж. Пристли) в вопросе образования общества и государства являлись идеалистами.

ГЛАВА 9

Просветительская концепция правового государства

Значительное место в общественно-политической мысли английского Просвещения второй половины XVIII века занимала концепция правового государства. Как известно, необходимым условием существования правового государства является наличие и обеспечение в сохранности в государстве естественных и гражданских прав и демократических свобод граждан. К естественным правам просветители относили право на жизнь. Они сформулировали два определения понятия естественного права. Во-первых, права, данные человеку по праву рождения, которые не могли никем отторгаться они называли естественными правами, во-вторых, к таковым они причисляли права, которыми люди обладали до образования государства.

К гражданским правам просветители относили, как правило, права, которые человек получал, являясь гражданином государства после образования такого. К подобным правам большинство просветителей относил право на власть, сопротивление тирании, избирательные права. Однако некоторые просветители, к примеру, Дж. Пристли, имели иной взгляд на гражданские права. В отличие от Д. Юма, Пристли те права, которые Юм назвал гражданскими, окрестил политическими свободами. Политическая свобода людей состоит, по мнению Пристли, «в праве членов государства занимать общественные должности или голосовать за тех, кто должен исполнять эти должности», — в праве на власть, в праве избирать и быть избранным¹.

К демократическим свободам практически все просветители относили свободу мысли, слова, печати, собраний, деятельности, совести (вероисповедания). Однако с ними не соглашался Дж. Пристли, называвший эти свободы гражданскими. Гражданская свобода заключается, по Пристли, «в праве индивида на свободное (без давления на него со стороны государства) совершение собственных действий», в свободе слова, печати, собраний².

Просветители полагали, что все люди рождены равными, и поэтому от природы обладают равными правами. По мнению А. Фергюсона, неправомерно притеснение одной категорией граждан прав другой

---

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Избранные сочинения М., 1934. С. 209.

² Там же. С. 210.

категории. Просветитель выступал против социальной градации, а также сословно-классового неравенства в правах и вызванных этим неравенством привилегий отдельных классов.

Действия различных людей, по словам Фергюсона, во многих случаях бывают одинаковыми. «Мужество и благородство, страх и зависть не являются присущими людям определенного общественного положения, звания. Не может быть ситуации, при которой даже нищие не смогли бы надлежащим образом применить свойственные человеческому роду таланты»¹. И далее он продолжал: «Дикарь, и гражданин, и хозяин, и раб могут в равной мере обладать жизненными силами, способностью, душевной чуткостью. Все люди равны по способностям и моральным качествам вне зависимости от их социального статуса, сословия или класса» и поэтому должны обладать равными правами². Равенство граждан в правах просветитель считал наиважнейшим критерием наличия правового государства.

Право на жизнь и частную собственность

Право на жизнь все без исключения просветители относили к числу самых важных прав, которыми человек обладает с рождения. Многие просветители в своих произведениях уделяли пристальное внимание законодательству, призванному охранять жизнь граждан от посягательства на нее со стороны других людей, а также самого государства. К примеру, Б. Мандевиль предложил ряд мер, направленных на защиту жизни граждан. Одной из них являлось, по его мнению, ужесточение законов. В особенности просветитель ратовал за ужесточение наказаний за преступления, связанные с убийствами. Одну из причин распространения подобных преступлений Мандевиль усматривал в коррупции суда, которую он подвергал резкой критике. По мнению просветителя, зачастую «правосудие, подкупленное золотом, носит повязку на глазах, хочет выглядеть беспристрастным, особенно в тех случаях, когда речь заходит об убийствах»³.

Просветитель полагал, что если бы закон не нарушался, то и не совершались бы преступления, за которые следует смертная казнь, «если бы надежда спастись от наказания, в случае если их поймают, не была бы главным мотивом, воодушевляющим решимость преступников. Там, где законы просты, суровы, послабления при их

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 96.

² Там же. С. 174.

³ Мандевиль Б. Взроптавший улей или мошенники, ставшие честными // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 56.

выполнении, представляют большую жестокость по отношению к густонаселенному государству, чем применение пыток»¹.

На взгляд Д. Юма, правительство «обязано охранять жизнь каждого при помощи общеобязательных законов»². Некоторые просветители, к примеру, А. Фергюсон, шли еще дальше. Задачу сохранения численности своей нации они усматривали в увеличении мер, направленных на материальное стимулирование рождаемости. Увеличение рождаемости, считал просветитель, достигается в условиях проведения благоприятствующей этой цели политики, обеспечивающей достаток средств к существованию. Фергюсон совершенно справедливо отмечал, что «если матери приходится с большим трудом добывать пропитание для себя, то она естественно не желает умножения своих детей»³.

Таким образом, как видно, просветители придавали большое значение проблеме охраны человеческой жизни от посягательств на нее со стороны государства или отдельных индивидов.

Просветители в своих трудах большое внимание уделяли также рассмотрению вопросов, касающихся частной собственности. Интерес к данной проблематике представителей наиболее передовой части английской интеллигенции, каковыми являлись просветители, был далеко не случайным. В ту пору в Англии начали распространяться уравнилельные идеи и стали звучать требования уничтожения частной собственности. Недовольство людей существующей системой распределения собственности было вызвано, прежде всего, ухудшением жизненных условий рабочих и крестьян. Как мы помним, вследствие аграрной революции, роста огораживаний большое количество крестьян по требованию правительства было вынуждено передать свои земли под пастбища для овец и бежать в город в поисках работы. Из-за огромного спроса на рабочие места рабочие соглашались на любые, сколь угодно плохие условия, при приеме на работу. Завершившийся в 60-х гг. XVIII века промышленный переворот привел, в свою очередь, к замене ручного труда машинным, к отсутствию большой необходимости в тяжелом физическом труде, как это было ранее. В сложившейся ситуации фабриканты стали использовать на производстве женщин и детей, которым платили более низкую заработную плату. Среди низших слоев общества усиливалось недовольство все более возрастающей поляризацией населения по уровню доходов.

---

¹ Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Басня о пчелах. С. 246–247.

² Юм Д. О гражданской свободе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 573.

³ Фергюсон А. Указ. соч. С. 209.

Причину роста имущественного неравенства рабочие усматривали в концентрации большой доли собственности в руках немногих лиц, и требовали насильственного изъятия имущества у высших слоев общества и передачи его в общее пользование.

Естественно, что в создавшихся условиях просветители не могли обойти молчанием столь серьезную проблему. Многие из них (Мандевиль, Юм, Пристли, Юнг, Берк, Честерфилд) относили право частной собственности к числу священных, неотчуждаемых прав человека. В своих произведениях они уделяли большое внимание проблеме разработки юридических норм, принципов, дающих законное право на обладание частной собственностью. Так, на взгляд Д. Юма, к соглашению о необходимости выработки этих норм люди приходят для того, чтобы положить конец спорам между собой за обладание чем-либо. Юм выделял четыре принципа, устанавливающие стабильность собственности, которые по сути являлись условиями, дающими законное право на владение, пользование, распоряжение собственностью. Как отмечал просветитель, при возникновении протогосударств первая трудность заключалась в том, «как распределить владения и назначить каждому полагающуюся ему часть, которой он может неизменно пользоваться». Наиболее естественный выход из создавшегося положения, по словам Юма, состоял в том, чтобы «каждый продолжал пользоваться тем, чем он сейчас владеет»¹.

Между тем, этот принцип, право первоначального владения (первый принцип легитимности частной собственности), по мнению просветителя, «должен был иметь место только в период первоначального формирования общества. Иначе это исключило бы возможность возврата собственности ее истинному владельцу, и поощряло бы несправедливость», так как зачастую люди друг у друга незадолго до этого (в догосударственный период) захватывали собственность и, пользуясь отсутствием юридической системы защиты частной собственности, беспрепятственно владели ею². Именно поэтому с течением времени данный принцип, на взгляд Юма, сделался спорным. Практически невозможным оказалось определение перового (истинного) собственника. В догосударственный период наличие собственности письменно не фиксировалось. Сделалось невозможным разрешение разногласий между людьми, которые, как они заявляли, обладали украденной у них собственностью в догосударственный период, и теми, кто владел собственностью на момент основания государства и вследствие этого получил от государства данные предметы в собственность. Тогда-то,

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1966. С. 656.

² Там же. С. 658.

по словам просветителя, в силу вступил «второй принцип — право длительного пользования» — давности, дающий человеку в полную собственность то, чем он пользуется¹.

Как отмечал Юм, «мы можем приобрести предметы в собственность также путем приращения» (третий принцип легитимизации частной собственности), «когда эти предметы тесно связаны с предметом уже составляющим нашу собственность» (характерным примером такого законного способа приобретения является «приплод от скота, принадлежащего владельцу»)². «Право наследования», по мнению просветителя, «составляет последний — четвертый принцип», придающий легитимный характер действиям в отношении собственности. Право наследования предполагает «согласие родителей или ближайших родственников на то, чтобы их владения переходили к наиболее дорогим им лицам»³.

Вместе с тем, Юм признавал, что так как «давность, приращение, наследование зависят от случая и часто противоречат нуждам людей» (люди получают в наследство то, в чем они не нуждаются, и хотят иметь то, что они не могут приобрести четырьмя указанными выше законными способами), «необходимо было как-то устранить возникшие неудобства. Но позволить каждому силой захватить то, что он считает для себя наиболее подходящим — значит разрушить общество»⁴. Следовательно, продолжал просветитель нужно, чтобы «собственность владельцев принадлежала им постоянно за исключением тех случаев, когда собственник согласен передать свои владения другому лицу»⁵. Это не даст повода другим людям захватывать имущество владельца. «Различные люди по природе имеют различные желания. Все это требует взаимного обмена товарами и торговых отношений между ними»⁶. Юм полагал что, «установление естественных законов, направленных на защиту стабильности собственности, делает людей более терпимыми друг к другу. Установление законов о передаче собственности с согласия приводит к получению ими друг от друга выгоды»⁷.

Просветители уделяли особое внимание проблеме охраны, защиты частной собственности от посягательств на нее со стороны других людей. Так, Мандевиль предложил ряд мер, призванных защитить

¹ Там же. С. 662.

² Там же. С. 663.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 669.

⁵ Там же. С. 669–670.

⁶ Там же. С. 670.

⁷ Там же.

частную собственность граждан. Одной из них являлось, на его взгляд, ужесточение законов. Просветитель неоднократно требовал ужесточения системы наказаний за преступления, связанные с разбоем и грабежами. Просветитель полагал, что только при условии, если «правосудие совершается со всей строгостью, и ни один виновный не может избежать наказания, обеспечивается сохранность имущества каждого»¹.

Просветители в своих работах исследовали проблему влияния частной собственности на уровень экономического благосостояния государства. Многие из них тесно увязывали частную собственность с повышением благосостояния государства и его граждан. Особенно просветители выделяли частную собственность на землю. Они считали, что обладание землей заставляет крестьянина трудиться, так как он знает, что весь урожай, который он вырастит на своей земле, будет принадлежать ему. Поэтому крестьянин понимает, что чем лучше он будет заботиться о земле, тем больше получит урожай, и соответственно тем большей окажется его прибыль. Просветители подчеркивали: если у людей нет заинтересованности в труде, поскольку они знают, что все произведенное ими у них отберет государство, то они не захотят ничего производить.

Юнг полагал, что частная собственность благоприятно влияет на благоустройство всего государства. Радикальным для второй половины XVIII века представляется его высказывание о том, что правом частной собственности должны обладать все, а не только узкий круг представителей аристократии или буржуазии. Особо Юнг выделял частную собственность на землю. Он считал, что крестьяне, которые трудятся на ней, имеют также право частной собственности на нее. Обращаясь к современной Франции, Юнг приходил к выводу о том, что ее сельское хозяйство находится в очень плохом состоянии, «французам нечего показать нам из сельского хозяйства»². Их земля находится в запустении, люди — в нужде. Все это происходит, по мнению просветителя, из-за того, что «бедняки, обрабатывающие землю — исполщики — лишь нанимают ее, не могут завести на ней собственного хозяйства. Владелец земли обязан снабжать их семенами и скотом, а все произведенное ими делится между ними и нанимателем в его пользу. В результате имеет место убогая система косности и нищеты», заключал Юнг³. «Сделайте человека владельцем

¹ Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Указ. соч. С. 246–247.

² Юнг А. Путешествие во Францию 1787 г. // Юнг А. Путешествия по Франции. СПб., 1996. С. 30.

³ Там же. С. 38.

голой скалы, и он превратит ее в цветущий сад, но дайте ему внаем этот сад на девять лет и он превратит его в пустыню». «Волшебство собственности превращает песок в золото», утверждал Юнг¹. Правительство, по мнению просветителя, могло бы значительно улучшить благосостояние Франции, если бы в стране была создана система, направленная на всенародное процветание, и подготовлены условия для поддержки развития крестьянского фермерского хозяйства, а также, если бы земля, которой пользовались крестьяне, была бы им передана в частную собственность.

Таким образом, как видно, большинство просветителей относили право частной собственности к числу «священных», неотчуждаемых прав. Они выступали против передела, ликвидации частной собственности, стремились выработать эффективные меры по ее охране, усматривали большую роль частной собственности в деле повышения трудолюбия людей и вследствие этого — в обеспечении благосостояния государства.

Между тем, далеко не все просветители разделяли подобные убеждения. Некоторые уделяли особое внимание исследованию проблемы существующей системы распределения собственности — системы, которую они находили несправедливой. К примеру, У. Годвин резко отрицательно относился к частной собственности. В отношении существующей системы распределения частной собственности просветитель был достаточно радикален и в этом он сближался с социалистами. Годвин считал несправедливыми принципы, лежащие в основе права частной собственности, которые приводили, по его мнению, к имущественному, а затем и политическому неравенству, к эксплуатации, совершавшейся собственниками над теми гражданами, которые были этой собственности лишены. «На основании какого же критерия можно установить, что такие-то вещи должны рассматриваться как ваша или моя собственность?», — вопрошал он и далее отвечал: «На основании справедливости. Обратимся же к принципу справедливости. Кому должен по справедливости принадлежать какой-либо предмет? — Тому, кто более всех нуждается в нем. Перед нами шесть человек, измученных голодом и один каравай хлеба, который может удовлетворить всех. Возможно все эти люди — братья и по праву первородства хлеб должен быть предоставлен старшему, но разве такое решение было бы справедливым? Я владею ста караваем хлеба, а на соседней улице живет человек, умирающий с голоду, которому один из караваев мог бы сохранить жизнь. Лишая его хлеба, разве я не поступаю несправедливо?»². Если справедливость что-нибудь значит, то

¹ Там же. С. 62, 99.

² Годвин. У. О собственности. М., 1958. С. 59–60.

не может быть ничего более несправедливого, по мнению Годвина, чем то обстоятельство, что один человек обладает излишками в то время, как другие лишены самого необходимого. Как видно, Годвин выступал за более справедливое распределение собственности, полагая, что это честнее и предпочтительнее, чем неравное распределение в силу различного происхождения людей.

В то же время просветитель не возражал против владения собственностью и ее увеличения как таковой. По его мнению, «личное накопление, в корыстных целях обрекает накопителя на пренебрежение и забвение со стороны других людей» в будущем. «Но мы не должны осуждать накопление сбережений, которые могут пригодиться всему обществу на случай общественных бедствий», подчеркивал он¹. В будущем слово «собственность» сохранится, однако его значение изменится: «Болты и запоры исчезнут, все мои вещи будут к услугам каждого, кому они будут в данный момент нужны более, чем мне», заявлял Годвин². Подобные утверждения просветителя свидетельствовали об утопичности его взглядов на собственность. В то же время, просветитель выступал за более равномерное распределение собственности, за общественную собственность, при которой каждый, кому потребуется какая-либо вещь, может взять ее у своего соседа. И в этом слышались отзвуки социалистического учения, так же, как и в характеристике частной собственности. Годвин писал о пагубном влиянии частной собственности и существующей системы ее распределения на нравственность людей. «Все зло, которое существует в людях, имеет источник в неравномерном распределении собственности между ними», утверждал он³. Справедливость, по словам просветителя, заключается в равномерном распределении собственности. По его мнению, «дух угнетения, обмана, зависть, злоба, мстительность неотделимы от существующей системы неравномерного распределения собственности»⁴. В таком обществе, где люди жили бы, совместно пользуясь избытком всего, и делили бы поровну дары природы, подобные чувства исчезли бы — все помогали бы друг другу. Если бы удалось упразднить частную собственность, то все поводы к преступлениям, по мнению Годвина, были бы пресечены раз и навсегда.

Просветитель считал, что каждый человек обязан сопротивляться любому несправедливому действию со стороны государства, в том числе и в деле распределения собственности. «Кто должен судить о том, что справедливо, а что нет? — Сам индивид должен исходить из

¹ Там же. С. 111, 113.

² Там же. С. 134–135.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 82.

собственного мнения», заявлял Годвин¹. Таким образом, просветитель полагал, что народ должен требовать от государства более справедливого распределения собственности, а не ждать, когда власть имущие проявят благотворительность, и не рассматривать эти подачки, как акт милосердия. Народ должен бороться за то, что принадлежит ему по праву. Вместе с тем, Годвин отрицательно относился к насильственному переделу собственности, ведущему к насилию, убийствам, сопровождающемуся бессмысленной жестокостью.

По мнению просветителя, «первым совершил правонарушение тот, кто создал для себя преимущественное положение, воспользовался слабостью соседей для обеспечения за собой исключительных привилегий в первобытное время»². Впоследствии человеку, который решился положить этому конец, потребовал себе то, что было излишне для владельца, но было нужно ему, казалось, что он лишь восстанавливает нарушенные законы справедливости. Он считал, что восстановить эти законы можно только силой. «В реальности такое ожесточенное и необдуманное поведение нуждающихся представляет собой зло. Бедняки наносят удар делу, в успехе которого заинтересованы, задерживают торжество правды, хотя по настоящему виноваты богатые»³. Просветитель понимал, что в данной ситуации бедными движут те же низменные чувства, что и богатыми: алчность, зависть, месть, что бедные стремятся заполучить имущество богатых, чтобы самим стать богатыми. По его мнению, люди должны всего лишь призывать богатых к справедливости в отношении распределения собственности, воздействовать на них методами убеждения, взывая к их чувству стыда и морали.

Таким образом, как мы могли убедиться, Годвин в своих взглядах на частную собственность был намного радикальнее других просветителей, поскольку выступал за уничтожение частной собственности.

В то же время большинство просветителей считали неприкосновенность частной собственности одним из условий существования правового государства и отводили центральное место в своих работах вопросу защиты собственности от посягательств на нее.

Право на сопротивление тирании

После прихода к власти в ходе Славной революции 1688–1689 гг. Вильгельма Оранского перед английскими просветителями встала

---

¹ Цит по: Чудинов А. В. Политическая справедливость У. Годвина. М., 1990. С. 58.

² Годвин У. О собственности. М., 1958. С. 80.

³ Там же. С. 82.

задача обосновать законность правления новой династии с целью укрепления ее авторитета в народе. В этой связи просветители в своих трудах уделяли большое внимание проблеме выработки юридических принципов, условий, которые предоставляли правителям законное право на обладание властью. При этом просветители придерживались различных взглядов на данный вопрос.

Дэвид Юм выделял пять принципов (условий), обосновывавших легитимную власть правителя. К первому из них он относил «принцип долгого обладания властью». Данный принцип, по словам Юма, наблюдается при существовании «одной формы правления, преемственности власти». Просветитель полагал, что «если мы привыкли в течение долгого времени повиноваться определенной категории лиц, то имеем склонность подчиняться этим лицам и далее»¹. Юм отводил большую роль привычке в утверждении легитимности существующего строя. Время, по его мнению, упрочивает права правителей. Вторым принципом является, по мнению Юма, «принцип наличного обладания властью»². Как отмечал просветитель, данный принцип достаточен в условиях отсутствия первого принципа. В качестве третьего принципа просветитель выделял «право завоевания». При этом «завоеватели», по мнению Юма, «пользуются заслуженной славой и почитаются покоренными народами»³. В качестве такого завоевателя просветитель приводил Вильгельма Оранского — творца Славной революции, имеющей «столь благотворное влияние на наше государственное устройство»⁴. «Завоевателя» Юм противопоставлял «узурпатору», вызывающему, по его словам, «только отвращение»⁵. К четвертому принципу, делающему легитимной власть правителя, просветитель относил «право наследования». Юм подчеркивал, что «в выборных монархиях, в которых право наследования не устанавливается ни законами, ни обычаем, выбор, тем не менее, обычно падает на члена семьи»⁶. Наконец, наличие «положительных законов, устанавливающих форму правления и преемственность власти» является, по мнению просветителя, пятым принципом, придающим законный характер власти руководителя государства⁷.

Как отмечал Юм, при совместном действии всех принципов для достижения общественного блага зачастую не требуется изменения

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. С. 716.

² Там же. С. 719.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 724.

⁵ Там же. С. 719.

⁶ Там же. С. 720.

⁷ Там же. С. 721.

в правлении. «Но если принципы противоречат друг другу, то это приводит к недоразумениям, которые могут быть разрешены скорее мечом воинов — завоевателей», способных объединить народ, погибающий в условиях гражданской войны¹. Нетрудно заметить, что данные принципы были нужны просветителю для придания законности государственному строю, утвердившемуся в Англии после Славной революции. По мнению Юма, «законность новой династии не должна оспариваться вследствие того, что три государя были преемниками Вильгельма Оранского на основании» первого, второго, четвертого, пятого «принципов»².

Другие просветители, к примеру, Пристли и Берк, имели иной, отличный от Юма, взгляд на принципы, делающие легитимной власть правителей. Пристли полагал, что «если народ действительно одобряет правительство, пришедшее к власти в любой стране, в том числе и во Франции после 14 августа 1789 г., то это согласие и легализует его»³. Французскую революцию, по мнению просветителя, можно оправдать тем, что Национальное собрание продолжало заседать в течение долгого времени без больших затруднений. В своих работах Пристли абсолютизировал данный тезис, утверждая, что согласие народа сообщает всякой форме управления соответствующую санкцию, придающую ей законный характер. Таким образом, единственным условием легитимности правительства просветитель называл одобрение действий этого правительства народом, и в этом он был более прогрессивным, нежели Юм. Принцип долгого обладания властью, выдвинутый Юмом в качестве принципа легитимности этой власти, не является достаточным, по мнению Пристли, в особенности, если эта власть используется правителем неправильно, если правитель притесняет своих подданных. В этом, на наш взгляд, также проявился прогрессивный характер идей просветителя.

По мнению Берка, «начало всех династий было положено народным выбором (призванием на трон) монарха». Таким образом был призван на трон Вильгельм Оранский в 1688 г. «Народный выбор», по словам Берка, как и по мнению Пристли — это «единственное условие законного существования королевской власти»⁴.

¹ Там же. С. 723.

² Там же. С. 727.

³ Пристли Дж. Письма к высококочтимому Эдмунду Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 1. Об общих принципах французской революции // Пристли Дж. Избр. соч. М., 1934. С. 233.

⁴ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне. М., 1993. С. 48, 49.

Просветитель Адам Фергюсон считал, что общество, доверяя людям управление страной, при выборе правителей, должно исходить из их способностей. Он утверждал: «Не титулы, и связанные с ними сословные, классовые или социальные привилегии (оказываемые почести) должны определять положение людей при дворе, а их опытность и способности»¹.

В своих произведениях просветители большое внимание уделяли также праву людей на оказание сопротивления тирании. Будучи сторонниками правового государства, они с неприятием относились к тиранической форме правления. Государственная власть, по Юму, является «человеческим изобретением, преследующим интересы общества». В том случае, «если тирания правителя нарушает эти интересы, то обязательство повиновения гражданам правительству теряет всякую силу»². Когда высшая власть покушается на права других конституционных органов и стремится распространить свое могущество за пределы, разрешаемые законами, позволительно сопротивляться ей, считал просветитель.

По мнению Пристли, «устранение власти насильственным путем может иметь место в случае крайнего угнетения, когда риск перемены правительства выглядит меньшим злом по сравнению с сохранением тиранического правительства»³. «Короли и правительство — это слуги народа. Если они злоупотребляют оказываемым им доверием, их можно сместить. Свободы, которыми мы пользуемся, мы приобрели в 1688 г. не без пролития крови, и поэтому, имеем право пролить кровь каждого, кто посягнет на эти свободы, если у нас не останется других средств», заявлял Пристли⁴. Если же и Палата общин окажется настолько развращена, что соединится с королем для уничтожения существующих форм конституционного устройства, то ее надо, по мнению Пристли, свергнуть.

Пристли считал что, «в крупных государствах, таких как Англия, в которых власть правителя обширна, а народа — рассеяна, народные массы редко высказывают сильные жалобы без основания»⁵. Он отмечал, что в Англии издавна, особенно под властью Стюартов, происходили покушения на права народа со стороны феодалов, скромные постановления Палаты общин безнаказанно попирались королями,

¹ Фергюсон. А. Указ. соч. С. 232.

² Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. С. 712.

³ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Указ. соч. С. 221.

⁴ Там же. С. 213–214.

⁵ Там же. С. 216.

имело место постоянное угнетение общества. Карл II Стюарт правил без парламента, уничтожил гражданские свободы. «Слава богу, теперь правительство нашей страны, благодаря светлой памяти Вильгельма Оранского, освободившего народ от гнета деспотической власти, укрепилось на прочной основе. Друзья неограниченной власти назвали мятежом события 1688–1689 гг. Но мятеж — это попытка свергнуть законное правительство. В связи с этим возникает вопрос, являлось ли деспотическое правление Стюартов законным? Почему на человека, который извлекает выгоду из своего положения, будь он даже королем, нарушает законы страны, нужно смотреть, иначе, чем на чужеземного завоевателя. Оправдано любое наказание тирана», — заявлял Пристли¹. Однако недостаточно ограничиться низложением, изгнанием монарха. «Низложенные, изгнанные короли являются в высшей степени опасными, так как они могут привлечь к себе своих сторонников, вследствие чего достаточно высока возможность реставрации»². Поэтому, считал Пристли, свергнутых тиранов следует казнить.

В письмах к Э. Берку Пристли говорил о своем отношении к Французской буржуазной революции конца XVIII века, которую он горячо приветствовал. События 14 августа 1789 г., по его мнению, — это «предмет гордости для Франции и такими они останутся в памяти потомков, ставших свободными гражданами свободного государства»³. Между тем, подобные высказывания Пристли можно в равной мере отнести к любой другой стране, в том числе и к Англии. Пристли считал, что народ не просто имеет право, а обязан сопротивляться тирании. «Настоящая причина, по которой люди презирают тех, кто продал свою свободу тирану, заключается в том, что наряду со своей свободой, они продали свободу других людей», — восклицал просветитель⁴.

По мнению Фергюсона, если тирания уже установлена, то народ, должен активно сопротивляться тирану. Как отмечал просветитель, «независимость в общественной жизни — это признак благородства людей. Когда люди дорожат своей независимостью, противостоят тирании, не допускают унижения собственного достоинства, бдитель-

¹ Там же. С. 218.

² Там же. С. 221.

³ Пристли. Дж. Письма к высокопочтимому Э. Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 5. Об «Обществе революции» в Англии и замечаниях сэра Берка относительно доктора Прайса // Пристли Дж. Избр. соч. М., 1934. С. 251.

⁴ Там же. С. 248.

но сохраняют свою свободную форму правления, мы должны приветствовать это»¹.

Юнг в своем «Путешествии во Францию», по всей видимости, стремился оправдать Французскую революцию конца XVIII века как единственно возможный вариант избавления от тирании короля, знати и духовенства. Заслуга Французской революции — «сей великой и беспримерной революции», по мнению просветителя, в разрушении старого образа правления. «Перемены, к которым она привела», были необходимы ради счастья народа. Они ликвидировали тираническую власть короля, обуздали феодальную тиранию дворянства, «облегчили тяготы народа, придали ему достаточно силы для охранения сих благ»². Как видно, Юнг, подобно другим просветителям, считал, что народ имеет право на сопротивление тирании, на революцию, на свержение тиранической формы правления.

Таким образом, все просветители придерживались твердого убеждения в том, что народ не просто имеет право, но обязан оказывать сопротивление тирану в государствах с тиранической формой правления.

Избирательные права граждан

Особое внимание просветители уделяли вопросу об избирательном праве, а также проблеме реформирования существующей в стране избирательной системы. Столь пристальный интерес просветителей к данной проблеме был вызван прежде всего несовершенством избирательной системы Великобритании, коррупцией на выборах, отсутствием избирательных прав для широких слоев населения (промышленной буржуазии, представителей средних слоев, интеллигенции, а также трудящихся масс). В результате ограниченности избирательной системы в органах власти усиливался клан представителей узких кругов дворянства и торгово-финансовой буржуазии.

В этих условиях просветители предложили проекты реформирования избирательной системы, призванные искоренить коррупцию на выборах, допустить к участию в выборах более широкие слои населения. Однако их понимание проблемы выработки способов реформирования избирательной системы, пределов расширения избирательного права было неоднозначным. Некоторые просветители (Юнг, Честерфилд, Берк) выступали за расширение избирательного права для представителей промышленной буржуазии и интеллигенции,

¹ Фергюсон А. Указ. соч. С. 363.

² Юнг А. О революции во Франции // Юнг А. Путешествия по Франции. СПб., 1996. С. 336.

однако не желали введения всеобщего избирательного права. Так, Юнг выступал за более справедливое и равное представительство в Палату общин, но был против того, чтобы предоставить право голоса неимущим слоям. В своих работах просветитель выступал за реформу избирательной системы, «не ради преобладания во власти неимущих, а дабы не допустить продажности парламентариев», чтобы не было опасности сговора аристократии с королем против народа¹. Для этого то и была необходима, по его словам, реформа парламента в направлении расширения избирательного права.

Берк также полагал, что «пропорциональное представительство должны получить лица, проявившие дарования и обладающие собственностью». Он выступал за расширение избирательного права в пользу широких слоев промышленной буржуазии и творческой интеллигенции². В то же время Берк, как и Юнг, был против предоставления права голоса неимущим слоям населения. Он полагал, что если позволить народным массам голосовать, то они, будучи политически неграмотными, проголосуют за демагога, обещания которого прельстят их, он же, придя к власти, будет проводить политику в своих личных интересах, а не в интересах общества.

Некоторые просветители (Юм) выступали за избирательное право для всех, обладающих собственностью на выборах низового уровня, и за расширение избирательного права в пользу промышленной буржуазии и интеллигенции на выборах в центральные органы власти.

Просветители Юм, Юнг, Берк, Честерфилд ратовали за введение имущественного ценза для участия в выборах. По мнению Юма, «правление сильно тогда, когда идет соотношение власти и собственности, когда наиболее могущественная экономически прослойка находится у власти»³. Согласно Юму, «члены Палаты общин избраны в качестве представителей народа, но сам народ не способен к управлению государством» в силу своей необразованности, низкого уровня гражданского самосознания и правовой культуры⁴.

Таким образом, как мы могли убедиться, Юм, Юнг, Берк и Честерфилд выступали за допуск в парламент представителей промышленной буржуазии. «Для избрания в члены Палаты общин» представителей от графств, Юм предлагал вводить «имущественный ценз» в размере не менее, чем двести фунтов стерлингов. По его мнению, принимать участие в выборах центрального и муниципального

¹ Там же. С. 334.

² Берк. Э. Указ. соч. С. 65.

³ Юм Д. О первоначальных принципах правления // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 590.

⁴ Там же. С. 591–592.

уровня в столице и в графствах (голосовать) могут только лица, «обладающие собственностью»¹. Несмотря на то, что Юм выступал против введения всеобщего избирательного права, предложенный им проект введения избирательного права для промышленной буржуазии, широких слоев среднего класса, интеллигенции, обладающей развитым гражданским самосознанием, способствовал значительному увеличению представительства демократических кругов в парламенте, и как результат — усилению зависимости парламента от более широких слоев населения.

Что касается шотландских пэров, то их Юм предложил «удалить, а число членов верхней палаты увеличить до трехсот за счет сторонников буржуазии, раздавая им титулы лордов. Закрепить за ними полученные ими места в качестве пожизненных, наследственное членство в палате лордов отменить»². Таким образом, выступая за увеличение представителей буржуазии в парламенте, Юм считал целесообразным также увеличить количество лордов из их сторонников, тем самым, отстаивая пропорциональное представительство и союз тори и вигов в парламенте.

Интересным представляется, на наш взгляд, предложение Юма ввести систему общественного контроля над парламентом и кабинетом министров. Юм считал необходимым усилить зависимость всех ветвей власти от народа через введение «ежегодных выборов» в парламент и ежегодного переизбрания правительства (Сената в «Идее совершенного государства») в соответствии с результатами выборов³. Можно утверждать, что в целом учение Юма об избирательном праве было достаточно прогрессивным для своего времени. Просветитель по сути дела оказался предтечей премьер-министра Англии Ч. Грея, осуществившего первую избирательную реформу, в соответствии с которой промышленная буржуазия получила в 1832 г. возможность принять участие в выборах и иметь своих представителей в парламенте, чем было достигнуто значительное расширение представительства промышленной буржуазии в органах законодательной власти.

Отрицая возможность участия на выборах в центральные органы власти представителей низших сословий, Юм, в то же время, предлагал допустить к участию в местных выборах «фригольдеров, имеющих доход не менее двадцати фунтов стерлингов для выбора своего представителя в законодательный орган графства»⁴. Просветитель

¹ Юм Д. *Идея совершенного государства* // Юм Д. *Идея совершенного государства* // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1966. С. 795.

² Там же.

³ Там же. С. 791.

⁴ Там же. С. 783.

понимал, что на местах, в сельских округах никто, кроме крестьян, не мог в ту пору противостоять лендлордам, аристократам. Ведь в этих районах не было промышленной буржуазии, и потому только низшее сословие могло «сдерживать» аристократов, отстаивая свои права и свободы.

Как видно, Юм выступал за значительное расширение избирательных прав, за ликвидацию сословий и за полное искоренение в обществе сословных привилегий — одного из пережитков феодального прошлого. Нам представляется вероятным, что просветитель стремился к частичному удовлетворению политических запросов буржуазии, желавшей получить доступ к государственной власти, дабы использовать ее в качестве противовеса усиливающейся королевской власти, и что он выступал за то, чтобы широкие народные массы могли отстоять свои права и свободы.

Наряду с просветителями, которые отвергали возможность введения всеобщих выборов, либо допускали всеобщее избирательное право для собственников на выборах низового уровня, находились те, кто защищал всеобщее избирательное право на выборах всех уровней. К их числу принадлежал Дж. Пристли. В отношении реформирования избирательного права Пристли был более радикален. В отличие от Юма, он не отрицал отмену имущественного ценза на выборах в парламент. «Если даже в ответ на петиции, поданные парламенту народом, в случае неисполнения последним своих предвыборных обещаний работать на благо общества, парламент никак не отреагирует, на выборах должен быть услышан голос низших сословий — народ может избрать более честных депутатов», заявлял просветитель¹. Вместе с тем, по словам Пристли, в большинстве случаев только лица, обладающие значительным состоянием, могут занимать высшие должности в правительстве, так как «имеют лучшее воспитание, образование, и поэтому могут лучше действовать в интересах общественного блага»². Они владеют большей собственностью и поэтому заинтересованы в стабильности в обществе. Как отмечал просветитель, необходимо, чтобы те, кто находится в большой материальной зависимости, нуждаются в чьей-нибудь материальной поддержке, не имели бы права голосовать при выборе крупных чиновников, поскольку «они могут передать голос в пользу того, от кого зависят»³.

---

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Указ. соч. С. 221.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 212–213.

Отрицая необходимость введения всеобщего избирательного права на выборах в центральные органы власти, Пристли, в то же время, как и Юм, выступал за допуск к участию на низовых выборах представителей низших сословий. «Если мы допускаем градацию (различия) в положении, занимаемом избираемыми нами чиновниками, — писал Пристли, — делим их на высших и низших, если низшие классы обладают правом голоса при назначении низших чиновников и по мере роста их благосостояния могут принять участие при выборе лиц для замещения более высоких постов, пока сами не будут допускаться, то мы имеем дело с политической свободой, естественной для человеческого рода»¹. Нетрудно заметить, что в вопросе избирательного права Пристли выступал с позиций буржуазного радикализма.

Нам представляется, что Пристли принадлежал к наиболее революционной части буржуазных радикалов, граничащей с демократическими радикалами, выступавшими за всеобщее избирательное право на выборах всех уровней, и к «новым вигам». Подобно «новым вигам», Пристли выступал за расширение избирательного права в стране, так как опасался реализации честолюбивых стремлений Георга III к установлению единоличной формы правления. Только получив возможность избирать и быть избранным народ, по словам просветителя, мог влиять на власть, заставить короля считаться с собой в случае, если последний попытается посягнуть на свободы граждан и ущемить их права.

Принадлежность Пристли к «новым вигам» просматривается также в том, что он, подобно им, выступал за снижение сроков деятельности парламента. «Семилетний парламент подвергает наши свободы большему риску, чем подверг бы однолетний», заявлял он².

Поскольку в условиях усиления влияния короны на парламент в Великобритании во второй половине XVIII века в придворных кругах, близких к королю, стали слышны высказывания за отмену парламентских выборов в Палату общин и назначение депутатов нижней палаты парламента королем, Пристли поставил перед собой задачу убедить общественное мнение в преимуществах выборного народного парламента над назначаемым. По мнению просветителя, «если бы король единообразно влиял на Палату общин, то так как члены Палаты имели бы общение только друг с другом» (не контактировали с народом), «они не испытывали бы чувства страха или стыда перед обществом. Ни один член парламента не принимал бы справедливые решения, которые принимало бы большинство в случае оспариваемых

¹ Там же. С. 213.

² Там же.

выборов»¹. Пристли понимал, что при создавшихся условиях все зависело бы только от воли монарха и подчинялись бы ему, невзирая на то, вред или пользу приносят обществу его приказания. Все это приведет к тому, что в парламенте будут приниматься решения, направленные на усиление личной власти короля, а не на благо нации и защиту прав и свобод граждан. Когда члены парламента выбираются народом, то «те, кого действительно избрал народ, не будут иметь шанса на переизбрание, если этого не пожелает общество, — заявлял Пристли. — В Палате общин всегда будет меньшинство, которое помещает дальнейшему развитию тирании»². Чтобы получить поддержку народа на выборах, депутаты Палаты будут стремиться проводить политику в интересах общества и не дадут королю проводить непопулярные законы, писал в своих работах просветитель. Выборный парламент Пристли называл «идеальным парламентом»³.

Поставленные просветителями вопросы выработки принципов легитимности существующей государственной власти, их проекты реформирования избирательного права в сторону его демократизации, а также меры борьбы с тиранией, на практике способствовали построению правового государства в Великобритании.

Демократические свободы

Проблема неравноправного положения различных церквей, религиозных конфессий в Великобритании, также как и случавшихся в Европе на протяжении столетий религиозных войн, принесших немало бед человечеству, не могла не привлечь внимания просветителей. Видя, сколько несчастий приносят людям конфессиональные разногласия, все просветители активно выступали в защиту свободы совести. Считая свободу вероисповедания одной из неотъемлемых свобод человека, просветители осуждали религиозную нетерпимость, религиозные войны между представителями различных конфессий, справедливо утверждая, что каждый гражданин вправе исповедовать ту религию, какую предпочтет сам.

Религиозные войны, разжигаемые священниками, по мнению Б. Мандевиля, усиливают злость, порождают ненависть в отношениях между людьми. Мандевиль полагал, что идеальной религии не существует, следовательно, споры о том, какая религия лучше, эфемерны, а религиозные войны бессмысленны. «Задайте вопрос в Пекине, Константинополе, Риме, какая религия лучше, и получите

¹ Там же. С. 226.

² Там же. С. 226–227.

³ Там же. С. 227.

три четких ответа, абсолютно отличающихся друг от друга. Спросите у сект, на которые делится христианство: какая из них истинная церковь Христа — перессорятся», утверждал просветитель¹. В работе «Свобода мысли: о религии, церкви и национальном счастье» Мандевиль писал: «Люди могут объединяться для отправления публичного богослужения, осуществления культовых действий; но для любой религии главное — сердце отдельного человека. Лучшее, что делает законодатель, обеспечивает свободу ее исповедания, защищает от нападков. Вопрос о сущности христианства — частное дело отдельного человека»².

Подобно многим просветителям, Юм отрицательно относился к религии, считая религиозные фракции повинными в распространении невежества, в разжигании междоусобиц между людьми. Причины религиозных войн, по его мнению, заключались «в чрезмерной власти и авторитете священников, натравливающих людей друг на друга»³. Религия, по Юму, представляет собой «полный простор для использования мошенниками легковерия». Просветитель полагал: «Для того, чтобы подвести людей к заключению относительно существования разумной высшей силы, управляющей всем миром, требуется влияние на них аффекта, который бы побуждал их к заданию вопроса об этой силе». По мнению Юма, «этот вопрос был задан первобытными людьми на стадии возникновения религии не из отвлеченного любопытства, не из стремления к истине, а из страха невежественных умов перед враждебной и полной тайн природы. Люди приписывали высшим силам власть над природой, и над самими собой, будучи не в силах понять истинного смысла природных явлений. Поэтому, — продолжал просветитель, — религиозная истина не является истинной в точном смысле этого слова и бороться за нее, участвовать в религиозных войнах бессмысленно»⁴.

Выступая за веротерпимость, против бессмысленного уничтожения людьми друг друга в религиозных войнах, Честерфилд подверг критике религиозные секты, развязывавшие подобные конфликты. В письмах к Вольтеру, просветитель писал: «Вы осветили безумия и неистовства религиозных сект, пользуетесь достойным оружием: презрением и высмеиванием их, борясь с ними»⁵.

¹ Мандевиль Б. Исследование о природе общества // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 296.

² Цит по: Субботин А. Л. Б. Мандевиль. М., 1986. С. 76.

³ Юм Д. О партиях вообще // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 603.

⁴ Юм Д. Естественная история религии // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 378.

⁵ Честерфилд Ф. Письма Вольтеру // Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л., 1971. С. 240.

Отстаивая свободу совести, просветители в то же время вкладывали неоднозначный смысл в понятие веротерпимости. Большинство их считало нецелесообразным введение полной, неограниченной свободы совести. Одни просветители, ратуя за свободу вероисповедания, не распространяли данную свободу на католиков и атеистов, защищая лишь англиканцев. К их числу относились Мандевиль, Честерфилд, Юм.

Справедливо считая главной виновницей всех религиозных войн католическую церковь, Мандевиль отрицательно относился к католической религии вообще. Кроме того, он выступал против католической церкви, поскольку именно католики противостояли государственной власти, установившейся в Англии после Славной революции, а также славилась своей близостью к свергнутым Стюартам. При этом Мандевиль защищал англиканскую церковь. Учитывая, что в государственной церкви могли вести проповеди только священники-англиканцы, которые после Славной революции пропагандировали теорию непротivления официальным властям, просветитель утверждал: «бедняков надо заставить ходить в церковь, так как церковь — мощное орудие в руках правителя»¹. Кроме того, Мандевиль усматривал опасность в сближении бедняков с атеистами, поскольку атеизм ассоциировался у него с диггерами, выступавшими против конституционной монархии. Для этой же цели Мандевиль предполагал сохранить преподавание теологии в университетах для студенчества, склонного, более других социальных групп, к критичности в отношении к любой власти, в том числе и утвердившейся после событий 1688–1689 гг. «Для этого специальным наставникам нужно было просматривать конспекты преподавателей и студентов», — заявлял он².

Критикуя католическую церковь и абсолютистскую власть, с ней связанную, Честерфилд восторженно отзывался о Вольтере. Будучи свободным от религиозных, философских, политических, национальных предрассудков, он (Вольтер), по мнению просветителя, рассказывал правдиво и беспристрастно об эпохе Людовика XIV, который, «будучи ханжеским приверженцем католической религии, ревниво оберегал ее»³.

Юм, как и Мандевиль не распространял свободу вероисповедания на католиков, так как считал, что именно они были повинны в разжигании религиозных войн. Обвиняя католиков в беспринципности, жестокости и мошенничестве при достижении своих целей; отстаивая

¹ Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Указ. соч. С. 277.

² Там же. С. 267.

³ Честерфилд Ф. Письма к сыну // Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л., 1971. С. 205–206.

веротерпимость, просветитель стремился подорвать тем самым авторитет католиков среди населения и расколоть церковь изнутри, чтобы ослабить ее влияние на государственные дела. Гражданские власти, по мнению Юма, «справедливо ставят католических священников на одну доску с разбойниками и строжайшим образом наказывают»¹. Как и Мандевиль, Юм выступал против атеизма, считал, что все слои населения, кроме низших, могут свободно исповедовать любую религию, кроме католицизма или атеизма, а социальные низы должны исповедовать только англиканскую религию. Подобно Мандевиллю, Юм не распространял свободу совести на социальные низы. Учитывая, какое значение имеет церковная проповедь для необразованных рабочих и крестьян, в своих работах просветитель предложил магистратам, независимым от короля, самим назначать священников из числа политически благонадежных людей. Конечно же, он имел в виду представителей англиканской церкви, которые, как он считал, будут воспитывать низы общества в духе лояльности к существующим властям. «Без зависимости духовенства от гражданских магистратов бессмысленно думать о том, что какое-либо свободное правление будет обладать устойчивостью», утверждал Юм².

В отличие от Юма и Мандевилля, Пристли отрицательно относился к англиканской церкви. Выступая против англиканской церкви, Пристли поддерживал концепцию независимости, отделения церкви от государственной власти, тогда как Юм, наоборот стремился подчинить эту церковь интересам власти в борьбе с католичеством. Пристли ставил перед собой задачу не допустить установления тирании Ганноверов, поддерживаемых этой церковью. Пытаясь ослабить экономическое могущество церкви, просветитель выступал за простую, дешевую церковь, верную аскетическим принципам раннего христианства. По его мнению, «богатство церкви наносит вред ее благотворительному воздействию» на общество, моральному облику священников, приводит к искажению истинного раннего христианства³. Он полагал, что «государство не должно быть стражем доходов церкви», но должно иметь право распоряжаться церковной собственностью⁴. Пристли выступал против сбора десятины в пользу англиканской церкви, утверждая, что «англиканская церковь имела

¹ Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1966. С. 234.

² Юм Д. Идея совершенного государства // Юм Д. Указ. соч. С. 788, 794.

³ Пристли Дж. Письма к высококочтимому Эдмунду Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 6. О вмешательстве государства в дела религии вообще // Пристли Дж. Избр. соч. С. 253.

⁴ Там же. С. 252.

бесстыдство, обладая властью, собирать десятину»¹. Он понимал, что в основе поддержки церковью официальной государственной власти лежит мощная финансовая подпитка со стороны властей этой церкви, и поэтому, осознавая влияние церкви на народ, стремился доказать, что англиканская церковь куплена властью и потому ей нельзя верить. По мнению Пристли, «многие лица, наиболее зависящие от королей и окружающие их, в особенности духовенство, склонны говорить о божественном происхождении власти. Короли склонны прибегать к этому приятно отравляющему яду и воображать, что их права не зависят от воли народа»². «Справедливо негодование гражданина, — продолжал просветитель, — когда прелат, располагающий большим богатством, находясь под властью развращенного правителя, пользуется для его поддержки извращениями Священного писания, нелепыми цитатами о том, что власти учреждены богом»³.

Как и Пристли, Э. Берк поддерживал автономию церкви. «Нельзя допустить, чтобы церковь оказалась в зависимости от государственной казны, от частных взносов, чтобы на нее оказывалось давление со стороны политиков или военных», — заявлял он⁴. Однако Берк выступал не против англиканской церкви как таковой, а против ее зависимости от короны. Он ратовал за свободную англиканскую церковь. Свой тезис просветитель подтверждал высказыванием о том, что «народ хочет, чтобы церковь была независимой, а воля народа — закон»⁵.

Любопытно, что Берк выступал против притеснения католиков государственной властью и ратовал за то, чтобы католики перестали быть подотчетными в своих действиях перед правительством, приобрели самостоятельность и независимость. Просветитель считал, что «доходы церкви должны быть ее национальным достоянием, непозволительно государству подсчитывать имущество церкви»⁶. Вместе с тем, Берк, в отличие от Пристли, отрицательно относился к конфискации церковных земель государством, а также к «дешевой» церкви.

Юнг, как Пристли и Берк, признавал большую роль церкви в деле укрепления королевской власти, и особенно в установлении тирани-

¹ Там же. С. 255.

² *Пристли Дж.* Письма к высокочтимому Эдмунду Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 3. О природе управления и о правах народа и королей // *Пристли Дж.* Избр. соч. С. 242.

³ *Пристли Дж.* Очерк об основных принципах государственного управления и о природе политической и гражданской свободы // *Пристли Дж.* Указ. соч. С. 215.

⁴ *Берк Э.* Указ. соч. С. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 92.

ческого правления Георга III. Основу подобной поддержки короля, он усматривал в финансовой подпитке церкви государством. Именно поэтому Юнг отрицательно относился к практике взимания церковной десятины с крестьянских хозяйств — практике, поддерживаемой правительством. При этом он отмечал, что «при сборе церковной десятины во Франции не было такой позорной жадности, как в Англии, подобная мягкость при сборе сего гнусного налога была Англии неизвестна». Критикуя английское духовенство, он подчеркивал: «священники в Англии не сохраняют и внешней благопристойности, проводят утро на охоте, в скачках с собаками, а вечер посвящают бутылке, танцам, непристойным комедиям. Подобное времяпрепровождение — не то занятие, за которое платят десятину»¹. Осуждая финансовую поддержку англиканской церкви государством, Юнг, как и Берк, выступал не против англиканской церкви вообще, но против ее финансовой зависимости от короны, ратовал за свободную англиканскую церковь.

Разнилось отношение Юнга и Берка к католической церкви Англии и Франции. Так Юнг ратовал за предоставление свободы вероисповедания для католиков в Англии, где они, будучи притесняемыми властью, выступали против честолюбивых устремлений Георга III, стремившегося к установлению тирании. «Почему английские католики вынуждены уезжать в чужие края — во Францию, чтобы получить там образование, а не могут пользоваться для этого хорошими учреждениями у себя дома?», вопрошал он². В то же время Юнг осуждал католическую церковь Франции, находившуюся, по его словам, под влиянием монарха, и осуществлявшую тиранию в отношении собственного народа.

Юнга и Берка объединяло также негативное отношение к атеизму. В противоположность им Пристли не отрицал право граждан на атеистические убеждения. В подтверждение данного тезиса можно привести его слова, адресованные Берку: «Вы говорите, что человек — религиозное животное, но мы легко можем себе представить человека, не обладающего никаким знанием о религии»³. Пристли полагал, что в будущем не будет ни епископов, ни архиепископов. По его словам, если ранее человечество, руководимое корыстными священниками, находилось в духовном рабстве, то после революций и освободительных войн установившееся «чувство политической

¹ Юнг А. О революции во Франции // Юнг А. Указ. соч. С. 324–325.

² Юнг А. Путешествие во Францию. 1788 // Юнг А. Путешествия по Франции. СПб., 1996. С. 101.

³ Пристли Дж. Письма к высокочтимому Э. Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 6. О вмешательстве государства в дела церкви и религии вообще // Пристли Дж. Указ. соч. С. 255.

и гражданской свободы доставит человечеству сознание его силы, являющейся основой для свободного, мужественного направления мысли». «Без духа свободы и чувства безопасности не может быть улучшения ни в чем», — считал он¹.

Признавая атеизм, Пристли, в отличие от Мандевиля и Юма, распространял свободу вероисповедания на все религии, кроме англиканства. В вопросе свободы совести Пристли был значительно радикальнее Юма, выступавшего за контроль англиканской церкви над остальными христианскими конфессиями. Пристли полагал, что каждый волен исповедовать ту религию, которую он пожелает. «Вы не будете утверждать», — обращался он к читателям, — «что все человеческие потребности обслуживаются государством. Если я могу есть и пить все, что соответствует моему аппетиту и государству нет до этого дела, то может ли кто-либо жаловаться на меня, что я почитаю бога тем или иным способом или же совсем не почитаю его. Было бы лучше, если бы людям была предоставлена возможность самим выбирать религию. Государство не имеет права вмешиваться в наш выбор»².

Пристли был уверен, что «гражданским властям нет дела до установления религиозной истины», — и что гражданская власть должна поддерживать ту религию, которая признается большинством подданных, даже если эта власть придерживается других взглядов. «В Шотландии короли должны поддерживать пресвитерианство, а в Ирландии — римскую католическую церковь», — полагал просветитель³.

Как отмечал Пристли, если спросить угнетенных ирландцев, является ли их религией та, которую они обязаны поддерживать, они сказали бы, что эта религия чужда им. Только один из десяти ирландцев принадлежит к англиканской церкви, но «железная рука власти» заставляет их поддерживать англиканскую религию. «Является ли это средством укрепления нашей религии, многих ли мы обращаем в нашу веру; должна ли всякая вещь поддерживаться народом на том основании, что некогда была установлена, без права заменить ее на лучшую?», — вопрошал просветитель⁴.

---

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Указ. соч. С. 227–228.

² Пристли Дж. Письма к высокочтимому Э. Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 6 // Пристли Дж. Указ. соч. С. 253–254.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же.

Нам представляется вероятным, что Пристли, предъявляя претензии к англиканской церкви, претендующей на непогрешимость своих догматов, принадлежал к диссентерам. Подтверждением данного тезиса служит то, что он выступил против закона «о корпорациях» 1661 г., по которому «мятежные лица, к которым относились члены различных религиозных сект, не могли занимать должности в городских магистратах, участвовать в местном самоуправлении, выбирать депутатов парламента от городов и местечек»¹. Политические взгляды просветителя повлияли на его религиозные взгляды. Принадлежность Пристли к «новым вигам», его критическое отношение к королю, стремившемуся к единоличному правлению, заставила просветителя поддерживать диссентеров, находящихся в оппозиции к англиканской церкви, поддерживающей короля. Помимо прочего, Пристли являлся одним из основателей диссентерской академии. Подвергаясь дискриминации, диссентеры добивались свободы вероисповедания, отстаивали принципы веротерпимости и распространяли эти принципы на политическую жизнь, так как в Англии государство и официальная церковь представляли собой единое целое, а главой церкви являлся король.

Просветитель У. Годвин, также как и Пристли, ратовал за веротерпимость, поскольку видел большую роль духовенства в разжигании религиозных войн. Выступая за свободу вероисповедания, он отмечал: «Требования быть христианином, потому, что я британец, мусульманином, потому, что я родился в Турции, наполняют меня презрением к религии»².

В своих трудах просветители немало внимания уделяли таким демократическим свободам, как свобода слова, печати, собраний, профессиональной деятельности. Фергюсон считал свободу слова принципом политической жизни правового государства. По его словам, «только рабство и развращенность могут стать причиной прекращения дебатов между честными людьми, обладающими равными правами на свободное высказывание собственного мнения»³. В целом, Фергюсон выступал против единообразия во взглядах и мнениях. Он ратовал за свободу слова, мысли, печати, собраний, за многообразие политических обществ, группировок. Истинная свобода дискуссий заключалась, по его мнению, в том, чтобы каждый имел право выражать собственную точку зрения, не опасаясь, что за это его будут преследовать.

¹ Цит. по: Семенов С. Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. С. 24.

² Годвин У. Указ. соч. С. 197.

³ Фергюсон А. Указ. соч. С. 111.

О своей приверженности к свободе слова заявлял и Честерфилд. В письмах к сыну он подчеркивал, что несправедливо преследовать людей за убеждения, которые сложились у них. «Столь же естественно другому человеку иметь взгляды, не похожие на мои; если мы оба искренни в своих убеждениях, то мы должны быть взаимно снисходительны друг к другу», заявлял просветитель¹.

Выступая за свободу слова, Честерфилд с большой симпатией отзывался об известных просветителях — лорде Болингброке и А. Попе (Поупе), — которые в своих сатирических произведениях обличали пороки общественно-политической системы государства при Р. Уолполе. О Болингброке он говорил, что это «проницательный мыслитель, всегда находящийся во власти благородных и великодушных порывов»². Произведения Попа, по мнению Честерфилда, «говорят сами за себя, они будут жить столько, сколько будет существовать литература и хороший вкус; и люди будут восхищаться ими, когда уйдут зависть и негодование из их сердец. Сейчас нравственность Поупа подвергается нападкам из-за его пристрастия к сатирическому обличению, которого многие опасались (делаются попытки дискредитировать его, подорвать его влияние на общественность)»³.

Выступая в поддержку свободы слова, многие просветители, тем не менее, полагали, что данная свобода не должна быть абсолютной, бесконтрольной. К числу таких просветителей относились Берк и Годвин. Для предотвращения тирании и анархии в стране, по мнению Берка, необходимо всячески поощрять различные дискуссии, споры, способствующие развитию свободомыслия. Просветитель справедливо отмечал, что общественные свободы тем лучше защищены, чем больше поощряется государством разнообразие интересов, позиций, мнений у людей. Но при этом свобода высказывать свою точку зрения должна ограничиваться чувством глубокого уважения к точкам зрения других людей, а также к историческому наследию, традициям и культуре своей страны. «Наше соблюдение естественных и гражданских прав и демократических свобод друг друга базируется на естественном почитании индивидуальности друг в друге», — утверждал Берк⁴.

В своих трудах Годвин ратовал за «свободу людей от всяких принуждений, кроме доводов разума»⁵. Такую свободу он называл есте-

¹ Честерфилд Ф. Письма к сыну // Честерфилд Ф. Указ. соч. С. 96.

² Честерфилд Ф. Характеры. Болингброк // Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л., 1971. С. 261.

³ Честерфилд Ф. Характеры. Поп // Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимум. Характеры. С. 258.

⁴ Берк Э. Указ. соч. С. 51.

⁵ Годвин У. Указ. соч. С. 116.

ственной независимостью, личной свободой, свободой мысли, слова, совести, деятельности. Годвин считал, что «деятельность людей не нуждается ни в каком надзоре». «Если не можете привлечь сердца членов общества», — утверждал просветитель, — «не ждите успеха от грубого регулирования их поведения, остерегайтесь превращать людей в машины»¹.

Вместе с тем Годвин, как и Берк, выступал против ничем не ограниченной свободы, ведущей к забвению всех моральных норм. Просветитель полагал, что внутренняя свобода должна дополняться моральной зависимостью, правом каждого критиковать действия друг друга в случае, если нарушается общественный покой. В свободе критики Годвин усматривал одну из составляющих свободы слова. «Нравственная независимость людей друг от друга, от общества вредна для общественного блага», — полагал Годвин. «Я не могу быть поставлен в такое положение, где бы я ни был, обязан придерживаться известного рода поведения по отношению ко всем другим людям, иначе я окажусь дурным членом общества», — заявлял он². Иными словами просветитель выступал против того, чтобы все поступки граждан управлялись чужой волей. В то же время он считал, что общество имеет право вмешаться, если поведение какого-либо индивида приносит вред остальным членам общества. Годвин полагал, что «подлинные враги свободы слова и других демократических свобод находятся не среди народа, а в высших слоях общества», которым выгодно рабство остальных³. В силу своей природы любой политический институт стремится остановить интеллектуальное развитие общества. «Правительство склонно утаивать истину, раздувать наши предрассудки, разжигать страсти, лежащие в нас, натравливать нас друг на друга, проводя политику: разделяй и властвуй»⁴. Власть предрержащие испытывают сильный соблазн увековечить существующее положение вещей, распространяя слепую веру в божественность любой власти. В таком случае ведение дискуссий — это единственный реальный способ постижения истины. Церковь, по словам Годвина, также препятствует свободному развитию мысли людей. «Все зло в мире происходит от плутовства священников. Религии сообщают миру такую истину, которую мир, по их мнению, должен признать как единственно правильную», — заявлял просветитель⁵.

¹ Там же. С. 118.

² Там же. С. 116.

³ См: Чудинов А. В. Политическая справедливость У. Годвина. М., 1990. С. 56.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Годвин У. Указ. соч. С. 68–69.

Помимо свободы слова, Фергюсон отстаивал право на свободную деятельность, свободу выбора профессий. Просветитель считал, что в основе благосостояния общества, общественного прогресса лежит разделение труда. По его мнению, «способности активно мыслящих людей отличаются разнообразием. Поэтому разнообразие их профессиональных занятий должно соответствовать разнообразию занимающих их внимание предметов»¹. Иными словами, человек должен заниматься той деятельностью, к которой более способен и которая ему более нравится.

Неоднократно высказывался в защиту свободы деятельности также Дж. Пристли. Это право индивида, по мнению просветителя, не может быть нарушено чиновниками, уполномоченными управлять народом. Как отмечал Пристли, только очевидная необходимость может оправдать вмешательство гражданских властей в личную жизнь самих граждан. Поэтому необходимо установить разумные границы для вмешательства со стороны закона и правительства в личную жизнь граждан. Просветитель считал, что «законы являются тягостными для любого члена общества в том случае, если они подвергают его ненужным ограничениям, контролируют его поведение»².

Таким образом, как мы могли убедиться, английские просветители придавали большое значение гражданским и личностным свободам, выступили в поддержку этих свобод, справедливо полагая, что их наличие необходимо для создания правового государства.

Право наций на самоопределение

Общества, претендующие на создание правового государства, должны соответствовать определенному уровню развития не только при проведении внутренней, но и внешней политики, а также уважать права не только своих граждан, но и граждан других стран. Одним из таких прав является право наций на самоопределение.

Английских просветителей отличали идеи гуманизма. Неудивительно, что они выступали против колониальных войн, за право наций на самоопределение, оправдывали освободительные войны, приветствуя борьбу государств против иноземных захватчиков. Особенно наглядно эти идеи прозвучали в высказываниях Б. Мандевиля, который осуждал колониальные войны. Критикуя захватнические

---

¹ Фергюсон А. Указ. соч. С. 66.

² Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Указ. соч. С. 224.

войны, Мандевиль считал, что все подвиги, которые происходят на поле брани, объясняются не доблестью солдат, а их желанием прославиться. При этом просветитель имел в виду наемные армии европейских государств, сражающиеся за чуждые народу интересы правящих кругов. Мандевиль ссылался на исторические примеры, утверждая, что правители в своей деятельности следуют принципам, выработанным еще в древнегреческих полисах. Они, по мнению просветителя, справедливо считают, что для успешного ведения завоевательных войн необходимо «внушить солдатам, что в них есть начало доблести, заставляющее их бесстрашно смотреть в лицо смерти». Мандевиль полагал, что «если хотя бы одного убедить в этом, то найдется полдюжины других, нужно раздувать соперничество между ними, внушить им ужас перед позором»¹. «Хотите сделать их воинственными, почтите их тщеславию. Оно взращивается яркостью мундиров, галунами, барабанами, знаменами», — подчеркивал просветитель². При этом Мандевиль подчеркивал, что подобные принципы правители в основном применяли по отношению к армии наемников, к которым он сам относился негативно. Осуждая завоевательные войны, Мандевиль считал, что правитель не имеет права посылать граждан своей страны на гибель, затеявая колониальные войны ради достижения славы великого полководца. В то же время, отстаивая право наций на самоопределение, Мандевиль с сочувствием относился к освободительной борьбе наций против иноземных захватчиков. Просветитель с неподдельным восхищением писал о мужестве, патриотизме народа Голландии, выступившего в XVI веке против испанских захватчиков.

Пристли, как и Мандевиль, считал, что все люди, также, как и все нации, равны между собой. Поэтому он отрицательно относился к попыткам установления господства как одного человека над другим, так и одной нации над другой — к колониальным войнам. Неудивительно, что, являясь англичанином, Пристли, тем не менее, приветствовал войну североамериканских колоний за независимость от Великобритании. Просветитель осуждал несправедливую налоговую политику, которую проводила Великобритания в отношении североамериканских колоний. Согласно первой схеме налогообложения жителей Америки, «лица низшего сословия могут опасаться, что на них может быть возложена несоразмерно большая часть налогового бремени, так как они не имеют непосредственного способа контролировать законодательные инициативы английского правительства в отношении

¹ Мандевиль Б. Комментарии // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 195.

² Там же. С. 206.

колоний»¹. Как видно, Пристли выступал за пропорциональное налогообложение. Он полагал, что «великие и руководящие принципы», в защиту которых выступали участники Войны за независимость, «давно установлены и получили общее одобрение со стороны тех, кто называет себя «новыми вигами», друзьями нашей революции и той, которая недавно произошла в Америке»². «Не предсказывали, что американцы при отпадении от своей метрополии попадут в полную смуту, и будут резать друг другу горло»³, — заявлял Пристли. Так как причины гражданских войн зачастую кроются в различных представлениях о способах правления и в различных интересах между людьми, то считалось, что когда Америка сбросит с себя иго Англии, то различные штаты пойдут войной друг на друга. Но последующие события не оправдали этого. Хотя этот разрыв с Англией и был силен и сопровождался войной, истощившей их ресурсы, они не страдали от недостатка власти. «Когда война была закончена, они приняли сначала несовершенную и неслаженную форму управления, — продолжал просветитель. — Теперь, после того, как они достаточно подумали об этом», то приняли форму правления, объединившую всех⁴. В результате в США создано новое управление, «основанное на принципах равных для всех свобод и прав без дворянства, епископов; торжествует народ»⁵. Выступая за независимость североамериканских колоний, Пристли также приветствовал борьбу за независимость Шотландии и Ирландии, «жаждущих свергнуть с себя угнетающее их ярмо»⁶. Пристли являлся большим оптимистом и одновременно утопистом в своих взглядах на внешнеполитические отношения между государствами. По его мнению, после революций наступит эпоха «всеобщего процветания, произойдет уничтожение национальных предрассудков и вражды между государствами и людьми, наступит всеобщий мир, не будет взаимных разорительных и гибельных войн»⁷. И далее он

¹ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления, и о природе политической и гражданской свободы // Пристли Дж. Указ. соч. С. 214.

² Пристли Дж. Письма к высокочтимому Э. Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 1 // Пристли Дж. Указ. соч. С. 231.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же.

⁵ Пристли Дж. Письма к высокочтимому Э. Берку, вызванные его размышлениями о французской революции. Письмо 4. О революции в Англии по сравнению с революцией во Франции // Пристли Дж. Избр. соч. М., 1934. С. 247.

⁶ Там же. Письмо 6 // Пристли Дж. Указ. соч. С. 255.

⁷ Там же. Письмо 14 // Пристли Дж. Избр. соч. М., 1934. С. 258.

продолжал: «Индия больше не станет привлекать нашего внимания; ни одна страна Америки, Африки, Азии не будет в подчинении у европейских государств»¹. Те деньги, которые раньше шли на войны, проводимые из-за честолюбия правителей, пойдут на строительство дорог, каналов, мостов, считал Пристли.

Честерфилд также отрицательно относился к налоговой политике, которую Великобритания проводила в отношении североамериканских колоний. В своих работах он говорил о несправедливом, грабительском характере подобной политики: «Англия участвует в ограблении североамериканских колоний. Сейчас, когда после введения гербового сбора в североамериканских колониях колонисты отказались платить, оппозиция требует от правительства принять решительные меры, применить насилие, заставить наши войска в Америке взимать сборы с американцев. Но я не видел, чтобы непослушный ребенок вел себя лучше после того, как его выпорют. Не хотел бы, чтобы наша метрополия превратилась в злую мачеху. Наша торговля с Америкой дает нам два миллиона фунтов стерлингов, а гербовый сбор — сто тысяч. Я бы не стал добиваться поступления этой суммы в казначейство, если при этом существует опасность потерять один миллион фунтов стерлингов в год национального дохода», заявлял просветитель².

Эдмунд Берк, так же как и Пристли, приветствовал борьбу жителей североамериканских штатов и Индии за независимость. Революция в североамериканских колониях, по его словам, «возглавлялась людьми, которые, меняя общественный порядок в государстве, стремились возвысить человеческое достоинство, чувство чести, смотрели далеко»³. Их деятельность была подчинена возмущению, вызванного ужасными унижениями, притеснениями народа английскими колонизаторами. Просветитель выступал против беззастенчивого ограбления колоний, проводившегося английской колониальной администрацией. В своих работах Берк отмечал, что «Палата общин в Англии будет оставаться значительно менее коррумпированной, пока удастся нарушителей закона в Индии удержать от их желания стать законодателями у нас»⁴. Как нам представляется, просветитель имел в виду дело вице — короля Индии, генерал-губернатора У. Гастингса, известного своим взяточничеством и беззастенчивым ограблением индийского народа.

¹ Там же. С. 259.

² Честерфилд Ф. Письма к сыну // Честерфилд Ф. Указ. соч. С. 241.

³ Берк Э. Указ. соч. С. 63.

⁴ Там же. С. 61.

У. Годвин, как и все другие просветители отрицательно относился к работорговле и к колониальным войнам — неотъемлемой составляющей работорговли, — считая, что все люди, представители различных рас, от природы равны. «Дошло до того, что стали покупать людей, большой размах приобрело рабство. Отсюда мы можем видеть деспотические повадки у людей, обладающих рабами, испытывающих отраду от осознания собственного величия, ранга», на приобретение которого дает им право в глазах окружающих обладание большой долей рабов, заявлял он¹. Годвин понимал, что «национальное богатство, слава, стремление расширить территорию, подчинить соседей приносят пользу только обманщикам, омрачающим разум человечества для того, чтобы беспрепятственно подвергнуть людей унижениям и бедствиям». Спокойствие и мир желательнее, чем страх, внушаемый другим народам. Все люди, по мнению просветителя, являются «братьями»². Он считал, что войны возникают не из наклонностей народов, а из-за интриг правителей и «из стремлений, внушаемых правительствами народу»³.

Юнг также выступал против колониальных войн. По его мнению, «государства должны оставить свою завоевательную политику. От колониальных войн, в которые постоянно вовлекают народ, нет никакой пользы. Приводящее к бессмысленной гибели бесчисленного количества людей, эти войны направлены единственно на удовлетворение растущего честолюбия правителей», — заявлял он⁴.

Свои взгляды на захватнические войны высказал Адам Фергюсон. Он полагал, что во время нападения иностранного государства все жители страны, на которую напали, должны встать на оборону государства, жертвуя своей жизнью ради общего блага. Просветитель приветствовал оборонительные и освободительные войны против захватчиков. Надо культивировать в народе воинственность, позволяющую ему принимать участие в защите своей территории. Свободный народ сам должен защищать свою независимость от врага. «Если даже собственные наемные войска порой превращаются во врага, с которым вынужден воевать народ, если эти войска часто захватывают трусливых и недисциплинированных людей в империях, как это имело место в Риме, то люди должны сами участвовать в обороне своей страны», считал Фергюсон⁵. Нетленная мудрость правителя, продолжал просветитель, состоит в сохранении постоянной

¹ Годвин У. Указ. соч. С. 83.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Юнг А. О революции во Франции // Юнг А. Указ. соч. С. 336.

⁵ Фергюсон А. Указ. соч. С. 323.

и регулярной армии, получающей высокое жалованье (воинское довольствие), способной противостоять захватчикам. «Народ Спарты, в которой существовала всеобщая воинская повинность, не выказал слабости перед внешним врагом, как это сделали нации, погрязшие в изнеженности. Ахейский Союз дольше всех противостоял Македонии», — напоминал просветитель¹.

Просветители в своих трудах нередко пытались выявить степень влияния захватнической политики метрополии на ее собственное могущество. Так, Фергюсон пришел к парадоксальному выводу: Колониальные, захватнические войны в конечном итоге приводят не к усилению страны — завоевателя, а к ее ослаблению и распаду. Просветитель считал, что ведение активной захватнической политики приведет к тому, что нация, осуществляющая эту политику, в конце концов, окажется окруженной со всех сторон покоренными ею народами, во всем мире не останется сильных государств, способных противостоять ей, она расслабится, доверит охранять себя армии наемников, состоящей из представителей покоренных народов, и в конечном итоге окажется завоеванной ими, как это имело место в римской империи в эпоху домината. Опасность завоевательных войн заключается, по мнению Фергюсона, в том, что они в дальнейшем приведут к гибели государства, которое проводило захватническую политику. Подобное обстоятельство заставляло просветителя отрицательно относиться к колониальным войнам. Как полагал Фергюсон, «желание усилить мощь нации через ее расширение, покорение других народов, колониальную политику — лишь предлог, который используют в своей деятельности политики, чтобы склонить народ к участию в захватнических войнах». Реальная цель подобных войн — удовлетворение честолюбивых намерений правителей. В итоге такая политика часто оборачивается против самого государства — завоевателя. «Несмотря на численное превосходство и превосходство в вопросе ресурсов, необходимых для ведения войн, сила нации», по словам просветителя, «проистекает из ее характера, а не из богатств и численности населения»². Фергюсон осознавал, что если с помощью сокровищ государство сможет нанять наемную армию для защиты своей территории, то захватить впоследствии владения боязливых, привыкших жить в роскоши, разучившихся бороться с трудностями коренных жителей разбогатевшей империи эта армия наемников или любой другой внешний враг смогут без особого труда. Римская империя покорила огромное количество народов, римляне расслаби-

¹ Там же. С. 237.

² Там же. С. 109.

лись, так как не видели для себя реальной внешней угрозы, утратили воинскую доблесть, возложили на покоренные германские племена обязанности по защите своей территории. Как отмечал просветитель, «Древний Рим эпохи домината погряз в богатствах, роскоши, что привело к упадку национального духа римлян. Для достижения высокой цели — создания сильной империи — Риму на ранних этапах его развития требовались добродетели: храбрость, ум. Как только эта цель была достигнута, — империя создана, — никакие другие цели уже не могли воодушевить народ на подвиги ради их достижения, в результате римляне погрузились в апатию, добровольно отказались от своих гражданских обязанностей (службы в армии) ради стремления к жизни в комфорте»¹. Итогом подобного развития событий явился распад империи. Германцы, несмотря на то, что им было дано римское гражданство, пошли против римлян и свергли римское владычество, покорили империю. В результате люди не смогли сами себя защитить, и их захватили воинственные племена. Когда покорением всех богатых провинций завершилось формирование империи, народ распался на две категории: мирных богатых, но неспособных себя защитить, живущих в границах империи, ее коренных жителей и бедных, но свирепых грабителей. Между этими двумя категориями возникла война, приведшая к поражению первых.

В своих исследованиях Фергюсон задавался вопросом: «Почему народ утрачивает свое выдающееся положение на мировой арене и уступает пальму первенства другим людям?». Причина этого, по его мнению, заключалась в изменении внешнеполитической ситуации, «в исчезновении объекта, побуждающего дух людей к действию» — в исчезновении находящихся по соседству сильных государств, представляющих собой потенциальную угрозу². Между тем, равновесие сил на международной арене, сохранение определенного баланса сил между представителями различных государств приводит к их усилению, так как каждое государство опасается возможного нападения со стороны другого государства и стремится поддержать свою обороноспособность, считал Фергюсон. Если государства приблизительно равны между собой, это заставляет их считаться друг с другом. Фергюсон считал, что во внешней политике непременно должна существовать система сдержек и противовесов. Он напоминал, что небольшие республики древней Греции «своей раздробленностью и приблизительным равенством сил уравнивали друг друга»³.

¹ Там же. С. 303.

² Там же.

³ Там же. С. 109.

Государство, претендующее на то, чтобы провозгласить себя правовым, должно в своей внешней политике придерживаться норм международного права. Вот, почему английские просветители поставили перед собой проблему выработки норм международного права. Высказанные ими положения успешно реализуются в практике взаимоотношений между дипломатами, правителями различных стран в настоящее время.

В своих работах Д. Юм выступал за соблюдение международно-правовых норм, лежащих в основе международного права. К числу таких норм он причислял «неприкосновенность особы посла», «воздержание от употребления отравленного оружия». По мнению Юма, «три правила, без которых невозможно нормальное функционирование общества: стабильность собственности, передача собственности на основе согласия, соблюдение обещания также обязательны и во внешней политике. Без стабильности собственности происходили бы вечные кражи друг у друга и вечные войны за обладание этой собственностью. Без передачи собственности на основе согласия была бы невозможна международная торговля между различными странами. Без соблюдения обещаний невозможны лиги и союзы между государствами, взаимопонимание между различными нациями»¹.

Таким образом, как видно, английские просветители выступали против колониальных войн, за право наций на самоопределение, с сочувствием относились к освободительным войнам североамериканских колоний, к Индии, Ирландии, внесли большой вклад в выработку норм международного права, придерживаться которых при проведении внешней политики должно каждое правовое государство.

В заключение следует отметить, что концепция правового государства занимала важное место в общественно — политической мысли английских просветителей, которые внесли большой вклад в разработку отдельных ее компонентов.

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Указ. соч. С. 728–729.

ГЛАВА 10

Взгляды просветителей на образование

Большое внимание в своих трудах просветители уделяли праву граждан на получение образования. При этом выявились разногласия в их взглядах на обсуждаемую проблему.

Одни просветители считали, что каждый человек имеет право на получение образования, но при этом выступали против системы государственного образования. К их числу принадлежал У. Годвин. Он высказывался против общественного образования, полагая, что подобная система «опасна для развития самостоятельности разума у детей», так как учитель в общеобразовательных школах, используя свой авторитет, по сути, навязывает ученикам свое собственное мнение¹. Каждый человек, отмечал просветитель, должен обладать собственным разумом, независимостью в суждениях и поступках, а это возможно только при наличии системы самообразования. Данную систему просветитель называл системой свободного образования. Отличие концепции Годвина от концепции других просветителей заключалось в том, что он выступал против государственной общественной системы образования, ратуя за самообразование. Кроме того, просветитель полагал, что «ни одно человеческое существо не должно быть вынуждено учиться тому, к чему не имеет склонности. С другой стороны всякий человек может самостоятельно изучать интересующий его предмет»². Как видно, Годвин выступал за изучение тех предметов, к которым ученики проявляли интерес. Он был противником принудительного изучения всех наук.

В противоположность Годвину, Б. Мандевиль, напротив, полагал, что обучаться должны только те, кто сможет заплатить за свое обучение, и что развивать следует систему государственного или частного общественного образования и воспитания: школы и университеты.

Обращая внимание на существующую в Англии систему образования, просветитель подверг критике благотворительные школы³. Он критиковал сложившуюся в них атмосферу фальши и бесправия подопечных. Просветитель отмечал, что попечители этих школ выбираются из людей среднего достатка, или даже ниже этого. Если спросить у них, почему они принимают на себя такие огромные заботы

¹ Годвин У. О собственности. М., 1958. С. 129.

² Там же. С. 129–130.

³ Впервые к данному вопросу обратилась Т. Л. Лабутина. См.: Критика благотворительных школ Бернардом Мандевилем // *Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке*. СПб., 2001. С. 66–70.

по воспитанию детей в ущерб собственным делам и своему свободному времени, они все единодушно ответят, что причина этого — их уважение к религии и церкви, наслаждение, которое они получают, делая добро, и забота о вечном блаженстве бедных невинных малюток. На самом же деле им нравится сознавать свою власть над детьми — воспитанниками этих школ, и над учителями, отдавать им приказы и распоряжения, купаться в лучах славы. «Какие прекрасные вещи высказываются попечителю! Как приятно щекочат похвалы, какое удовольствие вызывает лесть, высказываемая попечителям людьми за их показную благотворительность, а также учителями, желающими преподавать в школах. Если какой-либо попечитель, положивший несколько больше чем обычно усилий для оказания помощи школе окажется в каком-либо обществе, как его прославляют окружающие и как его рвение и склонность к милосердию превозносятся до небес», — утверждал просветитель¹. Попечитель испытывает восторг от ощущения своего влияния и превосходства, получает наслаждение от сознания своего господства. В слове попечитель есть нечто «мелодичное» что очаровывает низких людей². По словам Мандевилья, создавая школы, попечитель-лавочник «постоянно терпит унижение от представителей состоятельных слоев общества, ему надо выступить в роли благодетеля, иметь власть над теми, кто еще более бесправен, чем он, — бродячими детьми. Попечители — это тысяча мелких тиранов, к которым воспитанники относятся с ненавистью, видят их приветливое к себе отношение на людях (во время посещения благотворительных школ проверяющими) и чувствуют жестокое обращение к себе попечителей после ухода посетителей, когда остаются с преподавательским персоналом благотворительных школ наедине. После окончания этих школ вчерашние воспитанники превращаются в озлобленных преступников, стремящихся отомстить обществу за то зло, которое было им причинено. Попечители торгуют предметами, в которых нуждаются дети» и которые приобретаются на средства пожертвования богатых благодетелей, «лицемерных грешников, полагающих, что этим они искупят свою вину»³.

Критикуя благотворительные школы, просветитель считал необоснованными доводы их защитников в том, что школы способствуют распространению религиозности среди учеников и как следствие этого совершенствованию их моральных качеств. Мандевиль отмечал: «Многие утверждают, что дети, которые познают начала религии и

¹ Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 252.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 283, 252.

умеют прочесть слово божие, имеют больше возможностей улучшить свою добродетельность и нравственность. На самом деле, что касается религии, то менее всего ею обладают просвещенные и образованные люди; невежество — мать веры, и мы нигде не найдем больше невинности, чем среди самых неграмотных, глупых сельских жителей. Среди образованных же мы обнаружим только гордость и высокомерие, возникающие от осознания ими собственного превосходства»¹. Просветитель полагал, что проповеди, посещение церкви могут вполне заменить благотворительные школы в деле воспитания религиозности детей бедняков.

Мандевиль в своих работах неоднократно поддерживал идею секуляризации образования, отделения школы от церкви. Просветитель понимал, какую большую роль играют священники в деле организации благотворительных школ, всячески стараясь выступить в их поддержку. По его мнению, преподавать в благотворительные школы приходят либо священники, которые имеют для этого собственные личные интересы, превозносят создание этих школ как благочестивый замысел попечителей, благое дело и склоняют общественное мнение к поддержке школ, либо лицемерные грешники, полагавшие, что своим поступком они искупят свою вину. Просветитель писал: «Если бы церковь согласилась снять маску, то что бы она не утверждала, мы вскоре обнаружили бы, что создавая школы для бедных детей, она имеет целью» не заботу об усилении их религиозности и нравственности, а «укрепление своих собственных политических позиций», и что под воспитанием детей в духе религиозных принципов ярые сторонники церкви подразумевают внушение им величайшего почтения к священникам англиканской церкви, а также «сильного отвращения и вечной враждебности в отношении всех, кто не согласен с ними»². Чтобы убедиться в этом, по мнению Мандевиля, достаточно было бы, с одной стороны, принять во внимание, какими духовными лицами более всего восхищаются за их проповеди, произносимые с благотворительными целями, а с другой — посмотреть на многочисленные бунты и драки между сторонниками различных религиозных группировок, в которых самыми нахальными зачинщиками выступали учащиеся самой знаменитой благотворительной школы в городе — школы, в которой преподают самые красноречивые священники.

По мнению просветителя, благотворительные школы также не в состоянии привить своим воспитанникам хорошие манеры, о чем неоднократно заявляли защитники этих учебных заведений. Мандевиль полагал, что единственное, чему можно научить воспитан-

¹ Там же. С. 243.

² Там же. С. 278.

ников в благотворительных школах, это снимать шапку перед всеми без разбора. «Я не могу себе представить, чтобы они приобрели там еще какие-нибудь хорошие манеры, кроме этой», — отмечал он¹. Учитель, по его мнению, не подходит на роль воспитателя хороших манер и, даже если бы он мог учить их вежливости, он не имел бы на это времени: когда дети в школе, они либо учат, либо отвечают ему урок, занимаются арифметикой или письмом, а когда уроки закончены, они также бегают в поле, как и другие их сверстники. На них оказывают влияние их родители и те, кто с ними постоянно общается. А родители детей, обучающихся в благотворительных школах, как правило, опустившиеся пьяницы, которые не в состоянии дать детям достойное образование, и предпочитают всю заботу о них перепоручить попечителям, отдать их в школы, где им выдадут бесплатную одежду и накормят. У безнравственных родителей, отмечал просветитель, не будет вежливого, воспитанного отпрыска. Кто настолько своенравен, что на него не действуют ни слова, ни побои, того не исправит никакая школа для бедных. Среди учеников школ есть много плохих ребят, которые также ругаются и сквернословят, как и их никогда не учившиеся сверстники. Таким образом, как видно, просветитель очень низко оценивал роль благотворительных школ в деле воспитания подрастающего поколения. По мнению Мандевилья, вообще нет смысла в том, чтобы обучать бедных хорошим манерам, бедные должны обучаться ремеслу, чему не учат на должном уровне в благотворительных школах. Просветитель полагал, что обладание хорошими манерами — это качество, наименее необходимое для трудящихся бедняков. «Мы ждем от них не комплиментов, а работы и усердия», — заявлял он².

Мандевиль говорил также о низком образовательном уровне благотворительных школ, поскольку учителя в них назначаются попечителем, полностью зависят от него и избираются из числа не наиболее достойных, знающих свой предмет, а из числа тех, кто сумел больше понравиться попечителю, польстить его самолюбию, готов выполнить любую его волю. По сути дела, Мандевиль считал благотворительные школы абсолютно бесполезным образовательным и воспитательным учреждением.

Выступая против благотворительных школ для бедных, Мандевиль полагал, что эти школы наносят большой вред обществу, поскольку отучают бедняков от тяжелого физического труда, а это в свою очередь ведет к экономическому кризису, к падению материального благосостояния всего государства. Просветитель утверждал: «Поскольку

¹ Там же. С. 244.

² Там же. С. 243.

хлеб, который мы едим, мы должны добывать в поте лица своего, много труда нужно приложить, прежде чем общество сможет само себя обеспечить»¹. Общество не может долго существовать, если в нем не будет большого количества людей, приученных с детства к тяжелому труду, готовых как морально, так и физически выполнять тяжелую и грязную физическую работу. «Однако это обстоятельство было бы непреодолимой трудностью для взрослых людей, которым еще нет тридцати, и которые за годы несовершеннолетия не привыкли работать, поскольку все эти годы провели за партой»². Немногие дети бедняков добиваются успеха в школе, вместо этого они могли бы заняться каким-нибудь общественно полезным делом. Каждый час, который они проводят за книгой, Мандевиль называл «бессмысленной тратой времени»³. Посещение школы, по мнению просветителя, является «бездельем по сравнению с работой. И чем дольше подростки ведут такой легкий образ жизни, тем менее они будут приспособлены к физическому труду, как в смысле грубой силы, так и в смысле склонности к нему, когда вырастут»⁴. Чем скорее люди, которые должны до конца дней своих вести тяжелую, утомительную и изнуряющую, полную трудов жизнь, начнут ее, тем с большим терпением они впоследствии навсегда с ней примирятся.

Мандевиль полагал, что благосостояние и счастье каждого государства требуют, чтобы знания трудящихся бедняков ограничивались кругом их занятий и не выходили за пределы того, что относится к их работе. Чем больше люди знают о вещах, чуждых их труду, тем меньше у них желания заниматься им. Просветитель понимал, что те, кто значительную часть своей юности тратит на то, чтобы научиться читать, писать и считать, ожидают получить такую работу, где эти знания могут им пригодиться, смотрят на физический труд с презрением. Обучение бедняков приведет к тому, что никто из них не захочет обрабатывать поля, работать на фабриках и заводах, считая эти занятия для себя недостойными, что, в свою очередь, приведет к ухудшению экономического благосостояния государства в целом. По мнению Мандевилля, обучаться чтению, письму должны те, кому это необходимо — дети обеспеченных слоев населения — будущие юристы, врачи и представители других творческих профессий.

Критике Мандевилля подверглось плохое обучение детей бедняков ремеслу в благотворительных школах. Как отмечал просветитель, «попечители школ для бедных детей думают не столько о том, какое

¹ Там же. С. 258.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

занятие лучше подойдет для их воспитанников, сколько о том, кого из ремесленников они могут найти, кто бы согласился взять мальчиков на обучение за как можно меньшую плату»¹. Приглашаются на работу в школу в этом случае не наиболее опытные мастера, требующие за свой труд большую плату, а неквалифицированные, готовые работать за любое вознаграждение, зачастую пьющие рабочие. Из благотворительных школ практически не выпускаются грамотные специалисты в тех отраслях производства, в которых имеется необходимость в рабочей силе. В результате выпускники этих школ не могут найти работу, спиваются, в стране растет преступность. В то же время наблюдается острая нехватка квалифицированных кадров в отраслях, жизненно важных для экономики государства.

По мнению Мандевиля, не благотворительные школы, а семья должна решать вопрос о том, куда и какому ремеслу отдать учиться ребенка. Люди, имеющие детей, должны заранее обдумать какой профессии их обучить, прежде чем окончательно определить их судьбу. При этом им следует принять во внимание собственное материальное положение и выбрать учебное заведение, исходя из того, смогут ли они заплатить за обучение (обучение рабочим профессиям просветитель предлагал сделать бесплатным в специально создаваемых для этого ремесленных школах). Кроме того, они должны исходить из того, есть ли спрос на данную профессию, и будет ли выгодным заниматься ею впоследствии для их детей, будет ли она приносить им стабильный доход. Просветитель понимал, что если будет какое-то занятие, где в то время нанимают людей более охотно, чем в любой другой профессии, тотчас же найдется десяток отцов, готовых отдать туда своих сыновей. Поэтому большая часть гильдий и цехов более всего заботится о регулировании числа учеников в ремесленных школах, создаваемых при этих цехах и берет их на обучение тем специальностям, в которых наблюдается дефицит с тем, чтобы практически все выпускники этих школ впоследствии смогли найти работу и приносить пользу государству. В благотворительных же школах, по мнению Мандевиля, процесс обучения детей бедняков осуществляется бесконтрольно, их обучают не так, и не тому, чему надо обучать.

В критике благотворительных школ проявилась социальная составляющая взглядов Мандевиля. В то же время положительной чертой его концепции можно считать его предложение предоставить возможность «любому учиться в светских университетах»². Как видно, просветитель выступал за внесловное обучение, и за предоставление возможности доступа к высшему образованию представителей

¹ Там же. С. 271.

² Там же. С. 287.

буржуазии. На наш взгляд, заслуга Мандевиля заключалась также в том, что он ратовал за светский характер образования.

Говоря о системе высшего образования, Мандевиль предлагал увеличить число профессоров медицины. Являясь врачом, просветитель придавал большое значение развитию медицинского образования. В каждой отрасли медицины, по мнению просветителя, «нужно иметь двух или трех профессоров, которые стремились бы к тому, чтобы передать свои умения и знания другим, занимались бы преподавательской деятельностью»¹. Тревогу Мандевиля вызывали такие пробелы в организации медицинского образования Англии, как нехватка ученых-специалистов в области фармации. Просветитель справедливо полагал, что знание фармации и лекарственных трав, также необходимо для студентов-медиков, как и знание анатомии и истории болезней. Но из-за того, что этому не обучают в должной мере в университетах из-за нехватки профессоров-специалистов в этой отрасли медицины, то начинающие врачи, только что получившие диплом и не имеющие опыта, вынуждены обращаться за консультацией по сбору лекарственных средств к знахарям и другим людям, не имеющим медицинского образования. Мандевиль считал подобное положение вещей чрезвычайно опасным, т. к. речь в данном случае шла о жизни больного, и неправильное лечение могло привести к его летальному исходу.

Для привлечения ученых медиков к преподавательской деятельности Мандевиль предлагал материальное стимулирование их труда. Просветитель полагал, что профессора медицины должны получать достойное вознаграждение за свой труд. «Если кто-либо отличится в какой-либо отрасли медицины, его следует оставить при университете и предпринять все усилия для того, чтобы он мог плодотворно заниматься научной и преподавательской деятельностью и при этом нисколько не нуждался материально»². Таким образом, Мандевиль придавал большое значение привлечению молодых талантов — специалистов в области медицины в университеты, воспитанию новых кадров.

Просветитель останавливался также на вопросе о религиозном образовании в университетах. Мандевиль придавал большое значение религиозному образованию, поскольку считал, что наличие в стране большого количества образованных священников, обладающих ораторским искусством, необходимо в деле управления государством. Напомним, господствующей церковью в то время была англиканская церковь, главой которой являлся король. Преподавать в университетах

¹ Там же. С. 264.

² Там же. С. 265.

и вести религиозные проповеди могли только англиканцы, поддерживавшие государственную власть. МанDEVиль понимал, какое влияние имела церковь на умы непросвещенного народа, и потому придавал большое значение церковной пропаганде в виде проповедей о божественном характере и неприкосновенности государственной власти для внушения народу почтительности по отношению к монарху, парламенту и правительству. Для привлечения молодежи на теологический факультет просветитель предлагал сделать обучение на нем бесплатным. «От уплаты за обучение я бы освободил всех студентов, которые впоследствии будут проповедовать Евангелие», — утверждал просветитель¹. В то же время МанDEVиль был против того, чтобы увеличивать количество профессоров — преподавателей теологии, поскольку, по его мнению, их и так было много. Он опасался чрезмерного усиления влияния церкви, выхода ее из-под контроля государства и превращения в самостоятельную политическую силу. С этой целью МанDEVиль выступал за необходимость для руководства университетов периодически просматривать конспекты преподавателей теологии, а также присутствовать на их лекциях.

Не мог обойти своим вниманием МанDEVиль обучение языкам, литературе и искусству. Просветитель понимал, что ни один человек не сможет быть по-настоящему культурным, всесторонне образованным без знания изящных искусств. Все свободные искусства и все виды литературы, по его мнению, должны поощряться. Просветитель считал, что в каждом графстве должна быть одна или несколько больших школ по изучению латинского и греческого языка, построенных за счет общества, которые делились бы на шесть и более классов, в каждом из которых должен быть свой учитель. «Вся школа должна находиться под наблюдением и присмотром ученых, облеченных властью, которые были бы не просто номинальными попечителями, ничего не смыслящими в науке, как лавочники в благотворительных школах, но и фактически брали бы на себя труд, по крайней мере, два раза в год заслушивать каждый класс, тщательно экзаменуемый его учителем, а не удовлетворяясь бы тем, чтобы судить об успехах учеников на основании сочинений на заданную тему и других упражнений, выполненных в их отсутствие, как это делается в благотворительных школах»². Такой контроль, по мнению МанDEVиля, приводил к повышению качества образования в этих школах. Очевидно, приводя в пример школы, в которых должны учиться дети богатых родителей, готовящиеся к поступлению в университеты, просветитель противопоставлял их благотворительным школам.

¹ Там же.

² Там же. С. 267.

Выступая за обучение состоятельных слоев общества языкам, литературе и искусству, Мандевиль считал бесполезным преподавание данных предметов в благотворительных школах для бедных. Просветитель писал: «Совершенное знание латыни абсолютно необходимо всем тем, кто обучается каким-либо ученым профессиям, и я бы хотел, чтобы всякий, называющий себя джентльменом, знал литературу; даже те, кто собирается стать адвокатом, хирургом, аптекарем, должны знать латынь гораздо лучше, чем они ее обычно знают; но для молодых людей, которые впоследствии должны добывать себе средства к жизни при помощи тех профессий и занятий, где латынь не требуется, она бесполезна, а изучение ее — бессмысленная трата времени и денег, которые для этой цели выделяются. Когда эти люди оканчивают школы, они либо вскоре забывают латынь, либо претендуют на ее знание. В этом случае, если они не являются достаточно скромными, неусвоенные обрывки из латыни, которые они помнят, делают их посмешищем в глазах тех, кто ее понимает»¹. Мандевиль был невысокого мнения об уровне преподавании латыни в благотворительных школах, да, и вообще являлся противником преподавания латыни беднякам.

Судя по высказываниям просветителя, образовательная концепция Мандевилья отличалась социальной ограниченностью. По его мнению, обучаться могли только те, «чьи родители заплатят, исключая обучение на теологическом факультете»². Просветитель полагал, что только «буржуазия должна получить доступ к высшему образованию, и специально для нее необходимо увеличить вдвое профессоров права»³. Наличие в стране широкого круга буржуазии, знающей законы, является гарантией того, что права и свободы этого социального слоя будут соблюдаться государством неукоснительно. Кроме того, представители буржуазии смогут принять участие в составлении законов, отвечающих их интересам, направленных на достижение блага буржуазного общества, заключал просветитель. Даже чтению и письму просветитель предлагал учить за плату. «Ничему нельзя учить даром. С ученостью дело обстоит не так, как с дарами святого духа, которые нельзя купить за деньги, и, если верить пословице, купленный ум нисколько не хуже природного», — утверждал просветитель⁴.

Социальная ограниченность образовательной программы Мандевилья проявлялась также в том, что, выступая за ликвидацию благотворительных школ, просветитель не предложил создания других

¹ Там же. С. 268.

² Там же. С. 288.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 269.

бесплатных государственных школ для бедных, в которых бы их обучали чтению и письму. Справедливо отмечая, что «мало опытных мастеров согласится учить их, так как боятся иметь неудобства с нуждающимися родителями бедняков; попечители отдают их пьяницам за меньшую плату, которые не заботятся, что произойдет с учениками», Мандевиль, в то же время, ничего не предлагал взамен¹. Он прямо говорил, что «надо ограничить бедных обучению их собственных занятий, воспитывать в невежестве, приучить к трудностям»². С долей цинизма просветитель заявлял, что необразованный, неграмотный крестьянин «более счастлив — сохраняет спокойствие, безмятежность души — образование только вносит сомнение»³.

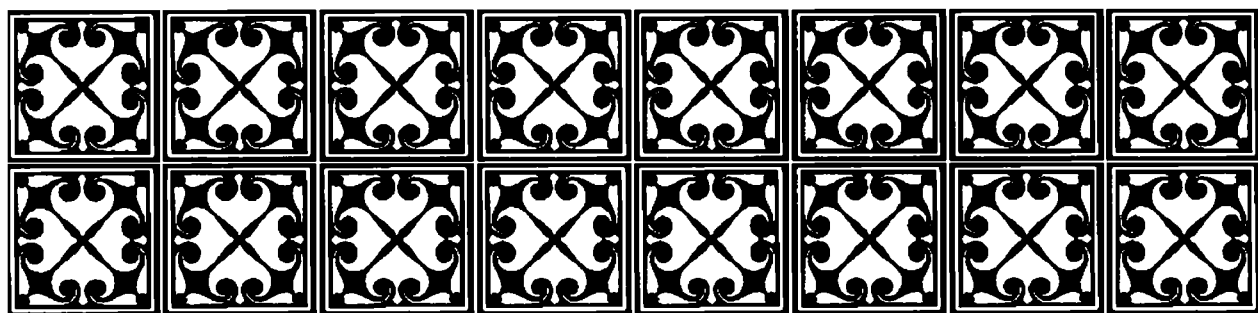
Таким образом, можно утверждать, что Мандевиль выступал за расширение возможности получения образования исключительно для представителей буржуазии, только для тех, кто может заплатить за свое обучение. Однако следует признать, что принцип внесословности, предложенный им, предоставляющий возможность для всех сословий получить образование, отличался прогрессивным характером.

В заключение следует заметить, что английские просветители, уделяя большое внимание праву людей на получение образования, считали необходимым расширение образования, выступали за его демократизацию, т. к. только при условии наличия в обществе большого количества грамотных людей, обладающих гражданским самосознанием, возможно было осуществить построение правового государства. Однако при этом они распространяли такое право исключительно на имущие слои.

¹ Там же. С. 248.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 283.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перед нами прошла одна из наиболее ярких страниц истории мировой цивилизации. Мы рассмотрели, как происходил процесс возникновения и развития просветительского движения на его родине, в Англии, основное внимание уделив наименее изученной в отечественной и зарубежной исторической науке теме: общественно-политической и педагогической мысли Просвещения в XVIII веке. Авторы полагали, что знакомство с деятельностью и взглядами видных деятелей мировой культуры (Свифта, Дефо, Локка, Болингброка, Стиля, Аддисона, Юма, Годвина, Честерфилда, Пристли, Фергюсона и других) позволит комплексно решить поставленную проблему. Этой же цели служило введение в научный оборот неизвестных прежде отечественной науке исторических материалов, и прежде всего памфлетов и политических трактатов просветителей. Не претендуя на полноту изученности избранной темы, смеем надеяться, что наша работа в определенной мере восполнит существующий в исторической науке пробел и в чем-то окажет помощь исследователям идеологии европейского Просвещения. Надеемся также, что современный читатель сможет извлечь немало полезного и поучительного для себя из тех рассуждений и рекомендаций, с которыми великие мыслители обращались к своим соотечественникам.

Идеологическая платформа Просвещения, как выяснилось, включала в себя теории «общественного договора», «разделения и равновесия» контролирующих друг друга ветвей власти, «сопротивления тирании», а также защиты частной собственности и гражданских свобод слова, собраний, совести. Некоторые из этих теорий вели происхождение со времен Английской революции середины XVII века и получили в трудах просветителей свое дальнейшее развитие. Важное место в концепции просветителей занимала теория о партиях и партийной оппозиции. Принцип «партийной оппозиции» и теория «двухпартийного правления», впервые разработанные просветителями Англии, легли в основу конституционного устройства многих современных государств, отличающихся демократическим

характером. Важное место в трудах просветителей уделялось гражданским свободам. Право владения частной собственностью провозглашалось неотъемлемым правом каждого свободного человека, которое объявлялось священным. Предусматривалось, что закон стоит на страже личностных свобод и защищает прежде всего собственность и собственника. В интересах имущих слоев общества принимались также законы, преследовавшие своей целью защиту свободы слова и совести, в поддержку которых так ратовали просветители.

Неоднократно мы убеждались, что на идеологическую платформу просветителей существенное влияние оказывала их социальная ограниченность. При всей своей исключительной одаренности просветители были не в состоянии выйти за пределы, которые им ставила эпоха. Насколько актуально в этой связи звучат слова Ф. Энгельса, утверждавшего, что «вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции... равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность»¹. Вместе с тем, идеи англичан получили широкое распространение не только у них на родине, но и далеко за ее пределами. Прогрессивная буржуазия Америки и Франции в борьбе с феодализмом подняла на свое знамя те же лозунги свободы, мира и благоденствия, которые впервые провозгласили английские просветители.

Как выяснилось, не все идеи, высказанные просветителями Англии в XVIII веке, оказались утратившими свою ценность сегодня. По-прежнему важными представляются их гуманистические идеалы. Вера в человека, в непобедимую силу его разума, требование распространения знаний, образованности и культуры граждан, стремление к формированию у них высоких моральных качеств, а также социальная критика всевозможных негативных явлений буржуазной действительности (коррупция, злоупотребление служебным положением, некомпетентность должностных лиц, несовершенство избирательной системы и др.) остаются актуальными для большинства жителей Планеты. Многие проекты, предложенные просветителями (учреждение государственного банка, устройство систем социального страхования и пенсионного обеспечения, основание образовательных учреждений, предоставление женщинам равных прав на образование и т. д.) вскоре были реализованы как в Англии, так и во многих других странах. Оказались приемлемыми для последующих поколений европейских политиков и принципы, на которых просветители советовали строить внешнюю политику государства. Требование добиваться поддержания «равновесия сил» в Европе, а также предоставлять право нациям на

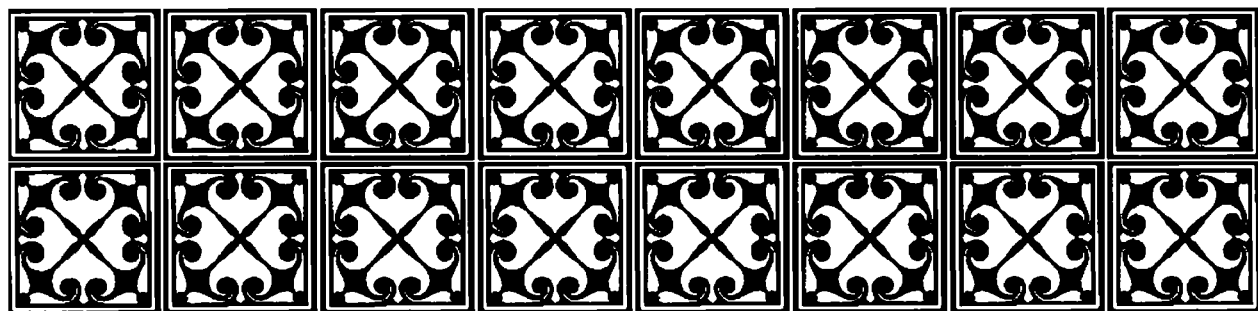
¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 17.

самоопределение, проект создания Лиги наций, предложенные просветителями, сделались актуальными для сторонников мирного сосуществования государств в XX–XXI вв. Утверждения просветителей о том, что противоречия в социальном и политическом устройстве государств не могут служить препятствием в деле достижения мира на земле, и сегодня востребованы, как некогда.

Реальным и конкретным содержанием наполнена программа просветителей о воспитании и образовании подрастающего поколения. Многие ее положения отвечают современным требованиям дидактической науки. Просветители задавались целью воспитать в молодых людях гармонически развитую личность, отличающуюся высокими моральными качествами, наделенную честностью, доброжелательностью, трудолюбием, чувством справедливости и человеколюбием. Важное значение просветители придавали также образованию подрастающего поколения, стремясь не только обучить самым различным наукам молодых людей, но прежде всего пробудить в них интерес к учению. В процессе формирования будущего поколения достойных сограждан просветители полагали необходимым привить основные навыки производственной деятельности. Сочетание умственного и физического труда, обучение различным ремеслам составляли одно из обязательных условий в образовательном процессе подрастающего поколения. Хотя воспитательно-образовательная программа просветителей отличалась социальной ограниченностью и была ориентирована главным образом на детей из имущих слоев, тем не менее, ее основные положения оказались универсальными и в большей мере пригодными для реализации на практике в современном обществе. Как видно, идеи гуманизма не знают временных и территориальных границ.

Идейное наследие английских просветителей оказалось востребованным во многих странах Европы и Америки. И сегодня, спустя столетия, которые отделяют нас от того времени, когда жили и творили свои бессмертные произведения великие сыны Англии — просветители, мы также осуждаем то, что когда-то подвергали острой критики они: коррупцию, тиранию, несправедливые войны, угнетение личности и подавление свобод. Так гуманистические идеалы просветителей на многие века пережили своих создателей. И остается только сожалеть, что просветительские мечты об обществе благоденствия свелись к таковому лишь для избранной «касты» — власть предержащих и их приспешников. Созданные просветителями теории в своей совокупности оформились в своеобразную модель либеральной демократии, которая спустя три столетия продолжает существовать не только в Великобритании, но и других странах Запада. Подобная форма правления поначалу, в первые годы перестройки в СССР, представлялась привлекательной также для многих наших

сограждан. Но прошли десятилетия, и выяснилось, что подобная модель не только разочаровала россиян, но переживает свой упадок в тех странах, где прежде процветала не одно столетие. Как оказалось, удобной, наилучшей данная форма правления является лишь для избранных, представителей власти предержащих, для имущих слоев. Большинство же граждан вынуждено в полной мере испытать на себе все «прелести» капиталистического «рая»: безработицу, бесправие, коррупцию во всех эшелонах власти, нужду и отчаянье. Как видно, либеральная модель демократии в современном мире уже изжила себя. Что грядет ей на смену? По-видимому, настала пора искать иные формы правления.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Часть I. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ	12
Глава 1. Англия в эпоху раннего Просвещения	12
Глава 2. Теории государственного устройства в трудах просветителей ..	31
Общественный договор	31
Монархия или республика?	40
«Разделение властей» и «равновесие сил»	45
Политические партии и двухпартийная система	62
Глава 3. Теория «сопротивления» — право на революцию?	72
Глава 4. Демократические свободы	87
Свобода слова	90
Свобода совести	99
Глава 5. Гуманистические идеи Просвещения	113
Социальная критика просветителей	114
Идеальное общество — реальность или утопия?	136
Государственное устройство	137
Социально-экономические реформы	143
Внешняя политика («Лига наций» и «равновесие сил» в Европе) ...	153
Глава 6. Педагогические взгляды просветителей	157
Джон Локк и его «Мысли о воспитании»	159
Проект военных академий Даниеля Дефо	167
Английские просветители о женском воспитании и образовании ...	169
Советы Джона Локка «маленькой госпоже»	175
«Болтун» и «Зритель» беседуют с дамами	178

«Женские академии» Даниеля Дефо	185
Джонатан Свифт в роли наставника и учителя юных дам	188
«Новогодний подарок для леди» маркиза Галифакса	200
Часть II. СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	209
<i>Глава 7. Просветители в период правления династии Ганноверов . . . . .</i>	<i>209</i>
Социально-экономическое и политическое устройство Англии в правление Ганноверов	209
Просветители Англии в правление Ганноверов	224
<i>Глава 8. Теории происхождения государства и общества в трудах просветителей новой эпохи. . . . .</i>	<i>241</i>
<i>Глава 9. Просветительская концепция правового государства . . . . .</i>	<i>251</i>
Право на жизнь и частную собственность	252
Право на сопротивление тирании	260
Избирательные права граждан.	265
Демократические свободы	270
Право наций на самоопределение	280
<i>Глава 10. Взгляды просветителей на образование . . . . .</i>	<i>288</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298

Т. Л. Лабутина

Д. В. Ильин

Английское Просвещение:
общественно-политическая и педагогическая мысль

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*

Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел продаж*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 19. Печать офсетная.

Заказ №307